

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII ВЕК

СБОРНИК
17

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

Ответственный редактор:

А. М. ПАНЧЕНКО

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Р. Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ, П. Е. БУХАРКИН

XVIII век

Сборник 17

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Академии наук СССР*

Редактор издательства *И. И. Шефановская*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *У. В. Емельянова* и *Э. Г. Рабинович*

ИБ № 44546

Сдано в набор. 28.11.90. Подписано к печати 05.11.91. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 19. Усл. кр.-от. 19. Уч.-изд. л. 22,17. Тираж 1100. Тип. зак. № 929. Цена 3 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
С.-Петербургское отделение.
199034, Санкт-Петербург, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука».
199034, С.-Петербург, В-34, 9 линия, 12.

Серия основана в 1935 г.

4603020000-674
В ————— 699-90(II)
042(02)-91

© Коллектив авторов, 1991

А. М. ПАНЧЕНКО

ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА И КУЛЬТУРА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Оценивая двухсотлетний синодальный период истории русской церкви, ни один мало-мальски заметный автор, от нигилистов до православных богословов, не нашел для него добрых слов. Эти два века характеризуют как своего рода египетское пленение — при том, разумеется, что под «Египтом» понимают монарха, государство, петербургскую империю. Типичным для рассуждений о синодальном периоде можно считать инвективу о. Георгия Флоровского: «В своем попечительном вдохновении „полицейское государство“ неизбежно оборачивается против Церкви. Государство не только ее опекает. Государство берет от Церкви, отбирает на себя <...> ее собственные задачи. Берет на себя безраздельную заботу о религиозном и духовном благополучении народа. И если затем доверяет или поручает эту заботу снова духовному чину, то уже в порядке и по титулу государственной делегации («*visagio nominis*»), и только в пределах этой делегации и поручения Церкви отводится в системе народно-государственной жизни свое место, но только в меру и по мотиву государственной полезности и нужды. Не столько ценится и учитывается истина, сколько годность, — пригодность для политико-технических задач и целей. Поэтому само государство определяет объем и пределы обязательного и допустимого даже в вероучении».¹

Коль скоро петербургское бытие церкви воспринимается в качестве упадка и беды, в качестве насилия над нею, то неизбежно возникает проблема вины, неизбежно начинаются поиски виновников. По естественной приверженности к единодержавной психологии, вина персонифируется, а число виновников сводится к минимуму, в данном случае к единице: обвиняемым оказывается Петр I (иногда в компании с Феофаном Прокоповичем).² В послед-

¹ Флоровский Г. Пути русского богословия. 3-е изд. Париж, 1983. С. 83—84.

² Силошь враждебны к нему (исключение — автор этих строк) советские и зарубежные специалисты, выступившие в декабрьской (за 1988 г.) книжке

нее время Петр стал объектом хулы и поношения и «слева», и «справа». Одни бранят его за то, что он не поверял свою политику нормами христианской нравственности, другие порицают за национальное отступничество.

Что сказать по этому поводу? Всякий власть имущий, тем более самодержец, независимо от личных своих качеств заведомо виновен, если мерить его поступки Десятословием, не говоря уже о Нагорной проповеди. Это, конечно, прискорбно, но так уж устроено человечество. Нынешние нападки на Петра объясняются, по-видимому, современным общественным умонастроением: сейчас скорбят о побежденных — и судят победителей, среди которых Петру в общен историческом плане бесспорно принадлежит первое место. Ясно, что это инстинктивное умонастроение взбунтовавшегося раба. Он хоть и взбунтовался, а все раб. . . Ясно, что такие устремления имеют мало общего с исторической истиной.

В пору, когда христианство из религии оппозиционной стало религией официальной, монархи понимали, что коллизия власти и нравственности — в природе вещей, что это всегдашнее и неразрешимое противоречие. «Император Константин был крещен на смертном одре в 337 году. Его сыновья также откладывали свое крещение, видимо опасаясь нарушить принимаемые со всей серьезностью заповеди христианства. Трудность совмещения императорской власти, основанной на насилии и военной мощи, с христианской верой осознавалась очень глубоко. . .»³

В удельный период великорусские великие князья особой рефлексии по этому поводу не обнаруживают. Им, правда, случалось «вступаться» в церковные дела. Вспомним, например, как враждебен был к митрополиту Киприану Дмитрию Донской (отчего канонизация последнего совершилась только в год тысячелетия крещения Руси). Но церковные дела — не то, что дела духовные; на них мирская власть все же не посягала. Великий князь в конце концов ощущал себя «рабом Божиим» и как лицо был равен (во Христе) всем своим единоверным подданным.

Положение стало решительно меняться, когда северо-восточная Русь превратилась в Московское государство, а великие князья — в царей (венчанных с 1547 г.). Появилось имперское сознание, породившее исторические и генеалогические выдумки, вроде мифа о том, как Константин Мономах наделил «дарами царскими» своего русского внука («и от того времени князь великий Владимир Всеволодич наречется Манамах, царь великия Русия»),⁴ или о происхождении дома Калиты от Августа. Византийская по происхождению идея, согласно которой Бог — это «царь небес-

издающегося в Париже экуменического журнала «Символ» — книжке, посвященной судьбам русского православия.

³ Мейендорф Иоанн, протоиерей. Введение в святоотеческое богословие. 2-е изд., испр. Нью-Йорк, 1989. С. 143.

⁴ Памятники литературы Древней Руси: Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 428.

ный», а царь — «земной Бог», была на русской почве переосмыслена и положена в основу модели царского поведения.⁵ Облики Бога, из которых состоит Троица, различны. Предпочтение было отдано грозному и наказующему Саваофу, Закону, который на земле воплощает государь. Что до Благодати, это архипастырская прерогатива: «И аще убо царю се прилично, иже биющему в ланиту обратити другую?.. Како же царство управити, аще сам без чести будет. Святителем же сие прилично».⁶

Слова царя — не притворство, о чем говорит хотя бы возведение на митрополию Филиппа Колычева. Если тиран заботится о своей пользе, зачем ему силой понуждать на кафедру человека нравственного, популярного, независимого — и потому крайне неудобного? Расчета здесь не было, была наивная уверенность в своей вероучительной правоте. Поэтому Иван искал в митрополиты «лучшего», а не потатчика, в самоослеплении не думая о том, что создает неизбежный конфликт царства и святительства, что ему предстоит унижить и потом убить св. Филиппа.

Опасность состояла в «рассечении» Троицы; это никогда и никому не сходило с рук и не приносило добра. Это грех гордыни, первый и главнейший из семи смертных грехов. От уподобления карающему Богу до уподобления князю тьмы — один шаг.

Как общество восприняло такую концепцию царской власти? Это чрезвычайно важная проблема, в особенности если учесть, что в XVI в. население Московской Руси жило в сфере религиозного сознания. Наряду с православными здесь пребывали инославные, мусульмане, язычники, появлялись ереси (в сравнении с Западом малозаметные), но не было атеистов. Русский атеизм ведет начало с эпохи Просвещения.

По-разному, но сплошь верующая страна согласилась с тем, что царская власть — от Бога. По-видимому, в данном случае проявилась конфессиональная мегаломания. Коль скоро Москва — третий и последний Рим, то московский царь — единственный православный, т. е. правоверный, истинный царь. Это убеждение как принцип не было поколеблено даже Смутой, когда Русь настрадалась от самозванных «цариков». Не зря же в 1612 г. Исаак Масса писал, что москвиты считают государя «почти земным богом».⁷

Другое дело, что русское общественное мнение не согласилось с тиранической доктриной Грозного. Пусть царь «богоподобен», но это вовсе не значит, что он может вести себя как Саваоф, который карает общее зло мира, не разбирая правых и виноватых, или как архистратиг Михаил, смертный ангел, который огненным трезубцем извлекает душу из тела. Нельзя «рассекать» Троицу и

⁵ См.: Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: Концепция первого монарха // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 54—78.

⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 24.

⁷ Цит. по: Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: Введение, тексты и комментарии. Иркутск, 1932. Т. 1: XIII—XVII вв. С. 252.

забывать о Христе. Эта мысль отчетливо проявляется в поведении преемника Грозного на троне. Известно, что царь Федор (богомольный, как и его отец) был кроток; лишенный властолюбия, он устранился от дворцовых интриг. Кротость эту можно объяснять по-разному — и «благоюродством», т. е. сознательной установкой, и скудоумием. Но обратимся к его кончине и погребению — и поймем, в чем тут дело.

В плаче царицы Ирины по усопшему мужу читаем: «Ныне же, государь, зрю < . . . > вместо царьския порфиры бедныя сия рубища приемыли и за венец свой царьский худым сим платом главу покрываеши».⁸ Читаем далее нынешний комментарий (не к тексту, а к ситуации): «Вскрытие гробницы показало, что покойника обрядили в скромный мирской кафтан, перепоясанный ремнем, и даже сосуд для миро (так! — А. II.) ему положили не по-царски простой». Из этого делается вывод, будто «Федор умер в полном небрежении < . . . > „Освятованный“ царь, прошедший жизнь в постах и молитве, не сподобился обряда пострижения. А между тем в роду Калиты предсмертное пострижение стало своего рода традицией со времени Василия III и Ивана IV. Но с Федором начали обращаться, как с брошенной куклой, еще до того, как он испустил дух».⁹ Весь этот комментарий — недоразумение.

Заблуждается тот, кто надеется найти в православных могилах золото, даже если эти могилы — царские. «Наго изыдоху на плачь сей, младенец сый, наго и отоиду паки. . .»¹⁰ Наивно также и странно думать, что православных людей хоронят как собак (даже одинокому бедняку полагался бесплатный гроб, о чем легко узнать хотя бы из пушкинского «Гробовщика»). Заподозрить в этом вдову и царского шурина Бориса Годунова может лишь человек другой эпохи, другого воспитания.

Тело царя Федора облачили в строгом соответствии с чином погребения мирянина: «рубище» — это саван из грубой ряднины, а «плат» — так называемый «главотяжец». Верно, однако, что Федор нарушил «царское обыкновение» и отказался от пострига. Почему?

И дед, и отец его, и потом шурин (в иночестве Боголеп) становились ипоками на смертном одре по той же причине, по которой равноапостольный Константин Великий при кончине крестился: чтобы облегчить себе «вход в царство небесное». Обойдясь без пострига, Федор как бы перешел в духовную оппозицию — прежде всего к отцу, ибо лишь он венчался на царство. Смысл оппозиции ясен. Федор тоже «богоподобен», но он подражает не Саваофу, а Христу. Федор не воюет, не казнит, выказывает кротость и любовь, умирает и погребается в «рабьем зраке», как простец. Во всем этом есть нарочитая забота о монаршей репутации. Иван

⁸ Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI—начало XVII века. М., 1987. С. 120—122.

⁹ Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978. С. 106.

¹⁰ Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 560.

Грозный сделал все возможное и невозможное, дабы ее подорвать: не зря же, наблюдая Москву при Федоре, умный англичанин Джильс Флетчер пророчил (и напроорочил) России гражданскую войну.

Для той эпохи самое высокое отличие — святость. Напомню, что ни один из московских царей к лику праведников причислен не был (хотя святых князей в нашем месяцеслове предостаточно). Нет никакого сомнения, что Федора собирались канонизовать. Цитата из вдовьего плача Ирины Годуновой — это цитата из «Жития благоверного и благородного и христорождивого государя царя и великого князя всея Руси», памятника, написанного «смирненным Иовом, патриархом Московским» (Ирина, конечно, голосила по мужу, как и пристало любой русской женщине, но ее голошение и этикетный плач, сочиненный Иовом, — вещи разные). Житие было первым шагом к задуманной канонизации. Она не осуществилась — потому, видимо, что просто не хватило времени. Миновало короткое и несчастливое царствование Бориса Годунова. Близкий к нему Иов остался верен и злополучному его сыну Федору Борисовичу, убитому сторонниками Лжедмитрия. В июне 1605 г. приверженцы самозванца «свели» Иова с патриаршества, схватив его во время богослужения и ограбив его палаты. На убогой телеге Иов был увезен в Старицу; там, ослепший, он умер спустя два года. В Смуту стране было не до «благожуродивого» Федора, не до его отца-тирана — вообще не до размышлений о монаршем богоподобии.

Тема «царь и архипастырь» настоятельно требует обсуждения обстоятельств, связанных с учреждением московского патриаршества. Первым патриархом суждено было стать Иову (посвящен в кремлевском Успенском соборе 25 января 1589 г.). Он сам в том же житии описывает, как это произошло.¹¹ Присмотримся к тексту Иова. По «преданиям святых апостол и заповедям святых отец» надлежит быть только четырем вселенским (экуменическим) патриархам: в Антиохии, в Иерусалиме, в Константинополе и в Александрии. «Пятому быти папе в Риме». Но римский папа давно отступил от благочестия. Следовательно, в патриаршей череде есть как бы незанятое место. Константинопольский патриарх Иеремия, приехавший в 1588 г. в Москву и потрясенный ее неколебимым православием, «поставляет в Велице Росии патриарха, <...> бывшего тогда митрополита Иова <...> нарицая его быти четвертому патриарху. В место же папино константинопольский патриарх оттуду начат нарицатися».

Эта литературная идиллия с реальностью не совпадает. На деле не обошлось без нажима и угроз. Боявшийся турок Иеремия сам был не прочь остаться в Москве и занять русский патриарший престол. С большой неохотой пошел он навстречу пожеланиям московских властей. Впрочем, ему ничего не оставалось делать.

¹¹ Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI—начало XVII века. С. 82 и след.

Он был не столько почетным гостем, сколько почетным узником. Иеремии со свитой разрешили выехать в Царьград только в конце мая 1589 г., после почти годичного житья в Москве (разумеется, Иеремия получил громадное «жалованье» деньгами, мягкой рухлядью и т. п.).

Самое любопытное, что решительных или хотя бы заметных перемен в положении русской поместной церкви после учреждения патриаршества не наступило. Формально она превратилась в автокефальную, независимую от Константинополя, но на деле эта независимость была достигнута еще в XV в., когда митрополит Иона был поставлен собором русских епископов. В таком случае, ради чего тратили силы и средства, ради чего обхаживали, запугивали и подкупали Иеремию? Не ради церкви и архипастыря, а ради царства и царя. Иов пишет, что «великого патриаршества сан» — это почетный дар, поднесенный Иеремией благоверному государю! Всё решали политические, имперские амбиции. «Третьему Риму», последнему православному царству неприлично обходиться без патриарха, и неприличие было устранено — при том, что преобладание монаршей власти над святительской нимало не поколебалось.

Соперничества между ними при первом царе из дома Романовых не было и быть не могло. Во-первых, во главе церкви волею судьбы оказался его отец, патриарх Филарет. Во-вторых, в разоренной, чудом сохранившей самое существование стране было не до диспутов о монаршем богоподобии. Впрочем, Романовы на него и не претендовали (отметим отказ — раз и навсегда — от предсмертного пострига). Конфликт обозначился только к середине XVII столетия, когда были изжиты и забыты бедствия Смуты, а престол занял царь Алексей Михайлович.

Этот конфликт обычно изображается как персональный, как столкновение двух независимых умов и сильных характеров — Никона и царя Алексея. На самом деле все гораздо сложнее. Конфликт начался раньше, еще до того, как юный государь сблизился с Никоном. Он был монах, а распри внутри церкви начали протопопы, возглавлявшие белое духовенство. Это был бунт против архиереев, и бунт, поддерживаемый дворцом, самим царем и его духовником Стефаном Вонифатьевым. Причины были не только в кризисе самой церкви, но и в распадении всей старинной системы духовной терапии, духовного руководства.

Дело в том, что древнерусского человека нельзя представлять себе только в качестве прихожанина. Наряду с этой функцией он выполнял и функцию духовного чада. Общеизвестно, что Русь состояла не только из семей кровных, но также из семей духовных: люди обоего пола, достигнув определенного возраста, выбирали себе духовника.¹² Но вот на что не обращалось внимания: институт духовного отцовства был вполне автономным институтом.

¹² См. об этом: *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 25 и след. Здесь же — и литература предмета.

Духовные отцы не подчинялись никому, включая митрополита, а с 1589 г. патриарха.

Между тем именно духовный отец (а не приходской священник) учил «втайне», т. е. с глазу на глаз, свое чадо уму-разуму, исповедовал его, в зависимости от прегрешений налагал соответствующую епитимью, допускал к причастию (таинство причащения, естественно, совершал на литургии священник). Иначе говоря, духовное руководство было распределено между институтом духовного отцовства и церковью. Церковь окормляла народ церковный, паству, стадо в целом; духовные отцы руководили каждым человеком в отдельности. Существовал даже особый жест, подчеркивающий важнейшую роль духовных отцов: во время исповеди чадо возлагало правую руку «на выю отца». Этот жест как раз и символизировал, что духовник «взваливает себе на шею» грехи сына или дочери. Жест символизировал полную нравственную ответственность. На тот свет надлежало являться духовной семьей в полном составе: «Се аз, господи, а се мои дети».

«Бунташный» XVII век, эпоха первых Романовых, — это век кризиса духовного отцовства. «Соправитель» Петра I, царь Иван Алексеевич (ум. в 1696 г.), — последний из русских монархов, у которого был постоянный и что-то для него значивший духовный отец. Младший же брат от постоянного духовника отказался. Старинный институт хирел и вымирал. Исповедником становился именно приходской поп.

Все это — не мелочи. Это решительные, структурные изменения в духовном устройстве русского общества, в процессе которых относительная духовная независимость русского человека была принесена в жертву — сначала церкви, потом государству. Раскол в большой мере есть тяга к утраченной независимости и тоска по ней. Недаром раскол, если можно так выразиться, начался задолго до раскола, лет за тридцать до пресловутой «памяти» патриарха Никона, которая была разослана по московским церквам в Великом посту 1653 г. и предписывала троеперстное крестное знамение. Имею в виду проповедь Капитона, Вавилы и др. Все они «погордевают» священством, реформируют обряд в аскетическом духе, устраивают тайные лесные Фиваиды, т. е. решительно противопоставляют себя церкви. Их безрадостную проповедь и практику самоуморения ни социальными, ни конфессиональными причинами не объяснить. Надлежит также иметь в виду те самоожжения, которые не вызывались прямым насилием, а были следствием эсхатологического отчаяния (пришли «последние времена», последнее православное царство выкуплено дьяволом). Напомню, наконец, о зародившихся практически одновременно с расколом мистических движениях, прежде всего о «христовщине», или — в уничижительной огласовке — «хлыстовщине». Если у нее и были западные, идущие от протестантского мистицизма импульсы, все же «христовщина» органична для русского церковного кризиса. Ее «корабли» возглавляются «лжехристомужами»: кто-то из них называл себя Христом, кто-то Саваофом (женщины — «богороди-

дами»). Они — посредники между Богом и простецами, заступившие место православного клира и духовников.

Всех этих религиозных вольнодумцев можно защищать или бранить, это зависит от убеждений наблюдателя. Но и «капитонам», и самосожженцам, и хлыстам, сочтем ли мы их подвижниками либо недалекими упрямами, нельзя отказать в искренности. Это оппозиция не ханжей, а верующих, и ставка в ней — свобода и жизнь. Общее у них — тотальное, прямо-таки манихейское отворачивание к тварному миру, стремление так или иначе распрощаться с ним, вплоть до самоубийственного прощания с собственной плотью.

Таков один психологический полюс. Другой представлен новым для России типом, типом религиозного индифферентиста. Почти год просидел на московском престоле человек, конфессиональная физиономия которого до сей поры остается загадкой. Православный монах-расстрига Лжедмитрий тайно принял католицизм, что установлено с полной достоверностью. Но, по всей вероятности, он переходил также в арианство, в радикальный евангелизм польских антитринитариев. Он учился в арианской школе в Гоше, в Москве его секретарем был арианин. Фактотум самозванца, князь И. А. Хворостинин, осужденный за неправославное поведение на заточение в монастырь при Филарете, тоже, судя по царской и патриаршей грамоте, исповедовал арианство. В заключении он составил компилятивный стихотворный трактат «Изложение на еретики-злохульники», в котором горячо ратовал за чистоту православия. Вряд ли кто-нибудь серьезно отнесся к сочинению ренегата.

Смена вероисповедания, прежде на Руси почти неслыханная, в канун Петровских реформ превращается в некое поветрие. Нам известны переходы в католицизм, в магометанство, в протестантизм. Самозванец Тимофей Акундинов, личность яркая и неприятная, проделал все эти метаморфозы. Но схожим образом поступают и люди вполне пристойные. Симеон Полоцкий, Стефан Яворский, Феофан Прокопович и другие выпускники Киевской коллегии на время учебы в иезуитских школах становятся униатами, а дома возвращаются в православие. Этот обычай красноречив: вера оказывается подчиненной знанию. Все эти индифферентисты — прямые предшественники русских деистов эпохи Просвещения.

Церковь теряла контроль над паствой. Ее реформа была не прихотью, не выдумкой одного или нескольких людей. Другое дело, что предлагались разные пути: изоляционизм (путь Аввакума, присяжного обличителя «внешней мудрости», т. е. секуляризованного знания), несколько подновленный «третий Рим»; экспансионистское движение к всеправославной теократической империи, «Новый Иерусалим» Никона с его грекофильской ориентацией; путь «латинствующих», которые, как и грекофилы, стремились сделать русскую церковь интеллигентной, стремились к приращению знания, но на латинской основе. У тех и других явственно проглядывает комплекс национальной и конфессиональной не-

полноценности. Он усиливается от десятилетия к десятилетию и достигает высшей точки к первому путешествию Петра за границу. По возвращении царь устраивает экстралегальный переворот, вплоть до перемены календаря. Переворот затрагивает и церковь. После смерти Адриана, совпавшей с этим переворотом, патриаршество как бы «приостанавливается», а местоблюстителем архипастырского престола назначается митрополит Стефан Яворский, некогда менявший веру для вящей пользы науки.

Петр преследует двоякую цель — это европеизация и секуляризация, притом оба слагаемых одинаково весомы. Поэтому он сохраняет и приумножает цивилизационные элементы в доставшемся ему наследстве (эпохенцию, поэзию, мажоро-минорную музыку, театр, регулярную школу). В тогдашней ситуации цивилизационная струя отождествлялась с церковностью, ибо профессиональная интеллигенция в абсолютном большинстве состояла из духовенства, черного или белого. Но это — церковная оппозиция, ученые «черкасы», присмирившие после репрессий рубежа 1680—1690-х гг. Петр превращает оппозиционный слой в правящий, усилив его за счет испомещения в Москве новых «черкас» (среди них были такие крупные фигуры, как св. Димитрий Ростовский). Царь полагает, что таким образом повысится интеллектуальный потенциал русской церкви, и в известном смысле царь прав.¹³

Приостанавливая патриаршество, Петр «приостанавливает» и русскую святость. Совершаются последние акты капонизации — юродивого Максима Московского (1698 г.), Ионы и Вассиана Пертомииских, которым, как полагали, царь обязан был спасением во время бури на Белом море. Акты конца столетия — века, после которой русской церкви придется прозябать без новых святых. За весь петербургский период (до восшествия на престол Николая II) национальный месяцеслов пополнится лишь пятью именами.

Разумеется, в данном случае за образец Петр брал лютеран и кальвинистов, которые признают Писание, но отвергают Предание, не почитают икон, мощей и т. п. Однако великороссы, гордившиеся своими подвижниками, в том числе и самым их множеством, с петровской реформацией примириться не могли — точнее, не могли расстаться с традицией. Следствие неприятия — отношение к Петру как антихристу, перенесенное потом и на его преемников на троне. Другое следствие гораздо важнее. Оно касается нового для русской культуры феномена, который можно назвать «светской святостью».

Это, конечно, сакрализация монарха.¹⁴ Это культ Петра — Первого, Великого, Отца Отечества, в меньшей степени Екате-

¹³ См.: Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. 2. С. 315—320.

¹⁴ Живов В. М., Успенский В. А. Царь и Бог: Семантические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 47—153.

рины II (тоже Великой, хотя официально поднесенный ей титул императрица не приняла), затем Александра I Благословенного, Александра II Освободителя, Александра III Миротворца. . . Всплеск «светской святости» приходится на царствование Николая I, когда восторжествовали изоляционизм, государственное, конфессиональное и национальное самодовольство, что выразилось в приснопамятной формуле «Самодержавие, Православие, Народность».

Из «богов», населяющих петербургский Олимп, в национальном сознании укоренился и уцелел только Петр. Попытки его свержения «общество» предпринимало неоднократно. Они начались уже в поколении княгини Е. Р. Дашковой — в том поколении, которое воздвигло Медный Всадник и с пиитическим восторгом превозносило Петра в одах. Затем дискредитация и апологетика в приблизительно равных долях становятся органической частью русской культуры. Петровскую тему можно было бы считать модой, если бы не ее «всегдашность», моде противопоказанная. Петр — оселок русской мысли, ее вечная проблема, касающаяся не только историософии, но и религии, не только национального пути, но также национального бытия. Соответственно оценка Петра и его детища, Петербурга, иррациональна. Аналитический аспект подчинен в ней мифологическому.¹⁵ Легко заметить, что интерес к Петру резко возрастает в кризисные эпохи. Это характерно для шестидесятников, затем для начала XX в., это характерно и для нашего времени, когда о Петре стали писать резко негативно — и «правые», и «левые». Психологически такой интерес понятен: суд над победителями (в их черед Петр бесспорно первенствует, он поистине Первый) всегда сопутствует интеллектуальному бунту, но это суд восставшего раба: он хоть и восстал, а все раб.

Идеи «светской святости», вполне естественные для секуляризованных верхов, постепенно проникают и в «прилежащие веревы» низы. Те и другие определяют и подвергают освидетельствованию претендентов на место на русском Олимпе, иногда соглашаясь друг с другом, иногда не соглашаясь. Таких претендентов было немало. Исключая пореволюционных «выдвиженцев», исключая «благословенных», «освободителей», «миротворцев», т. е. монархов, — это сплошь Поэты — Гоголь, Некрасов, Достоевский, Толстой. . . О том, что Поэты — одни успешнее, другие хуже — выдержали испытание, свидетельствует самое время. На них не распространяется срок давности, они признаны и остаются, несмотря на спорадические попытки ниспровержения, духовными наставниками нации. Их книги, подобно творениям святых отцов, не подвержены старению и сохраняют качество учительности спустя многие десятилетия. Это чисто русская ситуация. В Рах Романа ничего подобного нет. Ни католики, ни протестанты за ответом на житейские проблемы не обращаются к Гете, Бальзаку

¹⁵ См.: *Мамонов В. А. О значении архитектуры в восприятии Петербурга русскими писателями XIX в. // Анциферовские чтения. Л., 1989. С. 115—120.*

или Диккенсу, при всем почтении к ним. На Западе нет «светской святости», в России же ее основания заложил Петр (скорее всего, не предполагая таких последствий церковной своей реформы).

¹Глава Поэтов и глава «светских отцов» — Пушкин, относительно которого нация высказалась с поразительным единодушием. Симптоматично, что отрицание Пушкина тоже совпадает с кризисами, с недовольством государственным и общественным статусом. Крайний нигилист Д. И. Писарев, автор богопротивно-блестящих антипушкинских статей (слава Богу, что Пушкин был на том свете: Писарев с гораздо большим наслаждением попирает бы здравствующего), — символическая фигура. «Это был человек до болезненности впечатлительный. В юности он перешел через самый суровый аскетический искуc, чрез подлинный аскетический надрыв. Самым острым и подавляющим в эти годы было для него впечатление от гоголевской „Переписки“. И вставал уже этот типичный вопрос: *как же мне жить свято?* < . . . > Решали его в духе самого крайнего максимализма, нужно всецело и нераздельно отдаваться и предаваться *одному* < . . . > Напрасные слова и бесполезные разговоры отдаются сразу же безвыходными угрызениями совести. . . На такой психологической почве собирается юное „общество мыслящих людей“, этот характерный кружок Трескина, который сыграл такую решающую роль во всем душевном развитии Писарева. . . Собирался этот кружок „для благочестивых разговоров и взаимной нравственной поддержки“, — это скорее напоминает александровских мистиков и масонов, чем московские кружки Любомудров. Очень любопытно, что в числе основных задач было поставлено угашение половой страсти и влечения во всем человечестве. Пусть лучше человечество вымрет и жизнь остановится, чем жить в грехе. Впрочем, оставалась надежда, надежда на чудо. Вдруг люди станут бессмертными, „в награду за такое подвижничество человечества“, — „или будут рождаться каким-нибудь чудесным образом, помимо плотского греха“ < . . . > Весь „нигилизм“ Писарева был подготовлен именно таким мечтательно-моралистическим перенапряжением и надрывом».¹⁶

Писаревский нигилизм — та же религиозная крайность, что и его юношеский мистицизм, только с обратным знаком. Очевиден религиозный подтекст и в «развенчании» Пушкина. Это — попытка лишить его ореола «светской святости», принести в жертву идолам вульгарного материализма. Крайности сходятся, в данном случае — в необузданном максимализме и конфессиональной нетерпимости. Кстати, в пушкинской поэме культ Петра отчетливо религиозен. Он — «строитель чудотворный», бронзовый кумир; он Первый и в том смысле, что его предшественникам на троне монументов не воздвигали. В народно-православном сознании Медный Всадник — «образ», соотносимый с образами, с изображениями ликов Христа, небесных сил, угодников. Подобно чудотворной иконе, истукан «строителя чудотворного» может покидать свое

¹⁶ Флоровский Г. Указ. соч. С. 292—293.

место, скакать, угрожать и т. п. «Ужо тебе!» Евгения — богоборчество, угроза идолу. Для Пушкина культ Петра — это национальная драма, в которой есть и светлые, и темные стороны.

Действительно, отношения Петра с православной церковью драматичны. Он, конечно, был православным человеком: подобно отцу, знал на память богослужение, пел басом на клиросе, строил храмы (иногда по собственным чертежам), вытачивал церковную утварь. Даже «разрешить» себя от постов он самовольно не посмел, испросив на этот случай разрешение у патриарха иерусалимского. Однако православие царя — бытовое, лишенное не то что экзальтации, но обыкновенной религиозной теплоты.

Основной принцип, на котором базируются реформы Петра, — принцип полезности. Применительно к церкви он означал полное подчинение ее государству, отчуждение ее доходов и земельных владений. Прагматический интерес порождал не только дурное, он способствовал веротерпимости. Истина, согласно точке зрения Петра, не принадлежит исключительно православию; она в равных или разных долях «распределена» и в других конфессиях, по крайней мере христианских.

В этой связи можно вспомнить хотя бы о сочувствии Петра гугенотам. Здесь бесспорно сказалось влияние Франца Лефорта, кальвиниста и отпрыска семьи женевских патришей. Но Петр оставался на стороне побежденных, изгнанных гугенотов и в зрелые свои годы. Посетив в 1717 г. в Париже фаворитку и тайную супругу Людовика XIV госпожу де Ментенон, к тому времени третий год вдовевшую, Петр высказал о ней такое мнение: она «имеет великие заслуги у короля и государства, коему сделала весьма много добра, а напротив того никакого зла не причинила никому, кроме гугенотов, и то по простоте и суеверию».¹⁷

Впрочем, петровская толеранция имела специфический оттенок. Будучи вполне терпимым к инославным, т. е. к евангелистам и даже к католикам (эту терпимость в своих универсалах к русскому и украинскому населению Карл XII трактовал и обличал как вероотступничество, в чем Петру пришлось даже оправдываться), царь решительно воспретил переход из православия под страхом смертной казни. Старообрядчество терпелось, но принадлежность к нему была сопряжена с разорением (двойной подушный оклад) и унижением: старообрядцам было предписано носить особое «платье отверженных» (с клеенными желтыми воротниками).

Петр не ценил человека созерцательного и ценил человека деятельного, поэтому камнем преткновения были для царя монастыри и монашество. Показателен указ от 31 января 1724 г., в котором изложено весьма своеобразное «историческое исследование» этого явления. Согласно указу, Россия будто бы вообще непригодна для монашества. Древние иноки пребывали в Палестине, Египте «и прочих зело теплых местах, и овощи для пропитания натуральные кроме трудов человеческих довольно имущи, и тако

¹⁷ Голиков И. Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 5. С. 319.

кроме книг ниже одяние им было потребно, ниже хранины <...> однако ж и трудились своими руками...»¹⁸ Потом «произошли, было, монахи ленивые», попросту говоря бездельники. Византийские монахи, создававшие обители в городах, заклеены указом за ханжество. Ханжами объявлены и русские иноки. «А что говорят — молятся, то и все молятся <...> Что же прибыли обществу от сего? Воистинну токмо старая пословица: ни Богу, ни людям».¹⁹

Правда, Петр совсем упразднить монастыри не решился. «Нужда в монашестве есть <...> для архиерейства», — сказано в указе, хотя и оговорено с сожалением, что в первые три века христианства архиереи поставлялись не из монахов. Но возглавляющих церковь архиерам требуется немного, соответственно и построгов может быть всего несколько десятков. Однако что делать с иноками обоего пола, подвизающимися в почитаемых и богатых старинных обителях, издавна ставших местами паломничества? Петр хотел превратить их в богадельни для увечных и престарелых солдат или в рабочие дома («а женского пола обучать грамоте, тако ж следующих мастерств: пряжи, шитья, плетенья кружев, для чего надлежит выписать из Брабандии сирот, которые выучены в монастырях»).

Упоминание о Брабанте весьма важно. Здесь отразились впечатления Петра от посещения тамошних иезуитских монастырей в 1717 г. Он останавливался в них, осматривал библиотеки и церкви, «великолепием и украшением оных пленялся». Иезуитов Петр не любил, как их вообще не любила Россия на протяжении всей своей истории. Но царь отдавал им должное — и как педагогам, и как устроителям «полезных» обителей. Коль скоро от иезуитов могла воспоследовать очевидная польза, Петр, не задумываясь, собирался перенять их опыт (это — проявление той же терпимости к Западу и меньшей терпимости к России).

Есть еще одна причина, по которой Петр реформировал церковь, — ее нецивилизованность (с европоцентристской точки зрения). Реформа связана с устройством епархиальных и других школ. Именно церковь в глазах Петра была виновата в том, что за семь веков, протекших со времен св. Владимира, на Руси отсутствовало правильное образование. Духовное сословие Петр хотел превратить в ученое сословие.

Что из этого получилось? Нечто неестественное. Семинарское и академическое «латинство» никогда не стало в уровень с западным богословием, католическим либо протестантским. Духовные писатели петербургского периода оставили нам множество диссертаций, но мало трудов и мало мыслителей. Разрыв между наукой светской и наукой церковной всегда ощущался как разрыв иерархический.

Духовное сословие, которое было поставлено под жесткий контроль государства, которому в интересах этого государства

¹⁸ Там же. Ч. 9. С. 19.

¹⁹ Там же. С. 30—31.

было предписано нарушение тайны исповеди, замкнулось в себе. Оно не доверяло «обществу», и недоверие было взаимным. Если дворянство в XVIII—начале XIX в. испытывало тягу к духовному «деланию», оно шло в масонство, а не в православную церковь. Были, конечно, исключения (например, преподобный Игнатий Брянчанинов), но они лишь подтверждают правило. Церковь была пощажена для надзора за духовным здоровьем низших сословий — отсюда в ней инерция страха, конформизма, пассивности.

Но была и другая инерция — сосредоточение национальных сил на секуляризованной культуре, породившее русскую классику. Та «всемирная отзывчивость», которую прославил в Пушкине Достоевский, корнями своими уходит именно в Петровскую эпоху, именно в реформу церкви. Отделив (или отделив) церковь от «общества», Петр сблизил его с инославными и вообще иноверными культурами.

С. И. НИКОЛАЕВ

«ЗОИЛ В РОССИЙСКИХ ГРАДЕХ»

(От Симеона Полоцкого до А. Кантемира)

Зоил вошел в русский язык как «злой, желчный, завистливый критик»,¹ поэтому вполне естественно было бы рассматривать его образ в истории русской критики. Однако Зоил появляется в русской литературе в последней четверти XVII в., т. е. примерно за полстолетия до формирования самого предмета русской литературной критики,² поскольку отмечавшиеся предпосылки ее развития в предшествующую эпоху³ критикой литературной в собственном смысле все же не являются. Какую же роль играл Зоил, вернее его образ, вдруг появившийся в русской литературе, и прежде всего в поэзии?

В концепции творчества древнерусского автора критическое отношение было, собственно говоря, заранее исключено. Древнерусский автор, прикрываясь самоуничтожительными формулами,⁴ в конечном счете пытался внушить читателю, что он писатель «божьей милостью». ⁵ Тем самым снималась возможность какого-либо эстетического разбора и оценки. Вместе с тем естественным следствием почти декларативного отказа от авторства было обращение автора к читателям: если есть ошибка, то исправьте, но не кляните. И древнерусские книжники охотно, исходя из постулата о внеличностном, соборном характере творчества, поправляли и

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 690.

² См.: Кулешов В. И. История русской критики XVIII—начала XX в. М., 1984. Гл. 1.

³ См.: Берков П. Н. У истоков русской литературной критики: Предпосылки зарождения русской литературной критики // История русской критики. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 25—45.

⁴ См.: Некрасов И. С. Древнерусский литератор // Беседы в обществе любителей российской словесности. М., 1867. Вып. 1. Отд. 1, с. 39—50; Буланин Д. М. Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей // Рус. литература. 1980. № 3. С. 137—142.

⁵ См.: Панченко А. М. Некоторые эстетические постулаты в «Шестоднев» Иоанна Экзарха // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976. Т. 1. С. 35.

пополняли памятник, однако и здесь особенности индивидуального авторского стиля выражены крайне слабо.⁶

В XVII в. рост личностного начала сопровождается профессионализацией писательского труда.⁷ Формируются представления об авторской собственности. В предисловиях и послесловиях к своим сочинениям авторы начинают уже обороняться от возможных упреков. От кого защищаются писатели? Конечно, не от читателя, который из «благочестивого» постепенно превращается в «благорассудного» и затем «просвещенного». Они защищаются от Зоила.

Зоил появляется в русской поэзии на рубеже 1670—1680-х гг. Вероятно, впервые его упомянул Симеон Полоцкий в стихотворении «К гаждателю». Стихотворение было написано в 1678 г. и напечатано в «Псалтири рифмоторной» (1680).⁸ Автор обстоятельно растолковывает, что Зоил — «хульник стихов омирих», который «писанием си славу онаго терзаше». Далее Симеон отсылает к существующей литературной традиции:

Тем обычно ся в книгах Зоил нарицает,
Кто чужда писания без вины гаждает, —

и отмечает самое важное для нашей темы:

Мню аз, яко и ныне живет Зоил в чадах
Права хулы своея и в российских градах;
Не мню токмо, но и вем.

Затем Симеон предостерегает, увещевает и даже грозит Зоилу, считая напрасными все его попытки опорочить свой труд. Стихотворение Симеона Полоцкого не только фиксирует появление Зоила «в российских градах», но и дает парадигму отношения поэта к «хульнику» и «гаждателю». Но еще до появления в печати «Псалтири рифмоторной» Зоила поминает в 1679 г. Мардарий Хоников в предпосланном к стихотворным переводам из Библии Николая Пискатора обращении «К читателю»:

Обаче, читателю, изрещи дерзаю:
Не даждь Зоилу места, тебе умоляю.⁹

Безымянный провинциальный священник, автор сборника проповедей «Статир» (1684), предварил сборник прозаическим и двумя стихотворными предисловиями. В любопытнейшем прозаическом предисловии¹⁰ автор не просит читателя снисходительно

⁶ См.: Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 36—56.

⁷ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973. С. 144—146; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 161—166.

⁸ См.: Симеон Полоцкий. Избр. соч. М.; Л., 1953. С. 92—93.

⁹ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 180.

¹⁰ См.: Алексеев И. Т. «Статир»: (Описание анонимной рукописи XVII в.) // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 92—101; Успен-

исправить погрешности, наоборот: «Если будешь читать внимательно эту книгу, состроенную моим окаянством и нареченную невежеством моим „Статир“, и если в чем-нибудь усумнишься, то не дерзай тотчас вымарывать или исправлять. Молю тебя об этом, завещаю тебе и пред самым богом свидетельствую просьбу мою».¹¹ Правда, в «Стихах к доброму читателю, да и к завистливому хухнателью» автор сначала вполне в духе древнерусского книжника пишет:

Усердно главу мою поклоняю,
Погрешению исправы желаю, —

но тут же переходит в паступательный тон:

А несмысленному же не дерзати,
Но у разумных ему вопрошати.
Молю, не буди и на мя поноситель,
Ни скорозавистливый укоритель;
Да не будещи жуку ты подобен,
Иже ни на какую вещь не потребен,
Но токмо при вечере он летает
И скотинм гноем он себя питает.
Дотоль и жив он, доколе кал есть,
Егда сего не будет, — изгнбл весь.¹²

Хотя от рубежа 1670—1680-х гг. упоминаний о Зоиле сохранилось очень мало, некоторые его характерные черты просматриваются довольно отчетливо. Зоил в первую очередь не столько критик в нынешнем его понимании, сколько отъявленный ругатель, «гаждатель» и «хухнатель». Сетования авторов на «гаждателя» вполне резонны, поскольку труды их еще не увидели света. Автор «Статира» в «Стихах, в них же богу благодарение и на завистников дерзновение» говорит:

А они мене за то порицаху,
И сей труд мой, не издавши, хуляху.¹³

Ему вторит Симеон Полоцкий:

...еще труды
сия света не зреша, ни видюша в люди,
А уже хулители завистнии слово
лукавое имеша во устех готово.
Колми паче узревше потщатся хулити
труд сей, дабы хулою славу получитьи!¹⁴

ский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983. С. 116—118.

¹¹ Яхонтов И. Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». СПб., 1883. С. 13. — К сожалению, в этой публикации предисловие переведено на современный литературный язык.

¹² Там же. С. 23.

¹³ Там же. С. 21.

¹⁴ Симеон Полоцкий. Избр. соч. С. 92—93. — Эти же мысли развиты в предисловии к первому сборнику русских пословиц (1690-е гг.). См.: Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий / Собр. и пригот. к печати П. Симони. СПб., 1899. С. 71.

Скорее всего, эти заявления верны, во всяком случае относительно Симеона Полоцкого, его «Псалтири рифмотворной». Патриарх Иоаким в 1690 г. говорил о книгах, напечатанных в Верхней типографии: «Мы же прежде типикарского издания тех книг ниже прочитаем, ниже яко либо ведехом, но яже еже печатати отнюдь не токмо благословение, но ниже изволение наше бысть».¹⁵ Вряд ли Симеон Полоцкий знакомил грекофилов с рукописью своего переложения; попытки же исследователей усмотреть в «гаждателе» Евфимия Чудовского, скорее всего, навеяны позднейшими его выпадами против «Псалтири рифмотворной» в том же «Остне».¹⁶

Литературно-критических суждений XVII в. не сохранилось; возможно, конечно, что они просто не дошли до нас, однако обилие сохранившихся религиозно-полемических сочинений заставляет сомневаться в этом. Таким образом, выпады против «гаждателя» носят превентивный характер, это не столько защита от безосновательных нападок, сколько отстаивание своей позиции. Но если «гаждатель» не литературный критик, то кто же он? Ответ, вероятно, стоит искать не в истории критики, а в истории развития авторского самосознания, небывалый рост которого как раз приходится на вторую половину XVII в., когда в самой литературной культуре происходят принципиальные изменения. Одно из них заключается в том, что «в сферу литературной коммуникации был введен качественно новый объект — другой автор. В древней русской литературе литературная коммуникация подразумевала, как правило, одностороннюю связь — автор/читатель, куда мог входить, естественно, и другой автор. Теперь же в качестве второго участника литературной коммуникации выступал непосредственно другой автор, т. е. в литературной культуре наметился переход от коммуникации автор/читатель к типу автор/другой автор».¹⁷ Этим другим автором, которого можно было безнаказанно обличать, поскольку это был чисто фиктивный, литературный образ, стал бессмертный и пресловутый Зоил. Исторический Зоил, как известно, сам был писателем, причем не очень удачным, поэтому важна главная характеристика русского «хухнателя» — зависть. Так, в стихотворении «К гаждателю» только само слово «зависть» упоминается шесть раз. Автор «Статира» также «дерзает» против завистников:

Тако и ты не много ся весели,
Но сам в сих искуситися изволи.
Когда бо ты свой разум познаеши,
То и на мою немощь не зариши.
Не буди, яко муха, нападая
На язву, здравое пренебрегая.

¹⁵ Остен: Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865. С. 138.

¹⁶ Там же. С. 137.

¹⁷ Чернов И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению. [Вып.] 1. Барокко: литература/литературоведение. Тарту, 1976. С. 147.

Аще бо не можеши изцелити,
Не мози наипаче уязвити.
Неси разумен погрешений исправить, —
Не дерзай же ты здраваго похулить.¹⁸

При этом автор испытывает к «хухнателю» даже нечто вроде снисходительности:

Ты же, мой брате, от хулы престани
И от спа неведения возстани;
Благоволи сию книгу читати
И разумне ю потщися внимати,
По твоей бо немощи написася.¹⁹

Причину «хулы» завистника Симеон Полоцкий называет определенно:

Вскую труды моя зле тидишися судити,
сам не хотя, ни могущь точных положить? ²⁰

То же самое он повторяет и в третьем предисловии к «Псалтири рифмоторной»:

Ни завидящим подражатель буди,
им же чуждии сердце гризут труды,
Иже благая за зависть хухнают,
совесть поправше, вся уничижают.²¹

Из этих стихов очевидно, что Зоил — это не нелицеприятный критик, а коллега (никак не собрат!) по перу и по цеху. Авторы его вовсе не страшатся, а слегка презирают и вызывают (не без высокомерия) на состязание, приглашая в судьи читателя. Обличения Зоила оборачиваются не свойственным древнерусскому книжнику авторским сомнением. Творчество становится свободным, теперь это «личное поползновение одного человека, презревшего „соборное свидетельство“». ²² Характерно, что у Симеона Полоцкого эта позиция касается его собственного творчества и не относится к его эдиционным трудам. Например, его стихотворное предисловие к «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1680) традиционно по форме и смиренно по духу:

Погрешение изволи прости,
Аще случися негде погрешити:
Грех любовию изволь извиняти,
Да любовь бога можеши прияти ²³ и т. д.

¹⁸ Яхонтов И. Указ. соч. С. 23.

¹⁹ Там же. С. 23—24. — Этот же мотив встречается у переводчика «Истории о Париже и Вене». См.: История о Париже и Вене: Переводная повесть в стихах Петровского времени. СПб., 1913. С. 228.

²⁰ Симеон Полоцкий. Избр. соч. С. 93.

²¹ Там же. С. 216.

²² Панченко А. М. Переход от древней русской литературы к новой // Чтения по древнерусской литературе. Тбилиси, 1980. С. 142.

²³ Сидорова Л. П. «Повесть о Варлааме и Иоасафе» в издании Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 149.

Литературная маска Зоила была очень удобна — у просвещенных «трудников слова» конца XVII в. она сразу вызывала целый ряд ассоциаций и пояснений не требовала, поскольку все они хорошо слышали отзвуки яростной борьбы с Зоилом в польской литературе XVI—XVII вв.²⁴ Правда, само имя не сразу выносятся в заглавие: у Симеона Полоцкого Зоил фигурирует уже в первом стихе, но в заглавии стоит все-таки «гаждатель». Непривычность имени ощущалась и переводчиками. «Зоил», правда, упоминается в переводном предисловии к «Зерцалу старовещности», появившемуся еще при Алексее Михайловиче,²⁵ но вот в начале XVIII в. в составе «Вертограда королевского» Б. Папроцкого было переведено и стихотворение «Ad Zoilum Autor» под заглавием «Изобретатель ко клеветнику».²⁶ Такое же значение (Зоил — клеветник) зафиксировано и Юрием Крижаничем еще в середине 1660-х гг.²⁷ В книге «Новейшее основание и практика артиллерии Эрнеста Брауна» (М., 1709) прозаический перевод соответствующего стихотворения назван «К хульнику». Но и в переводах мотив зависти иногда присутствует. «Златое иго супружества» завершает двустушие «Завидящему»:

Аз научих тя лгать,
а ты мене тем же хочеш потоплять.²⁸

Вызов звучит и в предисловии Федора Поликарпова к «Лексикону трязычному»: «Сам поношай нас да покусится, или поне готовое сие прочести да потщится», и далее в стихах (переведенных с латинского?):

Зрите вы семо, иже порицати
Любите чуждых труды, извецати:
Могли бы и мы тожде сотворити
И лучшу сея книгу сочинити.
Аще мощно вам, почто не твористе?
Не бых труд подъял, аще б в деле бысте.
Но всяк своих дел в корысть бе строптель,
Что знал, то издал, а сих не любитель.
Лучше ли веси? где худо — приправл,
Аще же ни сих, ум твой в сих направи.²⁹

У Поликарпова Зоил не назван, но явно подразумевается. Само же имя мелькает в ряде произведений первой четверти XVIII в. Иосиф Турбойский в «Политикополешной апофеосис» (1709) считает необходимым пояснить «титло книжицы сей», чтобы оно

²⁴ См.: Mikulski T. Ród Zoilów: Rzecz z dziejów staropolskiej krytyki literackiej // Mikulski T. Rzeczy staropolskie. Wrocław, 1964. S. 15—119.

²⁵ БАН, П. I. А 15, л. 123.

²⁶ ГПБ, собр. Погодина, № 1700, л. 303, об.—304.

²⁷ См.: Русское государство в половине XVII в.: Рукопись времен царя Алексея Михайловича. М., 1859. Ч. 4. С. 158.

²⁸ Панченко А. М. «Златое иго супружества» и его источник // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 337. — Во втором списке рифма носит более логичный характер: «сдать — потоплять».

²⁹ Лексикон трязычный. М., 1704. Л. 7, 7, об.

было «от зоилевых зубов защищенно».³⁰ В пьесе «Гистория о Кире царе перском и о царице Тамире скифской» Зоил появляется в классическом облике:

Аще зоил скрежещет вострым на тя зубы
и тя сожрать отворяет ядовиты губы.³¹

Зоил мог попасть и в самый неожиданный контекст. Так, в переводном «Описании артиллерии» (М., 1710) автор в предисловии сознается, что он издал свою книгу, «презирая все зоилевы злословия».³²

Надо сказать, что до 1720-х гг. все сведения об историческом Зоиле исчерпывались первым двустипием Симеона Полоцкого:

Хулник стихов омирих некто Зоил бяше,
писанием си славу онаго терзаше.

Но вот во второй половине 1720-х гг. кн. М. Кропоткин включил в сборник антипротестантских сочинений и переводов³³ стихотворение «При сем к Зоилу примовляю: аще кто от зависти на сии труды Зоил явится, той читая ниже тем да усрамится»:

Зоилю, от зависти бо не грызи чуждых трудов зубами,
Коли сам в лености того не чиниш своими трудами.
Мне бо и во печали не страшит твой зуб внетечный,
Еже в правдивом сем речении есмь безпечный.
Надлежит бо мудрым в перлах смотрити браку,
Тебе же, Зоилю, пристойно в плевах смотрити смаку.
Сию правду, яко драгое перло, предлагаю читателем,
Сущим правды святого благочестия снискателем.
О вас, Зоилю, царь и пророк Давид так вещает,
Всем благочестивым сице изъясляет:
«Сынове человечестии, а зубы их — оружие и стрелы,
И язык их — меч остр». Воспомяни, Зоилю,
Прежде бывшаго Зоиля, иже Гомеровы труды ганил
И себя в таковой зависте ко смерти управил;
Его же король Птоломей обесити приказал,
Дабы впредь тобою таких завистников устрашал.
Аз бо тебе, Зоилю, такового конца не желаю,
Но токмо чрез Стриковского о сем изъясляю.
О себе же ко господу богу моление приношу
И покорне пресвятую благость его прошу:
Спаси мя, боже, от человека непреподобна
И от мужа неправедна избави мя,
Даруй, господи боже, спасение моему духу,
Дабы с правоверными мне быть без разруху.³⁴

³⁰ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 220.

³¹ Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 585.

³² Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. С. 238.

³³ См.: Покровский Н. Борьба с протестантскими идеями в петровское время и князь Михаил Кропоткин // Русский вестник. 1872. № 9. С. 203—234.

³⁴ ГБЛ, ф. 228, № 173, л. 30, об.—31.

Упоминание «Стриковского» отсылает к польской литературе, причем к самому обстоятельному стихотворному описанию Зоила в польской поэзии XVI в. М. Стрыйковский предварил свою «Хронику» (1582) стихотворениями «На Зоила» и «На неблагодарных и славе завидящих», этого ему показалось мало, и на полях он добавил (уже прозой) исторический комментарий.³⁵ Исходя из всех трех текстов, но не переводя их, Кропоткин и написал свое стихотворение, значительно смягчив наступательный и издевательский тон Стрыйковского. В частности, самому Кропоткину принадлежит обращение «спаси мя, боже <...> даруй, господи боже». Так же завершил свое стихотворение и Симеон Полоцкий. Эти обращения вполне традиционны, но дело не только в традиции. Автор, презревший «соборное свидетельство», остался одинок. Фигура писателя-одиночки, пишущего для себя, становится характерной для эпохи.³⁶ Для писателя вполне возможно теперь заняться сочинительством, чтобы «мысль свою унывающую врачевати»,³⁷ или запереться «в чулан для мертвых друзей <...> когда все содружество, вся моя ватага будет чернило, перо, песок да бумага».³⁸ В этих условиях творчество — либо нравственное самосовершенствование, либо благочестивый труд. Но по завершении труда все меняется. Уже в силу своего статуса, вернее полного отсутствия статуса автора в современном его понимании, — писатель вынужден искать вполне реальную помощь и реальную защиту. И в литературной культуре появляется еще один классический образ — Меценат. В литературной жизни это была вовсе не фиктивная фигура; уже с конца XVII в. кроме царского и патриаршего патроната появляются меценаты разных чинов, от князей до купцов,³⁹ а писатели охотно ищут их покровительства.⁴⁰

Роль Мецената (и появившихся вместе с ним панегирика и пресловутого сервиллизма) в литературной культуре важна и интересна сама по себе. Пока отметим, что Меценат непосредственно связан в авторском сознании с Зоилом. Так, Афанасий Миславский, посвящая в 1713 г. второе издание «Алфавита духовного» кн. Д. М. Голицыну, писал: «Искахом места, где бы, по совершении ея (книги. — С. Н.), место заступника и пристанище тойжде изобрести возмогохом: не обыче бо дело, художеством типографским произведенное, без заступника в свет исходити, да не растерзанно будет зубы Зоилов, согрызающих и растерзающих его. Обретохом убо место наставлением божиим в дому вашего княжого

³⁵ См.: *Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszyskiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. 1. S. XXII—XXIII.*

³⁶ См.: *Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 164—165.*

³⁷ См.: *Николаев С. И. Литературные занятия Ивана Максимовича // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 388.*

³⁸ *Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 59.*

³⁹ См.: *Соболевский А. Московский меценат петровского времени // Литературный вестник. 1901. Т. 2, кн. 6. С. 128—129.*

⁴⁰ См., например: *Николаев С. И. Два стихотворца XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 376—378.*

сиятельства, яко некое пристанище доброе». ⁴¹ Он же посвятил в 1712 г. гетману И. И. Скоропадскому книгу «Ифика иерополистика» со словами: «Шыце, яко искреннейшему учений и учащихся промыслинику и любителю приносим, да тамо от хулительного злохудожных назирания свободна пребудет». ⁴²

Однако Зоил все еще был достаточно абстрактной фигурой: нападки на него были безопасны и, сколько мы знаем, безответны. ⁴³ Более конкретные и живые черты Зоила начинают вырисовываться только у Кантемира. Примечательно, что у него Зоил сначала никак не связывается с литературой. Кантемир подробно разрабатывает главнейшую черту характера Зоила — зависть, которая доводит Зоила до того, что он «не спит, бедный, целы ночи». ⁴⁴ Даже в сатире «На Зоила» ⁴⁵ автор ничего не говорит о зависти литературной и только в конце сатиры, обращаясь уже к музе, сокрушается: «Про нас с тобою уж и так всякое зло трубят». Но это пока отзвуки нападков, лишь в 1740-х гг. в облике Зоила у Кантемира появятся черты литературного критика, ⁴⁶ причем опять-таки это будет не столько критик, сколько злобный и завистливый неудачливый писатель: «Обыкновенно таким людям уничтожать чужой труд, хотя сами за него приняться или не смеют, или, принявсь, мало удачливы бывают». ⁴⁷ Тем не менее в развитии образа Кантемиру принадлежит важная заслуга: Зоил из абстрактного предмета нападков и суеверного оберега становится маской, за которой скрыты уже конкретные лица; так, в сатире «На Зоила» «под именем Зоила» описана «знатная персона». Формируется одно из важных правил литературной критики XVIII в., о котором сам Кантемир сказал: «имен не значу» ⁴⁸ — и которое вскоре закрепил В. К. Тредиаковский в «Новом и кратком способе». ⁴⁹ Это, конечно, правило из арсенала не столько литератур-

⁴¹ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 258.

⁴² Там же. Т. 2. С. 276.

⁴³ Известен, правда, исключительно любопытный отклик Евфимия Чудовского на появление в 1681 г. «Обеда душевного» Симеона Полоцкого: Новосоставленная книга сия «Обед».

Подвлагает снедь, полну душегубительных бед. — Другую редакцию эпиграммы см. в работе: Сазонова Л. И. Поэтическое творчество Евфимия Чудовского // *Slavia*. 1987. № 3. С. 245.

⁴⁴ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 98.

⁴⁵ См.: Там же. С. 190—192. — Никто из издателей сатиры не отмечал, что в рукописи сатира озаглавлена «На Зоила» (см.: ГПБ, собр. Вяземского, F. 129, л. 79, об.). Подробнее о сатире см.: Берков П. Н. Первые годы литературной деятельности Антиоха Кантемира (1726—1729) // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. М.; Л., 1961. С. 210—220; *Schroeder H.* Russische Verssatire im 18. Jahrhundert. Köln; Wien, 1962. S. 140—142.

⁴⁶ Ср.: Веселитский В. В. Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М., 1974. С. 44—46.

⁴⁷ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 220.

⁴⁸ Там же. С. 110.

⁴⁹ См.: Тредиаковский В. К. Избр. произв. М.; Л., 1963. С. 389; Ср.: Успенский Б. А. К истории одной эпиграммы Тредиаковского: (Эпизод языковой полемики середины XVIII в.) // *Russian Linguistics*. 1984. N 8. P. 110—111.

ной критики, сколько сатирической литературы, бывшее предметом неоднократного обсуждения в XVIII в.⁵⁰

В истории распространения «Езды в остров любви» В. К. Тредиаковского, кажется, впервые под маской Зоила заметны конкретные черты чисто литературной схватки. Завершала книгу «Эпиграмма к охуждателю Зоилу»:

Много на многи книги вас, братец, бывало,
А на эту неужли вас таки не стало?

Задор Тредиаковского дошел до того, что слова «вас, братец» и «вас» были напечатаны более мелким шрифтом.⁵¹ Вызов был принят: книга вызвала как бурю восторгов, так и волну нападок, о чем Тредиаковский не без удовольствия писал И.-Д. Шумахеру.⁵² Тредиаковского обвиняли не только в том, что он «первый развратитель российского юношества», «деист» и «атеист»: ему также ставили в вину тщеславие, самовлюбленность, суетность, критиковали и язык книги. В защиту Тредиаковского выступил малоизвестный переводчик И. М. Сечихин, который в 1732 г. перевел физиогномический трактат «Анфроскопия». В предисловии «К Зоилу» он не только признает себя приверженцем языковой программы Тредиаковского,⁵³ но и яростно защищает его от Зоила, презрительно именуя последнего «простяком», «бедным», «червем неусыпающим», не разумеющим языка славянского.⁵⁴ Мотив состязательности у Сечихина отсутствует, он полностью занят уничтожением Зоила:

Глуп ты, Зоиле, да и впредь глуп буди;
Знают, каков ты, все умные люди.
Хотя добра ты не можешь чинити,
Не поскучу глупость твою объявити,
Понеже и в том велика забава,
А твоя в век не умрет слава!

Эпиграмма носит отчетливо игровой характер, а предшествует ей любопытный фрагмент: «Сам бог на цензуру твою не гневается, понеже в посмеяние тебя и игралище ученому свету соделал. Довольно, полно браниться, пора помириться; я за простоту твою не сержуся». Вырисовывается новый образ и роль Зоила: он сам, как и его слава, будут пребывать вечно, и сам он вовсе не так уж ужасен. Предложенные Сечихиным новые отношения в литературной культуре, где свои места отведены меценатству, литературной публике («ученому свету» и «благорассудным читателям») и критике (Зо-

⁵⁰ См.: Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII в. Л., 1985. Гл. 1.

⁵¹ См.: Тредиаковский В. К. Сочинения. СПб., 1849. Т. 3. С. 774.

⁵² См.: Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 44—48.

⁵³ См.: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX в. М., 1985. С. 143—146.

⁵⁴ См.: Куприянов И. Материалы для истории русской словесности: К Зоилу: (Образец старинных критик) // Москвитянин. 1853. № 7. С. 124—126.

илу), еще очень не скоро стали реальностью, в том числе и «цех зоилов строгих» обособился только в начале XIX в., а в XVIII в. Зоил все еще был «завистливым». Причины этого очевидны: «Критики первого периода XVIII столетия — это поэты».⁵⁵ Неразделенность поэзии и критики приводила к тому, что соревновательный характер культуры мог выражаться в прямом состязании, а нередко сопровождался перебранкой, деликатно именуемой «литературной полемикой», в ходе которой Зоил и не вспоминался. Позднейшая же история русских зоилов мало что добавляет в хорошо документированную историю русской критики. Начальный период бытования Зоила в русской литературе более важен: классический образ, повторим, способствовал обособлению авторского сознания, был одной из форм проявления профессионализации писательского труда.

В Петровскую эпоху происходила смена писательского типа от древнерусского книжника к писателю нового времени.⁵⁶ Этот процесс был непростым и иногда болезненным: литературное самосознание по указу не меняется. Русский Зоил 1670—1720-х гг. — лишь одна из сторон этого процесса, тесно связанная с возрастом представлений об авторской собственности и появлением понятий о плагиате.

⁵⁵ *Гуковский Г. А.* Русская литературно-критическая мысль в 1730—1750-е гг. // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 100.

⁵⁶ См.: *Панченко А. М.* О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 112—128.

Ю. В. С Т Е Н Н И К

РОЛЬ КОМЕДИИ В ПОЛЕМИКЕ 1750—1760-х ГОДОВ

Полемика — первый показатель динамизма литературного процесса. Она далеко не всегда бывает продиктована чисто творческими интересами, степень ее остроты зачастую оказывается не адекватной глубине затронутых вопросов. Но каковы бы ни были мотивы полемики и ее последствия для дальнейшей литературной эволюции, сам факт полемического противоборства всегда свидетельствует о притоке в литературу свежих сил, о естественной потребности в переоценке устоявшихся норм и вкусов, наконец, и это главное, о сложности и многообразии факторов, определяющих ход историко-литературного развития.

Литературная жизнь России XVIII в. обладала повышенным зарядом динамичности. Это была эпоха активнейшего и целенаправленного культурного обновления, продиктованного всем ходом преобразований государственных институтов и приобщения страны к новым европейским нормам культуры и идеологии. Вот почему процесс утверждения нового литературного самосознания проходил под знаком почти не прекращающейся борьбы мнений, полемических схваток, нередко растягивавшихся на несколько лет. Данное обстоятельство уже привлекало внимание исследователей, о чем свидетельствуют работы П. Н. Беркова, Г. А. Гуковского, Л. Б. Модзалевского и многих дореволюционных и советских историков литературы и критиков, в том числе и исследования ряда зарубежных славистов, особенно тех, кто обращался к анализу сатирического наследия этого столетия. В той или иной степени вопросам полемики в русской литературе XVIII в. уделяли внимание Х. Шредер, Г. Джонс, А. Стричек, А. Монье и др.¹ Новые, свежие аспекты, раскрывающие подоплеку

¹ Из числа наиболее значительных исследований, посвященных проблемам полемики этого столетия, или тех, где они затрагиваются, назовем: *Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750—1760. М.; Л., 1936; *Гуковский Г. А.* Эмин и Сумароков; Крылов и Княжнин // XVIII век. М.; Л., 1940. Вып. 2. С. 77—94, 142—154; *Мордовцев Л. Л.* Обличительная литература в первых русских журналах и стеснение гласности (1769—1775) // Русское слово. 1860. № 2—3; *Schroeder H.* Russische Verssatire im 18 Jahrhundert. Köln, 1962; *Strycek A.* La Russie des lumières. Denis Fonvizine. Paris, 1976.

полемиических столкновений между В. К. Тредиаковским и А. П. Сумароковым на протяжении 1750—1760-х гг., содержатся в недавно опубликованной в 21 выпуске трехквартальника «Русская литература» статье К. Розенберг, к выводам которой нам еще придется ниже обратиться.²

Из всех многочисленных жанровых форм, так или иначе использовавшихся писателями и поэтами XVIII в. в целях ведения литературной полемики, нас будет интересовать только один — жанр комедии. Эта форма обладала особенно широкими возможностями для придания чисто литературным спорам жизненной конкретности. Поскольку в жанровой системе классицизма комедии отводилось вполне определенное место — среди «низких» жанров, со своей предписанной правилами сферой бытовых коллизий в качестве содержания и весьма специфическим набором формально-стилистических средств его донесения до зрителя — сама функция жанра освобождала драматурга от необходимости соблюдения внешних приличий в решении им полемиических задач. Автор мог использовать все приемы насмешки, какие знала литература — от пародирования особенностей речевой манеры своего противника до фарсового травестирования сюжетных положений из его сочинений, обесмысливания излюбленных приемов и стиля произведений оппонента. Комедия XVIII в. знала случаи и граничащего с пасквилем вторжения в личную жизнь писателей, высмеивания их слабостей, пристрастий, некоторых черт характера. Все эти формы насмешки составляли арсенал полемиических средств в жанре комедии. Использование русскими авторами комедии в подобных целях свидетельствовало об актуализации роли театра в общественной жизни, ибо независимо от авторской воли полемика, вынесенная на сцену, выходила за рамки чисто корпоративной междоусобицы, поскольку арбитром избирался широкий зритель.

Вообще традиция использования комедии в целях ниспровержения авторитетов имела глубокие корни в мировой драматургии. Достаточно вспомнить дошедшие до нас комедии Аристофана «Лягушки» и «Облака», где выведены в нелепом виде знаменитый драматург Еврипид и философ Сократ. В эпоху классицизма во Франции к жанру комедии с подобной же целью неоднократно обращался Мольер. В одной из своих первых пьес, комедии «Смешные жеманницы», он едко высмеял увлечение прециозной литературой, господствовавшее в аристократических салонах, имея в виду, в частности, салон писательницы Мадлены Скюдери, известной сочинительницы галантных романов «Артамен, или Великий Кир» и «Клеция, или Римская история». В другой комедии, «Ученые женщины», в облике педантов Триссотена и Валигуса им были осмеяны прециозные поэты Котен и Менаж, традиционно служившие объектом критики и в сатирах Буало.

² Rosenberg K. Treadiakovsky on Sumarokov: The Critical Issues // Russian Literature. Triquarterly. Heartherway, 1988. N 21. P. 49—60.

Позднее, в эпоху Просвещения, появляются комедии, где объектом насмешек оказываются французские мыслители, прежде всего Ж. Ж. Руссо, Д. Дидро. Таковыми особенно прославился Ш. де М. Палиссо, ярый противник Руссо и энциклопедистов. Собственно высмеивание философов и составляло основную проблематику его наиболее известных комедий, таких как «Кружок» (1755) и особенно «Философы» (1760), имевшей скандальный успех у современников. К слову сказать, и знаменитый Вольтер не гнушался использовать комедийный жанр для сведения счетов со своими критиками, выведя одного из них, Э. К. Фрерона, в комедии «Вольной дом, или Шотландка» под именем Фрелона.

В условиях России XVIII в. установление данной традиции объясняется самой исторической обстановкой. Понимание особой роли литературы как средства формирования общественного сознания, выдвижение дидактической функции литературы на передний план в истолковании ее художественной специфики объясняют публицистический пафос, окрашивавший содержание творчества ведущих деятелей литературы эпохи. Не только сатиры Кантемира, но и оды Ломоносова, трагедии Сумарокова и даже отдельные переводы Тредиаковского отмечены печатью публицистичности. По мере увеличения числа писателей и превращения литературной среды в поле столкновений противостоящих мнений, вкусов, пристрастий публицистичность все чаще начинает приобретать памфлетный характер. Для русской комедии XVIII в. благодаря Сумарокову памфлетность едва ли не становится родовым признаком в истолковании на первых порах предназначения и самой специфики этого жанра. Отсюда и постоянное использование русскими авторами жанра комедии в целях межлитературной борьбы.

Можно выделить три периода в истории русской комедии XVIII в., когда этот жанр становился полем активной полемики. Каждый такой период был связан с вполне определенным этапом общего движения литературы, отражая борьбу различных писательских группировок. И на каждом этапе действующие лица этой борьбы и круг проблем, вызывавших споры, также менялись.

I период, приходящийся преимущественно на 1750—1760-е гг. и даже чуть-чуть захватывающий 1770-е, связан в основном с именем Сумарокова, поскольку личность этого писателя и как субъекта, и как объекта полемики является той точкой, к которой сходятся нити почти всех литературных споров, отразившихся в жанре комедии этого периода. На этом этапе в борьбу оказываются втянутыми и В. К. Тредиаковский, и В. И. Лукин, и Ф. Эмин.

II период, когда жанр комедии вновь привлек внимание драматургов как средство отстаивания собственных творческих и идеологических позиций, приходится преимущественно на 1770-е гг. Центральной фигурой в полемике этого периода, хотя и в тщательно завуалированном виде, выступает императрица Екатерина II. В течение короткого времени она выпустила анонимно сразу несколько комедий, не лишенных критического под-

текста и имевших определенный резонанс в литературной жизни тех лет. Завершением этого этапа следует считать комедию Фон-визина «Недоросль», в свою очередь породившую всплеск полемических откликов на протяжении конца 1780—1790-х гг.

III период активизации использования комедии в целях литературной борьбы приходится на конец 1780-х—начало 1800-х гг. Он связан с выступлением на драматургическом поприще группы демократически настроенных авторов во главе с молодым И. А. Крыловым. Поначалу борьба разгорается между ним и известным наследником Сумарокова, драматургом Я. Б. Княжниним. Позднее поле борьбы смещается; в центре ее оказываются представители нового литературного направления — утвердившие свое главенствующее положение в литературе писатели сентименталистского лагеря, последователи Н. М. Карамзина.

Конечно, эти три периода в истории русской комедии не существуют изолированно от общего историко-литературного процесса, с одной стороны, и эволюции структурной специфики самого жанра комедии, как она складывалась на протяжении XVIII в., — с другой. Выделяя интересующий нас аспект жанровой эволюции, мы видим свою задачу в раскрытии изнутри движущих сил литературной борьбы, при которой решение художественных задач осмыслялось в контексте отстаивания драматургами своей позиции, приобретая оттенок творческой, а в 1770—1790-е гг. и идеологической дискуссии. Выделение данного аспекта эволюции комедии расширяет наши представления не только о роли этого жанра в общем процессе развития литературного сознания эпохи, но и о механизме самого процесса в целом.

Естественно, в пределах статьи сколько-нибудь полно охарактеризовать все намеченные этапы истории русской комедии под интересующим нас углом зрения вряд ли реально. Следуя хронологии, целесообразно рассмотреть самый первый из них — время, когда закладывались традиции жанра и когда вопросы литературной полемики начали выплескиваться на сцену.

А. П. Сумароков первым в России обратился к жанру комедии как средству дискредитации своих оппонентов, и первой жертвой его насмешек стал известный современник драматурга, поэт и теоретик русского стиха В. К. Тредиаковский. Сумароков дважды вывел на сцене своего противника в карикатурном виде: в комедиях «Тресотиниус» (1750) и «Чудовищи» (1750) (в этих пьесах в образе педантов — Тресотиниуса и Критициондиуса). Тем самым Сумароков фактически выступил основоположником традиции памфлетной комедии в русской литературе.

По существу Сумароков с самого начала стремится осмыслять функцию жанра комедии прежде всего под сатирическим углом зрения, и это непосредственно сказывается на структуре его пьес. Сюжетная фабула его ранних комедий практически свободна от интриги и представляет собой своеобразный каркас для последовательного самовывявления обличаемых персонажей, персонифицирующих тот или иной порок.

Оставляя в стороне оценку персонажей, воплощавших традиционные для комедийной сатиры Сумарокова типы подъячего, кокетки, хвастливого офицера или петиметра, сосредоточимся на тех образах, с которыми Сумароков в своих ранних комедиях связывал высмеивание литературных противников, и в частности Тредиаковского. Драматург не случайно выводит его в облике ученого педанта, а в первой комедии заставляет сочинять любовные стихи. Следуя примеру Мольера в выборе имени своего героя (выбор был подсказан именем педанта Триссотена из комедии Мольера «Ученые женщины»), Сумароков использует это обстоятельство, чтобы рельефнее подчеркнуть и представить (естественно, в окарикатуренном виде) черты личности Тредиаковского как ученого и как поэта. Репутация Тредиаковского, признанного эрудита и поэта, владевшего несколькими иностранными языками, служившего с 1732 г. в Академии наук в должности переводчика, а в 1745 г. произведенного в профессора элоквенции, была широко известна. Сумароков подводит зрителей к пониманию своего замысла постепенно. Еще до появления на сцене главного героя о его достоинствах рассуждает Оронт, расхваливающий познания Тресотиниуса, которого он хочет видеть своим зятем: «. . . он знает по Арапски, по Сирски, по Халдейски, да диво не знает ли он еще и по Китайски, и на всех этих языках стихи пишет, как на Русском языке».³

Итак, тип педанта, пишущего стихи на всех языках, впервые предстал перед русским зрителем в качестве объекта насмешки как главное действующее лицо комедии. Появление на сцене самого Тресотиниуса не оставляло сомнений насчет реального прототипа, подсказавшего драматургу черты характера осмеиваемого педанта. В первых же словах его, обращенных к Кларисе: «Прекрасная красота, приятная приятность. . .», — Сумароков создает атмосферу пародийной издевки, не переставшей окрашивать все, что связано с обликом Тресотиниуса. Стилистические крайности переводчика «Езды в остров любви» и автора любовных песен и элегий, помещенных в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов», становятся прекрасным материалом для пародирования: «. . . какую язву в сердце моем приятство ваше, то есть красота ваша, мне учинило, то есть сделало» (с. 337). В каждой фразе, произносимой в дальнейшем Тресотиниусом, встречаются излюбленные выражения и отдельные словечки, характерные для стиля стихов и прозы Тредиаковского с его пристрастием к фразеологическим плеоназмам и штампованным оборотам в выражении любовных переживаний. Сумароков хорошо запомнил выпрепный рефрен, многократно повторяемый в «Элегии II», помещенной Тредиаковским в «Новом и кратком способе. . .»

³ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. . . М., 1781. Ч. 5. С. 335. В дальнейшем ссылки см. в тексте.

О изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!⁴

Литературно образованный зритель сразу узнавал автора этих стихов в тексте любовной песенки, которую Тресотиниус начинает декламировать своей невесте:

Красоту на вашу смотря, распалился я ей! ей!
Изволь меня избавить ты от страсти тем моей!
Бровь твою меня пронзила, голос кровь зажег,
Мучишь ты меня, Климена, и стрелою сшибла с ног.
Видеть мне тебя есть драго,
О богиня всей любви!
Только то мне есть не благо,
Что живешь в моей крови и т. д.

(с. 338; курсив мой. — Ю. С.)

Еще одной отсылкой к Тредиаковскому служат разъяснения жениха-педанта, ставившего в похвалу своей песенке то обстоятельство, что она была сочинена «хорейческими стопами»: «Однако ж, не поскучите ль послушать, а песенка сочинена очюнь, очюнь, подлинно говорю, что очюнь хорошо, да еще и хорейскими, сударыня, стопами» (там же). При этом Сумароков не упускает возможности повторить несколько раз в составе фразы словечко «очюнь», неоднократно употребленное Тредиаковским в его предисловии. В сочетании с упоминанием хорей употребление этого слова в устах Тресотониуса не оставляло сомнения о конечном объекте издевок драматурга. Ярая приверженность Тредиаковского хорю была хорошо известна, поскольку являлась одним из главных пунктов в его теоретических спорах с Ломоносовым и Сумароковым о правилах русского стихосложения.

Сумароков дважды вводит в текст комедии упоминания о своих собственных сочинениях, создавая своеобразный литературный фон, в контексте которого через похвалу Тресотиниуса пародийность этого образа и его соотносимость с Тредиаковским предстают еще более рельефно. Первый раз пренебрежительное упоминание в устах педанта сочинений Сумарокова мы встречаем в III явлении, в котором Тресотиниус расхваливает перед Кларисой цитировавшуюся выше любовную песенку, ссылаясь на аналогичное сочинение Сумарокова: «. . да только изволь прочесть с рассуждением, его вить не о места, места драгия, ету песнь и содержание ее не всяк разуместь будет, тут такие есть тонкости, что они от многих и ученых закрыты» (с. 339). В этих словах Тресотиниуса не только уничижительно упоминается песня Сумарокова, но и содержится скрытая отсылка к предварявшему издание «Езды в остров любви» П. Тальмана предисловию от переводчика «К читателю», где Тредиаковский замечал: «Я много сам в себе молча славлюсь и для того толко, что я мог как-нибудь оную перевесть: ибо

⁴ Новый и краткий способ к сложению российских стихов. СПб., 1735. С. 54.

она *хотя не велика, да мудра*, и в том могут мне все те поверить, которые чли ея на французском. . .»⁵

Но Сумароков не довольствуется этим намеком, а заставляет Тресотиниуса далее вновь повторить выражения Тредиаковского из упомянутого предуведомления: «Правда, многим покажется, что это безделка, — говорит Тресотиниус, — однако позвольте, моя государыня, сказать, что в этой безделке много дела, что я аргументально доказать могу» (с. 340). Сравним в предисловии «К читателю»: «А буде кто тому не верит, тому я способно могу доказать еще математическим методом, что я правду сказал».⁶

Другой раз сочинение Сумарокова уже непосредственно цитирует хвастливый капитан Брамарбас в ходе своего любовного объяснения перед Кларисой в XI явлении. Стишок, который ему «очень полюбился», есть отрывок из монолога Хорева («Я мнил, что я рожден к единой только брани. . .»), восходящий в свою очередь к словам Ипполита, персонажа из трагедии Расина «Федра». Сумароков нарочито устами хвастуна дразнит своего оппонента.

Дополнительные черты карикатурного сходства с Тредиаковским образ Тресотиниуса приобретает благодаря выведению на сцене еще двух педантов — Бобембиуса и Ксаксоксимениуса. Хотя некоторые черты облика Бобембиуса заимствованы Сумароковым у Гольберга, подлинное назначение фигуры этого педанта в комедии раскрывается в ходе спора Бобембиуса с Тресотиниусом о литере «твердо»: «которое твердо правильнее, о трех ли ногах, или об одной ноге» (с. 341). Нетрудно было догадаться, что в этом схоластическом споре с участием слуги Кимара Сумароков прозрачно намекал на научный трактат Тредиаковского «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой. . .» (СПб., 1748).⁷ Присутствие на сцене Ксаксоксимениуса сведено к реплике при подписании брачного договора. И здесь палицо высмеивание языковых особенностей Тредиаковского с его старым пристрастием к «славенскому наречью», о чем

⁵ Езда в остров любви / Переведена с французского на российский Василием Тредиаковским. СПб., 1730. С. [X].

⁶ Там же. С. [IX].

⁷ В упоминавшейся выше статье К. Розенберг содержится утверждение, что под именем педанта Бобембиуса драматург вывел личность Ломоносова, критическое отношение к поэтической системе которого, по мнению исследователя, определилось у Сумарокова уже к 1751 г. (Russian Literature. Triquarterly. Heartherway, 1988. N 21. P. 51—52). Нам представляется, что для такого утверждения нет оснований. К. Розенберг опирается в своем предположении, по всей вероятности, на мнение И. З. Сермана, считавшего, что статья Сумарокова «Критика на оду» относится к 1747 г. (см.: *Серман И. З. Ломоносов в работе над текстом «Собрания разных сочинений в стихах и прозе» 1751 года // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л., 1965. С. 127*). Об этом свидетельствует ссылка на указанную работу И. З. Сермана. На наш взгляд, вряд ли Сумароков стал бы писать свою язвительную статью в тот момент, когда Ломоносов вполне благожелательно апробировал дважды его сочинения к опубликованию в академической типографии. В данной связи приводимый исследователем на странице 128 указанной статьи пример служит как раз подтверждением, что статья Сумарокова «Критика на оду» появилась не до, а после 1751 г.

он признавался в упоминавшемся выше предуведомлении. В комедии Ксаксоксимиус, почтительно называемый Оронтом «ваше высокоумные», произносит: «Подаяждь ми перо, и абие положу знамение преславного моего имени, его же не всяк язык изреци может» (с. 361). Характерно, что именно на эту реплику обратит особое внимание Тредиаковский в своей критической статье, которая содержала придирчивый анализ почти всего, что было создано Сумароковым к этому времени и о которой ниже еще пойдет речь.

Незадачливый жених-педант терпит в конце комедии вполне заслуженное фиаско, хотя его заключительные слова призваны вновь представить Тредиаковского в облике неуступчивого в спорах, сварливого злоязычника: «Я против вас наделаю сатир полтора, а ты Бобембиус, хоть радуйся несчастью моему; только ведай, что я с тем умру, что одноножное твердо треножного правильнее» (с. 364). К слову сказать, в конце своей жизни Тредиаковский показал себя далеко не таким злопамятным, каким его изобразил Сумароков в своей первой комедии. Но на данном этапе полемические страсти затмевали разум обоих авторов.

Как уже отмечал Г. А. Гуковский, ранние комедии Сумарокова, несмотря на свою зависимость от традиций европейской драматургии, имели фарсовую природу и «более походят на интермедии из тех, которые представлялись на подмостках народного театра при Петре Великом, чем на правильную комедию Мольера и Реньяра».⁸ Связь с интермедиями сумароковских первых комедий очевидна, как мы еще не раз убедимся, хотя вопрос о «правильности» комедий Мольера не так прост. Важно, что для Сумарокова, осмыслявшего функции жанра комедии в его памфлетном истолковании, именно форма «малой» прозаической комедии представлялась наиболее актуальной.

Не исключено, что решение Сумарокова сделать своего литературного противника главным персонажем комедии возникло в результате уже предпринимавшихся Тредиаковским действий против него. Так, в 1748 г., после того как Сумароков допустил первый серьезный выпад против Тредиаковского, выведя его в «Епистоле о стихотворстве» под именем педанта Штивелиуса, оскорбленный профессор элоквенции безуспешно пытался помешать публикации эпистол, дважды давая отрицательный отзыв на них в академическую канцелярию, и лишь отзыв М. В. Ломоносова от 17 ноября 1748 г. позволил им появиться в печати.⁹ По-видимому, Тредиаковский продолжал жаловаться и предпринимал еще какие-то акции против Сумарокова, поскольку в комедии неоднократно с именем Тресотиниуса связывается репутация клеветника. Так дважды сообщается об обращении Тресотиниуса к сочинению сатир на своих обидчиков. А в XIV явлении эта черта характера Тресотиниуса (Тредиаковского) косвенно

⁸ Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 11.

⁹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 621, 938—939.

высвечивается в словах Брамарбаса: «Клянусь рыцарством своим и всеми славными своими делами, что хотя Тресотиниус три стопы против меня бумаги вымарает, что храброе свое сердце буду против него держать в узде. . .» (с. 356).

Комедия «Тресотиниус» была сочинена в январе 1750 г. Сохранилось точное известие о ее представлении на сцене придворного театра 30 мая 1750 г.¹⁰ А уже в июне этого же года Сумароков пишет следующую комедию, «Чудовищи» (имевшую также другое название — «Третейный суд»), где вновь Тредиаковский выведен в облике ученого педанта, на этот раз Критициондиуса. В новой комедии фигура педанта дается в ряду с основными персонажами и в развитии сюжетного действия ей отведена не главная роль. Но для лучшего понимания самой функции этого персонажа в комедии, как и выбора драматургом имени его, следует напомнить некоторые события, происходившие между постановками «Тресотиниуса» и сочинением «Чудовищ». Сумароков не случайно выводит в новой комедии Тредиаковского под именем Критициондиуса.

Дело в том, что вскоре после первой постановки «Тресотиниуса» на сцене, состоявшейся, по всей вероятности, в феврале 1750 г., Тредиаковский пишет пространное критическое сочинение — «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне в свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю. 1750. В Санктпетербурге».¹¹ Как явствует из его содержания, Тредиаковский присутствовал на представлении «Тресотиниуса» и прекрасно понял имевшиеся в пьесе нападки в свой адрес: «Комедия сия недостойна имени комедии и всеконечно неправильная, да и вся противна регулам театра < . . . > она сочинена только для того, чтоб ей быть не язвительною токмо, но и почитай убийственною чести сатирою, или лучше новым но точным пасквилом, чего, впрочем, на театре во всем свете не бывает: ибо комедия делается для исправления нравов в целом обществе, а не для убийения чести в некотором человеке».¹² Говоря о содержании «Тресотиниуса», Тредиаковский видит в нем только «сумбур» и «скоморошество», так что «вся сия комедишка достойна площадного минутного света, а потом вечныя тьмы».¹³ Правда, тут же, обращаясь к образу главного героя пьесы, «которым автор разумел общего нашего друга», критик находит нужным вспомнить комедию Аристофана «Облака», в коей несправедливо был осмеян великий Сократ. Но, заключает Тредиаковский, «авторов Тресотиниус есть выше поруганием Облаков Аристофановых; сие значит, что в авторе нашем больше было злости и остервенения к ругательству, нежели в Аристофане.

¹⁰ Камер-фурьерский журнал за 1750 год. С. 62.

¹¹ Подготовленное для печати «Письмо. . .» более века пролежало в архиве Академии наук и было опубликовано А. Куником. См.: Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII веке. СПб., 1865. Ч. 2. С. 435—500.

¹² Там же. С. 437—438.

¹³ Там же.

Да заслужил ли оное ругательство Сократ от Аристофана? Заслужил ли ж и наш общий друг (так Тредиаковский обозначает себя, поскольку «Письмо. . .» написано от лица беспристрастного, дружески настроенного к нему человека. — Ю. С.) то же самое от Тресотиниусова автора?»¹⁴

Статья Тредиаковского, написанная по прямому указанию академического асессора Г. Н. Теплова, явилась ответом на те насмешки, которые допустил Сумароков в «Тресотиниусе» по адресу своего литературного противника. В статье содержался подробный придирчивый разбор почти всех выпедших к тому времени из печати произведений Сумарокова. Последний предстал в глазах критика начисто лишенным вкуса и не знающим элементарных правил стихосложения, а заодно и законов драматического искусства. Уничтожающих оценок удостоились трагедии Сумарокова «Хорев» и «Гамлет». Попутно Тредиаковский обвинял драматурга в несамостоятельности, отметив многочисленные заимствования у европейских авторов и при этом постоянно подчеркивая общую необразованность своего обидчика. Мало того, целый ряд замечаний, в том числе и касавшихся «Тресотиниуса», носил характер скрытого доноса. Так, например, Тредиаковский упрекал автора комедии в кощунстве, усмотрев в реплике Оронта из XI явления оскорбительное для христианина цитирование слов Христа из Евангелия.¹⁵ В другом месте статьи, разбирая подробно монолог Астрада из I действия трагедии «Хорев», критик представлял Сумарокова проповедником атеизма и безнравственности.¹⁶

Фактически статья являлась вызовом и послужила сигналом для новой вспышки полемики, и Сумароков, без сомнения прочитавший статью, не преминул отреагировать на нее мгновенным выпадом. К уже имевшемуся тексту комедии «Тресотиниус», с которым был знаком Тредиаковский, драматург присочинил еще одно явление, введя в число действующих лиц комедии новый персонаж. Об этом мы узнаем из того же «Письма. . .» Тредиаковского, помещившего в конце своей статьи текст этой новой сцены со следующим предувещанием: «P. S. При окончании сего моего к вам (письма. — Ю. С.) получил я новый список с комедишки, Тресотиниусом названной. В сем списке нашел я, к великому моему удивлению, что между действующими лицами прибавлен, после педантов, не знаю какой Архисотолаш, а против сего имени написано: маляр шалун. Смотрю далее; ан последнее седмое надесять явление стало уже осмым надесят, а после шестаго надесять написано: сцена XVII, но под сим заглавием, те ж и Архисотолаш. Тогда начал я читать, да и прочел сию новую сцену, которую здесь вам всю предложу, и уповаю, что она вам несколько не забав-

¹⁴ Там же. С. 439.

¹⁵ Там же. С. 440. При последующей публикации текста комедии Сумароков изъясил эти слова.

¹⁶ Там же. С. 490—491.

ною покажется». ¹⁷ Далее приводился текст внесенного в комедию нового явления.

Что же представляло собой это новое явление? С точки зрения развития действия комедии, и без того не отличавшегося композиционной стройностью и компактностью, это явление лишь удлиняло его, вводя к тому же новое действующее лицо. Но с точки зрения выполнения автором своей главной, сатирико-памфлетной задачи, появление на сцене рыночного маляра Архисотолаша Филавтоновича Кривобаева, предлагающего хозяину дома намазывать к свадьбе «сладкословеснейшего Гименея», дополняло и без того насыщенную памфлетным элементом комедию новым зарядом убийственных для репутации Тредиаковского (и, по-видимому, не только для него) насмешек. Вся эта сцена, начиная с имени нового персонажа, спроецирована на осмеяние статьи Тредиаковского. Для понимания имени Архисотолаша важно иметь в виду эпизод, о котором сообщает в своей статье Тредиаковский, рассказывая о насмешках Сумарокова перед представлением первой комедии над каким-то лицом, употреблявшим шутовское прозвище Архилаши Архилохич Суффенов. Критик напоминает этот эпизод с явной целью вызвать у широкого адресата письма (по-видимому, Г. Н. Теплова) негативную реакцию по отношению к драматургу, хотя одновременно весь этот пассаж призван уличить Сумарокова в незнании греческого языка, что скрупулезно аргументируется по ходу рассказа. Но Сумароков превосходно повернул это обстоятельство против самого Тредиаковского. Назвав нового персонажа с его откровенно гаерской функцией Архисотолашем, он объединил два имени, удвоив оскорбительный смысл заключенного в нем намека, поскольку сохранил от первого (Тресотинпуса) корень -сот- (от фр. *sot* — дурак, глупый) и добавил от второго (Архилаши) корень -лаш- (от фр. *lâche* — подлый, презренный), снабдив оба корня греческой приставкой архи- с ее значением избыточности. Наконец, фамилия Архисотолаша — Кривобаев, как и отчество — Филавтонович также усилили памфлетный характер, имея в виду Тредиаковского как автора критической статьи.

С появлением на сцене Архисотолаша в содержании комедии начинают звучать мотивы, смысл которых становится ясен только в контексте статьи Тредиаковского. Между философами и Архисотолашем возникает спор об амбиции. «... Ежели в ком нет амбиции, тот или незнающий света или прямо дурак <...>. Итак, буде в вас нет амбиции, так эрго. Вить не та амбиция, што амбиция; да амбиция, што явная амбиция, а другова ей звания нет», ¹⁸ — так решает спор Архисотолаш, и во всей этой, напоминающей гаерскую тарабарщину тираде явно просвечивает язвительная отсылка к критике Тредиаковского, порожденной его оскорбленным самолюбием, иными словами амбицией.

¹⁷ Там же. С. 497.

¹⁸ *Сумароков А. П. Драматические сочинения.* Л., 1990. С. 468.

Но наиболее явные признаки связи этого явления со статьей Тредиаковского прослеживаются в монологе Архисотолаша в ответ на реплику Кимара, в которой последний разоблачает псевдоживописца. В речи слуги и следовавшем за нею ответе Архисотолаша Сумароков дает превосходные образцы того шутовского юмора, который составлял принадлежность стипля ярмарочных гаеров в балаганных народных театрах той поры, искусно влетая туда скрытые намеки в адрес своего противника. Начиная Кимар: «Партестую вам всем, Господа, Судари, Братцы, Товарищи, Мудрецы, Молотцы и вся Поленища удалая, што этот Ярьерыус Кривобаев не прямой Мараль, да Псетоуспус Мараль, как то ясно по его басням: потому што, ох! для того што, нет! затем што, тыфу! по, тыфу, тыфу! панеже вот так-то с высока поска пада по щогольские! панеже для того, што он называет пяльцами рамы».¹⁹

В этой, полной ерничества тираде слуги не только низводится авторитет рыпочного публичного маляра, берущегося намалевать Гименей, но в конце обыгрывается одно из излюбленных словечек Тредиаковского, несколько раз встречающееся в его статье: «панеже». Не исключено, впрочем, что обликом «Псетоуспуса Маралья», т. е. псевдоживописца, и всего, что связано с ним в присочиненном явлении, Сумароков намекал не только на Тредиаковского, но и придал образу гаерствующего маляра некоторые черты личности покровителя и наставника бедного профессора элоквенции в этом деле, а именно академического асессора Г. И. Теплова. Основания для подобной гипотезы, учитывая специфику комедийных приемов осмеяния и невозможность со стороны Сумарокова допустить слишком явные намеки по адресу Теплова, чье влияние в Академии наук тех лет было безграничным, могут носить в основном косвенный характер, но они есть. Прежде всего, придание новому комическому персонажу амплу публичного живописца, малюющего на рынках «картины-говоруны», наводит на мысль о связи прототипа данного образа с занятиями живописью. Применительно к Тредиаковскому допущение такой связи в прямом смысле вряд ли возможно, разве что если соотносить с малеванием свадебного Гименей осуществленный критиком перевод «Езды в остров любви». Но это будет связь на уровне метафоры. Что же касается Г. И. Теплова, то этот разносторонне образованный и несомненно талантливый человек не чужд был интереса к разным искусствам — музыке, живописи. Кстати, именно ему принадлежало сочинение в 1747 г. «Регламента имп. Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге», в котором наряду с рассмотрением порядка деятельности Академии в области научных разысканий устанавливались и меры по стимулированию в рамках Академии деятельности художников — живописцев, скульпторов, архитекторов.

Бросается в глаза в образе Архисотолаша и еще одна черта — шутовское подчеркивание им своего знания светского обращения

¹⁹ Там же.

на французский манер: «. . . а я знаю щегольское употребление и хотя самую малую толику или без мала без того, однако по французски». ²⁰

В данном случае наличие двойной насмешки также не исключено. Похвальба рыночного маляра может быть в равной степени отнесена как на счет Тредиаковского, учившегося в Сорбонне и утверждавшего своим переводом французского романа неведомые ранее русским людям нормы галантного любовного обхождения, так и на счет Теплова, также получившего европейское образование, знавшего превосходно французский язык. Следует напомнить о переводе Тредиаковским сочинения Ф. Фенелона «Истинная политика знатных и благородных особ», неоднократно переиздававшегося в России на протяжении XVIII в. Наконец, и в выборе имени нового персонажа, о чем уже говорилось выше, заключенная в корне -лаш- (низкий, подлый) скрытая насмешка в равной степени могла распространяться как на Тредиаковского, так и на личность Г. Н. Теплова, чье низкое происхождение было хорошо известно в дворянских кругах Петербурга. Практика Сумарокова, нередко обыгрывавшего фамилии своих недоброжелателей для высмеивания их в собственных сочинениях (особенно это касается притч), дает основание допустить и предположение насчет Теплова. Но вернемся к пьесе.

В ответ на приведенную выше реплику слуги Кимара взбешенный Архисотолаш разражается не менее колоритной бранью, также сплошь пропитанной фразеологией низкопробного балаганного гаерства: «Молчи, скотина скот, животина живот, зернший, табашник, кабашник, пропоец, писмонос, мошнорез, чорные работы подрядчик! што тебе дела! Дай языку каши. Ох устал! Жаль што нет нигде близко седалища стульнова. Вот нещасье наслало на меня какова Поборника, то бишь, Рушителя. . .» ²¹ и т. д.

В последних двух фразах вновь заключались намеки на Тредиаковского, поскольку в них Сумароков остроумно и язвительно парировал содержавшиеся в статье его противника нападки на отдельные выражения, допущенные драматургом в трагедиях «Хорев» и «Гамлет». Так, в статье Тредиаковский посвящает целый абзац неправильному, с его точки зрения, употреблению в «Хореве» слова «седалище». Он вновь упрекает Сумарокова в незнании «славенороссийского» языка, в котором с этим словом соединена «гнусная идея, а именно то, что в писании названо у нас афедроном. Следовательно, чего Кий просит, чтобы ему подано было, то пускай сам Кий, как Трагическая персона, введенная от автора, обоняет». ²²

Аналогичные претензии предъявляет критик и к имевшемуся в трагедии «Гамлет» употреблению слова «поборник» в монологе

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Сборник материалов для истории имп. Академии Наук в XVIII веке. СПб., 1865, ч. II. С. 483.

Клавдия из I явления II действия, где тот произносит: «Поборник истины, безстыдных дел рачитель».²³

Сумароков действительно переосмыслил значение этого слова, придав ему прямо противоположный смысл, нежели тот, с которым связывалось его употребление в старославянском языке (как «защитник» или «соратник»). На этом пункте Тредиаковский сосредоточил всю силу своего сарказма, вновь уличая своего противника в невежестве. И когда гаерствующий Архисотолаш восклицает в сердцах: «Вот нещасье наслало на меня какова Поборника, то бишь, Рушителя. . .», — то направленность этой фразы против статьи Тредиаковского не может вызывать никаких сомнений. В подтверждение того, что в образе Архисотолаша и его репликах содержались скрытые намеки на других недоброжелателей Сумарокова, среди которых мог быть Теплов, можно сослаться также на вторую часть шутовского монолога. Он заканчивается загадыванием задачи о двух братьях, из которых «большой зделал ветреную мельницу, которая всегда молола и кругом безпрестани вертелась, только ж в ней не было жорнов; а средней, почитай, ежечасно играл в самую большую игру в пеструхи, однако весь свой век не знал ни козырей, ни матадоров, еще и ни мастей. Которой же из них жил домостройнее и богате, прошу мне вытолковать?»²⁴ Если в первом случае без труда можно почувствовать намек в адрес неутомимого труженика Тредиаковского, то об адресате намеков во втором случае судить труднее. Подразумевался ли под «средним» покровительствовавший в это время Тредиаковскому, как всегда не без коварства, Г. Н. Теплов, или кто-то другой, сказать с уверенностью нельзя. Но некоторые косвенные признаки, как отмечалось выше, позволяют предположить, что фигура Г. Н. Теплова оказалась также задета Сумароковым. Во всяком случае в окончательный текст пьесы, предназначенный для публикации, вновь написанное явление, как и упоминавшиеся в статье Тредиаковского «кощунственные» слова Оронта из XI явления (в окончательной редакции — XII), не было включено.

В свете всего сказанного становится ясным, почему в упоминавшейся уже нами новой комедии «Чудовищи» Тредиаковский выведен под именем педанта Критициондиуса, друга петиметра Дюлижа. Он появляется в IV явлении I действия вместе с петиметром, и первые же его слова, обращенные на подъячего Хабзея: «Видно, что он сам себя ни в чем не критикует», — своеобразно сигнализируют об амплуа незадачливого критика. Щеголянье петиметра перед Хабзеем французскими словечками и распевание им французской песенки сопровождаются угодливым поддакиванием со стороны Критициондиуса, и на протяжении почти всей пьесы они так и выступают в паре. На образ Дюлижа, петиметра-щеголя, впервые появляющегося в комедиях Сумарокова рядом с Крити-

²³ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. . . Ч. III. М., 1787. С. 74.

²⁴ Сумароков А. П. Драматические сочинения. С. 468—469.

циондиусом. обратил в своей монографии внимание П. Н. Берков. Он высказал предположение, что, выводя этот персонаж на сцену, драматург метил в кого-то из тогдашних галломанствовавших знатных дворян, в частности, возможно, в покровителя Ломоносова — П. И. Шувалова.²⁵ Но в свете рассмотренных выше обстоятельств, связанных с полемикой вокруг «Тресотиниуса», можно вновь предположить, что в образе распевającego французскую песенку петиметра содержится намек на Теплова. Петиметр покровительственно держится с педантом-критиком. Именно между этими двумя персонажами (VI явление I действия) протекает диалог, в ходе которого драматург высмеивает Тредиаковского, обыгрывая знакомые нам мотивы его критической статьи.

Д ю л и ж. Апропо! Русскую-то трагедию видел ли ты?

К р и т и ц и о н д и у с. Видел за грехи мои. И как ты, читая комедию, плакал, так я, видя эту трагедию, смеялся.

Д ю л и ж. Так и на тебя это бывает, что ты смеешься, видя то, что жалко.

К р и т и ц и о н д и у с. Да тут никакой жалости не было.

Д ю л и ж. Да разве Хорев-то комедия, а не трагедия? да полно, что может быть хорошо, что на русском языке писано!

К р и т и ц и о н д и у с. Это правда; однако немного полутче можно бы было написать. Кию подали стул, Бог знает на что, будто как бы он в таком был состоянии, что уж и стоять не мог. Отчего? Я не знаю. Стул назван седалищем, будто стулом назвать было нельзя, а ежели для того не названо стулом, что стул по немецки; так бы можно было сказать: подай скамью, или сказать: подай на чем сесть.

Д ю л и ж. А седалище то, разве худо сказано?

К р и т и ц и о н д и у с. Крайне худо.

Д ю л и ж. Чем же!

К р и т и ц и о н д и у с. Резона на это никакова нет, однако ж.

Д ю л и ж. Я бы думал, что лучше сказать: подай канане.

К р и т и ц и о н д и у с. Да и то б не хуже было. Поэтам эта вольность дается, что нужды ради и чужое слово положить можно, а седалище слово из Славенщизны, даром что его и малые знают робята.

(с. 291—292)

Возвращаясь, как видим, вновь к подвергнутому критике со стороны Тредиаковского употреблению в «Хореве» слова «седалище», Сумароков не упускает возможности позаведаться над стилем самого критика, заставляя Критициондиуса процитировать ранее использованное Тредиаковским в предисловии к роману «Езда в остров любви» слово «славенщизна».²⁶

В следующем действии, в сцене, где Критициондиус добивается любви служанки Финетты, педант похвывается своими успехами на поприще критики. И его откровения прямо отсылают нас к содержанию вышеупомянутой статьи Тредиаковского. При этом

²⁵ Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977. С. 34.

²⁶ Речь идет о той части предисловия «К читателю», где переводчик объясняет стилистические установки своего перевода: «На меня, прошу вас покорно, не извольте погневаться (буде вы еще глубокословныя держитесь Славенщизны), что я оную (книгу. — Ю. С.) не Славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим» (Езда в остров любви. С. [X]).

в облике Критициондуса подчеркиваются черты, сближающие его с Тресотиниусом: «На песнь „Прости мой свет“ я сочинил критику в двадцати томах in folio. На трагедию Хорева сложил я шесть дюжин Елиграмм, а некоторые из них и на Греческий язык перевел; против тех господ, которые русские представляли трагедии, написал я на сирском языке девяносто девять Сатир» (с. 296).

Не довольствуясь этим, Сумароков прямо вводит в речи Критициондуса упоминание о своей первой комедии, называя высмеянного в ней противника «премудрым господином Шапеленом». Явно высмеывая занятия Тредиаковского переводом «Древней истории» Ш. Роллена, Сумароков продолжает перечислять заслуги господина Шапелена: «Он Геродота так хорошо перевел, что тем себе вечную приобрел славу. И как в переводе эту книгу читаешь, так и позабудешь, что это Геродот в переводе, и думаешь, что то какова-нибудь великого автора оригинал» (с. 297).

Уже то, что Тредиаковский отождествляется с Шапеленом, неоднократно высмеянным в сатирах Буало и заслужившим недобрую славу составителя критического отзыва на знаменитую трагедию П. Корнеля «Сид», придает насмешкам Сумарокова целенаправленность, ибо он вновь обращается к попыткам Тредиаковского выступить в роли критика. Этот момент как бы фокусируется в научном вопросе Финетты, обращенном к педанту: «Однако скажите мне: вы что-нибудь сделали ли кроме критик ваших? А что эта критика, я о том от тупеядцов довольно наслышалась».

Этот вопрос по-своему провоцирует новую тираду Критициондуса, наполненную самовосхвалениями и содержащую прямые намеки на уже упоминавшиеся мною сочинения Тредиаковского по орфографии.

Тредиаковский не смог адекватным способом ответить своему противнику, поскольку в принципе отвергал возможность для себя сочинения прозаической комедии, тем более сатирического содержания. Он поступил так, как обычно поступал в подобных случаях: попытался доказать несостоятельность памфлетных комедий Сумарокова, противопоставив им опыт древних. Тредиаковский обратился к переводу комедии Теренция «Евпух». Как постарался подчеркнуть уже в заглавии рукописи переводчик, авторитет античности освобождал его от упреков в невыдержанности жанра: «Комедия в пять действий с латынския Теренциевы от мерских самых срамословий очищенные стихами Василья Тредиаковского. 1752».

Переводу комедии им было предпослано теоретическое предисловие, в котором он обосновывал свой выбор и одновременно резко критиковал одноактные прозаические комедии Сумарокова, «больше скверняющие наш язык, нежели обогащающие». Тредиаковский отказывался считать явлениями искусства «малые» комедии в прозе, видя в них форму, родственную фарсам. Здесь он не делал исключения ни для национальной традиции, ни для европейских пьес мольеровского театра. «Не токмо самими нашими негодницами и беспутными я гнушаюсь, но и всеми на других

языках прозаическими малыми комедиями; они все как противны уставу комедии, так и недостойны твердого разума».²⁷ Тредиаковский предпочел им «прямую комедию» в стихах, состоящую из пяти действий. Свой перевод он не предназначал для постановки на сцене, о чем прямо заявил в предисловии. Тредиаковский поставил перед собой задачу показать русским читателям, какой должна быть правильная классическая комедия. Тем самым он рассчитывал дискредитировать своего противника, вновь демонстрируя его необразованность и несостоятельность как драматурга.

Впрочем, определенные косвенные намеки в адрес Сумарокова в тексте комедии все же имели место. Связаны они были главным образом с ролью паразита Гнатона. Этот традиционный для эллинистической комедии персонаж олицетворял обычно тип самовлюбленного и не слишком щепетильного щеголя, живущего подачками знатных друзей и покровителей. Попутно его устами автор часто высказывал мысли, долженствовавшие вызвать у зрителей презрение к этому персонажу. В безапелляционных суждениях паразита раскрывались его собственная пустота и тщеславие.

Но как часто бывало, намеки Тредиаковского оставались, по-видимому, утешением только для него самого. Широкому читателю его «Евнух» так и остался неизвестным, поскольку перевод не был даже опубликован.

Более реальным оказался выпад Тредиаковского против своего противника в жанре басни. В выпущенном им в 1752 г. первом томе «Сочинений и переводов» имелась подборка «эзоповых басенок», стихотворное переложение которых осуществил сам Тредиаковский. Несколько басен, как уже отмечалось исследователями, носили явно памфлетный характер. Среди них две басни — «Пес чван» и «Воропа, чванящаяся чужими перьями» — были направлены непосредственно против Сумарокова. В первой басне высмеивались непомерная заносчивость и вздорный характер Сумарокова. Во второй — в иносказательной форме обличались якобы несамостоятельность его творчества, заимствованный характер многих его произведений. Подобного рода упреки, как мы видели, составляли едва ли не основной аргумент в критике Тредиаковским сочинений соперника.

Набрала ворона перышек от разных птиц;
Убралась та всеми снизу вверх без мастериц;
Величаться начала сею пестротою,
Презирая птичек всех в том перед собою.
Ласточка, всех прежде перышко на ней свое
Усмотревши, тотчас вырвала, сказав: «Мое».

Все птицы поочередно начинают вырывать у вороны свои перья:

Так что, наконец, ее всю уж обнажили,
Чем всех обще и себя ею насмешили.²⁸

²⁷ XVIII век: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 312.

²⁸ Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы. СПб., 1752. С. 215.

Обвинения Тредиаковского не утратили своей актуальности и позднее. Довольно скоро в русской драматургии произошла смена авторских поколений, и позиции Сумарокова как лидера в области драматургии основательно пошатнулись. Борьба вокруг жанра комедии разгорелась вновь, приняв теперь уже принципиальный характер.

Толчком для нового этапа полемики послужила деятельность группы молодых драматургов елагинского кружка, предпринявших попытку качественного обновления комедийного репертуара. В группу кроме И. П. Елагина входили также В. И. Лукин, Б. Е. Ельчанинов, делавший первые шаги в драматургии Д. И. Фонвизин, Ф. А. Козловский. Свою основную задачу молодые драматурги видели в максимальном сближении репертуара русских театров с потребностями национальной жизни. Это был первый шаг на пути обретения русским театром подлинной национальной самобытности. Теоретиком группы выступил В. И. Лукин, выдвинувший программу «все шуточные театральные сочинения всевозможно склонять на наши обычаи». Необходимость подобного метода Лукин обосновывал тем, что в условиях России «многие зрители от комедии в чужих нравах не получают никакого поправления. Они мыслят, что не их, а чужестранцев осмеивают».²⁹

Свою программу Лукин изложил в ряде развернутых теоретических предисловий, предпосланных публикуемым им пьесам. Отстаивание собственных убеждений закономерно приводило его к ниспровержению авторитета Сумарокова как законодателя театральных вкусов и основоположника традиций в области жанров драматургии, и в частности в жанре комедии: «Мне всегда несвойственно казалось слышать чужестранные суждения в таких сочинениях, которые должны изображением наших нравов исправлять не столько общие всего света, но более частные нашего народа пороки; и неоднократно слышал я от некоторых зрителей, что не только их рассудку, но и слуху противно бывает, ежели лица, хотя по несколько на наши нравы походящие, называются в представлении Клитандром, Дорантом, Циталидою, Кладиною и говорят речи, не наши поведения знаменующие».³⁰ Лукин нигде не называет фамилии Сумарокова, но логика его аргументов явно намекает на автора «Тресотиниуса», которого он упрекает в тех же грехах, на которые уже указывал ранее Тредиаковский: «Некоторые люди, желая прослыть всезнающими, не только что хулят, но и вовсе опровергают переделывание комедий, называя оное упражнение непростительным стыдом для всякого, кто за него примется < . . . > но то мне известно, что они сами подобное делали и делают, с тою только разницею, что они не признаются и, подобно вороне, в басне описанной, чужими перьями украсившись, на некоторое время зрителей обольщают».³¹

²⁹ Лукин В. И., Ельчанинов Б. Е. Сочинения и переводы. СПб., 1868. С. 115.

³⁰ Там же. С. 112.

³¹ Там же. С. 82.

Так в предисловии к комедии «Пустомеля» Лукин обозначает своих недоброжелателей, среди которых Сумароков был едва ли не главным лицом. Примечательна ссылка на басню Эзопа о вороне, украшенной чужими перьями. Подвергая нападкам комедии Сумарокова, Лукин выступает противником мольеровской традиции, резко отрицательно отзываясь о фарсовой основе малых комедий, сторонником которых являлся на раннем этапе своего драматургического поприща Сумароков. Характерно, что и в этом Лукин стоит объективно на позициях, близких позициям Тредиаковского: «Читал я некогда комедии, на старые наши игрища весьма похожие, о которых мне сказывали, будто бы они сделаны сими строгими судиями < . . . > Но, против чаяния сих господ-наставников, все читатели не находят в них ни завязки, ни развязки, а находят единственно то, что они из чужих писателей неудачно взяты, и они-то, к стыду нашему, по несвойству характеров и по странному расположению и сплетению на наш язык почти силою втащены».³²

Лукин недвусмысленно отмежевывается от тех писателей, которые принимаются за сочинение комических и сатирических пьес, «чтобы удовольствовать зависть, злобу и мщение, коими они участво против некоторых людей заражены бывають. . .» В этих словах несомненно содержался намек на Сумарокова с его тяготением к памфлетному истолкованию функции комедийного жанра. Лукин же задачу комедии видел в том, чтобы «искать осмеянием пороков и своего собственного в добродетели удовольствования и пользы моим согражданам. . .»³³

И хотя в предисловиях к своим пьесам драматург решительно протестовал против использования сцены для сведения личных счетов между писателями, на практике он не смог оставаться в стороне от той борьбы, которая естественно возникла между ним и Сумароковым. Отражение ее мы находим в тексте его пьес. Так, в комедиях «Пустомеля» и «Награжденное постоянство» в репликах некоторых персонажей явно слышны отголоски соперничества различных драматургических группировок. В последней пьесе петиметр Евграф наглядно демонстрирует методы дискредитации комедий молодых драматургов «знатоками» и «судьями», презирающими «всякое сочинение, не их пером издаваемое». Наконец, в известной своей комедии «Щепетильник» Лукин прямо выводит на сцену поэта Самохвалова, в котором современники без труда узнавали Сумарокова. Этот аспект содержания пьес Лукина убедительно проанализирован П. Н. Берковым, который тонко подметил в заключительной реплике главного героя «Щепетильника» своеобразную нелестную аттестацию Сумарокова как писателя, «утратившего литературное значение».³⁴ Как заметил исследователь, в пьесе содержались намеки и на других авторов, разделявших позиции сумароковской школы.

³² Там же. С. 83.

³³ Там же. С. 6.

³⁴ Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. С. 80—81.

Надо сказать, что практика драматургов елагинского кружка и того же Лукина оказала известное влияние на дальнейшее развитие русской комедии и не прошла бесследно для самого Сумарокова. Об этом свидетельствует качественное изменение структурного облика комедий драматурга 1760-х гг. Сумароков, впрочем, оставался верен себе в главном. В его пьесах по-прежнему памфлетное начало составляет основу пафоса их содержания. Отказавшись от использования фарсовой традиции, Сумароков в новых условиях придает своим сатирическим нападкам публицистическую окраску. В недрах комедии обозначались ростки будущих полемических схваток, которые очень скоро разгорятся на страницах периодических изданий 1769—1772 гг. Соответственно в круг полемики оказываются втянутыми новые лица, и ее содержание приобретает иной характер. Но рассмотрение вопросов, связанных с новым этапом полемики, выходит за пределы задач настоящего исследования.

Е. Д. КУКУШКИНА

О ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ КОМПОНЕНТЕ
В ПРОЗЕ XVIII ВЕКА

В последней трети XVIII в. в жанровой системе русской литературы произошли заметные изменения. Возросший интерес к индивидуальной жизни человека, к движениям его души стимулировал развитие прозаических жанров. Драматургия, игравшая прежде доминирующую роль в искусстве,¹ постепенно уступала место многочисленным жанрам прозы.

Злободневные темы, поднимаемые малыми жанрами активно развивающейся публицистики, стали проникать в драматургию, придавая комедиям остроту и привнося в них новые изобразительные средства. Известно, что И. А. Крылов в комической опере «Кофейница» (1783) использовал эпизод из сатирического письма, опубликованного в «Живописце». М. Матинский в комической опере «Санкт-Петербургский Гостиный двор» (1784) разрабатывал тему купеческой торговли, затронутую во «Всякой всячине» (1769. № 65. С. 172—174), а затем в «Живописце» (1772. Ч. 1. Л. 6). Сатирический сюжет стал в опере основой для массовых бытописательных сцен, которые оттеснили драматургическую интригу на второй план.

В то же время представление об исторической реальности как о мировом театре, восходящее еще к античности и характерное для историософской концепции барокко, продолжает сохраняться на протяжении всего XVIII в. Оно пронизывает индивидуальное сознание и в различных формах отражается в литературе. Мир представляется сценой, на которой люди разыгрывают бесконечное театральное действо, состоящее из множества спектаклей. Н. М. Карамзин, завершая в 1792 г. издание «Московского журнала», в последней, декабрьской книжке обратился к читателям: «Издатель, следуя похвальному обыкновению старинных журналов, должен выйти на сцену с эпилогом. Вот мой эпилог: благо-

¹ Робинсон А. Н. Доминирующая роль русской драматургии и театра как видов искусства в эпоху петровских реформ // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв. М., 1978. С. 176—182.

дарю всех тех, которые брали на себя труд читать «Московский журнал» <...> Драма кончилась, и занавес опускается». В этих условиях драматургическая поэтика продолжала оказывать влияние на другие роды литературы. Сращение лирического и драматургического компонентов определило, например, поэтику ломоносовской оды.²

В создании стиля русских прозаических жанров важную роль играла изобразительная сторона. Нравоописательный очерк, появившийся на страницах «Трудолюбивой пчелы» А. П. Сумарокова, а затем в журналах Н. И. Новикова, складывался «в форме воссоздания жизненной ситуации, сценки, «зарисовки с натуры».³ При этом повествователь часто оставался в роли стороннего наблюдателя и был сродни театральному зрителю. Принцип сценичности отчетливо выражен, например, в памфлетной статье Сумарокова «О неестественности», в которой автор создает сатирическую сценку, наблюдая в окно похоронную процессию и фиксируя поведение ее участников. З. В. Лукичева отмечает, что стиль этой статьи — прямое следствие практики Сумарокова-драматурга.⁴

Сумароков показывает, каким образом похороны — «сия важная трагедия» — превратились «в комедию или паче в игрище». После описания этой сценки он приводит ее объяснение. Статья оказывается направленной против стихотворцев, следующих в своем творчестве правилам, но не вдохновению. Они, «нимало не входя в страсть <...> пишут только то, что им скажут умствование и невежество, не спрашиваясь с сердцем или паче не имея удобства подражать естества природе».⁵ Очевидно, что в этой статье Сумарокова так же, как в его первых комедиях, сюжет имеет второстепенное значение.⁶ На первом плане — памфлетные фигуры.

Принцип изображения сатирической сценки как бы со стороны, без вмешательства рассказчика в ее ход, даже если рассказ ведется от первого лица, характерен также для многих очерков, опубликованных на страницах «Всякой всячины» (1769): «Ездил я недавно обедать за Москворечье. . .» (с. 17—22), «Привычка есть второе естество» (с. 69—72), «Поехал я одинажды ко другу моему. . .» (с. 451—454).

Некоторые очерки, в которых описательность при изображении статичного персонажа становилась художественным приемом, еще более отчетливо обнаруживают связь с пространственными искусствами — с драматургией и живописью. Несколько таких очерков, названных «картинамп», опубликовано в «Трутне» (1770)

² См.: Сазонова Л. И. О драматургическом компоненте в одах Ломоносова // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 368—374.

³ Лукичева З. В. К вопросу о возникновении русского нравоописательного очерка // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып. 4. С. 10. (ЛГПИ им. А. И. Герцена).

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Трудолюбивая пчела. СПб., 1759. Апрель. С. 239—240.

⁶ Лукичева З. В. Указ. соч. С. 7—8.

Н. И. Новикова. «Картины» языковыми средствами создавали у читателя зрительную иллюзию. Они представляли собой описание нескольких мизансцен, в каждой из которых в главной роли был отрицательный персонаж. Статичность образов, созданных в «картинах», преодолевалась отсылками к прошлому героев и изображением их в различных жизненных ситуациях в настоящем и в будущем. Такова, например, «картина» III: «На оной означен Худосмысл, имеющий знатной чин <...> летами около шестидесяти. На одной стороне означается его служба, где видно с самых малых лет непрерывное его за красным сукном заседание, под сим надпись: „худой был человек, худой есть судья и умрет еще худшим“. На другой стороне картины означается приезд к нему гостей и вид внутренних его покоев: покои сии наполнены почти ломберными столами, за коими хозяин с гостями играет в карты, над ним надпись: „не умом, да деньгами“. Вдали от сего виден Худосмысл между своими служителями <...> а поодаль сего означен вид управительских двух покоев, в них видно богатство, состоящее в сундуках с деньгами, в шкафах с серебряною посудой и столиках с фарфором, часами, табакерками и тому подобным...»⁷

В некоторых «картинах» отрицательные персонажи «произносят» несколько реплик, что еще более сближает их с персонажами комедий. С помощью этого приема рисуется, например, образ хвастливого и честолюбивого человека. К окружающим его знакомым и нескольким домашним он обращается со словами: «Не могу от знакомств отбиться, они мне даже что в тягость. Все во мне ищут, все меня почитают, все ласкаются быть мне друзьями».⁸ Вариантом подобной самохарактеристики в другой «картине» является надпись, сделанная от первого лица над наполненной деньгами кладовой человека, разбогатевшего благодаря тому, что он «нашел случай приплестись в родню знатной фамилии»: «Сие добро посредством моего умишка мне бог дал».⁹

Тематическое и художественное созвучие публицистики и театра, характерное не только для русской культуры, но и для всех славянских культур в эпоху Просвещения,¹⁰ приводило к созданию специфических литературно-художественных средств.

Для сатирических зарисовок в журналах, так же как для комедий, типичны значащие имена и беглые портреты, в которых подчеркнута одна какая-то черта характера. Новиков напечатал в «Трутне» «письмо», присланное «из деревни от приятеля», в котором рассказывается о братьях Вертяевых: «Никто толь приличного со правом своим прозвища не имеет, как сии господа, ибо они, забывая честь, законы и благопристойность, вертят дела по

⁷ Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л. 1951. С. 227.

⁸ Там же. С. 228—229.

⁹ Там же. С. 226.

¹⁰ Гершкович А. А., Ритчик Ю. И., Софронова Л. А. Культурно-исторический аспект изучения театра славянских народов // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв. С. 236—237.

своим прибыткам».¹¹ В 1781 г. А. О. Аблесимов поместил в своем еженедельном журнале «Рассказчик забавных басен. . .» «Примечании осмнатцатилетняго». Они представляют собой подробные характеристики некоторых образов, освоенных комедиографией. Аблесимов описывает поступки Зломысла, Невера, Вертопраховой. В герое по фамилии Путешественников легко узнать Дюлижа из комедии Сумарокова «Ссора у мужа с женою», Пвана из фовизинского «Бригадира» или господ Фирюлиных из комической оперы П. П. Николева «Несчастье от кареты», ибо он, «ускакав из отечества своего, приезжает в Париж безрассудно промотать несколько тысяч рублей <...> После толь полезного и важного путешествия <...> <он> выучился очень исправно коверкать себе лицо, отменно от других наряжаться, и начинает говорить не обыкновенным уже своим языком, но делает новый, который можно назвать российско-французским по не сообразимому смешению сих обещх».¹² Однако прозаические жанры включали традиционных героев в новый для них контекст. Легко узнаваемые персонажи, оказавшись вне комедийной интриги, в значительно большей степени воспринимались как факты реальной жизни, как живые люди. Не случайно многочисленные сатирические жанры, появившиеся в журналах: «известия», «подряды», «рецепты», «ведомости», «письма» — носили характер документа.

В прозаических жанрах, как и в драматургии, одним из основных средств изображения человека была самохарактеристика персонажа. Прием этот имеет большую традицию. Он широко использовался в устной народной драме и сатирических рукописных пьесах. Комические персонажи (доктор, портной, разбойник) в монолог-самохарактеристике раскрывали свою профессиональную несостоятельность. Нередко их монологи представляли собой самовосхваление или исповедь.¹³

Самохарактеристика как художественный прием часто использовалась русскими драматургами в комедиях и комических операх, так как позволяла охарактеризовать комедийный персонаж при первом же его появлении на сцене и таким образом сосредоточить внимание зрителей на комедийной интриге. С развитием драматургии и усилившейся тенденцией к «жизнеподобию» на сцене драматурги отказались от самохарактеристики персонажей. Прием этот сохранился в чистом виде лишь в тех комедиях, где его откровенная условность соответствовала стилю всей пьесы. Так, самохарактеристики героев в сочетании с типично фарсовыми ситуациями придавали комической опере Я. Б. Княжнина «Трое ленивых» (1789) черты буффонады.

В лубочных картинках начиная с 60-х гг. XVIII в. с помощью иронической самохарактеристики высмеивались дворяне. Изобра-

¹¹ Сатирические журналы Новикова. С. 65.

¹² Рассказчик забавных басен, служащих к чтению в скучное время, или Когда кому делать нечево. Стихами и прозою. М., 1781. Лист. 44. С. 138—139.

¹³ Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976. С. 99.

жение дворянина сопровождалось текстом от первого лица: «По моде убираюсь, по моде наряжаюсь, прутиком подпираюсь, в прекрасных садиках гуляю, амурные песенки напеваю, никогда не работаю, веселюсь и гуляю».¹⁴

Самохарактеристики, встречающиеся на страницах сатирических журналов, напоминают монологи комедийных персонажей. В «Живописце» (1775) Новиков предлагает читателю «послушать», «как молодые люди о науках рассуждают». Наркис, Худовоспитанник, Кривосуд, Щеголиха, Молокосос, Волокита в пространных высказываниях подтверждают справедливость своих значащих имен. Причем рассуждения Волокиты во многом повторяют самохарактеристику дворянина с лубочной картинки: «Моя наука состоит в том, чтобы уметь одеваться со вкусом, чесать волосы по моде, говорить всякие трогающие безделки, вздыхать кстати, хохотать громко, иметь приятной вид, пленяющую походку...»¹⁵

Богатые изобразительные возможности традиционного художественного приема реализовались в сатирических «письмах», опубликованных в журналах Новикова. Стил «писем» прост и приближается к разговорному. Они в равной мере ориентированы на эпистолярный жанр и на устную речь. А. И. Горшков указал на своеобразный характер жанра «писем»: «...это была не повествовательная проза, но и не драматургия. Это были опыты создания образа повествователя, образа рассказчика в пределах тех монологических организованных контекстов, которые вмещались в жанр письма».¹⁶ Психологическая достоверность «писем», откровенность их «авторов» создавали впечатление, что «читатель письма <...> как бы случайно подслушал чужой разговор».¹⁷

Классический прием самохарактеристики, примененный в жанре «письма», усложнился и стал основой нового художественного стереотипа, значительно более содержательного по своим характерологическим возможностям. Вслед за критической самооценкой персонаж приводит откровенно ложное оправдание своих поступков. Возникает своеобразная цепочка обличительных самохарактеристик и следующих за ними самооправданий. Так в «Трутне», в письме к Ивану дядя рассказывает о себе: «Я сам грешник <...> знаю, что я преступник законов, что окрадывал государя, разорял ближнего, утеснял сирого, вдовицу и всех бедных судил по мзде <...> и ныне грешу почти противу всех заповедей <...> но <...> я исполняю церковные предания, службу божью слушаю с сокрушенным сердцем <...> и еще прибавил постов...» (л. XV). Или в «Живописце»: «...многия <я> пустил по миру, да это дело постороннее, и тебе до него нужды нет. Как перед богом не согрешить, как царя не обмануть, как у него не украсть? <...> у кого же и украсть, как не у царя; бла-

¹⁴ Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 1. № 234.

¹⁵ Сатирические журналы Новикова. С. 289—290, 293.

¹⁶ Горшков А. И. Язык предпушкинской прозы. М., 1982. С. 55.

¹⁷ Прохоров Е. П. Эпистолярная публицистика. М., 1966. С. 35.

годаря бога, дом у него, как полная чаша, так хоть и украдешь, так не убудет».¹⁸

Существенно изменилась степень «условности» этого приема, так как он получил психологическую мотивировку: письмо к близкому человеку допускает полную откровенность. Герои открыто показывают, что они в своей жизни нарушают и закон, и нравственные нормы. Нелепость их самооправданий была для читателя очевидна.¹⁹ Письма в «Трутне» и в «Живописце» были одним из шагов к созданию в литературе социально обусловленных психологических характеристик. Они свидетельствовали также об отходе от формализованной литературной роли, так как, несмотря на свою сатирическую заданность, выявляли неоднозначность характеров их «авторов».

Разграничение между истинным значением слов и их ложной интерпретацией И. А. Крылов использовал как художественный прием в «Почте духов», «Похвальной речи Ермалафиду» и других пародийных речах.²⁰

На несоответствии внешне благочестивого поведения персонажа его реальному характеру и поступкам строятся многие сатирические образы-характеристики в прозаических жанрах. Мартона, героя романа М. Д. Чулкова «Пригожая повариха» (1770), так рассказывает о своем хозяине: «Секретарь был человек небожный, он никогда не вставал и не ложился спать, не помолясь богу, перед обедом и ужином читал обыкновенные молитвы вслух <...> не пропускал ни одного воскресенья и бывал всегда у обедни <...> Всякое утро стоял он по два часа на молитве, а жена его в то время в передней горнице упражнялась во взятках и принимала всячину <...> Смотри по величине приноса, решил он и дела в приказе».²¹ В «Повествовании мнимого глухого и немого» (1783) Д. И. Фонвизин тем же способом в нескольких словах обрисовал титулярного советника Варуху Язвина, который был «в равной степени бездушник и ханжа. Однажды украл он из нашего табуна двенадцать лучших лошадей и на другой день со всею своею окаянною семьею на тех же краденых конях отправился в Ростов богу молиться».²²

Самохарактеристика персонажа, как литературный прием, претерпевая всевозможные изменения, прочно закрепилась в литературе.²³ М. Д. Чулков в «Пригожей поварихе» использует этот прием не только для создания сатирических образов, но и как принцип всего повествования. Роман написан от первого лица.

¹⁸ Сатирические журналы Новикова. С. 101, 393.

¹⁹ Кочеткова Н. Д. Сатирическая проза Крылова // Иван Андреевич Крылов: Проблемы творчества. Л., 1975. С. 110.

²⁰ См.: Там же. С. 106—112.

²¹ Русская проза XVIII века. М., 1971. С. 50.

²² Там же. С. 325.

²³ О том, как использовал его Н. В. Гоголь, см.: Степанов Н. Л. И. А. Крылов: Жизнь и творчество. М., 1958. С. 110—111; Серман И. З. Русский классицизм. Л., 1973. С. 254—255.

Мартона беззастенчиво, без намерения сколько-нибудь приукрасить свои поступки, рассказывает историю своей несправедливой жизни. Но роман в силу своих жанровых особенностей нуждается в психологической достоверности. Предельная откровенность героини мотивируется в самом начале повествования свойствами женского характера: «Я думаю, что многие из наших сестер пазовут меня нескромною; но как сей порок по большей части женщинам сроден, то, не желая против природы величаться скромною, пускаюся в него с охотою».²⁴

Исповедальная интонация романа прочно переплетена с самопронией, с комедийными мотивами. Мартоне, как героине плутовского романа, свойственны многие черты поведения широко распространенного драматургического персонажа — ловкой служанки, которая не без выгоды для себя обманывает хозяев, устраивая их судьбу. В тексте много намеков на театральную игру. В одном из эпизодов используется известный комедийный прием: мужчина, переодевшись в женское платье, проникает в дом к возлюбленной. По этому поводу героиня замечает: «Таким образом, первое вступление довольно изрядно было сыграно».²⁵ В другом эпизоде слуга Мартоны «намерен сыграть комедию», чтобы убедить окружающих в сумасшествии хозяина. Когда хитрость удастся, Мартона восклицает: «Таким образом кончилась комедия, в которой был первым действующим лицом мой слуга. . .»²⁶

Динамичное действие романа разворачивается «на глазах» у читателя в изложении Мартоны. Одна сцена быстро сменяется другой. Представление о возможных движениях в душе героини возникает у читателя чаще всего как бы самопроизвольно. «Это сродни тому психологизму, который свойствен драме и основан на ассоциативном сопереживании зрителя: он видит происходящее на сцене и догадывается о том, что могли бы чувствовать герои, даже если они и не произносят соответствующих монологов-поведей».²⁷

Однако литературная роль Мартоны, внешне соотносимая с комедийной ролью, была в романе более сложной. Неожиданность для читателя заключалась в новой социальной функции героини, действия которой не исчерпывались моделями поведения, характерными для комедийного персонажа. Служанка устраивала судьбу господ — Мартона вынуждена бороться за свою жизнь, устраивать свою судьбу. Причем в борьбе с внешним миром она далеко не всегда выходит победительницей. На ее долю выпадают и унижения, и страдания.

Нарушение стереотипа проявилось и в смещении нравственных критериев. «Развратная женщина», как она названа в подзаголовке романа, Мартона вызывала симпатию читателя своим

²⁴ Русская проза XVIII века. С. 43.

²⁵ Там же. С. 58.

²⁶ Там же. С. 77.

²⁷ Шаталов С. Е. Роман // Русский и западноевропейский классицизм: Проза. М., 1982. С. 210.

упорством и жизнелюбием. Эта новая, лишенная назидательности трактовка далеко не благонаправленной героини находила соответствие в «низовой» литературе — в фацециях и фаблю. В тексте есть упоминание о том, что Мартона «часто читывала книжку „Бабы увертки“». В том, что характер героини романа складывался из некоторых известных драматургии черт и свойств, есть закономерность. Сконцентрированность событий, авантюрное, кризисное время, одинаково характерные и для драмы и для плутовского романа, предъявляли схожие требования к персонажам.

Влияние драматургической поэтики всегда в той или иной степени сказывается в тех жанрах, в основе которых лежит прямая речь персонажей. Сказалось оно и в жанре «разговора», нашедшем место на страницах журналов «Трудолюбивая пчела», «Невиное упражнение», «Полезное увеселение», «Кошелек» и др.

Для этого жанра, имеющего большую литературную традицию, начиная с древнегреческой сатиры Лукиана, были характерны специфические структурные черты: мотивированная завязка, наличие собеседника, стимулирующего рассказчика своими вопросами, развязка, сводящаяся, например, к ссылке на поздний час, вынуждающий собеседников прервать разговор. Однако такую четкую структуру имели главным образом переводные «разговоры». Русские авторы, поднимая в этом жанре злободневные социальные вопросы или осмеивая человеческие пороки, не скомывали себя традиционной формой. «Разговоры мертвых», которые А. П. Сумароков поместил в «Трудолюбивой пчеле», — это четыре сценки-диалога, в которых классические персонажи-антагонисты — скупой и мот, высокомерный и низкомерный, господин и слуга, а также медик и стихотворец — проявляют свои качества. Задача автора — детализировать хорошо известные характеры, показать их с различных сторон. Эти сценки не имеют завязки — само жанровое определение «разговоры мертвых» давало читателям представление об обстоятельствах диалога и мотивировало «раскрытость», откровенность персонажей. Такие диалоги, как правило, заключали в себе и самохарактеристики. В финале персонажи произносили обобщающие реплики, вполне соответствующие их характерам.

«Разговоры», которые поместил Новиков на втором и третьем листах журнала «Кошелек» (1774), демонстрируют не просто свободное отношение его к классическому жанру, но по сути смешение различных жанровых форм. Это «разговор» между россиянином и французом и «разговор» между немцем и французом.

Основная задача журнала «Кошелек» была объявлена в предисловии к нему — борьба с галломанией. С этой целью и написаны «разговоры». Они развиваются то в соответствии с законами этого жанра, то отступают от них и больше тяготеют к драматургическому диалогу.

Логика ведения «разговоров» определяется устойчивой темой сатиры XVIII в. Сатирическая установка определила композицию и стилистику реплик, их содержание. Реплики не соотносимы

с подлинной устной речью, потому что слишком пространны и логически завершены. Причем реплики россиянина и немца являются побуждающими к разговору. Основное смысловое содержание несут высказывания француза-парикмахера, который, отвечая собеседникам, обнаруживает свои истинные намерения. Он собирается наняться учителем к русским недорослям, чтобы заработать деньги, стать купцом, а затем, всеми возможными способами сколотив капитал, вернуться в свое отечество.

Завязкой служит сообщение издателя о том, что он был свидетелем «странных и любопытства достойных разговоров», которые, «пришед домой, написал», а теперь передает на суд читателей. Важно подчеркнуть, что «разговоры» подаются читателю словно выхваченные из реальной жизни, подслушанные сторонним наблюдателем сценки. Это подчеркивается и первой же эмоционально окрашенной репликой, как бы продолжающей диалог: «Ф р а н ц у з: Так, государь мой, я уверяю вас, что подобного несчастья не случалось еще во всю жизнь мою. Сакр-дье! проиграть с ряда двенадцать робертов! Не правда ли, сударь?».²⁸

Прямым заимствованием из драматургии являются авторские ремарки: «к стороне», «в сторону». Следующие за ними реплики передают внутреннюю речь персонажей. Немец, возмущенный презрительным отношением француза к русским людям, восклицает: «(*К стороне*) „О какая подлая душа! сердце неблагодарное и изменническое! чудовище, недостойное человеческого имени! — Однако ж, укреплюсь еще“. (*К французу*) „Вы справедливо рассуждаете“».²⁹

Мы видим, как в реплике немца проявляется авторская оценка персонажа и как автор довольно слабой мотивировкой («укреплюсь еще») возвращает диалог в прежнее русло. Реплики персонажей постепенно становятся все пространнее и вместо продолжения «разговора», обещанного в следующем, 4-м листе, Новиков предлагает своим читателям «письмо французского защитника». Таким образом, сюжет, начатый «разговором», продолжает развиваться уже в другом жанре.

Универсальной литературной формой, способной вобрать в себя многообразие художественных приемов, в том числе драматургических, по-новому осмыслить и интерпретировать их, стала повесть.

В этом отношении показательна повесть И. А. Крылова «Ночи» (1792). Ориентируясь на авантюрный роман Ж.-Б. Луве де Кувре «Любовные приключения кавалера де Фоблаза»,³⁰ пародируя в начале повествования «Ночные размышления» Э. Юнга,³¹ Крылов создал художественное произведение, в котором действиями и рассуждениями одного героя органично связаны между собой различные типологические конструкции.

²⁸ Сатирические журналы Новикова. С. 480.

²⁹ Там же. С. 486.

³⁰ Кочеткова Н. Д. Указ. соч. С. 100.

³¹ Горшков А. И. Указ. соч. С. 154.

Через всю повесть проходит тема театральной игры, маскарада, дурачества людей — «размышляющих куколок», как называет их Момус. Спор между Днем и Ночью — как между мнимым и действительным — призван разрешить писатель-рассказчик. Чтобы узнать «развязку комедии», т. е. истину, он должен стать ее зрителем: «выходить в десятом часу, возвращаться домой в пятом пополудни и записывать все то, что <...> увидишь и услышишь».³²

Художественный прием, с помощью которого Крылов в начале повести рисует сатирические образы, имеет много общего с жанром «картин». Персонажи здесь также показаны в различных ситуациях, и способом их характеристики является описание.

Перед мысленным взором героя-рассказчика проходят пышный вельможа, «обольщающая» красавица, щеголеватый господчик. Описывается, какими они были «за несколько перед сим часов» и как они выглядят сейчас, ночью. Вельможа, «валяясь в пышных пуховиках, изволит заниматься хорошими сновидениями, между тем как секретарь его готовит ему к завтраму политические рассуждения». Красавица «спит, и все ее прелести раскладены на уборном столике: прекрасные зубы ее лежат в порядке близ зеркала; голова ее так чиста, как репа, а волосы, которым удивлялись, висят, осторожно накинута на зеркало. . .» «Еще не прошло пяти часов», как щеголь, «обвешенный золотыми цепочками», божился, «что изрубил всю Турецию <...> без устали считывал он свои победы и тысячами поминал своих убитых». Теперь «подле его лежит аттестат, данный ему его дядюшкою о храбрости его, оказанной такого-то числа, а подле аттестата развернута записная его книжка, в которой видно ясно, как день, что того числа за сто верст от сражения находился он для любовного приключения. . .»³³

Однако в этих пространных описаниях нет уже четко выраженной статичности, характерной для жанра «картин». Напротив, естественная неподвижность спящих персонажей контрастирует с той необыкновенной живостью и активностью, которые были присущи им днем. Автор дает читателям понять, что ночь своим неизбежным приходом прекращает дневные «дурачества» людей и напоминает им о бренности жизни. Тем самым сатирический сюжет повести приобретал философский оттенок.

Новым было и то, что в повести отчетливо проявилась авторская ирония по отношению к изображаемым персонажам. Рисуя образ щеголя, Крылов обращается к читателю: «Читатель, вспомни что он был днем, сравни язык его с его постелью и ты увидишь, что он лжет, как храбрый человек, а нежится, как женщина. Где же его богатство, которое, как сказывают, нажил он насчет побежденных им неприятелей? О, что до этого, то к утру же портной, сапожник и другие ремесленники собираются засвидетель-

³² Крылов И. А. Сочинения. М., 1984. Т. 1. С. 318—319.

³³ Там же. С. 308—310.

ствовать в магистрате, с какою неустрашимостью подписывал он векселя, которых ни в двести лет оплатить не будет в состоянии. . .»³⁴

Повесть пропизана также и иронией по отношению к читателям. Она выразилась, например, в том, что Крылов, высмеивая популярные в то время сценические эффекты, даже не пытается мотивировать смещение в своем произведении реальности и фантастики, соединение художественных приемов, возникших в различных родах искусств. Ночь — «женищина лет под сотню» — внезапно появляется в его комнате прямо из пьесы Мольера «Амфирион», «где она точно так же спускается, с той приглом разницею, что там ее с небес спускают на веревках, которые часто видны, и заставляют нередко меня трепетать, чтоб госпожа богиня не раскроила себе череп и не убилась бы до смерти. Что до той ночи, которая посетила меня, то машинист ее, кажется, был исправнее театрального».³⁵

В повести «Почи» большое место занимают диалоги различных композиционных типов, в том числе построенные по драматургическому принципу — как чередующиеся реплики двух лиц. Разговор слуги и барина включен в повесть как подслушанный разговор и выполняет главным образом сатирические функции. Причем слуга, поучающий барина и обнаруживающий при этом знание античной мифологии, современной ему литературы и драматургии, а также знакомство с сочинениями Ж.-Ж. Руссо, — весьма условная фигура, напоминающая слуг из комедии Мольера. Еще более близок драматургическому диалогу разговор Обманы и Тратосила, когда муж не узнает свою жену, одетую в маскарадный костюм, и она ловко обманывает его. Драматическое напряжение в диалоге создается ситуациями, в которых обман несколько раз чуть было не обнаруживается. Диалог снабжен многочисленными авторскими ремарками («весело», «указывая на меня», «мне, тихо», «мне, взяв Обману за руку», «улыбаясь», «особо») и выглядит как самостоятельная сатирическая сценка. Мотив притворства, переодеваний и разыгрываний был одним из ведущих в западноевропейской комедии XVI—XVIII вв. Широко использовался он и русскими драматургами.

Синтаксис этих диалогов отражает стремление к сближению литературного языка с разговорным. В них используются, например, неоконченные словесные конструкции.

Богатые изобразительные возможности диалога, строящегося по законам устной речи, воспроизводящего интонационные и фонетические особенности говорящего и тем самым непосредственно характеризующие его, использовал А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву». В главе «Зайцово» с помощью сатирического диалога рисуются образы вступающих в брак старика Дурьндина и госпожи Ш., бывшей сводни. Диалог является частью

³⁴ Там же. С. 310.

³⁵ Там же. С. 312.

«письма от приятеля», но имеет все формальные признаки драматургического диалога: чередующиеся реплики, авторские ремарки, самостоятельный законченный сюжет. Включив такой диалог в разнородную жанровую структуру «Путешествия», Радищев добавляет еще один сатирический штрих к изображаемой им действительности.

Прерывистая речь героев, передающая их эмоциональное состояние, семантически наполненные паузы, которые стали обозначаться в тексте многоточием, возникли в литературе как результат стремления к правдивой передаче устной речи. В этом отношении проза развивалась параллельно с драматургией, художественная эволюция которой была связана с уменьшением повествовательного элемента, выражаемого через словесный ряд, и с усилением образности за счет сочетания речи персонажа во всем многообразии его интонационных оттенков и жеста, определяемого авторскими ремарками. Сочетание слова и жеста, обладающее большими выразительными и характерологическими возможностями, постепенно начинает играть более заметную роль и в жанрах повествовательной прозы. На несоответствии слов персонажа манере его поведения строил Сумароков свой очерк «О неестественности». В повести Крылова «Ночи» сочетание слова и жеста не только служит характерологической цели, но и ведет к созданию подтекста. Описывая «вечеринку» богов, автор фиксирует поведение персонажей, произносящих реплики: «О! сказал Марс, вслушиваясь в наш разговор и вынимая табакерку». «Пустое! — сказал, подошел, Бахус и дотягивая двадцать четвертую бутылку шампанского». «Надобно отдать справедливость Ночи — сказала с презрительною улыбкою Юнона, — что она очень полезная богиня для неверных мужей и для непостоянных жен. . . Тут Юпитер засвистал песенку из новой оперы, а Венера, улыбаясь, поглядывала на Марса».³⁶

Как и в драме, «язык слов» здесь сочетается с «языком действия» — мимикой, жестами, поступками. Намеки на многочисленные супружеские измены богов, заключающиеся в этой сценке, создают второй план повествования, перекликающийся с основной идеей повести — разоблачением фальшивости человеческих отношений.

Большую художественную выразительность жеста, обнаруживающего непреднамеренные, индивидуальные проявления душевных движений, использовали и другие писатели. В «Острове Борнгольм» Н. М. Карамзин изображает реакцию персонажей на какие-то неясные читателю обстоятельства с помощью «немых сцен», усиливающих неясный, призрачный подтекст повести. Несчастный молодой человек, чувства которого «были мертвы для внешних предметов», «вздохнул, поднял глаза к небу, опустил их опять на волны морские — отошел от дерева, сел на траву, заиграл на своей гитаре печальную прелюдию, смотря беспрестанно на море, и за-

³⁶ Там же. С. 315—316.

пел тихим голосом. . .» Особенно характерно описание встречи путешественника и женщины, заключенной в подземной темнице: «В самую сию минуту она проснулась — взглянула на решетку — увидела меня — изумилась — подняла голову — встала — приблизилась — потупила глаза в землю, как будто бы собираясь с мыслями, снова устремила их на меня, хотела говорить и — не начинала».³⁷

«Остров Борнгольм» Карамзина был одним из первых произведений в русской литературе, в котором нарушались принципы рационалистического искусства, — мысли и эмоции литературных героев не были непосредственно связаны с изображаемой ситуацией. Смешанная семантика жестов и речи персонажей стала широко применяться в литературе XIX в., приводя в ряде случаев к созданию в повествовательных жанрах сценических ситуаций и характеров.³⁸

В XVIII в. драматургическая поэтика вполне соответствовала общелитературным и общехудожественным тенденциям. Стремление к созданию у читателей прозаических жанров зрительного образа опиралось на тезис Буало: «Волнует зримое сильнее, чем рассказ». Использование прозаическими жанрами элементов драматургической поэтики приводило к созданию новых средств художественной выразительности.

³⁷ Русская проза XVIII века. С. 607, 614.

³⁸ Якушкина В. Г. Черты сценического стиля Достоевского // Наука о театре: Межвуз. сб. трудов преподавателей и аспирантов. Л., 1975. С. 487—492.

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ПРОБЛЕМА «ЛОЖНОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ»
В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

С сентиментализмом в русскую литературу, как и в европейскую, входит не только понятие «чувствительность», но почти одновременно с ним и другое — «ложная чувствительность». В сознании позднейших поколений то и другое почти слилось и как бы объединилось под словом «сентиментальность». Так, В. Г. Белинский писал: «Карамзин <...> внес в русскую литературу элемент *сентиментальности*, которая — не что иное как пробуждение *ощущения* (sensation), первый момент пробуждающейся духовной жизни. В сентиментальности Карамзина ощущение является какою-то отчасти болезненной раздражительностью нервов. Отсюда это обилие слез и истинных, и ложных. Как бы то ни было, эти *слезы* были великим шагом вперед для общества: ибо кто может плакать не только о чужих страданиях, но и вообще о страданиях вымышленных, тот, конечно, больше человек, нежели тот, кто плачет тогда только, когда его больно бьют».¹ Замечательно, что, говоря о «сентиментальности» вообще, критик все же разделяет «слезы истинные» — слезы о «чужих страданиях» — и «слезы ложные» — слезы о «страданиях вымышленных». Таким образом, для разграничения тех и других служит прежде всего нравственный критерий.

Подобный подход между тем коренится в традиции, восходящей к самой литературе сентиментализма. Анализируя творчество Стерна, современные исследователи показали, что в его произведениях содержится не только апология чувства, но и насмешка над ним. Ирония оказывается одним из наиболее существенных элементов литературы сентиментализма.²

Сентиментальная ирония нередко содержала в себе элемент игры: автор как бы подчинялся прихотям своего воображения, произвольно переходящего от предмета к предмету. Соответственно

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 166.

² См.: Тронская М. Л. Немецкий сентиментально-юмористический роман эпохи Просвещения. Л., 1965; Зорин А. Л. К истории легенды о сентиментальном Стерне // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1980. № 5. С. 72—75.

возникла и особая система правил — не регламентированных, не узаконенных теорией, как это было в литературе классицизма, но предполагающих их единое понимание у посвященных. Поэтому разговор автора с читателем — характерная особенность сентименталистской литературы — оказывался одной из форм проявления этой игры, требовавшей обязательного партнера. Внешне игра казалась общедоступной, и единственным требованием оставалось лишь одно, но весьма существенное: и автор, и читатель должны быть «чувствительными» людьми. Но здесь-то и начинались главные трудности, поскольку чувствительность могла быть истинной, а могла быть и ложной, кажущейся, буквально — наигранной.

Таким образом, в сентиментальной иронии следует различать разные ее типы — в зависимости от того, что является ее объектом: собственное чувство, чувство персонажа, которому автор симпатизирует, или фальсификация чувства со стороны другого, условно говоря, «участника игры» — либо персонажа, либо собрата по перу. Именно с этим последним типом связано ироническое изображение ложной чувствительности.

Уже в произведениях Карамзина начала 1790-х гг., знаменовавших расцвет нового направления, появляются персонажи, навязчиво выставляющие напоказ свои чувства и вызывающие откровенную иронию автора. Так, в «Письмах русского путешественника» (письма из Швейцарии) Карамзин рассказывает о своем знакомстве с датчанами — поэтом Й. Баггесеном и графом А. Г. Мольтке. «И тот, и другой, — замечает Карамзин, — любит аханье и восклицания. Граф бьет себя по лбу и стучит ногами, а поэт Баг * (Баггесен. — *Н. К.*) складывает руки крестом и смотрит на небо, когда Лафатер говорит о чем-нибудь с жаром».³ Иронический тон сопровождает все последующие упоминания об этих датчанах. «Романическая» история женитьбы Баггесена на Софии Галлер, описанная со слов его соотечественника Г. Беккера (образ которого нарисован с искренней теплотой), содержит даже элементы комизма. Узнав, что София — внучка знаменитого поэта А. Галлера, Баггесен «вспрыгнул от радости и побежал к ней снова рекомендоваться и уверять ее в своем неограниченном почтении к творениям покойного ее дедушки».⁴ Явившись с визитом в семью Софии, датчане одолевают ее родственников нетерпеливыми вопросами: «Скоро ли будет домой девица Галлер? скоро ли возвратится девица София? скоро ли увидим мы приятную нашу сопутницу?» С нескрываемой иронией автор имитирует этот восторженный тон: «Наконец пришла девица Галлер, возвратилась девица София; датчане увидели свою приятную сопутницу и не могли удержаться от радостного восклицания при ее входе».⁵

³ Московский журнал. 1791. Ч. 4, кн. 3. С. 321—322.

⁴ Там же. Ч. 6, кн. 2. С. 198.

⁵ Там же. С. 199.

Пазывая Баггесена и Мольтке «чувствительными путешественниками», автор «Писем» всячески подчеркивает искусственность, ложность их чувствительности, выраженной крайне нарочито и неестественно. Восхищаясь швейцарским пейзажем, Мольтке громгласно и достаточно нелепо демонстрирует свою способность ценить красоту природы (неотъемлемое качество чувствительного человека!): «Мольтке, смотря на Белую гору, подымал руки, громкими восклицаниями изъясняя восторг свой, уверял, что он хотел бы жить и умереть на снежной вершине ее, и дивился тому, что никто из земных владык, для бессмертия славы своей, не вздумал намостить большой дороги от низу до верху сей горы так, чтобы туда можно было ездить в каретах. Вы видите, что граф любит гигантские мысли!»⁶

Ложные представления о чувствительности и способах ее проявления вызывают неизменную насмешку Карамзина и в ряде других случаев. Рассказывая, например, о своем знакомом живописце, страстном поклоннике Руссо, автор «Писем» упоминает: «...он между прочим изобразил его (Руссо. — *Н. К.*) целующего фланелевую юбку, присланную ему на жилет от госпожи Д*. Молодому живописцу показалось это очень трогательным». «Люди имеют разные глаза и разные чувства», — кратко, но достаточно выразительно характеризует «русский путешественник» этот эпизод.⁷ Здесь же он по-своему высказывает восхищение Руссо и даже преклонение перед ним.

Привлекая большой и разнообразный материал, М. А. Арзуманова показала, что с сатирическими выпадами против произведений сентиментализма выступают и сами писатели-сентименталисты или близкие им по эстетическим взглядам авторы.⁸ Чаще всего, однако, речь идет не о критике сентиментализма как такового, а о борьбе его приверженцев против ложной чувствительности. В сущности полемика отдельных авторов внутри одного направления — процесс вполне обычный и закономерный. Аналогичные явления хорошо известны и в литературе русского классицизма. Специфика направления, пришедшего ему на смену, состояла, в частности, в известной раздвоенности сознания, отказе от метафизичности и усилении субъективного начала. Все это как раз и способствовало разворачиванию подобной полемики. Замечательно также, что в нее включаются самые ярые апологеты чувствительности. Так, одним из них оказался И. И. Мартынов.

П. А. Орлов справедливо отметил, что юмор Мартынова «направлен не против чувствительности вообще, а лишь помогает автору удерживать ее в строгих рамках».⁹ В добавление следует отметить, что в «Филоне» Мартынова ложная чувствительность

⁶ Там же. Ч. 7, кн. 1. С. 50.

⁷ Там же. Ч. 6, кн. 1. С. 46.

⁸ См.: Арзуманова М. А. Русский сентиментализм в критике 90-х годов XVIII в. // Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 197—223. (XVIII век. Сб. 6).

⁹ См.: Орлов П. А. Русский сентиментализм. М., 1977. С. 174.

ассоциируется с подражательностью. Речь заходит в связи с этим о необходимости искренности в творчестве. Мартынов, очевидно, опирается на программную статью Карамзина «Что нужно автору?» (1793), в которой были сформулированы важные для сентиментализма принципы: «Тщетно думает лицемер обмануть читателей и под златую одеждую пышных слов сокрыть железное сердце; тщетно говорит нам о милосердии, сострадании, добродетели! Все восклицания его холодны, без души, без жизни; и никогда питательное, эфирное пламя не польется из его творений в нежную душу читателя».¹⁰ Вслед за издателем «Аглаи» Мартынов провозглашает: «Беспритворство, друзья мои! беспритворство и простота да будет нашим компасом».¹¹ Заявляя себя приверженцем Карамзина, автор «Филона» в то же время делает репительный выпад против его подражателей, опошляющих истинную чувствительность: «Я <...> не товарищ и тем лицемерам, которые, прельстившись однажды навсегда томным звоном канувших на струны слез счастливого виртуоза, с воем наигрывают *Плоды своей меланхолии*, несмотря на правила гармонии».¹² Здесь имеется в виду совершенно конкретное лицо — литератор П. В. Победоносцев, автор книги «Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца» (М., 1796).

Описывая беседу во время обеда в монастыре, автор «Филона» весьма скептически отзывается об одном из ее участников, условно названном «синим фраком». В тексте сочинения появляется пустая страница, воспроизведенная при печатании «Филона» в журнале. Эта страница не только знаменует пустоту «разговора синего фрака», но оказывается даже «лучше» этого разговора. Эпизод сопровождается обращением к Х. Блэру: «Блер! ты говоришь, надобно быть тронуту самому, чтоб тронуть других: кто ж тут виноват? ты или синий фрак?»¹³ Обращаясь к авторитету английского автора, хорошо известного и ценимого в России XVIII в., Мартынов подкрепляет свою позицию — «чувствительного» автора и одновременно врага всякой ложной чувствительности.

Та же самая проблема «ложной чувствительности» занимает существенное место и в переводных произведениях, публиковавшихся в журналах «Чтение для вкуса, разума и чувствований» и «Приятное и полезное препровождение времени». Так, в переведенной В. С. Подшиваловым повести А. Г. Мейснера «Густав Линдау, или Человек, который не может терпеть зависти» говорится о положительном герое: «Ложная чувствительность и холодность были равномерно ему досадны».¹⁴ В анонимном переводе сочине-

¹⁰ Карамзин И. М. Избр. соч. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 120—121.

¹¹ Муза. 1796. Ч. 2. С. 237.

¹² Там же. Ч. 3. С. 233.

¹³ Там же.

¹⁴ Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 10. С. 120. — Перевод опубликован также отдельным изданием (М., 1793). Позднее вошел в изд.: Избранные повести и басни Мейснеровы / Пер. В. Подшиваловым. Владимир, 1803. Кн. 8. Эта же повесть была переведена и Г. Яценко: Мейснеровы повести и разговоры. М., 1796. Ч. 1—2.

ния К. Штилле «Горный мудрец» обращает на себя внимание следующее высказывание: «Некоторые имеют очень дурную привычку плакать и плачут часто из одного детского своенравия или даже искусственно. Такие слезы есть не иное что, как отвратительная болотная вода. Но прекрасны слезы, происходящие от живого сочувствования, от тронутой души; они услаждают сердце, подобно как вечерняя роса после дневного зною услаждает томные растения».¹⁵

Особо следует остановиться на статье «Чувствительность и причудливость», появившейся в «Приятном и полезном препровождении времени» в 1796 г. за подписью «И».¹⁶ В статье последовательно проводится противопоставление истинно чувствительного человека и «причудливого», т. е. такого, который «хочет играть роль тронутого». Подчеркивая «натуральность», «естественность» проявлений настоящей чувствительности, автор весьма иронически оценивает искусственные попытки внешнего подражания ей. Образцом первой оказывается герой Стерна Йорик. О «причудливых», выставляющих напоказ свою ложную чувствительность, говорится следующее: «. . . один подымает плачевный вой о смерти фиалочки и не хочет утешиться; другой перед древним дубом повергается на колени и с такою важностию и благоговением простирает к нему речь, как будто бы он имел уши его слышать или глаза его видеть; третий со всею важностию заводит любовные беседы с луною и звездами, посылает к ним поцелуи, простирает объятия, как будто бы хотел их прижать к сердцу < . . . > причудливый приписывает им жизнь и чувственную силу, которой они не имеют, поставяет их в ненатуральных отношениях, в каких они никогда не стояли. . . » Конкретные примеры проявления подобной «причудливости» нетрудно найти в массовой литературе как европейского, так и русского сентиментализма. Показной характер ложной чувствительности демонстрируется еще одним любопытным примером: «. . . те самые голубиные глазки, которые в сию минуту при виде растоптанного цветочка или страждущего червячка разливаются в слезах соболезнования, через час при малейшей погрешности горничной девушки или при хозяйственном напоминании хладнокровнейшего супруга вдруг заворачивают огненными тигровыми взглядами!»

Подобные издержки культа чувства заставляют автора статьи вернуться к спасительному авторитету разума: «. . . для чего именно в нашем ложно чувствительном веке восстало толь много явных врагов прекрасного дара небес, превосходнейшего нашего преимущества — разума?» Тем не менее это не было отступлением на позиции классицизма: автор выступает апологетом чувствительности, но истинной, понимаемой им как «отменной склонности к таким чувствованиям в которых есть нечто нравственное».

 ¹⁵ Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. 1. С. 333—334.

¹⁶ Там же. 1796. Ч. 11. С. 241—254.

Наконец, особое внимание уделяется внешним проявлениям, по которым различается чувствительность истинная и ложная. Для первой характерно «спокойствие, достоинство и естественная простота»; для второй — «пустые слова, восклицания, изречения, вздохи, слезы, ломанье рук и повержение в бесчувствие с точным соблюдением театральной благопристойности вместо деятельного исполнения».

Как видно из приведенных выдержек, в статье затронуты важнейшие вопросы эстетики сентиментализма. При этом критика ложной чувствительности осуществляется не извне, а как бы изнутри самого направления.

Статья неоднократно привлекала интерес исследователей. Так, А. И. Комаров характеризует ее как одно из наиболее значительных «выступлений против излишней сентиментальности». ¹⁷ П. А. Орлов считает, что статья «Чувствительность и причудливость» была реакцией на явления, связанные с кризисом направления в целом. ¹⁸

В современной научной литературе упоминается два разных имени, когда заходит речь об авторе этого любопытного сочинения: чаще всего — И. И. Дмитриев, реже — В. С. Подшивалов. А. И. Комаров, говоря о статьях за подписью «И» в «Приятном и полезном препровождении времени», достаточно осторожно указывал: «Этой буквой подписывался ближайший друг Карамзина И. И. Дмитриев». ¹⁹ Другие исследователи называли автором Подшивалова, не аргументируя специально эту атрибуцию. ²⁰ П. А. Орлов вновь утверждает, однако, со всею определенностью: «Дмитриев в 1796 г. пишет статью „Чувствительность и причудливость“; последняя понимается им как ложная, показная чувствительность». ²¹ Обе атрибуции подкрепляются указаниями И. Ф. Масанова.

И. И. Дмитриеву приписываются И. Ф. Масановым публикации за подписью «И» на основании свидетельства М. А. Дмитриева. ²² Между тем мемуарист рассказывал о сотрудничестве своего дяди в других журналах, не упоминая «Приятное и полезное препровождение времени»: «Печатая свои стихи в Московском журнале <1791 и 1792> он (И. И. Дмитриев. — *Н. К.*) подписывался только одною литерою *И*; а в Аонидах и последующих журналах ставил под своими стихами только три звездочки ***. По этим

¹⁷ Комаров А. И. Журналы Н. М. Карамзина и его направления // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1: XVIII век и первая половина XIX века. С. 151.

¹⁸ Орлов П. А. Указ. соч. С. 251—252.

¹⁹ Комаров А. И. Указ. соч. С. 150.

²⁰ См.: Арзуманова М. А. Русский сентиментализм в критике 90-х годов XVIII в.: Дисс. . . канд. филол. наук. Л., 1964. С. 257—260.

²¹ Орлов П. А. Указ. соч. С. 151.

²² См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956. Т. 1. С. 399.

признакам можно узнать те из его стихов, которых он не поместил в собрании своих сочинений».²³

Известно, что И. И. Дмитриев сотрудничал в «Приятном и полезном препровождении времени»: он напечатал здесь целый ряд своих стихотворений. Однако большинство его публикаций имеет другие подписи: «—въ» или «—ъ» («Гимн богу», «Глас патриота», «К голубку» и целый ряд других); некоторые стихи напечатаны без подписи («Стихи на присоединение польских провинций», «Размышление по случаю грома»). Принадлежность этих произведений Дмитриеву устанавливается их последующим включением в его собрания сочинений. Все эти публикации помещены в следующих частях журнала: 1, 2, 4, 6, 8-й, т. е. в период 1792—1794 гг.; затем наступает перерыв. Лишь в 1798 г. в 18-й части журнала появилась басня «Чиж», ранее печатавшаяся в «Аглае». Между тем публикации за подписью «И» в «Приятном и полезном препровождении времени» начинают встречаться с 9-й части, т. е. с 1796 г. Они многочисленны и очень разнообразны по характеру: это и стихи, и прозаические статьи, и переводы, в том числе из Э. Юнга, Э. Клейста, статьи «Суд о Шакспире» и «Жизнь Шакспирова». Показательно, что ни одно из произведений не вошло в собрания Дмитриева. Никаких упоминаний об этих многочисленных публикациях нет в его переписке, в рассказах мемуаристов и т. д. Впрочем, все это, разумеется, не является неоспоримым доказательством, и по установившейся традиции переводы из Юнга за подписью «И» приписываются Дмитриеву.²⁴

Важно, однако, отметить, что подпись «И» стоит и после примечаний издательского характера. Так, к первой публикации отрывков из сочинения «Россиянин в Англии» сделано следующее примечание: «Мы получили сии отрывки от самого автора. В них заключается много любопытного и полезного <...> Под сим же заглавием и впредь писсы его сообщать будем».²⁵ Совершенно очевидно, что к такой публикации Дмитриев был не причастен. Не исключено, правда, что разные лица могли печатать свои сочинения в одном и том же журнале, подписываясь одинаково: буквой «И».

В связи со всем сказанным заслуживает внимания указание того же И. Ф. Масанова на В. С. Подшивалова, как на автора публикаций за подписью «И» в «Приятном и полезном препровождении времени».²⁶ Источником в данном случае послужила статья Д. Ф. Кобеко, который полагал, что подписью «И» пользовался один из издателей журнала, а именно Подшивалов.²⁷ На наш

²³ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 115.

²⁴ См.: Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма // Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 222.

²⁵ Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 9. С. 56.

²⁶ Масанов И. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 400.

²⁷ Кобеко Д. Несколько псевдонимов в русской литературе XVIII века // Библиографические записки. 1861. № 4. С. 107.

взгляд, именно эта атрибуция заслуживает наибольшего доверия. Хотя с 1796 г. журнал фактически перешел в руки П. А. Сохацкого,²⁸ это не исключало для Подшивалова возможности участвовать в подборе материалов, а тем более сотрудничать в издании. Итак, подпись «И» с максимальной долей вероятности можно считать принадлежавшей Подшивалову, приверженцу Карамзина, литератору, тесно связанному с сентиментализмом. В то же время автора важной для нас статьи «Чувствительность и причудливость» можно назвать с абсолютной точностью.

Известно, что в журналах XVIII в. часто одинаково подписывались как оригинальные сочинения, так и переводные. К сожалению, вопрос о переводном характере статьи даже не ставился исследователями. Между тем литератор, подписавший статью буквой «И», в данном случае выступал именно как переводчик.

Сопоставление русского перевода с выявленным оригиналом позволяет констатировать, что статья «Чувствительность и причудливость» представляет собой достаточно точный перевод первой части книги *«Ueber Empfindsamkeit und Empfindelei in pädagogischer Hinsicht»* (Hamburg, 1779), автором которой является известный немецкий писатель-просветитель Иоахим Генрих Кампе (1746—1818).²⁹ Домашний учитель Вильгельма и Александра Гумбольдтов, затем наряду с Й. Б. Базедовым активнейший деятель филантропизма в Дессау, Кампе оказался среди тех европейских деятелей культуры, которые приветствовали Великую французскую революцию. Посетив Францию в самый разгар событий 1789 г., он описал свои впечатления в «Письмах из Парижа». Одновременно с Дж. Вашингтоном, Т. Костюшко, И. Х. Песталоцци, Ф. Шиллером и другими выдающимися людьми своего времени он получил почетное гражданство Французской республики.³⁰ Опираясь на сочинения Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, Кампе развивал прогрессивные педагогические идеи. Он выступил как автор многочисленных сочинений, написанных для детей и юношества. Особую популярность в течение ряда десятилетий имела его переработка романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» (1779), неоднократно переводившаяся на разные языки. Творчество Кампе, и в частности, интересующую нас статью, современный исследователь Г. Заудер вполне основательно связывает с сентиментализмом.³¹

²⁸ См.: *Рогожин В. Н.* Дела «московской цензуры» в царствование Павла I как материалы для русской библиографии и словаря русских писателей. СПб., 1902—1922. Вып. 1—2. (По указателю).

²⁹ О нем см.: *Grundriß zur Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen K. Goedeke*. 2 Aufl. Dresden, 1841. Bd. 4. S. 29; *Baur G. Campe J. H.* // *Allgemeine Deutsche Biographie*. Leipzig, 1876. Bd. 3. S. 733—737; *Leyser J. Joachim Heinrich Campe* // *Ein Lebensbild aus dem Zeitalter der Aufklärung*. Braunschweig, 1877. Bd 1—2.

³⁰ См.: *Campe J. H.* Briefe aus Paris während französischen Revolution geschrieben / Hrsg. von H. König. Berlin, 1961.

³¹ См.: *Sauder G.* Empfindsamkeit. Stuttgart, 1974. Bd 1. Voraussetzungen und Elemente. S. 6, 157—162.

В России XVIII в. Кампе знали очень хорошо. Карамзин называл его «славным немецким педагогом».³² В 1780-е и особенно в 1790-е гг. появились многочисленные переводы произведений Кампе — они выходили как отдельными изданиями, так и журнальными публикациями. Три издания выдержала «Детская библиотека» Кампе в переводе А. С. Шишкова; к сочинениям немецкого педагога обращались самые разные переводчики: Ф. Печерин, М. Шлыков, А. Тихомиров и др.³³ Обращает на себя внимание, что книгу Кампе «Краткая психология, или Учение о душе для детей» (М., 1789) перевел с немецкого В. С. Подшивалов. Этот факт может служить еще одним косвенным аргументом в пользу атрибуции ему же рассматриваемого перевода статьи «Чувствительность и причудливость».

Среди журналов, печатавших переводы из Кампе, можно назвать «Утренний свет», «Детское чтение для сердца и разума», где сотрудничал Подшивалов, и, наконец, «Чтение для вкуса, разума и чувствований», издававшееся Подшиваловым. 20 сентября 1789 г. А. А. Петров писал Карамзину: «Осиротевшее без тебя Детское чтение намерен я наполнить по большей части из Кампова Теофраона».³⁴ «Теофрон» — педагогическое сочинение Кампе, содержавшее также ряд психологических наблюдений. Отрывок из «Теофраона» в переводе Д. Смирнова позднее был помещен в журнале «Муза» (1796. Ч. 2. С. 89—93). Как установила Е. П. Привалова, многие переводы из Кампе, помещенные в «Детском чтении», вошли затем в книгу «Бесценный подарок для благовоспитываемых детей. . .» (М., 1797). По убедительному предположению исследовательницы, переводчиком этой книги был опять-таки Подшивалов.³⁵ В период, когда он был издателем «Приятного и полезного препровождения времени», там было напечатано «Известие о небольшом путешествии г. Кампе из Гритова в Висмар, а оттуда в Шверин в виде писем его к детям». Здесь же Подшивалов сообщал читателям, что лучшие из сочинений Кампе «скоро будут выходить все вместе».³⁶

Таким образом, внимание Подшивалова к творчеству Кампе было достаточно устойчивым и целенаправленным. С одной стороны, это было связано с серьезным интересом русского литератора к вопросам воспитания и образования — интересом, сформировавшимся под несомненным воздействием Новикова. С другой стороны, Кампе привлекал писателей русского сентиментализма своим обращением к психологии человека и процессам ее

³² Карамзин Н. М. Избр. соч. Т. 1. С. 138.

³³ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1964. Т. 2: К—П. С. 8—10.

³⁴ Письма А. А. Петрова к Н. М. Карамзину // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 509.

³⁵ Привалова Е. П. О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума» // Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма. С. 266—268.

³⁶ Приятное и полезное препровождение времени. 1794. Ч. 3. С. 397.

формирования. Замечательно, что русский переводчик ограничился лишь первым разделом сочинения «Über Empfindsamkeit und Empfindelci» и даже опустил часть заглавия: «in pädagogischer Hinsicht» («в педагогическом отношении»). Так книга, имевшая явно учебно-воспитательный характер, превратилась в своеобразный этюд, посвященный нравственной проблеме, остро интересовавшей русских литераторов того времени.

Ложная чувствительность оказывалась опасным врагом приверженцев нового направления, провозглашавших важнейшими принципами художественного творчества естественность, простоту и искренность. Угроза была тем значительнее, что в описаниях чувствительных сцен или характеров скоро появились определенные стереотипы, штампы — знаменитые сентиментальные слезы и вздохи. Истинная чувствительность, неумело изображенная, легко рисковала превратиться в ложную, т. е. опошлиться, а это могло скомпрометировать направление в целом. Борьба с ложной чувствительностью стала превращаться в борьбу с пошлостью и фальшью. Таким образом, вопрос, поставленный в сочинении Кампе, имел для русской литературы широкий этический и эстетический смысл.

В 1797 г. Карамзин предпосылает второму тому альманаха «Аонида» свою знаменитую программную статью, где затрагиваются темы, которые непосредственно соотносятся с сочинением Кампе. Но если у немецкого автора проблема «ложной чувствительности» была связана прежде всего с задачами воспитания, то статья Карамзина имела характер литературного манифеста. Кампе говорил о проявлениях ложной и истинной чувствительности в повседневной жизни, учил, как вести себя. Карамзин размышлял, как нужно и как не нужно писать, как стать подлинным мастером, как разграничить ложную и истинную чувствительность в поэзии, в искусстве. Речь шла о «двух главных пороках наших юных муз»: «излишней высокопарности» и «притворной слезливости».³⁷ Первый порок, в котором можно было упрекнуть эпигонов классицизма, в сущности в глазах критика тоже являлся профанацией подлинного чувства. По поводу второго Карамзин говорил следующее: «Не надобно также беспрестанно говорить о слезах, прибирая к ним разные эпитеты, называя их блестящими и бриллиантовыми, — сей способ трогать очень ненадежен: надобно описать разительно причину их; означить горесть не только общими чертами, которые, будучи слишком обыкновенны, не могут производить сильного действия в сердце читателя, — но особенными, имеющими отношение к характеру и обстоятельствам поэта».³⁸ Эта декларация вовсе не означала отказа от принципов сентиментализма; напротив, утверждала их, углубляя и отделяя от проявлений ложной чувствительности, которая компрометировала направление. Интересно, что в статье Карамзина можно найти ана-

³⁷ Карамзин Н. М. Избр. соч. Т. 2. С. 143.

³⁸ Там же. С. 144.

логию мысли Кампе о том, что истинно чувствительный человек склонен «к таким чувствованиям, в которых есть нечто нравственное». Русский автор рассматривает эту проблему применительно к искусству, напоминая, что «польза и важность литературы» состоит, в частности, и в том, что она настраивает «к тем нежным страстям нравственности, которые были и всегда будут главным источником земного блаженства».³⁹

Таким образом, сочинение Кампе в русском переводе органично вошло в контекст нашей отечественной словесности, затронув темы, живо волновавшие русских литераторов-сентименталистов. При этом слово «причудливость», которым русский переводчик передал немецкое «Empfindelei», оказалось не очень удачным эквивалентом: во всяком случае, оно не было принято в русском языке в таком значении. Чаще всего стали употреблять выражение «ложная чувствительность». Наконец, когда получило распространение слово «сентиментальность», оно-то постепенно и заменило собой то, что немцы называли «Empfindelei».

В 1800-е гг. борьба с ложной чувствительностью становилась все ожесточеннее, причем участниками ее опять-таки выступали писатели-сентименталисты или авторы, отдавшие дань этому направлению. Рецензируя перевод книги «Елисавета де**, или История россиянки», П. И. Макаров хвалил сочинительницу за то, что она «писала без всякого требования на ученость, на метафизику, на скучную площадную мораль и на чувствительность».⁴⁰ Критик с одобрением отнесся к тому, что персонажи книги — «не Селадоны, иссохшие от слез и которым замаранная крестьянская девка в грязных онучах кажется пастушкойю благословенной Аркадии». «Здесь люди такие, — с удовлетворением отмечает Макаров, — каких можно видеть всякий день!»⁴¹ Рецензия Макарова отчасти соотносится с критикой сентиментализма со стороны его традиционных противников — И. А. Крылова и его сподвижников. И в этом была своя закономерность: ложная чувствительность нередко оказывалась внешне очень похожа на истинную, которой Муравьев, Карамзин и тот же Макаров так дорожили.

При разграничении настоящих художников и их эпигонов важным критерием стало определение характера их чувствительности. В помещенной в «Русском вестнике» рецензии на «Книжку для моей Лизы» (1808) критик проницательно заявлял: «Не спрашивайте, что такое *курающийся фимиами чувствительности*? Такими непонятными выражениями наполнено много новых сочинений и переводов. . .»⁴² Утверждая, что «истинное чувство изъясняется просто и вразумительно», рецензент приводил при этом в пример песню «Вечор милая сидела под кустом у ручейка. . .» — песню

³⁹ Там же. С. 145.

⁴⁰ Московский Меркурий. 1803. Ч. 2. С. 43. Курсив мой. — Н. К.

⁴¹ Там же.

⁴² Русский вестник. 1809. Ч. 7, июль. С. 112.

Ю. А. Пелединского-Мелецкого. Возвращаясь к рассматриваемой книге, критик писал: «. . . Нужно замечать такие нелепости, чтобы показать, до чего доходит воображение, зараженное чтением романов, наполненных погрешностями всякого рода против языка и здравого смысла, и которые заглушают истинную чувствительность и удаляют от природы и простоты сердце и разум».⁴³

Привычные формы проявления чувствительности постепенно исчерпывают себя, начинают вызывать недоверие. Поэтому, стремясь сохранить глубокий нравственный смысл самого понятия, некоторые авторы начала XIX в. пытаются уже найти новые способы выражения своей чувствительности. В обращении «К несчастным» Ф. Ф. Иванов призывает «скрывать свои слезы», именно для того чтобы их не видели равнодушные и насмешливые люди: «Одни слушают их и не слышат; другие, слушая, скучают; третьи, и притом самая большая часть, принимают их с какою-то зыбкою недоверчивостию или насмешкою».⁴⁴

Соответственно писатели-сентименталисты все больше ощущают необходимость отмежеваться от ложной чувствительности, что видно, в частности, из высказывания В. В. Измайлова: «Не чувствительность, а думаю, злоупотребление чувствительности имеет порицателей своих, и, не входя в спор о значении слова *сентиментальность*, предполагаю, что, за неимением другого, оно определяет ныне ложную чувствительность».⁴⁵ Именно «сентиментальность» становится предметом порицания и насмешки со стороны позднейших поколений.

Так, М. А. Дмитриев писал: «Эта сентиментальность была — как бы определить ее? — чувствительность натянутая, накликаемая и совсем не моральная: под ней, бессознательно для тогдашних писателей, скрывалась тонкая чувственность; в области человеческих чувствований это было нечто совершенно ложное и достойное посмеяния».⁴⁶

Между тем с представлением об истинной чувствительности неизменно оказывались связаны серьезные нравственные искания русских писателей-сентименталистов. Характерно, что в их творчестве занимает такое важное место традиционная тема добродетели, понимаемой, разумеется, по-разному, но постоянно занимающей «чувствительного» человека. Не избавившись еще от бремени дидактики, сентименталисты искали новые пути нравственного совершенствования человека, и превозносимая ими «истинная чувствительность» помогала открыть неведомые ранее этические ценности. В то же время напоминание о «ложной чувствительности» подвергало их проверке, предостерегало от пагубного подражательства и пошлости.

⁴³ Там же. С. 115.

⁴⁴ Иванов Ф. Ф. Сочинения и переводы. М., 1824. Ч. 1. С. 27.

⁴⁵ Российский Музеум. 1815. Ч. 4, № 10—11. С. 150—151.

⁴⁶ Дмитриев М. А. Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения. М., 1863. С. 181.

Т. Е. А В Т У Х О В И Ч

АНОНИМНЫЙ РОМАН «НЕСЧАСТНЫЙ НИКАНОР»

(Эпизод из истории формирования жанра)

Для истории литературы несомненный интерес представляют произведения массовой, низовой литературы XVIII в. Книжки эти, как правило, создавались непрофессионалами — людьми, которые были в сущности тончайшими барометрами эпохи, поскольку историческую действительность ощущали на себе непосредственно, без влияния высоких философских или политических теорий.

Одним из таких сочинений является анонимный роман «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н***». На протяжении нескольких десятилетий он пользовался популярностью, оставаясь живым явлением литературы еще в начале XIX в. И хотя уже современники воспринимали его несколько прописчески (например, для П. М. Кaramзина книга олицетворяла ту линию литературного развития, которая противостоит серьезной, «высокой» прозе: «Надо всякому что-нибудь поближе: одному Жан-Жака, другому — Никанора»),¹ роман и сегодня представляет интерес как эпизод из истории формирования жанра.

Дело в том, что роман печатался в течение четырнадцати лет (первая часть появилась в 1775 г., вторая — в 1787 г., и еще через два года, в 1789 г., была опубликована третья часть). Почти полтора десятилетия, разделяющие начало и окончание создания и публикации этого произведения, наложили ощутимый отпечаток и на решение основной проблемы произведения, и на его поэтику. Последовательный анализ позволяет увидеть, как сложно взаимодействуют здесь различные традиции и влияния, как переосмысливаются традиционные, на первый взгляд, сюжетные мотивы, как изменяются представления автора о мире и человеке. Выявление специфики изображения человека через анализ взаимоотношений героя с окружающим миром помогает осознать пути формирования в XVIII в. жанра романа, так как именно новое содержание (новое

¹ Кaramзин П. М. О книжной торговле и любви ко чтению в России // Кaramзин П. М. Сочинения: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 119.

художественное представление о мире и человеке) служит важнейшим жанрообразующим фактором. Данная работа и является попыткой такого последовательного анализа. Следует отметить также, что несомненное биографическое начало, которое выделяет роман «Несчастный Никанор» среди достаточно условных произведений романного жанра XVIII в., позволяет рассматривать его не только как литературный памятник, но и как ценный документ, зафиксировавший мироощущение рядового человека.

Двойственность природы этого романа, соединяющего биографический элемент с условным, уже отмечалась в литературоведении. В. Б. Шкловский указывал и на некоторые противоречия в документированной части «Несчастливого Никанора».² Имеющиеся у нас материалы позволяют частично осветить историю его создания.

Итак, первая часть книги, вышедшая в 1775 г., летом 1776 г. появилась в книжных магазинах: 15 июля в Прибавлениях к «Санктпетербургским ведомостям» впервые было напечатано объявление о том, что «в Луговой Миллионной улице у книгопродавца К. В. Миллера» продается роман «Несчастный Никанор». Книга, очевидно, расходилась с трудом, потому что аналогичное объявление появилось в газете и осенью — в Прибавлениях от 21, 25 и 28 октября.

Автор между тем остро нуждался в деньгах, о чем свидетельствует объявление, появившееся тоже в октябре: «Желающие напечатать на свой кошт третьей и четвертой вечер Никаноровой истории могут получить подлинные оригиналы от типографщика Шнора, понеже сочинитель оные уступает без всякой себе за труд платы; так же и корректуру править безденежно будет он же сочинитель, которой жителство имеет в Семеновском полку в 12 роте в 4 номере».³

Данное объявление интересно не столько как свидетельство драматических обстоятельств в жизни безвестного автора «Несчастливого Никанора», сколько как повод задать закономерный вопрос: если вторая часть романа была написана уже к осени 1776 г., то почему она была напечатана только 11 лет спустя, и не в Петербурге, а в Москве? Безусловно, последнее обстоятельство можно объяснить и тем, что типография Артиллерийского корпуса, отданная в 1773 г. на откуп типографщику Клейну, где печаталась первая книга, в 1784 г. была уничтожена (по ветхости станков и литер).⁴ И все же почему именно в Москве и лишь в 1789 г. выходит новое издание, в котором к первым двум частям, исчерпавшим возможности первоначального романического сюжета, добавляется еще и третья, ориентированная (как это будет показано ниже) на

² Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1, вып. 2. С. 696; Шкловский В. Б. Матвей Комаров, житель города Москвы. Л., 1929. С. 277—278.

³ Санктпетербургские ведомости: Прибавления. 1776. № 82, 11 окт.

⁴ Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб., 1882. С. 122.

пную литературную традицию, дающая в сущности новое представление о герое?

В ноябре 1776 г. в «Санктпетербургских ведомостях» появилось объявление: «В квартире поручика Назарьева, которую он имел в Семеновском полку, учинилась пропажа, а именно: образ Николая Чудотворца, риза кованая серебряная и вызолоченная, да денег серебряных 13 руб., ассигнация дватцати пяти рублевая и со оной вместе были его Назарьева некоторые сочинения, для него весьма пужныя; и если кто оныя сошпения каким бы то ни было образом отыщет или подкинуты где найдет, то б без всякого опасения ему, Назарьеву, объявили; ибо он не только что ничего кроме оных сочинений искать не будет, но еще наградит того отыскателя 20-ю рублями; а ныне он, Назарьев, имеет квартиру в Малой Подьяческой в доме досмотрщика Ивана Фролова».⁵

Стиль этого объявления, характерные синтаксические конструкции, напоминающие стиль «Несчастного Никанора», некоторые сходные детали (Семеновский полк, рукопись 2-й книги и украденные бумаги) позволяют предположить, что в обоих приведенных нами объявлениях речь идет об одном и том же человеке и что поручик Назарьев и есть автор «Несчастного Никанора».

Нельзя не заметить, что число букв в фамилии поручика (в родинительном падеже) соответствует числу звездочек в названии. На титульном листе издания 1775 г. читаем: «Несчастной Никанор, или Приключение жизни роспейского дворянина, господина*****». В издании 1787 г. это число сохраняется, хотя название звучит несколько иначе: «Несчастной Никанор, или Приключение жизни российского дворянина П*****». Если в первом издании звездочки скрывают фамилию автора, то во втором — фамилию героя. В издании 1789 г. число звездочек уменьшилось, название читается так: «Несчастной Никанор, или Приключение жизни российского дворянина П*****». В данном случае сокращение либо соответствует фамилии, либо — что более вероятно — указывает на его условный, отвлеченный от конкретного лица характер. Возможно, имеется в виду уже иной автор (если принять во внимание объявление о пропаже бумаг).

Безусловно, это совпадение не является решающим аргументом, поэтому мы обратились к истории рода Назарьевых. В материалах Герольдмейстерской конторы в 40—50-е гг. XVIII в. значится много Назарьевых. Часть из них служила в армии, но в пехотных полках; часть занимала скромные должности в канцеляриях. И все же среди них оказался пекий Александр Петрович Назарьев, который, как и герой романа Никанор, был кондуктором Инженерного корпуса и судьба которого, судя по документам, прямо соотносится с судьбой героя романа.

В ЦГВИА сохранился любопытный документ: «1746 году февраля 2 дня инженерного корпуса 3 класа кандуктор Александр

⁵ Санктпетербургские ведомости: Прибавления. 1776. № 91, 11 ноября. Это же объявление повторялось и в Прибавлениях к № 92, 93.

Петров сын Назарьев по силе указа канцелярии Главной артиллерии и фортификации объявил от роду мне двадцать два года. В службе Ея императорского величества определен недорослем по указу высоко правительствующего Сената в прошлом 743 году мая 3 дня (с жалованьем) во инженерную школу в 3 клас, в ученики с жалованьем по штату и будучи во оном обучен арифметике геометрии и часть фортификации а 745 году декабря 10 дня его светлостию генералом фельдцейхмейстером и кавалером князь Василием Аникитичем Репниным произведен в третей клас кандуктором з жалованьем по штату. Отец мой служил в гвардии салдатом из шляхетства в Алаторском уезде за отцом моим сколько мужеска полу душ не известен. В фергерах и криксрелтах и штрафах ни по каким делам не бывал в командировании и в походах нигде не бывал и в сей скаске объявил самую сущую правду ничего не примешивая а ежели что показал ложно подвергая себя штрафу какому по указу достоин буду. К сей скаске кандуктор Александр Назарьев руку приложил».⁶

Такие сведения были собраны о всех офицерах инженерного корпуса. В «сказке» А. П. Назарьева ценно упоминание об имеющихся за его отцом крестьянах в Алаторском уезде.⁷ Дело в том, что герой романа Никанор говорит, что его отец живет «в своем селе в Нижегородской губернии», крепостная Никанора Наташка, рассказывая барину о себе, упоминает, что она родилась «в Алаторской вашей вотчине в селе Саре» (III, 18).⁸ Материалы второй ревизии (1744 г.) по Алаторскому уезду свидетельствуют о том, что отец А. Назарьева, Петр Назарьев, имел крестьян в селе Саре Алаторского уезда.⁹

Архивные материалы позволяют уточнить биографические данные А. П. Назарьева. В документах Герольдмейстерской конторы ЦГАДА хранится его «биография», заполненная в марте 1743 г., когда проводился смотр недорослей для определения в воинскую службу: «Александр Петров сын Назарьев 18 лет. Прадед Патрекей Никитин сын, дед Илья Патрекеев сын Назарьев служили

⁶ ЦГВИА, ф. 826, оп. 2, д. 122, л. 302 (Сказки генерал, штаб и обер офицеров инженерного корпуса о службе и их происхождении). — Данные ЦГВИА подтверждаются материалами «Именного списка инженерного корпуса и минерной роты штаб обер и ундер офицерам, учиненного со взятых во всех сказок», находящегося в Архиве Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ф. 2, оп. ШГФ, д. 905, л. 77, об. — 78).

⁷ Город Алатырь, о котором идет речь, с 1719 по 1780 г. входил в Нижегородскую губернию.

⁸ Здесь и далее текст романа цитируется по изд.: Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н***. М., 1789. Ч. 1—3. Римская цифра обозначает часть, арабская — страницу.

⁹ ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ед. хр. 38, л. 117. Судьба отца А. Назарьева тоже достаточно интересна. Он служил в Преображенском полку, был ранен, ему отняли ногу («по берцу»), оставлен «с пашпоргом», который был украден у него «воровскими людьми». С 1720 г. служил земским комиссаром в Нижегородской губернии, с 1739 г. был при взыскании доимок с раскольников (этим, очевидно, мотивировано упоминание в третьей части о знакомстве героя с раскольнической верой). См.: Там же, д. 249, л. 825, 833.

во дворянх и в давних годах померли, а отец ево Петр Ильин сын Назарьев служил в гвардии салдатом и отставлен в 704 году за раною и по отставке был у разных дел, а в 742 по резолюции сенатской за старостию отставлен вовсе и дан ранг прапорщичий и ныне обретается в доме своем а помещен в алатырском уезде <...> Крестьян за отцом его в алатырском уезде в арзамасском уезде 275 душ дядьев и братьев родных не имеет, а что они из дворянства ведают и во свидетельство подписался лейб-гвардии Преображенского полку прапорщик Михаил Назарьев. Грамоте и писать обучен. Желает в гвардию Преображенский полк в салдаты». ¹⁰

В Преображенский полк Александру Назарьеву попасть не пришлось. Правительствующий Сенат в апреле 1743 г. определил его в инженерную школу, ¹¹ а 3 мая того же года А. Назарьев вступил в службу; в чин кондуктора 3 класса произведен 10 декабря 1745 г.

Сопоставление текста романа с данными документов, с одной стороны, подтверждает, что именно жизнь Александра Назарьева стала канвой биографии героя романа Никанора, с другой — позволяет увидеть, как скрупулезно автор соблюдает историческую основу событий. Почти весь фактический материал первых двух частей произведения может быть документирован, причем — и это следует подчеркнуть особо — автор, излагая перипетии судьбы своего героя, почти нигде не грешит против реальной хронологии событий, хотя вся хронология остается за рамками повествования.

«Я в самых цветущих моих летах командирован был из Санктпетербурга в Цесарию к назначенной в то время компании и, приехав в город Ригу, находился под командою господина Генерал-Фельдцейхмейстера князя Репнина, где ожидали все полки повелительного о походе указа. Служил я тогда кондуктором в инженерном корпусе. . . » (I, 9).

В романе упоминаются товарищи Никанора кондукторы Александр Федорович Бриммер, Шв., Данила О.

«Но прошествии нескольких дней приехали мы благополучно на остров

В марте 1746 г. А. Назарьев, кондуктор 3-го класса, отправлен из Санкт-Петербурга в Ригу «для будущей компании». ¹² В именном списке инженерного корпуса значится, что А. Назарьев в 1747 г. был «в компании». ¹³ В. А. Решнин в 1747 г. «объехал все крепости западного края (в том числе и Ригу. — Т. А.) <...> и привел их в совершенное устройство». ¹⁴

В именном списке инженерного корпуса в 1747 г. «в компании» в Риге наряду с А. Назарьевым значатся кондукторы Александр Федорович Бриммер, Петр Шванвиц, Данила Озеров. ¹⁵

В именном списке инженерного корпуса за 1746 г. против фамилии

¹⁰ Там же, ф. 286, д. 269, л. 536.

¹¹ Там же, ф. 286, д. 269, л. 574.

¹² Рапорт «О состоянии при Санктпетербурге инженерного корпуса миперной роты и санктпетбургской крепости служителей» от 8 марта 1746 г. // Архив Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, ф. 2, оп. ШГФ, д. 582.

¹³ ЦГВИА, ф. 826, оп. 2, ед. хр. 1141, л. 154, об.

¹⁴ Столетие Военного министерства. СПб., 1902. Т. 6, кн. 1. С. 201.

¹⁵ ЦГВИА, ф. 826, оп. 2, ед. хр. 1141, а также ед. хр. 214.

Езель в крепость Аренбургскую <...> Посланы мы были для снятия плана...» (I, 171).

«И так приехав я в Санктпетербург, явился к Полковнику моему Илье Александровичу Бибикову» (II, 27).

«Кто такие офицеры и кондукторы находятся при Смоленской инженерной команде, между которыми в то время находились двое знакомых мне кондукторов, князь Петр Иванович Козловский и Иван Егорович Голенищев-Кутузов» (II, 56).

«Между прочими присутствующими в той конторе находился тогда судьбою господина артиллерии полковник Матвей Андреевич Толстой» (II, 56); «Илемянник отцу моему (отвечал я) подполковник Иван Иванович Свечин, который в Крисек-комиссарпате присутствует» (II, 61).

«...сделали определение, чтоб уволить меня для рекреации в дом отца моего на два года...» (II, 85).

А. Назарьева сделана позднейшая запись: «... в 747 году (из Риги. — Т. А.) в Аренбурхе».¹⁶

И. А. Бибиков стал полковником в 1741 г.; согласно указу от 25 апреля 1749 г., он уже генерал-майор.

П. И. Козловский и И. Е. Голенищев-Кутузов действительно значатся в это время кондукторами в списках Инженерного корпуса. Известно также, что в марте 1747 г. в Смоленск из Санкт-Петербурга командировал кондуктор Иван Голенищев-Кутузов, о чем А. Назарьев мог знать.¹⁷

И. Свечин действительно служил в Москве при «камисариатской канторе», чин полковника получил 8 мая 1749 г.¹⁸ В 1748 г. полковник М. А. Толстой — в присутствии Московской конторы артиллерии и фортификации, но с 22 апреля 1749 г. он уже генерал-майор.¹⁹

Последняя точная запись об Александре Назареве в именных списках инженерного корпуса гласит, что 7 октября 1748 г. ему присвоен чин кондуктора 2-го класса.²⁰ Уже в списках за 1749 г. А. Назарьев не значится, нет его фамилии и в списках 1751 и 1753 гг.

Сразу уточним, что такому документированию поддаются только первые две книги романа. Известные нам документы позволили проследить историю жизни А. Назарьева только до 1748 г. После 1748 г. его фамилия исчезает из списков инженерного ведомства; не удалось найти ее и в списках Семеновского полка за 1775—1776 гг. (вспомним объявление в «Санктпетербургских ведомостях»).

Думается, что это закономерно. Ибо если верно, что книга представляет собой романизированный вариант биографии конкретного человека, А. Назарьева, то содержание третьей части и романного обрамления, т. е. историю о том, как Никанор, постепенно прийдя в нищенское состояние, в конце концов стал приживалом, можно рассматривать как своеобразный «документ», в котором так или иначе судьба его отразилась. Согласно этому «документу», А. Назарьев, выйдя в отставку и став частным лицом,

¹⁶ Архив Музея Артиллерии, инженерных войск и войск связи, ф. 2, оп. III ф, д. 905, л. 77, об. — 78.

¹⁷ Там же, д. 582.

¹⁸ ЦГВИА, ф. 490, ед. хр. 623, л. 57, об.

¹⁹ Столетие Военного министерства. Т. 6, кн. 1. С. 206. Здесь, как видим, автор несколько погрешил против хронологии.

²⁰ ЦГВИА, ф. 286, оп. 2, ед. хр. 1141, л. 219, об.

не мог, следовательно, фигурировать в списках лиц, находившихся на государственной службе.

Как бы то ни было, все наши попытки хоть как-то прояснить дальнейшую судьбу А. Назарьева и установить его отношение к поручику Семеновского полка Назарьеву оказались безрезультатными, т. е. вопрос об авторстве романа остается открытым. Был ли автором «Несчастливого Никанора» сам А. Назарьев или же кто-то из его дальних родственников либо однофамильцев, хорошо знавший судьбу бывшего кондуктора? Почему вторая часть, написанная вместе с первой, была напечатана только через 12 лет? Кто является автором третьей части,²¹ достаточно искусственно продолжающей роман и противоречивой по угадываемому в ней реальному биографическому содержанию (например, Никанор, получивший чин поручика, в конце книги говорит, что служил в армии капралом; не имевший, как и реальный Назарьев, родных, он в третьей книге разоряется благодаря проискам двоюродных сестер и т. д.)? Ответить на эти вопросы сегодня — по прошествии двух столетий — достаточно сложно. И все же, на наш взгляд, найденный материал представляет интерес не только потому, что он подтверждает высказывавшуюся ранее на уровне предположения мысль о биографической основе романа, но и потому, что позволяет обратиться к решению других проблем, уже собственно теоретического и историко-литературного характера.

* * *

Несомненный интерес представляет проблема взаимодействия в романе «Несчастный Никанор» документального и собственно романического пластов.

Известно, что для русской литературы середины XVIII в. характерны интенсивное взаимодействие и типологическая близость документальных и беллетристических жанров. Уже в 60-е гг. роман включал автобиографический материал (Ф. Эмин) или же имитировал мемуарное повествование (М. Чулков); параллельно осуществлялась мемуаризация документальных повествований. Как указывает М. Я. Билинчис, это происходило потому, что «центром» подобных прозаических сочинений, главным предметом обрисовки и своего рода «точкой отсчета» становилось авторское «я»; кроме того, утверждался эстетический статус новой реальности — эмпирической — и именно с целью ее художественной легализации «имитация документальности становилась сознательно используемым писателем приемом».²²

²¹ Отметим, что, высказывая сомнение в едином авторстве трех частей книги, мы в дальнейшем будем анализировать роман как единое произведение, так как, с одной стороны, нашу версию доказать пока невозможно, с другой — роман сегодня существует как целое, а значит, возможен его последовательный анализ.

²² Билинчис М. Я. Взаимоотношения документальных жанров и беллетристики в русской литературе 60-х годов XVIII века: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1979. С. 26.

Думается, что в романе «Несчастный Никанор» (который создавался уже в 70—80-е гг.) этот процесс получает дальнейшее развитие и приобретает новое качество. С одной стороны, в романе отразилась основная тенденция развития прозы в XVIII в., заключавшаяся в отделении автора от героя, а значит, в утверждении собственно эстетической функции литературного произведения. Об этом свидетельствует как форма повествования, разворачивающегося в двух временных пластах (*автор* рисует *настоящее* героя, постаревшего, опустившегося до положения «приживала» в богатом доме, а *герой*, вспоминая *прошлое*, рассказывает о своих злоключениях), так и использование биографического материала. С другой стороны, в романе происходит переосмысление сущности романного вымысла, что отчетливо прослеживается при последовательном анализе соотношения условных литературных мотивов и собственно биографических элементов в каждой части.

Романический сюжет первых двух книг вполне традиционен и хорошо знаком по рукописным повестям начала века: встреча героев, испытание разлукой, чары соперницы, встретившись с которой, герой едва не забывает о любимой, и т. д. Первая часть традиционна и в плане поэтики, через повести начала XVIII в. восходящей к фольклору: завязка (плачущая девушка привлекает внимание героя), некоторые элементы сюжета (переодевания героини), парная система образов (злодею, тиранящему красавицу, противопоставит добрый человек, помогающий влюбленным; любимой девушке — разлучница), топика (река разделяет мир на сферы добра и зла; остров Даго — остров забвения: заграница, где укрывается от опасности Анета, — своеобразное «тридцатое царство» и т. д.), «заграничное» происхождение героини. Условная стихия уже в первой части вступает в сложное взаимодействие с историей жизни реального человека. Повествование о реальном герое в условных обстоятельствах (вымышленной, чисто литературной является, очевидно, история любви Никанора к прекрасной француженке Анете) претендует на достоверность. Биографические сведения, вводимые в роман, форма повествования от первого лица выявляют авторскую «установку на подлинность»,²³ которая, однако, носит ограниченный характер и не разрушает условно-литературной картины мира. Реальные впечатления о быте и нравах жителей Риги, о самом городе, где происходит действие, не проникают в рассказ героя.²⁴ Представление автора о романе как о «вымысле», как о любовной истории полно-

²³ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1979. С. 9.

²⁴ Интересную параллель роману представляют «Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1771 году» (М., 1842). Судьба М. Данилова во многом сходна с судьбой А. Назарьева, в частности он почти в то же время (в 1753 г.) служил в Риге. В «Записках» Данилов подробно рассказывает о непривычных для него традициях, обычаях рижан, т. е. отражает именно *внешний мир*, который в первой части «Несчастливого Никанора» лишь едва проступает сквозь условную, вымышленную картину действительности.

стью исключает использование жизненных впечатлений. Автор только как бы проверяет романический сюжет (вымысел) на достоверность, соотнося его с историей реального человека.

Сочетание литературного и жизненного определяет и принципы повествования о любовных переживаниях героев. Для романов середины XVIII в., как переводных, так и оригинальных, характерна невыявленность эмоциональной сферы любовных отношений героев — описание чувств обычно сводится к традиционным знакам. Литературная традиция используется и в «Несчастном Никаноре», автор которого был, очевидно, начитанным человеком: реминисценции ощутимы и в фольклорной поэтике первой части, и в описании галантного разговора Никанора с Елеонорой, и в эпизоде угощения героя яблоком с «райского» дерева; наконец, несомненна связь образа Елеоноры с образом «мудрой девы». С освоением поэтической традиции XVIII в. связан такой пассаж в рассказе героя: «Думаю, что не столь много действием своим перемещались в целом лете дышущая в моря ветры, и облака не столько летая из края в край в подсолнечной обращении своих имели, сколько волновались тогда мысли мои различными расположениями переходя из одного в другое» (II, 20—21). К литературной традиции восходят высокопарные монологи и бурные излияния чувств героев.

Однако в условный мир любви врывается живое человеческое чувство, придающее удивительную достоверность повествованию и свидетельствующее о знании автором человеческой психологии: любясь спящей девушкой, Никанор целует «прелестной и чистейшим облакам подобной ея висок» (I, 68); перейдя границу и чувствуя себя уже в безопасности, он надевает перед сном кольцо с дарственной надписью Анете, словно желая быть ближе к любимой, и т. д.

Вместе с тем уже в первой части выявляется принципиальная несовместимость условного литературного сюжета с реальным жизненным опытом. Возможно, поэтому во второй части, рассказывающей о безуспешных попытках Никанора соединиться с Анетой, условная стихия полностью вытесняется историческим (может быть, биографическим) материалом. Герой встречается с реальными людьми, чьи фамилии и должности указываются в тексте. Повествование начинает походить на дневник, мемуары; традиционный литературный элемент минимален. И если первая часть представляет собой «романизацию жизни» (термин В. В. Сиповского),²⁵ то во второй книге происходит мемуаризация романа, причем настолько интенсивная, что выделить в ней традиционный литературный элемент или вымысел почти невозможно. В этом контексте даже вставная и явно литературного происхождения история несчастной жепицны, насильно выданной замуж за старика, производит впечатление предельно достоверной.

²⁵ Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1, вып. 1. С. 672.

Как уже говорилось выше, основная романическая линия исчерпывается к концу второй части: герой узнает, что возлюбленная его Анета погибла. Однако в 1789 г. появляется продолжение истории несчастного Никанора. Возможно, автор (или кто-то иной) решил использовать популярность книги; возможно, к дальнейшей работе его побудило стремление «сомкнуть» цепь времен, соединить прошлое героя с его настоящим, обрамление — с основным повествованием. Как бы то ни было, первые части составляют — даже при отмеченном изменении поэтики — законченное сюжетное целое. Третья часть — это по существу новый роман, лишь формально (судьбой и именем героя, а также двуплановым принципом повествования) связанный с основной частью.

В третьей части взаимодействие реального жизненного материала с условно-литературным осуществляется уже по иным законам, меняется и представление о вымысле. Еще В. Б. Шкловский отметил, что в мир документированной реальности вдруг врывается «инерционная стихия» — появляются сугубо условные имена: Смирена, Правосуд, Огорчена.²⁶ Думается, эту мысль следует развить. Предметом изображения в третьей части становится условный герой в реальных обстоятельствах. Автора интересует не столько «жизнь сердца» Никанора (хотя и этому по-прежнему уделяется много внимания), сколько изображение общественных нравов. Происходит освоение внешнего мира, создается масштабная картина жизни, охватывающая быт и нравы разных социальных слоев: городской демократической среды, сельских помещиков, крестьян, раскольников и т. д. Жизненные факты, впечатления автора уже не связываются с конкретными фамилиями и датами — они приобретают статус эстетической реальности.

В свою очередь и образ главного героя утрачивает биографические черты. Фактические неточности и противоречия в содержании третьей части, отмеченные выше, вполне закономерны. Они объясняются тем, что если в первой книге судьба Никанора — это реальная человеческая судьба, то в третьей части он оказывается таким же условным героем, как окружающие его Правосуд, Огорчена, Полентина, героем, призванным быть композиционным стержнем нравоописательного повествования. Однако вымысел (условность) теперь приобретает новое качество — в известной степени он становится средством художественного обобщения; романизированная биография превращается в бытовой роман.

Изменение соотношения между фактом и вымыслом в романе «Несчастный Никанор» соответствует реальному движению русской прозы XVIII в. от использования готовых литературных форм к отражению эмпирической действительности.

* * *

Документальная основа романа, соединение в нем биографического и традиционного литературного материала позволяют

²⁶ Шкловский В. Б. Указ. соч. С. 279.

поставить еще один важный для осмысления процесса формирования романного жанра вопрос: какова специфика авторского понимания реальных противоречий жизни? Проблема имеет и другой аспект: на какие литературные традиции ориентируется автор «Несчастливого Никанора», рассказывая о жизни реального человека? Вопрос о традициях, использованных в романе, не нов. В качестве литературных источников указывались: рукописная повествовательная проза первой трети XVIII в. (В. В. Сиповский, Г. Н. Мопсеева), «Похождения Жиль Блаза» Лесажа (Ек. Мечникова, В. Б. Шкловский, А. В. Западов), «Приключения маркиза Г.» Прево (Ек. Мечникова, И. Н. Сакулкин, В. В. Сиповский, В. Б. Шкловский), «Новая Элоиза» Руссо (В. Б. Шкловский). Однако выявление традиций зачастую сводилось к указанию на заимствование отдельных ситуаций, сюжетных мотивов.

На наш взгляд, проблема традиции должна рассматриваться на уровне концептуальном (если слово «концепция» применимо к эмпирическому восприятию жизни), типологическом. Между тем анализ авторских представлений о мире и человеке показывает, что автор «Несчастливого Никанора» не только усваивает литературные традиции, но и (может быть, неосознанно) полемизирует с ними, ибо в его эмпирическом сознании реальная действительность и литература ощутимо противоречат друг другу.

В романе отразилось несомненно барочное мироощущение автора. Мир уже в первой части книги предстает как необъятная Подсолнечная, где человек блуждает в лабиринте жизни не в силах осознать ход событий.

Действительность в представлении автора романа иррациональна и потому непостижима. Все в жизни ненадежно, обманчиво, всем правит Случай: случай в лице пьяного солдата спасает Анету от убийцы; случайно хозяин дома оказывается старинным другом ее отца; нелепое стечение обстоятельств навеки разлучает влюбленных. Все поступки героев в первой части обусловлены их безотчетным страхом перед действительностью: «Печальные, часто приключаящиеся мне злоключения заставляют меня всего бояться», — пишет Анета (I, 109). Отвечая ей, Никанор убеждает любимую в том, что она «убоялась одного только пустого страха тени» (I, 148). Нетрудно, однако, заметить, что такие же течи, порожденные ненадежностью мира, окружают его самого, причем героев пугают не столько реальные злодеи типа купца Гра или безымянного шкипера, сколько призраки, фантомы опасности, подстерегающие человека со всех сторон.

В мире, где правит Случай, человек теряет уверенность в своей безопасности. Вот почему герои постоянно пытаются предугадать события, однако их попытки обмануть судьбу приводят к противоположным результатам: Никанор, не будучи виновным в смерти человека, соглашается *на всякий случай* ехать в служебную командировку на о. Езель, чтобы не попасть под следствие, и тем самым еще больше отдаляет себя от Анеты. Шпаугут *на всякий случай* отсылает девушку за границу, к надежному чело-

веку — и она оказывается недостижимой для героя. Так уже в первой части романа намечается мысль о ненадежности человеческого разума, беспильного осмыслить и познать реальную действительность.

Выше уже отмечалось, что в поэтике первой части романа ощутимы традиции рукописной повести первой трети XVIII в. Не менее, на наш взгляд, ощутима и внутренняя полемика с этими традициями, которая проявилась прежде всего в новом понимании человека. Если герои первых русских повестей из столкновения с жизнью выходили «победителями» (определение Г. Н. Моисеевой)²⁷ и все приключения способствовали выявлению их гражданского и нравственного потенциала, а потому и повышению социального статуса (герои, стремясь к личному счастью, совершали еще и успешную служебную карьеру), то в представлении автора романа Никанор — «несчастный» герой, для которого все преграды фатально непреодолимы, его приключения становятся злоключениями, приводящими к жизненному краху.

Исходное единство человека и мира не разрушается превращениями на пути героев рукописных повестей. В барочном мироощущении автора «Несчастливого Никанора» проблема «человек и мир» осмысливается как трагическое противоречие. Мысль о враждебности мира и человека становится основным сюжетобразующим мотивом романа. Вот почему уже в традиционной в целом поэтике первой части появляются новые, по сравнению с повестями, элементы: усиливаются роль Случая как двигателя сюжета и поступков героев, роль интуиции, необъяснимых совпадений, узнаваний; большее значение приобретает неожиданность (внезапная смерть героев). Герои сверхэмоциональны, что является следствием хаотичности мира и внешним выражением переживаемого душевного дискомфорта.

Трактуемая в первой части как идея Судьбы, фатального рока, правящего жизнью беспомощного человека, мысль о противостоянии человека и мира находит дальнейшее развитие и конкретизацию во второй части. Здесь в повествование вторгается исторический (биографический) материал, благодаря которому противостояние человека и судьбы переосмысливается как противостояние человека и государства.

Новое объяснение получают злоключения героя: судьбы людей вершит не безликая Судьба, не могущественное Провидение, а реальные люди, олицетворяющие государственную власть, бездушную и жестокую. Мир не перестает быть иррациональным, но иррациональность эта уже вполне земного, социального происхождения.

Основным состоянием Никанора становится теперь состояние сомнения и выбора. Не безотчетный страх перед жизнью мешает ему совершить желаемое, а борьба между чувством и долгом.

²⁷ Моисеева Г. Н. Русские повести первой трети XVIII века. М.; Л., 1965. С. 168.

Автор не прошел мимо художественного опыта высокой литературы классицизма. Однако основная коллизия классицистических трагедий «переигрывается» в романе, находит новое решение. Не в силах вынести разлуку с любимой, Никанор в который уже раз решает немедленно ехать за Анетой в Варшаву, но вдруг его останавливает мысль: «Ах! Нет! Я умру незаконно, изменив Монархине своей и отечеству» (II, 21). Показательны его дальнейшие рассуждения: он пытается оправдать свое решение, доказывая себе, что в его поступке нет измены долгу. Автор провозглашает право героя на личную судьбу, на личное счастье — в противовес официальной литературе классицизма, которая нравственно возвышала героя, преодолевающего личные желания во имя общественного блага. Традиционные представления о долге, о подчинении частных интересов общим, по мнению автора романа, «не работают» в изменившихся условиях. В этом и заключается трагедия Никанора: воспитанный на старых правилах, он оказывается «не ко времени», не может приспособиться к жизни, найти выход из ситуаций, которые предлагает ему действительность. Вот почему во второй части герой словно «выпадает» из времени: он постоянно торопится и не успевает. Реплика героя: «Ето кажется мне невероятным, чтобы добродетельми исполненные люди были несчастны» (II, 21), — отражает, как нам кажется, авторские размышления о реальной действительности, в которой — в отличие от официальной литературы — далеко не всегда воздается должное добродетелям и заслугам.

Анализ взаимоотношений человека и мира в романе позволяет уточнить вопрос и о литературной традиции, осваиваемой автором «Несчастливого Никанора». На наш взгляд, построение первой части соотносится со схемой античного (греческого) романа, в котором «действие сводится к преодолению внешних превратностей, выражающих власть Судьбы и игру случая»; во второй части улавливается некоторое сходство со средневековым романом, впервые рассматривающим «внутреннюю коллизию <...> конфликт „внутреннего“ человека с его социальной „персоной“, с его социальным статусом».²⁸

Чем же объясняется такое последовательное влияние? Основной массив переводной литературы в 60—70-е гг. XVIII в. в России составляла «сентиментальная» повесть, возникшая веком раньше во Франции и Испании на основе взаимодействия рыцарского и греческого романов. «Безщастный Флоридор», «Несчастной француз, или Жизнь кавалера Беликурта», «Несчастные любовники, или Истинные приключения Графа Коминжа» — в этих и в многочисленных им подобных произведениях в меланхолическом тоне рассказывалось о верной целомудренной любви, преодолевающей внешние препятствия. Как и в «Несчастном Никаноре», сюжетобразующим в них является мотив «несчастной

²⁸ Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. С. 132, 154.

судьбы». Типологически сходными оказываются и мироощущение авторов, поведение героев, приемы повествования и т. д. Вместе с тем нельзя не заметить, что идея противостояния человека и судьбы, а затем человека и государства выражена в романе «Несчастный Никанор» более отчетливо. Рефлексия героя, сетования на судьбу являются в русском романе постоянным элементом повествования, в переводных же произведениях встречаются редко. На наш взгляд, это объясняется как биографической основой «Несчастливого Никанора», так и влиянием просветительской идеологии.

Дальнейшим уточнением авторской картины мира, а также установкой на правописание обусловлены новые акценты в изображении жизни, постепенная «подмена» героя и полное изменение поэтики в третьей части романа. Проблема «человек и мир» рассматривается в нравственном аспекте. В обществе, охваченном пороками зависти и сребролюбия, полностью нарушены родственные и человеческие связи: сестра обманом лишает Никанора всего состояния, жена отрекается от обещавшего мужа; теща не желает помочь ему в беде; человек, представлявшийся воплощением «разума и честности» (III, 75), оказывается жуликом. В мире все непечно: вчерашнее благополучие вдруг сменяется полной нищетой; любовь оборачивается равнодушием.

Заметную метаморфозу претерпевает и характер героя: если прежде Никанор пытался обмануть Судьбу, преодолеть жестокое бездушие Закона, то теперь он покоряется жизни, а в конце концов сам пытается стать плутом, использующим обстоятельства в своих целях. Однако его удел — терпеть поражение во всех столкновениях с жизнью, в отличие от традиционного плута, добывающегося обычно материального благополучия и успеха. На наш взгляд, несмотря на то что принципы организации сюжета в третьей части напоминают плутовской роман, сходство третьей части с романом Лесажа только внешнее.

Итак: античный и средневековый романы, усвоенные через посредство французской «сентиментальной» повести и с поправкой на просветительские идеи; схема плутовского романа, приспособленная для правописания, — как видим, в «Несчастном Никаноре» отразился весь процесс становления жанра романа. Думается, закономерность в последовательной смене этих литературных влияний отвечает самой логике развития мироощущения автора, рядового человека, эмпирически воспринимающего изменяющуюся историческую действительность.

Характеризуя пути развития русской прозы XVIII в., Ю. М. Лотман выделял два типа романа, исторически сменяющих друг друга: плутовской и просветительский (в двух разновидностях — философский и сатирический).²⁹ Анализ анонимного

²⁹ Лотман Ю. М. Пути развития русской просветительской прозы XVIII века // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 79—106.

романа «Несчастный Никанор» позволяет конкретно проследить, как изменение исторической действительности обуславливало формирование новых жанровых форм. Это произведение весьма условно можно назвать романом — жанр его не отличается определенностью, целостностью. Это, скорее, своеобразный жанровый конгломерат, в котором элементы различных жанровых структур (сюжетная схема рукописной прозы начала века, монологи классицистических трагедий, некоторые приемы журнальной сатиры, постоянные поэтические вкрапления, правописание, «чувствительная» проза) сложно взаимодействуют с реальным биографическим материалом. И вместе с тем это действительно роман, потому что его содержанием стала судьба частного человека в его столкновении с миром.

Известна мысль Гегеля о наличии двух типов состояния мира: героическое, при котором общество и индивид выступают как единое целое в решении основных проблем жизни; и «прозаически упорядоченная действительность», характерная для общества, в котором уже полностью сложились государственные институты, необходимые для осуществления общественного правопорядка, и в котором индивид не ощущает своей свободы и своего единства с целым — напротив, интересы индивида нередко вступают в противоречие с интересами целого, т. е. государства, которое подчиняет себе его членов.

Каждая схема — упрощение, и все же рискнем приложить гегелевский тезис к истории литературы XVIII в. Петровская эпоха — при всей ее сложности и противоречивости — это «героическое» состояние мира. Единство интересов общества и человека, прокламировавшееся идеологией абсолютизма, достаточно адекватно — хотя и различными художественными способами — выразилось и в «низовой» рукописной повествовательной прозе первой трети века, и в «высоких» жанрах классицизма, эпических по самому типу воплощения мироощущения эпохи.

Эпоха Елизаветы (время действия романа) и Екатерины II (время его создания) — это, если воспользоваться формулой Гегеля, «прозаически упорядоченная действительность». И мироощущение рядовых современников отразило происходившее изменение состояния мира, разъединение личного и общественного, т. е. возникновение почвы для нового жанра — жанра романа, формирование которого осуществлялось разными путями. Один из них — переосмысление традиционной повествовательной формы, использование приемов других литературных жанров — вызвал к жизни произведение анонимного автора «Несчастный Никанор».

В. Д. РАК

ПЕТЕР ХОЛЬСТЕН,
БИБЛИОТЕКАРЬ БРИТАНСКОЙ ФАКТОРИИ,
И ЦИКЛ «КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ»
В ТОБОЛЬСКОМ ЖУРНАЛЕ

Среди переводных статей в первом сибирском журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», для которых западноевропейские источники и оригиналы не установлены либо, как сейчас выяснилось, определены не полностью,¹ внимание исследователей привлек в последние годы цикл под заглавием «Краткие исторические известия, о разных происшествиях древних и новых времен, касательно происхождения народов, их исповеданий, законов, обычаев, наук, правоучений и прочих примечания достойных вещей». Повышенный к нему интерес был разбужен тем обстоятельством, что разысканиями в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области было, наконец, выяснено, кому принадлежали в «Иртыше» названные и некоторые другие переводы, подписанные криптонимами «Г. Ф.», «Г. Фр.» и «Геор. . . Фри. . .». Этим лицом оказался председатель палаты уголовного суда Тобольского наместничества Георгий (Егор) Христофорович Фризе (Фриз).² Поскольку архивные дела не дали пока ничего, кроме имени, фамилии и должности этого любопытного тобольского литератора, единственным другим источником, из которого можно что-то узнать о нем, явились его переводы, к которым и обратились исследователи, чтобы составить представление о его образе мыслей и позиции в журнале.

¹ Имеются в виду № 20, 39, 40, 42, 43, 46, 49, 53 библиографического приложения к статье: *Рак В. Д.* Переводы в первом сибирском журнале // *Очерки литературы и критики Сибири: (XVII—XX вв.)*. Новосибирск, 1976. С. 61, 63—66.

² *Сенников Г. И., Рожкова Т. И.* Загадка «Г. Ф.»: (К проблеме литературного направления «Иртыша») // *Проблемы изучения русской литературы XVIII века*. Л., 1984. [Вып. 6]. С. 130; *Роменская Т. А.* Проблемы эстетики на страницах первого сибирского журнала // *Развитие литературно-критической мысли в Сибири*. Новосибирск, 1986. С. 55—56.

Т. А. Роменская провела вдумчивый, спокойный, опирающийся на внимательное прочтение текста анализ эстетических идей, развивавшихся в пяти статьях рассматриваемого цикла. Справедлив и общепризнан положенный ею в основу методологический тезис, согласно которому «переводные трактаты при изучении этапа становления русской эстетической мысли используются наравне с отечественными, поскольку они сыграли существенную роль в процессе выработки ряда теоретических положений, осмысления национальных задач и т. п.».³ Наблюдения и выводы не выходят за пределы возможностей, предоставляемых для них сказанным на страницах «Иртыша», и потому в главной своей сущности они обоснованны и доброкачественны. Но иначе обстоит дело с заключением относительно того, что внес от себя Г. Фризе в переведенные им материалы. Т. А. Роменская отмечает, что «Г. Ф.» допускал сокращения оригинального текста и вставки собственного, вводил новые нюансы, переставлял акценты <...> поэтому в конечном счете его статьи предстают вариантами переводимых работ, свидетельствующими о наличии собственной концепционности и целевой направленности».⁴ Одну статью (из октябрьского номера за 1791 г.) исследовательница берет смелость приписать, с большой убежденностью, хотя и предположительно, самому Фризе; ⁵ а все пять образуют, по ее мнению, «методически „выстроенный“, популярно изложенный и в известной степени самостоятельно осмысленный курс элементарной эстетики и введения в теорию искусства».⁶ Неоспоримо, что при сопоставлении напечатанных в «Иртыше» очерков с трактатами, содержание которых они передают, в них явственно проступают и своя целенаправленность, и самостоятельное осмысление, выражаемые через вставки, сокращения, перестановки и другие средства передачи собственной мысли в рамках переводимого чужого текста. Однако все эти операции проделал, как будет показано ниже, не Г. Фризе, а другой литератор, чьи компиляции председатель Тобольской уголовной палаты перевел без каких-либо существенных смысловых изменений. Соответственно и необходимые для трансформации исходного текста разносторонние интересы и знания, приписанные Г. Фризе на основе анализа статей, принадлежали не ему, а этому другому лицу.

Ошибка Т. А. Роменской была в значительной степени предопределена, как это ни грустно признавать, опубликованными в свое время теперешним ее оппонентом результатами его библиографических разысканий, проведенных в начале 1970-х гг. Сличив статьи в «Иртыше» с английскими трактатами на языке оригинала и с их немецкими переводами, он пришел к выводу, что литератор «Г. Ф.» имел в своем распоряжении последние и состав-

³ Роменская Т. А. Указ. соч. С. 37.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 38—39.

⁶ Там же. С. 39.

лял по ним конспективные пересказы избранных разделов, сознательно изменяя авторскую мысль, вводя многочисленные дополнения, делая купюры, произвольные перестановки и грубые ошибки.⁷ Лишь десятилетие спустя было найдено посредствующее звено между английскими оригиналами и русскими переводами, а вместе с тем наконец точно выяснилась роль тобольского журналиста.

Заблуждение относительно «Г. Ф.» было, так сказать, объективным, поскольку *главные особенности его публикаций в «Иртыше» были определены верно и ничто не наводило на подозрение о существовании другого источника*, который позднее был обнаружен случайно, а при другом стечении обстоятельств мог еще долго оставаться неизвестным или вообще погибнуть в трагическом пожаре.

Иной характер носят построения Г. И. Сенникова и Т. И. Рожковой. Архивная удача показалась этим авторам достаточно весомой для того, чтобы сообщение о ней возвести до уровня подготовительного этюда «к проблеме литературного направления „Иртыша“». Своей исходной точкой они положили высказанное давно М. А. Алпатовым ошибочное, вследствие полного отсутствия сведений об источнике рассматриваемого цикла, мнение, согласно которому «Г. Ф.» переводил какой-то «немецкий хандбук», содержащий «мешанину из библейской традиции, крайнего идеализма и немецкого шовинизма» с вкрапленными «неожиданным образом» идеями Просвещения.⁸ Приписав это суждение, по небрежности, Ю. Д. Левину и сославшись при этом на страницу известного сборника «Эпоха Просвещения» (Л., 1967), относящуюся к статье П. Р. Заборова, авторы идут дальше и выдвигают собственное предположение: «...не идеи Просвещения, имевшиеся в шовинистическом „гандбуке“, заставили тоболяков обратиться к данному переводу, а общий исторический (хотя и мнимый) характер его. Идеи же Просвещения были внесены в него самим Георгием Фризе».⁹ Этот вывод, как заявлено в статье, имеет основой «внимательное изучение <...> перевода Георгия Фризе»,¹⁰ однако не показаны ни наблюдения, ни ход мыслей, так что приходится лишь удивляться, как можно было вынести подобное заключение относительно иностранного источника, о котором ничего не было известно. Без объяснения оставлен и закономерно возникающий вопрос: зачем Г. Фризе обратился к мнимо историческому сочинению и стал «вносить» в него идеи Просвещения, а не выбрал для перевода иную, не требующую такого рода обработки книгу, коль скоро «был прекрасно знаком с передовыми социологиче-

⁷ Рак В. Д. Указ. соч. С. 55—56.

⁸ Алпатов М. А. Сибирский журнал — современник Французской буржуазной революции конца XVIII века // Французский ежегодник. 1961: Статьи и материалы по истории Франции. М., 1962. С. 120.

⁹ Сенников Г. И., Рожкова Т. И. Указ. соч. С. 131.

¹⁰ Там же.

скими теориями своего времени»¹¹ и, следовательно, не мог не быть начитан в добротной просветительской литературе? Дальнейшая аргументация Г. И. Сенникова и Т. И. Ройковой выплывает в попытку обнаружить свидетельства того, что радикально (как вытекает из предшествующих рассуждений) мысливший Г. Фризе активно общался с задержавшимся на семь месяцев в Тобольске автором «Путешествия из Петербурга в Москву» и, будучи его уже сформировавшимся единомышленником, не только впитывал в личных беседах его революционные идеи, но и пропагандировал их через «Иртыш».

Как известно, давняя гипотеза об участии А. П. Радищева в тобольском журнале не получила ни малейшего подтверждения.¹² Все декларации о крайнем вольнодумстве сотрудников «Иртыша» зиждутся на весьма узком и переходящем из одной научной работы в другую наборе цитат крамольного, как представляется исследователям, содержания, но в действительности выражавших общие места эпохи Просвещения.¹³ Не выявлено достоверных фактов личного общения Радищева с кем-либо из участвовавших в журнале, и все указания на его знакомство с тем или иным лицом остаются лишь догадками.¹⁴ Наконец, документально подтверж-

¹¹ Там же.

¹² *Неустров А. Н.* Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1702—1802 гг. СПб., 1874. С. 550; *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.: Л., 1952. С. 538—539; *Шмаков А. А.* Радищев и журналистика дореволюционной Сибири // *Сибирские огни.* 1952. № 5. С. 137; *Берков П. Н.* Некоторые спорные вопросы современного изучения жизни и творчества А. Н. Радищева // XVIII век. М.: Л., 1959. Сб. 4. С. 191—193. Чистой выдумкой является утверждение Г. И. Сенникова о том, что тобольский наместник А. В. Алябьев намеренно задерживал Радищева, так как тот ему был «нужен как широкообразованный человек, как писатель, который может оказать действительную помощь в укреплении положения с <...> журналом» (*Сенников Г. И.* А. П. Радищев и Николай Смирнов: (К проблеме взаимоотношений) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып. 4. С. 93).

¹³ *Алпатов М. А.* Указ. соч. С. 109—123; *Утков В. Г.* Радищев и тобольские вольнодумцы // *Утков В. Г.* Книги и судьбы: Очерки. 2-е изд., доп. М., 1981. С. 7—43; *Трусова З. И.* Общественно-политические тенденции журнала «Иртыш, превращающийся в Птокреу» // Очерки литературы и критики Сибири: (XVII—XX вв.). С. 14—30. Свое мнение об умеренности политической программы «Иртыша» автор данной работы обосновал ранее и не видит оснований от него отказываться (*Рак В. Д.* Указ. соч. С. 46—47).

¹⁴ В. Г. Утков объяснил отсутствие сведений о связях Радищева в Тобольске предельной осторожностью и преднамеренной скрытностью писателя, для которого была заманчивой перспектива замены илинской ссылки на тобольскую и важно было обеспечить условия для исполнения замысла нового произведения, в котором развивались бы идеи «Путешествия» (*Утков В. Г.* Указ. соч. С. 32—42). Легенду о подобном замысле, восходящую к недостоверным сообщениям А. Беригарди и Г. фон Гельбига, убедительно оспорил А. Г. Татаринцев. Он же, проанализировав обстоятельства пребывания Радищева в Тобольске и документы, относящиеся к его возможным знакомствам, справедливо указал, что душевное состояние ссылки писателя «не располагало <...> на поиски новых знакомств и бесед с незнакомыми ему людьми» (особенно до марта 1791 г.). К тому же он находился под очень при-

дено, что решение о возобновлении журнала после четырехмесячного перерыва в сентябре—декабре 1790 г. было принято до приезда Радищева в Тобольск.¹⁵

Вопреки всему этому, не установив никаких новых фактов, кроме имени и фамилии переводчика цикла «Краткие исторические известия», Г. И. Сенников и Т. И. Рожкова не только связали продолжение издания «Иртыша» с января 1791 г. с прибытием Радищева,¹⁶ но также усмотрели «разительное» изменение объекта и содержания переводов Г. Фризе. Сопоставив его статьи, восходящие к «Очеркам истории человека» Генри Хоума лорда Кеймза, с заведомо неполным переводом другого труда того же автора¹⁷ и не найдя в нем «радищевских» по духу мыслей, наличествующих в «Иртыше», они категорически заявляют: «Приведенный материал, несмотря на его доказательную скромность, дает, однако, право утверждать, что Радищев, в период своего семимесячного пребывания в Тобольске, активно общался с местными литераторами. Опальный писатель, едущий в десятилетнюю ссылку, не мог, естественно, сам печататься в „Иртыше“. Но он помог в восстановлении журнала, в придании ему единого идейного и стилистического характера, в выборе переводимых материалов».¹⁸ Полная методологическая несостоятельность подобного изучения переводных сочинений очевидна и не нуждается в комментировании. Тем не менее отметим один из вопиющих примеров: цитируя предисловие французского писателя Ф.-Т.-М. де Бакюльера д'Арно к его рассказу «Иаков, анекдот исторический», опубликованному в «Mercure de France» еще в 1770 г.,¹⁹ и задаваясь нелепым вопросом, не явились ли сформулированные в этом предисловии «выводы следствием бесед Георгия Фризе с А. Н. Радищевым»,²⁰ авторы не обращаются к самому произведению в «Иртыше», а заимствуют выдержки из него с почти не измененным связующим их текстом из статьи М. А. Алпатова.²¹

Отныне насильственное «втискивание» «Кратких исторических известий» в рамки априорной ошибочной концепции становится невозможным, поскольку источник всех этих переводов установлен окончательно и бесспорно. Им оказался выходивший в Петер-

стальным надзором (о чем хорошо знал), а за журналом тоже внимательно следило бдительное око начальства. См.: *Татаринцев А. Г.* Радищев в Спб. М., 1977. С. 125—158.

¹⁵ *Татаринцев А. Г.* Указ. соч. С. 143.

¹⁶ Первый из соавторов высказывал это мнение и в предыдущей своей статье, несмотря на то что документ о намерении тобольских властей продолжать издание журнала был уже опубликован. См.: *Сенников Г. И.* А. Н. Радищев и Николай Смирнов. С. 92—94.

¹⁷ *Хоум Г.* Основания критики. М., 1977. (История эстетики в памятниках и документах). Введение к этой книге переводилось в февральском номере «Иртыша» за 1791 г., на который в разбираемой работе нет ни единой ссылки.

¹⁸ *Сенников Г. И., Рожкова Т. И.* Указ. соч. С. 135.

¹⁹ *Рак В. Д.* Указ. соч. С. 65, № 47.

²⁰ *Сенников Г. И., Рожкова Т. И.* Указ. соч. С. 135.

²¹ *Алпатов М. А.* Указ. соч. С. 122.

бурге в 1778 г. журнал «Английский еженедельный листок на немецком языке» («Das Englische Wochenblatt in deutsche Sprache»),²² редактор-издатель которого, он же и единственный компилятор-переводчик, скрылся за латинскими инициалами «Р. Н.», назвавшись библиотекарем при английской фактории. По указанию Г. Л. Х. Бакмейстера, криптоним принадлежал Петеру Хольстену (Peter Holsten), который подписывал им также свои стихотворения «на случай», сообщая при этом, что является «натурализованным англичанином».²³ Свидетельство хорошо осведомленного библиографа подтверждается стихотворением (СК_{ин}, 1372), изданным с обозначением на титульном листе полностью имени и фамилии «натурализованного англичанина Петера Хольстена, библиотекаря при английской фактории» (von dem naturalisirten Engländer Peter Holsten. Bibliothekair bey der Englischen Factoren).

Британскую (как она привычно называлась) факторию, существовавшую в Петербурге с 1723 г., составляли английские неопцианты, здесь обосновавшиеся, и (в большем числе) торговые агенты, которые вели дела хозяев, пребывавших в метрополии. Коммерсант Джонас Хенуэй, проезжавший через столицу России в 1743 г. и задержавшийся в ней на обратном пути на пять с половиною лет (1745—1750), рассказал о них кратко, но уважительно и тепло.²⁴ По его словам, все они жили в довольстве, владея лучшими

²² В дальнейшем изложении и в ссылках сокращенно: EW.

²³ Katalog von Büchern gesammelt von H. L. C. Bacmeister. St. Petersburg, 1793. S. 83 (No. 1244); Russische Bibliothek, zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland / Hrsg. von H. L. C. Bacmeister. 1777. Bd 4. S. 493; 1778. Bd 5. S. 217; Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке: 1701—1800. Л., 1985. Т. 2. С. 45 (№ 1369—1371) (в дальнейшем: СК_{ин} с указанием порядкового номера).

²⁴ Hanway J. An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. 3d ed., rev. and corr. London, 1762. Vol. 1. P. 367—368. О русских связях Хенуэя см.: Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи: (XVIII век—первая половина XIX века). М., 1982. С. 137—139. (Лит. наследство. Т. 91). История Британской фактории еще ждет обстоятельного исследования. Важным печатным источником сведений остается старая брошюра: A Sketch Drawn from the Records of the British Factory at St. Petersburg, and Designed to Elucidate the History of That Body, from 1716 to 1824. London, 1824. Интересные факты и цитаты сообщены в статье: Cross A. G. The British in Catherine's Russia: A Preliminary Survey // The Eighteenth Century in Russia / Ed. by T. G. Garald. Oxford, 1973. P. 233—263. Краткие сведения об английской общине в Петербурге и описание церкви содержатся в труде пастора немецкой лютеранской церкви св. Екатерины: Grot J. C. Bemerkungen über die Religionsfreyheit der Ausländer im Russischen Reiche in Rücksicht auf ihre verschiedenen Gemeinen, ihre kirchliche Einrichtungen, ihre Gebräuche und ihre Rechte. St. Petersburg; Leipzig, 1797. Bd 1. S. 192—193; Bd 2. S. 21—23, 37, 285—286. Английский священник У. Тук кратко рассказал о капелланах фактории в переведенной им с немецкого языка книге: Storch H. The Picture of Petersburg. London, 1801. P. 107—110. В наши дни эта тема освещена подробно в статье: Cross A. G. Chaplains to the British Factory in St. Petersburg, 1723—1813 // European Studies Review. 1972. Vol. 2, No. 2. P. 125—142. Существуют работы по частным вопросам истории фактории: Берков П. Н. Томас Консетт, капеллан английской фактории в России: (К истории русско-английских литературных связей в 1720-е годы) //

домами по набережной Певы (впоследствии получившей название Английской), выделяясь из среды иноземных купцов своим благополучием и отличаясь здоровым нравственным духом. Разумеется, Хенуэй, проживший долгое время в этой небольшой и сплоченной, по его наблюдениям, общине, был не беспристрастен в оценке своих соотечественников, однако справедливость его суждений подтверждается отзывами других наблюдателей (правда, все эти люди тоже англичане, а их свидетельства выходят за хронологические рамки статьи).²⁵

Среди членов фактории, сообщает Хенуэй, были неангличане, принявшие британское гражданство и пользовавшиеся вследствие этого всеми правами и привилегиями, которые предоставлялись агентам кампании по торговле с Россией. Факторы-англичане смотрели на это с неудовольствием и в конце концов послали своим хозяевам протест, утверждая, что «натурализованным» британским подданным, из которых далеко не все даже бывали в Англии, безразличны ее интересы, и в ущерб ей они служат на самом деле своей стране, не неся к тому же никакой доли в государственных расходах Великобритании. За этими патристическими аргументами, которые сочувственно изложил и прокомментировал Хенуэй, стояли, конечно, далеко не бескорыстные мотивы, а именно, вероятнее всего, стремление поместить в невыгодное положение своих конкурентов. К заявлению петербургских факторов прислушались в Лондоне, и в результате столкнулся с оппозицией очередной парламентский билль о натурализации одного иностранца (1752), а также был принят закон, согласно которому любой натурализованный подданный должен был через каждые три года прожить также три года в Англии.²⁶

Хольстен был из числа тех «натурализованных англичан», кто пробыл «много лет» в Англии и хорошо выучил живой язык, о чем он сообщил в «Уведомлении», которым завершил свой жур-

Проблемы международных литературных связей. Л., 1962. С. 3—26; Cross A. G. The Subscription Library of the British Factory in St. Petersburg // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 1979. No. 7. P. 41—46; Black J. The St. Petersburg Factory and the British Press Reporting of Russian News // Ibid. 1987. No. 15. P. 44—45.

²⁵ Cross A. G. The British in Catherine's Russia. P. 237—239.

²⁶ Hanway J. Op. cit. P. 387—397. Рассказанный Хенуэем эпизод не находит подтверждения в публикациях парламентских дебатов, где изложены прения по биллям о натурализации иностранных протестантов (1748 и 1751 гг.) и евреев (1753) (The Parliamentary History of England, from the Earliest Period to the Year 1803. London, 1813. Vol. 14. P. 135—148, 970—972, 1365—1431; Vol. 15. P. 91—163). Действовавшие законы о натурализации см. в изд.: Statutes at large. . . London, 1763—1776. Vol. 4—12 (по указателям в т. 9, 11, 12). В 1774 г. был принят закон, согласно которому натурализованный англичанин должен был, считая со второго дня сессии парламента, предоставившей ему гражданство, прожить в Великобритании или ее заморских владениях семь лет, не отлучаясь более чем на два месяца подряд (Ibid. Vol. 12. P. 187).

нал.²⁷ Это послесловие наряду с несколькими газетными объявлениями, титульными листами стихотворений Хольстена, перечнем подписчиков на другой его журнал, а также списками петербургских масонов и членов Английского клуба является источником скудных и в значительной части гипотетических биографических сведений о не известном ранее петербургском литераторе и, возможно, первом библиотекаре британской фактории.

Происходил Хольстен, вероятно, из нарвских купцов. Среди его подписчиков значился некто «J. N. Holsten in Narva», которого с большим основанием можно предполагать его родственником, поскольку в XVIII в. очень часто подписчиками на периодическое издание числились знакомые и близкие сотрудников и редакторов. Фамилия эта упоминается в списке нарвских торговцев лесоматериалами за 1738 г.;²⁸ а в то время, когда Петер Хольстен выступил со своим еженедельником, он жил в доме нарвского купца, владевшего лесопильными мельницами.²⁹

Когда Хольстен уехал в Лондон и как долго там прожил, неизвестно. В 1762 г. на титульном листе стихотворения на коронацию Екатерины II он уже объявил себя «натурализованным англичанином», скрыв при этом свою фамилию (СК_{ин}, 2425). В 1771—1772 гг. он числился «посетителем» (visitor) только что образовавшейся в Петербурге масонской ложи «Parfaite Union», которую традиционно называли «английской»;³⁰ в 1772 г. был принят в Английский клуб,³¹ а в 1776 г. впервые обозначен библиотекарем английской фактории (СК_{ин}, 1372).

Точная дата основания библиотеки не установлена. Самым ранним о ней упоминанием до сих пор считалась запись в дневнике

²⁷ Nachricht // EW. 1778. 24. December, No. 50. S. 399. В дальнейших ссылках после сокращенного названия указываются номер журнала и страница (две цифры в ссылке) или только номер (одна цифра в ссылке).

²⁸ Dritte Sitzung der Narvaschen Altertums-Gesellschaft am 14. Oktober 1864. Narva, 1864. S. 3. В сборе материалов о Хольстене и его окружении деятельное участие приняла главный библиотекарь И. Г. Яковлева (ГПБ), которой автор приносит благодарность.

²⁹ Подписку на EW принимал и очередные номера выдавал, согласно объявлению, сам автор в доме купца Вульфберта (Wulfert) на Мойке. — St. Petersburgische Zeitung. 1777. 29. December, No. 104. Здесь и далее ссылка на эту газету (сокращенно: SPZ) обозначает приложение к указываемому номеру. Летом 1780 г. душеприказчики покойного нарвского купца Андреаса Вульфберта (Wulfert) объявили сроки предъявления претензий (SPZ. 1780. 19. Juni, No. 49), а через полгода — распродажу имущества (SPZ. 1781. 15. Januar, No. 5; фамилия напечатана: Wulfert). На аукцион предлагались дом на левом берегу Мойки, лесопилка в 30 верстах от Петербурга на 6 пилорам и другая — в 60 верстах на 14 пилорам. Покойным купцом был, по всей видимости, Андрей Вильгельм Вульферт, состоявший членом Английского клуба с 1770 по 1779 г. (Столетие С.-Петербургского английского собрания. 1770—1870: Воспоминания; Список старшинам; Списки почетным членам и членам. СПб., 1870. С. 44 второй пагинации).

³⁰ Cross A. G. British Freemasons in Russia during the Reign of Catherine the Great // Oxford Slavonic Papers. 1971. New series, vol. 4. P. 71.

³¹ Столетие С.-Петербургского английского собрания. С. 51 (№ 269). В списке он значится: Гольштен Петр.

одного из вождей испано-американского революционного движения Франсиско де Миранды о посещении в июле 1787 г. по приглашению капеллана британской фактории Уильяма Тука англиканской церкви и находившейся при ней библиотеки.³² Венесуэльскому патриоту было рассказано, что библиотека сформировалась по подписке, организованной англичанками, проживавшими в Петербурге; а в каталоге, который ему показали, значилось, по его прикидке, около 2000 томов. Эта цифра не внушает доверия, поскольку даже тремя десятилетиями позднее книжный фонд был, судя по печатному каталогу,³³ значительно меньше. (Правда, каталог был, кажется, неполный, так как в нем не указаны несколько книг, которыми определенно пользовался Хольстен). Библиотекарем был в это время некто Хауэл (Howel), биржевой курьер-доставщик новостей (a runner).³⁴ Титульный лист, на котором Хольстен был указан библиотекарем фактории, отодвигает первое упоминание о ней на одиннадцать лет ранее, приближая его, наверное, почти к самой дате основания, если судить по составу книг в печатном каталоге 1821 г.³⁵

В послесловии к еженедельнику Хольстен рассказал о драматических обстоятельствах, при которых он взялся за перо журналиста (изложение ведется в третьем лице, подразумеваемом «переводчика и издателя»): «Он может искренне заверить, что „Английский еженедельный листок“ возник совершенно случайно и что издатель не имел ни малейшего намерения с его помощью занять место в ученом мире или приобрести славу; он далек от этой мысли. Неудачное падение из экипажа, причинившее ему телесную хворь, которая длилась более полугода, при сохранившихся в здравии уме и сердце, вынудило его искать занятие для души, каковое и было найдено в доверенной ему английской факторией библиотеке. Здесь получили начало мысли по поводу разных примечательных мест из книг и переводы этих отрывков; со временем они сильно умножились, и он подумал, что иным доставило бы удовольствие, если бы они были напечатаны» (EW, 50, 398).

³² Cross A. G. The Subscription Library. . . . P. 42—43.

³³ Catalogue of Books Belonging to the British Factory, St. Petersburg. St. Petersburg, [1821]. В дальнейшем сокращенно: Catalogue — с указанием страницы.

³⁴ Такой фамилии нет в составленном У. Туком списке англичан, находившихся в Петербурге в 1782—1783 гг. А. Г. Кросс предположил, что Миранда ошибся и что библиотекарем был шотландец Джозеф Фозл, владелец Английского трактира, упоминаемый, в частности, в стихотворении И. И. Дмитриева «К А. Г. Севериной» как Фауль, содержатель английских балов.

³⁵ В этом каталоге книги издания XVII в. представлены тремя названиями, первой четверти XVIII в. — 11, второй четверти — 20, период 1751—1763 гг. — 43. Дальнейшее распределение по годам: 1764 — 13, 1765 — 12, 1766 — 21, 1767 — 18, 1768 — 11, 1769 — 13, 1770 — 30, 1771 — 22, 1772 — 25, 1773 — 18, 1774 — 12, 1775 — 16 (всего 241, из них за 1764—1769 — 88, а за 1770—1775 — 123). Из этого следует, что комплектование библиотеки началось где-то в конце 1760-х—начале 1770-х гг. и что на это время приходится ее основание.

Подписчиков набралось «более шестидесяти», тираж был установлен 100 экземпляров.³⁶ К задуманному изданию проявили внимание и поддерживали его подпискою «некоторые великие персоны в государстве», которым в последнем номере Хольстен рассыпался по этому поводу в комплиментах, не назвав, однако, никого поименно. Британская фактория, как сообщил он там же, дала тридцать подписчиков, которым сам журнал не представлял интереса, поскольку все отраженные в нем книги они могли прочесть сами, но которым были присущи, как и вообще англичанам (здесь Хольстен, конечно, льстил), стремление и готовность содействовать любому литературному предпрятию, имеющему целью распространение знаний. Кроме того, по расчетам Хольстена, у журнала было в Петербурге еще около 100 читателей, ни копейки на него не потративших. И лишь среди немецкого торгового люда, кому, собственно, и предназначался «Листок», он не нашел отклика и не получил распространения, за исключением нескольких «любителей и знатоков полезного чтения» (EW, 50, 399).

Если в начале года Хольстену казалось, что собранной подписки достаточно для финансового обеспечения его издательского предприятия, то на деле, кажется, с трудом удалось свести концы с концами, а будучи человеком по-торговому практичным, строго блюдя свою выгоду, он не собирался ею жертвовать во имя просветительских целей. «Было бы глупо работать безвозмездно (vergeblich), — заявил он в послесловии, — мудрость не должна ходить с протянутой рукой, она не должна себя никому навязывать. Те, кто не очень беспокоятся о том, чтобы найти достойные предметы для своих размышлений и приобрести знания, пусть навсегда остаются невеждами» (EW, 50, 400). Но, прекращая издание журнала, Хольстен, имевший, по его заверению, большое количество заготовленного матерпала, изъявил готовность продолжить свои усилия в этой области уже с августа 1779 г., если в течение полугода поступили бы — то ли от какого-либо высокопоставленного лица, то ли по подписке — достаточные средства.

Перерыв, однако, растянулся на два года. Между тем за границей появилось краткое известие о Хольстене, относившееся к 1778 г., когда в Петербурге побывал Жан Бернулли, астроном, математик и философ, член Берлинской академии наук и других ученых обществ. В разделе своих «Путешествий», озаглавленном «Материалы к Ученой Германии» (Beyträge zum gelehrten Deutschland), он поместил статью «Holsten (P. H.)», в которой со ссылкой на Г. Л. Х. Бакмейстера привел сведения о стихотворении на рождение великого князя Александра Павловича (СК_{ин}, 1369). Больше о лице, указанном в заголовке статьи, он ничего не знал; но в следующей статье, посвященной литератору по фамилии Holten (имя не приводилось), сообщалось: «...торговый посредник и хранитель библиотеки английской фактории, говорят, что он написал разные сочинения, а сейчас работает над журналом,

³⁶ SPZ. 1777. 29. December, No. 104.

предназначенным главным образом для англичан».³⁷ Этот отзыв, по всей вероятности, отражал мнение о EW в петербургской германоязычной среде, а раздвоение, претерпленное издателем журнала, было результатом недостаточной осведомленности ученого.

Новый журнал собрал подписку на 74 экземпляра. Он выходил с января 1781 г. и продолжался два года,³⁸ после чего никаких сведений о Хольстене не сохранилось. Известно лишь, что в 1791 г. он выбыл из Английского клуба.³⁹ Можно с большою долею вероятности предположить, что в этом или предшествующем году он умер, однако членство могло прекратиться, как это бывало, и по какой-то иной причине. Два стихотворения Хольстена, упомянутые в газетном объявлении:⁴⁰ «Das Fest der Götter» («Пир богов») и «Ein Gedicht auf die Amerikanischen Unruhen» («На волнения в Америке»), — нигде не обнаружены и, возможно, утрачены.

Приложенный к декабрьскому номеру за 1781 г. список позволяет составить представление о том, как формировался контингент подписчиков второго журнала Хольстена, в основном состоявший несомненно из тех же лиц, которые двумя годами ранее внесли деньги на получение EW.

В перечне значатся 73 подписчика. Первые 25 — вельможи, придворные, титулованные особы, иностранные дипломаты и высшие (начиная с пятого) чины по табели о рангах. Открывают список Н. И. Панин, Г. Г. Орлов, кн. А. А. Вяземский и И. И. Бецкой. Далее в «верхней» части следуют, например: А. А. Безбородко, секретарь императрицы; А. В. Олсуфьев, бывший ее статс-секретарь, сенатор; Т. И. Остервальд, сенатор, преподаватель великого князя Павла Петровича; лейб-медик шотландец Джон Роджерсон; послы Великобритании и Священной Римской империи; придворный банкир Сатерленд (Sutherland); двое сыновей барона Фредерикса, ранее занимавшего эту должность благодаря покровительству братьев Орловых; видные ученые и литераторы Я. Я. Штелин и А. А. Нартов, а также ряд других лиц. Кто-то из этих подписчиков сам, конечно, заинтересовался журналом (ими могли быть Нартов, Штелин, Олсуфьев, Остервальд), но для большинства подписка была, наверное, лишь меценатским жестом, финансовой благотворительностью, испрошенной Хольстеном лично или через посредников. Нет никаких свидетельств

³⁷ *Bernoulli J. Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Pohlen, in den Jahren 1777 und 1778. Leipzig, 1780. Bd 5. S. 152—153.*

³⁸ *Englisches Magazin: Eine deutsche Monatsschrift, in welcher die meisten Stücke Übersetzungen aus dem Englischen sind. St. Petersburg, 1781—1782. [Bd 1—2].* В комплекте ГПБ, единственном известном автору, имеются выпуски за январь, июль—август, ноябрь—декабрь 1781 г. Почти полный комплект, в котором отсутствовал лишь номер за январь 1781 г., был у Г. Л. Х. Бакмейстера (см.: *Katalog von Büchern gesammelt von H. L. C. Bacmeister. S. 83, No. 1245*).

³⁹ Столетие С.-Петербургского английского собрания. С. 51 (№ 269).

⁴⁰ SPZ. 1777. 29. December, No. 104.

того, чтобы он принадлежал к тем членам фактории, кого, как писал Хенуэй, с уважением принимали в самых знатных домах на Английской набережной; но у него, конечно, имелись подобные знакомые (в рассматриваемой части списка явно угадываются коммерческие каналы). Было бы, разумеется, небезынтересно проследить все пущенные в ход связи, но и без этого ясно, что если даже не сам Хольстен, а столичные торговые круги обеспечили журналу высокое покровительство, то, значит, издатель пользовался у них достаточным авторитетом. Имена этих его доброжелателей раскрывает вторая часть списка.

Многие в ней перечисленные были, кажется, хорошо знакомы друг с другом и находились в разных отношениях. О Хольстене из Нарвы уже говорилось выше. Двое Вульффертов (Wulffert), можно думать, состояли в родстве между собою и с покойным, в чьем доме жил Хольстен.⁴¹ Нарвским купцом был Иоганн Людер.⁴² Английский купец Крэмп (Cramp, Ctemp) поместил в газетах объявление о том, что ночью 23 декабря 1779 г. была сведена его лошадь со двора торговца пиломатериалами Вульфферта (Wulffert).⁴³ Душеприказчиками покойного Вульфферта выступали маклер Петер Барц (Barts, Barz) совокупно с «иноземным» купцом Христианом фон Эссенем (von Essen),⁴⁴ причем первый был церемониймейстером масонской ложи «Урания», а второй ее казначеем.⁴⁵ Купцы Вольф (Wolff, Wolf), Кейли (John или George Cayley, оба подписчики, Kely) и Емельян Солодовников (Solodoffnikoff, Emelian Solodownikow) являлись душеприказчиками тульского купца Ивана Пастухова.⁴⁶ Джон Кейли был мастером стула ложи «Parfaite Union»,⁴⁷ где «посетителями», наряду с Холь-

⁴¹ Как видно из газетных объявлений (см. сноску 29), фамилия покойного купца писалась двояко. Подобное же наблюдалось и позднее. Так, У. Тук привел сведения о купце Carl Wulffert (*Tooke W. View of the Russian Empire during the Reign of Catherine the Second, and to the Close of the Present Century. London, 1799. Vol. 3. P. 661*), а через 10 лет в справочнике по Петербургу значился купец Carl Wulffert ([*Reimers H., von. J. St. Petersburgisches Adress-Buch auf das Jahr 1809. St. Petersburg, [1809. Abt. 1]. S. 139; Abt. 2. S. 411*]). Поэтому различение родственников и однофамильцев затруднительно, как, например, среди учеников петербургской немецкой школы, носивших эти варианты фамилии (см.: *Namens-Verzeichniss der Schüler und Schülerinnen der Deutschen Hauptschule St. Petri, alphabetisch und chronologisch geordnet zur Saecularfeier am 1. October 1862. St. Petersburg, 1862. S. 127*).

⁴² SPZ. 1790. 5. November, No. 89.

⁴³ Ibid. 1779. 27. December, No. 104. При указании нескольких написаний фамилии первой приводится форма по списку, второй — из указываемого источника.

⁴⁴ Ibid. 1780. 19. Juni, No. 49; 1781. 15. Januar, No. 5.

⁴⁵ Cross A. G. *British Freemasons in Russia*. . . P. 65.

⁴⁶ SPZ. 1779. 17. December, No. 101. Два его сына состояли в Английском клубе (по списку членов № 152, 278). Пастуховы на журнал Хольстена не подписывались.

⁴⁷ Cross A. G. *British Freemasons in Russia*. . . P. 69; Пыпин А. Н. *Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в.* / Ред. и примеч. Г. В. Вернадского. Пг., 1916. С. 502.

стенom, числились зарегистрированные в списке ложы друг за другом Вольф (Wolff) и Бахерахт (Bacheracht), а также некий Пастухов (Postukhov).⁴⁸ Мы не знаем, какой из многих Мейеров (Meyer), находившихся в Петербурге, подписался на журнал, но примечательно, что в доме Пастуховых жил некто иноземец Герман Мейер, который, вполне вероятно, мог быть если не самим искомым лицом, то его родственником.⁴⁹ Кстати, какой-то Николай Мейер, умерший в 1777 г., был «посетителем» ложы «Parfaite Union». ⁵⁰ Джордж Кейли был, без сомнения, родственником Джона.

Любопытен еще один «клубок» вероятных знакомств. Среди подписчиков значился некто Роговиков (Rogewikoff), которым, по-видимому, был один из братьев-купцов — Петр или Николай Семенович (и тот и другой члены Английского клуба ⁵¹ и двоюродные братья Катерины Ивановны Фонвизиной, жены драматурга (урожд. Роговиковой)).⁵² Одним из их опекунов, с 1769 г. и до совершеннолетия, был Н. И. Панин,⁵³ открывавший перечень подписчиков на журнал Хольстена. В 1780-х гг. П. С. Роговиков бывал у Фонвизиных, оставался у них обедать и, возможно, жил с ними по соседству.⁵⁴ В то же время рядом с усадьбой, полученной Катериной Ивановной по наследству, находился «двор» английского купца Фомы Бонара,⁵⁵ у которого, между прочим, жил маклер П. Барц.⁵⁶ В 1782 г. дом Катерины Ивановны на Неве сдавался внаем англичанам Кулю и Смолю,⁵⁷ которые у Хольстена стоят рядом (Coole, Smalley), непосредственно предшествуя Бонару. Ранее в этом доме проживал английский купец Питер Роуз (Peter Rose), покинувший Петербург в начале 1781 г., успев подписаться на журнал.⁵⁸

Таким образом, восемнадцать из сорока восьми фамилий «нижней» части списка принадлежали, кажется, очень близким знакомым, объединенным причастностью к столичной коммерции. Вообще же связи в торговом мире Петербурга были, вне всякого сомнения, основным, если практически не единственным, каналом, по которому формировалась подписка на журнал Хольстена. В газетных объявлениях за 1777—1782 и 1790—1792 гг., а также в за-

⁴⁸ Cross A. G. *British Freemasons in Russia*. . . . P. 71. Неясно, был ли данный Бахерахт врачом А. Г. Бахерахтом, автором медицинских пособий (см.: СК, 434—439), или принадлежал к купеческому миру.

⁴⁹ SPZ. 1781. 28. May, No. 43 (объявление об отъезде).

⁵⁰ Cross A. G. *British Freemasons in Russia*. . . . P. 71.

⁵¹ По списку членов № 440, 441.

⁵² Кочеткова Н. Д. Фонвизин в Петербурге. Л., 1984. С. 118. Фонвизин на журнал не подписался.

⁵³ Там же. С. 116.

⁵⁴ Там же. С. 118—119.

⁵⁵ Там же. С. 118. В списке Хольстена: Thomson Bonar.

⁵⁶ SPZ. 1779. 8. October, No. 81.

⁵⁷ Кочеткова Н. Д. Указ. соч. С. 119. Об отъезде купца Cornwall Smalley, проживавшего в доме канцелярского советника Фонвизина, объявлено в SPZ. 1782. 20. September, No. 75.

⁵⁸ SPZ. 1781. 8. Januar, No. 3.

писках иностранцев, посещавших Россию,⁵⁹ упоминаются по разным поводам как принадлежавшие купцам 25 фамилий, значащихся в списке. В тех случаях, когда Хольстен привел имена или инициалы, нашлись объявления именно этих лиц; если же в списке указана только фамилия, отождествление возможно лишь приблизительное, но по разным дополнительным признакам (редкость фамилии, место проживания в Петербурге и др.) с большой степенью надежности.⁶⁰ По данным, содержащимся в самом списке, коммерцией занимались и еще три подписчика. Кроме того, четверо, судя по их фамилиям, были, как уже отмечалось ранее, родственниками купцов (Джордж Кейли и двое Вульффертов) и самого издателя журнала (Хольстен из Нарвы). Наконец, английский генеральный консул имел, разумеется, по роду своей службы самую тесную связь с британской факторией. Остается пятнадцать подписчиков, из которых два были, говоря современным языком, коллективные, и о них речь пойдет чуть ниже. В итоге нет прямых сведений о личной принадлежности к торговому миру или о тесных с ним контактах лишь относительно 13 человек. Можно тем не менее утверждать, что большинство, если не все, так или иначе было с ним связано, хотя бы уже потому, что девять из них были членами Английского клуба (либо имели родственников, в нем состоявших).

Английский клуб как раз выступал одним из коллективных подписчиков и, без сомнения, сыграл какую-то роль в сборе подписки. Во всяком случае 32 фамилии из «нижней» части списка и 3 из «верхней» представлены в этом собрании в соответствующие годы (отождествление с тою же оговоркою, что и выше). Вторым коллективным подписчиком был Музыкальный клуб, члены которого, вероятно, привлекли и кого-то из «верхней» части списка.

Итак, на примере «*Englisches Magazin*» подтвердилось все, что говорил Хольстен о распространении EW. Круг подписчиков был чрезвычайно узким; его составляли кроме высокопоставленных меценатов почти одни английские коммерсанты и купцы, происходившие из прибалтийских губерний. Исконных русских значилось во второй части списка лишь трое. Подлинный читательский интерес руководил, видимо, лишь несколькими лицами, а большинство, наверное, ставило очередной номер на полку, не удосуживаясь в него заглянуть, потому что заплатили деньги исключительно из корпоративной и национальной солидарности с автором, нуждавшимся в поддержке предприятия, которое, в согласии с духом времени, нельзя было не признать благородным — ведь речь шла о распространении полезных знаний и пропаганде достижений именно английской науки и литературы. Вместе с тем у журнала было некоторое — путь небольшое — количество читателей, не отмеченных в списке (вспомним, что

⁵⁹ В частности: *Auszüge aus dem Tagebuch von einer Geschäftsreise nach Russland im Jahr 1805. Nürnberg, 1812. S. 49—50.*

⁶⁰ Если подписался не сам купец, а его родственник, как можно заподозрить в некоторых случаях, суть дела от этого не меняется.

Хольстен сам насчитывал их около 100): сюда входили те, кто смотрел свежие выпуски в клубе или у знакомых либо покупал их по мере выхода. По свидетельству Хольстена, EW подвергся даже чьим-то нападкам. «Известно, — говорилось в последнем номере, — что некоторые особы, так называемые *fort Esprits*, приложили усилия, чтобы разругать эти листки; но не дождались ответа, потому что издатель целиком положился на справедливый суд благожелательной публики и рассудительных людей: и те и другие составили свое мнение, и молчание издателя завоевало ему их расположение, которое, после твердого намерения *«unsträflichen Absicht»* служить ближним, доставило ему большое удовлетворение» (EW, 50, 399). Однако никаких выступлений против Хольстена в петербургской печати не обнаружено.

Как попал в далекий Tobolsk малотиражный и оседавший главным образом в пределах Галерной верфи EW, остается лишь догадываться. Если он принадлежал самому Г. Фризе, то есть надежда, проследив родословную чиновника и служебную карьеру, добраться до того человека, который первым владел экземпляром, увезенным в Сибирь и давшим тамошнему журналу 18 статей, которые печатались в 17 (из общего числа 24) номерах.⁶¹

Проникнутый убеждением в том, что «долг каждого честного человека быть любым способом полезным миру и служить ближним», Хольстен, ища себе применения, когда с потерей здоровья лишился возможности вести торговые дела, пришел к мысли, что люди, не имеющие, вследствие занятости, достаточно времени прочитывать «утомительные труды», охотно отдадут полчаса в неделю периодическому листку с выдержками из сочинений знаменитых авторов. Пользу от подобного издания он усматривал и в том, что оно предоставило бы пищу для серьезных размышлений, в то время как повседневные разговоры в собраниях состоят в насмешках, непристойностях и обсуждении текущих новостей (EW, 50, 398; ср. EW, 42, 336). Предполагался, следовательно, реферативный журнал, каких в XVIII в. издавалось множество по всей Европе. В России он был третьим⁶² и, в отличие от предшествовавших ему, посвященных отечественной книжной продукции, предназначался для обзоров новейших трудов английских авторов. Однако, не вполне ориентируясь в современной европей-

⁶¹ В Английском клубе состоял в 1771—1776 гг. некто Карл Фреезе (по списку № 255). В списках масонской Великой провинциальной ложи числился F. P. Frese, а в ложе «Беллона» — Frederick Frese, возможно то же самое лицо (*Cross A. G. British Freemasons in Russia*. . . . P. 63, 66). Нельзя исключить вероятность, что эта фамилия могла иметь форму «Фризе». Ср., например, варианты фамилии одного и того же лица в SPZ: Fredericks (1780. 19. Juni. No. 49; 17. Juli, No. 57), Frederichs (1780. 18. September, No. 75). Friedrichs (1780. 2. October, No. 79), Freederichs (список Хольстена). Предпоследний и (при чтении по-английски) последний варианты допускают произношение «Фридрихс».

⁶² Первым был журнал Г. Л. Х. Бакмейстера «Russische Bibliothek zur Kenntnis des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland» (1772—1782. Bd 1—11); вторым — новиковские «Санктпетербургские ученые ведомости на 1777 год».

ской художественной и научной литературе, Хольстен пропустил в свой журнал и некоторых французов, чьи сочинения вышли в английских переводах.

В самом раннем печатном каталоге библиотеки британской фактории зарегистрирован ряд книг, которые реферировались Хольстеном в его журнале; значатся они и в более поздних каталогах. Библиотека просуществовала до 1917 г., а в 1930-е гг. то, что от нее сохранилось, было передано в Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Шчедрина, но лишь небольшая ее часть (преимущественно из отдела «Путешествия») была в 1950-е гг. включена в состав иностранного фонда и отражена в Генеральном каталоге. Из книг, которыми пользовался Хольстен, выявлены только две;⁶³ никаких рукописных помет в них нет.

Открылся EW конспективным переводом в трех первых номерах модной новинки — «Опыта о свойствах, нравах и уме женщин во все века» французского писателя Антуана-Леонара Тома,⁶⁴ члена Французской академии, автора многих похвальных слов (éloges), славившихся своими литературными достоинствами. Авторство было Хольстену, по-видимому, неизвестно, и он его приписал английскому переводчику этого сочинения Уильяму Расселу (Russell, 1741—1793). Может озадачить выбор именно этого предмета для первых выпусков, по которым составлялось на будущее впечатление о характере нового журнала. Почему было сочтено желательным начать издание с внушения петербургским иностранным купцам понятия о больших природных дарованиях женщин и громадной их роли в интеллектуальной и общественной жизни во все эпохи человечества? Чем определялась конкретная злободневность этой темы в данной среде? Ответ, возможно, следует искать не в каких-то особых просветительских намерениях издателя, а в упоминавшемся выше замечании Ф. де Миранды, из которого следует, что дамам фактории обязана была своим возникновением ее библиотека. Не состояла ли цель Хольстена в том, чтобы привлечь на свою сторону или хотя бы пробудить от умственной спячки этот могущественный фактор и в других слоях петербургского торгового люда? Как бы то ни было, но женская тематика и впоследствии занимала в EW немалое место.

⁶³ *Beattie J. Essays: On Poetry and Music, as they Affect the Mind; On Laughter, and Ludicrous Composition: On the Utility of Classical Learning.*

Edinburgh, 1778 (шифр: Л 11 $\frac{A-5}{1}$; Catalogue. P. 56); Carver J. *Travels through the Interior Parts of North America, in the Years 1766, 1767, and 1768.*

2d ed. London, 1779 (шифр: Г 01 $\frac{A-3}{35}$; в Catalogue нет). Извлечения из этих книг напечатаны в «Englisches Magazin».

⁶⁴ *Thomas A.-L. Essai sur le caractère, les mœurs et l'esprit des femmes dans tous les siècles (1772).* Английский перевод: *Essay on the Character, Manners, and Genius of Women (1772).*

В № 23 переведены выдержками, но с достаточно полной передачей содержания три главы популярного моралистического трактата французского писателя Пьера-Жозефа Будье де Вильмера «Друг женщин» (Boudier de Villemert P.-J., 1716—нач. XIX в. *L'ami des femmes*, 1758; переиздания): I. О положении женщин в обществе; II. О науках, приличных женщинам; III. О занятиях женщин. Позднее, после длительного перерыва, Хольстен еще несколько раз обращался к этой книжечке (в № 30 — гл. 6 и 4, в № 31 — гл. 8—9, в № 33 — гл. 9, в № 34 — гл. 10), представив ее в конечном итоге на три четверти (девять глав из двенадцати). Контаминируя заимствованные из нее извлечения с выдержками на близкие темы из «Очерков истории человека» Кеймза,⁶⁵ «Ковентгарденского журнала» («*The Covent-Garden Journal*», 1752. No. 55—56) Г. Филдинга и других сочинений (из которых не все установлены), а также, возможно, вкрапывая в этот конгломерат собственные замечания, Хольстен охватил широкий круг вопросов, относившихся к женской проблематике того времени: о различии между любовью и волокитством, о браке, о нарядах, модах, увеселениях и др.

На французском языке «Друг женщин» выходил анонимно, а на титульном листе английского перевода появилось странное и никак не объясненное указание автора: de Gravines.⁶⁶ Отсюда оно перешло в заголовки статей Хольстена в форме «Herr Gravinnes (вариант: Graviennes)», а далее в «Иртыш» как «лорд Гравинн». Сибирские ученые отождествили это мифическое лицо с итальянским писателем и юристом Джованни Винченцо Гравиной (Gravina, 1664—1718).⁶⁷ Этой нелепой ошибки не случилось бы, если бы выполнено было необходимое условие исследования переводной литературы: сравнение перевода с предполагаемым источником и оригиналом. Будь оно проведено, то сразу обнаружилось бы, что в сочинениях Гравины нет подобных рассуждений! Можно было бы, наконец, задаться вопросом, почему никто из ранее писавших об этих статьях из «Иртыша» не назвал их автором итальянского писателя, хотя не мог не обращаться за первичными справками к тем же общеизвестным справочникам, из которых были почерпнуты сведения, давшие начало ляпсусу.

Как бы ни рассчитывал (предположительно) Хольстен на благосклонное внимание к его листку прекрасного пола, женская тема, хотя и заняла в еженедельнике серьезное место, не стала, однако, ведущей. Насколько можно понять по номерам началь-

⁶⁵ В каталоге библиотеки значилось издание: *Kaimes, Lord. Sketches of the History of Man. 1774. 2 vols. 4to. (Catalogue. P. 7).* В той же форме фамилия автора приводилась в журнале Хольстена, а из него перешла в «Иртыш». Поскольку книга вышла анонимно, то, вероятно, так она была кем-то (может быть, именно Хольстеном) написана на титульном листе.

⁶⁶ *The Ladies Friend, from the French of Monsieur de Gravines. London. 1766. См.: The British Library General Catalogue of Printed Books to 1975. London, 1982. Vol. 131. P. 107. В каталоге фактории не числится.*

⁶⁷ *Сеников Г. И., Рожкова Т. И.* Указ. соч. С. 134; *Роменская Т. А.* Указ. соч. С. 38.

ного периода, замысел предполагал многотемие, которое способствовало бы расширению кругозора и (употребляя современные нам понятия) гуманитаризации сознания, что, по всей видимости, Хольстен считал полезным и необходимым для той среды, где, по его планам, должны были циркулировать его недельные рефераты.

За растянувшимся на три выпуска изложением «Опыта» А.-М. Тома последовала статья о происхождении и развитии полезных и изящных искусств, построенная в форме конспективного пересказа пятого раздела из первой книги «Опытов истории человека» Кеймза (EW, 4). В один номер обзор не вместился, но Хольстен, вероятно, счел утомительным для читателей вслед за только что кончившейся трехнедельной серией дать сразу другую, тоже продолжительную, а потому сделал перерыв и вернулся к ней через месяц (EW, 9—10). Промежуток был заполнен компиляцией из трех сатирических очерков Г. Филдинга (EW, 5),⁶⁸ «Размышлениями при воззрении на Константинополь из его окрестностей о величайших государственных переворотах в истории» (EW, 6),⁶⁹ очерком об индийцах, составленным по незадолго до того вышедшей «Истории Индостана» А. Дау (EW, 7).⁷⁰ рецензией из английского журнала⁷¹ на вольтеровскую «Историческую похвалу разуму», другими материалами из него же и перепечаткою собственного стихотворения Хольстена на день рождения великого князя Александра Павловича (EW, 8).

Лишь после этой пестрой смеси были напечатаны в двух номерах продолжение и окончание статьи об искусствах, и к ней (по принципу тематического единства) Хольстен присоединил перевод «Введения» к «Основаниям критики» Г. Кеймза, где речь шла о природе эстетического наслаждения (EW, 11). Далее возобновилась смесь. В нескольких номерах развивалась в отдельных частных аспектах тема изящных искусств, преимущественно словесности: компилятивный очерк «О гении, остроумии и вкусе» (EW, 11, источники не установлены); статья Джона Эйкина (1747—1822) о комедии (EW, 15);⁷² сатирический «Современный словарь» Г. Филдинга⁷³ и присоединенная к нему рецензия на дву-

⁶⁸ The Covent-Garden Journal. 1752. March 24, No. 24; June 16, No. 48; June 27, No. 53. Хольстен пользовался перепечаткой в собрании сочинений Г. Филдинга, которое в каталоге указано без выходных данных и количества томов (Catalogue. P. 57).

⁶⁹ Выдержки из какой-то книги под заглавием «Письма из Греции» («Letters from Greece»), не числящейся в каталоге.

⁷⁰ В каталоге: History of Hindostan. By Dow. 1770. 2 vols. 4to. (Catalogue. P. 29).

⁷¹ Хольстен называет его «Englischen Annalen Litteratur» (в других случаях: «Englischen Litterair Annalen», «Annales litteraires»). Очевидно, это был журнал «The Critical Review, or Annals of Literature».

⁷² Оригинал: эссе «The Province of Comedy» в сборнике брата и сестры Джона и Анны Меттиции Эйкинов (Aikin) «Miscellaneous Pieces in Prose» (London, 1773). В библиотеке фактории имелось издание 1775 г. (Catalogue. P. 56).

⁷³ The Covent-Garden Journal. 1752. January 14, No. 4.

язычный англо-французский словарь пословиц (EW, 13);⁷⁴ свифтовское «Искусство каламбура» (EW, 19).⁷⁵ Разнообразно было содержание других номеров: очередной сатирический очерк Филдинга (EW, 16);⁷⁶ компиляция из разных авторов «О различии характеров людей» (EW, 14); выдержки из сборника «L'évangile du jour» и рецензия из английского журнала на это издание Вольтера (EW, 18); извлечение о китайских садах из книги английского архитектора У. Чеймберса (Chambers, 1726—1796) «Описание китайских строений, мебели, одежды, машин и инструментов» (EW, 17); отчет о вскрытии гробницы короля Эдуарда I (EW, 20); избранные описания достопримечательностей Рима из пользовавшихся большою известностью и ставших своего рода путеводителем по вечному городу «Писем о Риме» французской писательницы Мари-Анны Дюбокаж (Du Bosage, 1710—1802) (EW, 21—22); статья неизвестного английского автора «О красоте» (EW, 24).

Это беглое перечисление характеризует Хольстена как человека с широким кругозором, внимательно знакомившегося с новыми приобретениями находившейся в его ведении библиотеки, прилагавшего искренние усилия в стремлении донести наиболее интересные и важные, с его точки зрения, сведения и мысли до своих читателей. Он был одним из серьезных петербургских литераторов, и только его ориентация исключительно на иноязычную среду, резко сузившая сферу обращения EW, предопределила полное забвение и его самого, и его детища.

Доведя в таком виде листок до середины года, Хольстен изменил редакторскую тактику, переключившись на пространные статьи, печатавшиеся с продолжением в последовательных номерах и разраставшиеся в популярные трактаты.

С № 25 началась серия, посвященная «истории человека». Она открылась конспективным переводом-пересказом тех разделов труда Кеймза, в которых рассматривались причины различий между народами, в частности роль пищи, климата и формы собственности в историческом развитии человечества (EW, 25—26).⁷⁷ Осветив эти факторы в отрицательной трактовке Кеймза, защищавшего традиционное богословское объяснение возникновения разных народов, языков, обычаев и религий, Хольстен в следующих номерах дал сжатый очерк политической истории древнего мира, имея целью проследить, как извещали заглавия, «возникновение народов, законов и правительств» (EW, 27—29). В каждом из этих выпусков указывалось, что источником для них послужили труды шотландского историка Уильяма Гатри (Guthrie, 1708—1770) и того же Кеймза. В каталоге 1821 г. нет ни одного сочинения этого автора, но в более позднем значатся два много-

⁷⁴ Рецензия переведена, очевидно, из журнала «The Critical Review».

⁷⁵ Оригинал: «The Art of Punning». Очевидно, извлечено Хольстеном из имевшегося в библиотеке фактории собрания сочинений Свифта 1755 г. (Catalogue. P. 59).

⁷⁶ The Covent-Garden Journal. 1752. August 29, No. 61.

⁷⁷ Разделы 1—3 первой книги «Очерков истории человека».

томных, в том числе «Всеобщая история от сотворения мира до настоящего времени».⁷⁸ Нельзя с уверенностью сказать, была ли она в библиотеке фактории уже во времена Хольстена и ее ли он имел в виду, упоминая в заголовке фамилию Гатри. В любом номере EW, источник которого установлен, обнаруживаются текстуальные с ним совпадения, но в данном случае не нашлось ни одного. Правда, их отсутствие может объясняться тем, что тому периоду, который во «Всеобщей истории» изложен на нескольких тысячах страниц, Хольстен уделил в своем листке лишь двадцать четыре страницы. Впрочем, окончательный вывод на этом основании делать рано, поскольку, за неимением английского подлинника, для сверки был привлечен немецкий перевод под редакцией Х. Г. Гейне (С. G. Heyne), сильно расширенный немецкими учеными.⁷⁹ Неясно также, на какой труд Кеймза опирался этот исторический обзор, во всяком случае не на «Очерки истории человека». Кроме них в библиотеке фактории были еще два трактата шотландского судьи, которые прежде всего должны быть изучены на предмет выявления источников данных номеров.⁸⁰ Когда источники будут установлены, раскроется, можно надеяться, причина, по которой экскурс в историю остановился на далеких веках. Вероятно, именно такими хронологическими рамками он был ограничен в книге, взятой издателем журнала основой своего реферата.

После исторического очерка Хольстен вернулся на несколько выпусков к «Другу женщин», а когда и это сочинение было рассмотрено, приступил к обширному, растянувшемуся на три месяца (EW. 35—43; 48; с 10 сентября без перерыва до 5 ноября и затем 10 декабря 1778 г.) очерку истории и современного на тот день состояния международной торговли и мореплавания. Эта компиляция была подобна той, которую на русском языке несколькими годами позже печатал Н. И. Новиков в «Прибавлениях к Московским ведомостям» (1783).⁸¹ Основными трудами, из которых черпался материал, были книги опять же Кеймза, знаменитого шотландского историка Уильяма Робертсона (1721—1793), английского философа Джона Локка и др. Основа была, таким образом, солидной, а столь продолжительная задержка на этом предмете, рассчитанном, вне всякого сомнения, в первую очередь на

⁷⁸ A General History of the World, from the Creation to the Present Time. London, 1764—1767. Vol. 1—12 (в соавторстве с J. Gray и др.); General History of Scotland. London, 1767. Vol. 1—10. См.: Catalogue of Books Belonging to the Library of the British Factory, St. Petersburg. Lewes (England), [1883]. P. 153, No. 2.

⁷⁹ Allgemeine Weltgeschichte von der Schöpfung an bis auf gegenwärtige Zeit. Leipzig, 1765—1808. T. 1—17.

⁸⁰ Essays on the Principles of Morality. 1751. 2 vols. 8vo; Principles of Equity. 1767. 1 vol. Fol. (Catalogue. P. 7).

⁸¹ Никакой связи между этими очерками не обнаружено. Хотя некоторые источники были общими, но использовались они независимо. Трактовка отдельных вопросов была принципиально различной. Например, Хольстен оценивал войну американцев за независимость с позиций английского купца, лишившегося колониального рынка, и доказывал, что в коммерческом смысле британским владениям невыгодно отделяться от метрополии.

купеческую аудиторию, имела, вероятно, целью приблизить журнал к ее профессиональным интересам и тем самым завоевать ему большее внимание накануне сбора подписки на следующий год. Если действительно таковыми были редакторские намерения Хольстена, то его ждало разочарование: притока новых читателей, как известно, не последовало. Пробудить любознательность в германоязычной торговой среде Петербурга не удалось. Конечно, у нее нашли бы отклик публикации сведений о рыночной конъюнктуре в интересовавших ее регионах и центрах коммерции; но, пойдя Хольстен по такому пути, ему следовало бы переориентироваться на издание торговой газеты и отказаться от общепросветительских, гуманитарных целей, которые он себе поставил. Эту альтернативу он, вероятнее всего, даже не рассматривал, и потому, заполнив оставшиеся до конца года несколько номеров опять разною смесью,⁸² благополучно завершил свой листок.

С первого и до последнего номера Хольстен добросовестно и вдумчиво исполнял принятую на себя роль переводчика-компилятора, не претендуя ни в малейшей степени на какую-либо самостоятельность и пунктуально извещая в заголовках о своих источниках, хотя и называя их подчас очень неопределенно (например: «из английских и других авторов»). Основным его приемом был выборочный перевод, при котором содержание реферируемого сочинения передавалось не собственным его изложением, а довольно точным переводом из него отрывков разной протяженности (от нескольких страниц, абзацев, предложений до отдельных фраз и даже их фрагментов), подогнанных друг к другу таким образом, чтобы составлялось непрерывное смысловое целое. Иногда это получалось очень удачно, иногда — с немалыми потерями аргументации и доказательности, о чем, однако, читатели не догадывались, так как эти нарушения видны, как правило, только при сличении с английским подлинником. При подобном обращении с исходным текстом ослабевали его исконные внутренние связи, деформировалась авторская логика, теснимая логикой рассуждений компилятора, у которого появлялась необходимость в отступлении от последовательности выбранных отрывков. Хольстен сплошь и рядом прибегал к перекомбинации. В простейших случаях переставлялись соседние фрагменты (см. в Приложении пример 1), но иногда перетасовкой мелких фрагментов, извлеченных с удаленных друг от друга страниц, создавался мозаичный текст, в котором происходили уже значительные нарушения авторского изложения, например: материал, иллюстрирующий определенный аргумент, привлекался для пояснения другой мысли

⁸² Статья «О счастье и несчастье людей в этой жизни» (EW, 44), краткий очерк истории христианства (EW, 45), обзор античных религий и современного язычества на Востоке и в Америке (EW, 46), извлечения из собрания сочинений Джонаатана Ричардсона старшего (EW, 50; в каталоге: Richardson's Works. 1773. 1 vol. 8vo. См.: Catalogue. P. 59), сатирическое письмо о женитбе из какого-то журнала (EW, 49), стихотворения, анекдоты и другие материалы.

(см. в Приложении пример 2). Другим повсеместно использовавшимся в EW приемом была контаминация по признаку тематического единства или близости фрагментов из сочинений разных авторов. Так, описания исторических достопримечательностей Рима, заимствованные из писем мадам Дюбокаж, дополняются сведениями из «Истории упадка и разрушения Римской империи» Эдварда Гиббона, первый том которой вышел в 1776 г. (EW, 22);⁸³ рассуждения лорда Кеймза о независимости национального характера от климата и пищи — мыслями и примерами неуставленного автора (см. в Приложении пример 3). В результате выборочный перевод, предполагающий обширные купюры исходного текста, нередко вбирает в себя фрагменты другого произведения, т. е. наряду с сокращением идет одновременное расширение (так, в частности, обстоит дело в первых трех номерах EW). Иногда в компиляцию вовлекалось несколько источников, и получались очень сложные композиции (см. в Приложении пример 4), которые были уже как бы подступами к собственному авторству. Однако на самостоятельное сочинительство Хольстен так и не решился, ограничившись ролью компилятора. Правда, он позволял себе отдельные вставки, но никогда они не имели программного, принципиального содержания, а в большинстве были простыми функциональными связками.

Принцип тематической компиляции осуществлялся и в номерах, включавших наряду с основной статьей дополнительную, и в статьях, растягивавшихся на серию номеров. Так образовалось, например, сочетание в одном листке сатирического словаря Филдинга и рецензии на словарь пословиц (см. выше), а в серию, излагавшую содержание книги Будье де Вильмера, вклинился отдельным номером раздел из «Очерков истории человека» Кеймза, посвященный женскому полу (EW, 32).

Таков был журнал, служивший Фризе основным источником переводов для «Иртыша». Неудивительно, что сличение статей, напечатанных в «Иртыше», непосредственно с трудами Кеймза, без учета этого посредствующего звена, ввело в заблуждение относительно степени самостоятельности тобольского литератора,

Самое значительное отступление Фризе от EW состояло в изменении последовательности отобранных для перевода статей. Оно диктовалось, по-видимому, желанием выстроить разбросанные по немецкому журналу материалы в связный, единый исторический очерк. Этот план был уже разобран в предшествующей статье об «Иртыше»,⁸⁴ и не появилось никаких оснований менять его характеристику; необходимо сделать лишь одно уточнение: поскольку самих «Очерков» Кеймза в Тобольске не было, то понятие «история человека» было, возможно, сотрудникам «Иртыша»

⁸³ В каталоге библиотеки фактории значится: *History of the Roman Empire Decline and Fall of. Gibbon. 6 vols. 4 to. (Catalogue. P. 30).* Ввиду отсутствия выходных данных нельзя понять, было ли это тем самым изданием, которым пользовался Хольстен, или каким-нибудь более поздним.

⁸⁴ *Ран. В. Д.* Указ. соч. С. 52—56.

незнакомо, хотя, с другой стороны, будучи широко употребляемо в эпоху Просвещения, могло до них дойти через другие книги.

Все пассажи, в которых был усмотрен «радищевский» образ мысли Фризе либо влияние событий Французской революции, присутствовали изначально в EW и были точно переданы в сибирском журнале, т. е. в России их опубликовал за 10 лет до Французской революции и за 11 лет до «Путешествия из Петербурга в Москву» человека отнюдь не радикального склада, заимствовав их к тому же из трактата весьма консервативного, по меркам XVIII в., английского автора. (Отметим попутно, что количество цитат, которые при желании можно было бы истолковать в «крамольном» — разумеется, по представлениям интерпретатора — смысле для России того времени, легко было бы значительно умножить). Не обнаружилось ни единого случая, когда Фризе попытался бы заострить или актуализировать применительно к условиям крепостнического строя какую-нибудь мысль своего источника. Напротив, причиной некоторых девиаций от немецкого оригинала могло быть или намерение самого переводчика, или цензурное требование смягчить доводимый до читателя текст, обойдя, например, молчанием нежелательные имена или аллюзии. Правда, эти случаи немногочисленны и не все достаточно ярко выражены, так что при полном отсутствии каких-либо объективных свидетельств подобные заключения допустимы лишь предположительно и не могут считаться окончательным выводом. Например, во фразе: «...войны, великие перемены и полезные учреждения суть единственные предметы историографов. . .» (2, 3)⁸⁵ — не переведено слово «бунты» (*Tumulte*), стоящее в немецком тексте вторым (EW, 27, 214). Там, где в оригинале говорится о том, что за 700 лет «фиванцы не совершили ничего, что достойно было бы духа свободы»,⁸⁶ Фризе переводит: «...ничего примечания достойного не предпринимали, или что бы в истории заслуживало напоминания» (4, 1). В предложении: «Брань была бесконечная между оными и всегда происходила ради мнимой вольности» — определение «мнимый», имеющее отчетливый идеологический смысл, введено переводчиком или по собственному почину, или по настоянию цензора (6, 7; ср. EW, 29, 227). В фрагменте, где основной причиной упадка Рима называлась безудержная роскошь, опущена заключительная фраза: «...и мы в наши дни прошли дальше по пути к гибели, чем хотят видеть наши государственные умы» (EW, 26, 205; ср. 16, 13). Могут быть предложены два равно вероятных объяснения этой купюры: с одной стороны, она могла быть сделана для того, чтобы избежать возникающей опасной ассоциации; с другой — переводчик мог почувствовать неуместность и неактуальность для русского читателя этого «мы», отно-

⁸⁵ При ссылках на «Иртыш» название не приводится, указываются лишь номер записи в библиографическом списке (см. Приложение) и страница.

⁸⁶ «...thaten die Thebaner nichts, was des Geistes der Freiheit würdig gewesen wäre» (EW, 28, 217).

сившегося к англичанам. Если встречается замена упоминания Вольтера ссылкой на «одного из новейших писателей» (13, 6; ср. EW, 9, 59), этого еще не достаточно для вывода, так как ниже в той же самой статье французский просветитель назван прямо своим знаменитым именем (13, 11). При подобной непоследовательности затруднительно понять изъятие «Мемнона» из перечня «французских вздоров», составляющих чтение молодых девушек (18, 18—19): то ли Фризе не был согласен с этой оценкой повести, то ли вообще не хотел о ней напоминать даже в отрицательном контексте. Наконец, две небольшие купюры были, конечно, патристическими умолчаниями: Фризе счел негодным сообщать о том, что «во времена Петра Великого в Санктпетербурге держали много карликов» (EW, 9, 60),⁸⁷ а также что в Финляндии и Эстонии по-прежнему топят избы по-черному, как в средние века в Англии (EW, 4, 28; ср. 11, 28).

Если в разобранных купюрах намечается — пусть и неотчетливо — тенденция к смягчению высказываний, которые могли бы властям показаться «дерзкими» или крамольными, то во всех других (а Фризе часто сокращал свои переводы относительно их источника) не ощущается никакого идеологического мотива. Они могли быть вызваны необходимостью уложиться в заданный объем, непониманием отдельных деталей или пассажей, либо мнением об их второстепенной значимости, наконец, даже небрежностью. Временами они сильно затемняют общий смысл, но нигде не придают нового, не заложенного в исходном тексте.

Не несут этой функции и немногочисленные дополнения, которые внесены в статьи. Так, например, переводя рассуждение о древних певцах-поэтах у разных народов, Фризе щегольнул эрудицией и вставил следующее «краеведческое» замечание: «. . . из Фишеровой истории о Сибири явствует, что и там в диких народах барды были под названием шаманов» (13, 15; ср. EW, 9, 62). Небольшой фразой расширены строки, посвященные обычаю посылать в заграничное путешествие юношу, окончившего курс обучения: «. . . по нескольких годах прожив в Париже или в других городах нарочитую сумму денег и накопив долгов, которые потом родители с хлопотами выплачивать должны, приезжает он восвояси таков же или еще глупее, как был. . .» (17, 18; ср. EW, 14, [111]). Еще в одном случае краткий отзыв о комедии Джона Драйдена «Неуемный волокита» («The Wild Gallant», 1669) Фризе заключил собственной неуместной ремаркой: «Вот вкус 15 столетия» (13, 10; ср. EW, 9, 60).

Этим исчерпываются мелкие вставки. Пространное отступление от авторского текста в виде добавлений к нему или его подмены встречается лишь единожды — в статье о воспитании молодых людей. Тема была очень близка тобольскому журналу как печатному органу местного Главного народного училища, и Фризе

⁸⁷ В переводе Фризе: «. . . также и при других дворах Европы сие в обыкновении было» (13, 9).

счел необходимым уточнить отдельные нюансы. Хольстен, вслед за своим английским источником, перечисляет беспутные столичные развлечения, заключая словами: «В таких академиях завершают они (юноши. — В. Р.) свое учение» (EW, 34, 267). Фризе добавляет несколько слов о карточной игре, которая почему-то не затронута в немецком журнале. Зацепившись за слово «академия», он пишет: «... другие же, вышедши из онеки, записываются в Академию карточных игор и проматывают нажитое предками их имение или разоряют своих товарищей; вот изрядное довершение наук» (18, 6). Чуть ниже он слегка усиливает в том же духе, что и ранее, характеристику молодых неучей, которые возвращаются из-за границы «столь же просвещенны, как и прежде были, и привозят с собою одни образцы новых мод, пошение платья и прическу волос; а сверх того научася французским и итальянским *бон мотам* и комплиментам, мешают оные с своими природными, желая себя тем от прочих отличить, кои не имели такого счастья просветиться во Франции или Италии» (18, 6—7; ср. EW, 34, 267). Далее английский автор рассуждает (а Хольстен кратко его излагает) о преимуществах университетского образования, усматривая их в том, что в период учебы молодой человек оказывается изолированным от многих соблазнов. Ситуация, понятная любому англичанину, была неясна в России, где не было городов, подобных Оксфорду и Кембриджу, так что Фризе заменил ее другой, найдя сходство с военной службой в провинциальном гарнизоне. Такая трансформация была удобна еще тем, что предоставляла случай напомнить дворянским отпрыскам, в полном согласии с официальной установкой, о службе, от них государством ожидаемой: «... должно навяще тем молодым дворянам похвалу приписать, которые, окончав науки, прямо в сухопутную или морскую военную службу идут; но будучи в оной, употребляет ли они в пользу свои науки? Сие зависит от них самих и от разных случаев, а более всего от добрых примеров их начальников; довольно того, что сей род службы есть наиболее полезнейший для них, потому что тут склонности и страсти молодых людей более ограничены, нежели инде где; ибо щеголь, волокита, игрок, охотник и модник не имеют столько случаев и времени всем сим прихотям подражать или часто на гульбищах и пиршествах, публичных играх и на вечеринках с непостоянными женщинами быть и знакомство заводить, как живучи праздно в больших городах» (18, 7—8; ср. EW, 34, 267). Раз начавшись, переделка нарушает систему аргументации, что и далее требует некоторых изменений, прежде чем возобновляется точный перевод.

В статьях Фризе встречается множество других отступлений от немецкого источника. Некоторые представляют замену малопонятной реалии какой-нибудь более известной: например, место Генделя занимает «Донкишот» (19, 9; ср. EW, 24, 188), а пробка для курительной трубки (Tabacksstopfer), изготовленная из тутового дерева, посаженного Шекспиром, превращается в «табакерку из дерева св. Людовика, во время крестных походов на-

саяденного» (19, 16.; ср. EW, 24, 190). В ряде случаев Фризе вносил в текст свои уточнения, причем делал это, как правило, или неумело, или без всяких к тому оснований, не останавливаясь перед грубыми, хотя и мелкими, искажениями. Так, в одном очерке он пересчитал даты с западного церковного летосчисления от сотворения мира на православное, но сделал это лишь в самом его начале и к тому же с ошибками («Иртыш», 1790, февраль; ср. EW, 27). В нескольких статьях произвольно изменены цифровые сведения. Если Хольстен пишет, что в Китае поле определенных размеров кормит семью в течение 10 месяцев, не указывая ее численности, то Фризе уточняет: «от 10 до 15 человек» (16, 6; ср. EW, 26, 203). Естественно поверить, что для этого категорического утверждения переводчик располагал какими-то надежными данными; однако следующий пример ставит под большое сомнение и все аналогичные, включая рассмотренный. Переводя фрагмент о высадке на остров в южной части Тихого океана одной морской экспедиции, Фризе сообщает, что к берегу пристало 10 человек, из которых шестеро были убиты дикарями, а четверо спаслись вплавь (15, 18). У Хольстена, в полном согласии с исходным английским текстом, говорится о семи матросах, из которых убитых было трое (EW, 15, 199). Здесь со стороны тобольского литератора была проявлена голая выдумка. Она же продиктовала ссылку на античный авторитет в фразе: «Некто из древних пиитов сказал, что силою воображения и новое мироздание себе представить может» (19, 1; ср. EW, 24, 185). Наконец, согласно «Иртышу», королевства в Мексике и Перу «не далее как за четыреста лет существовали, прежде нежели Америка Колумбом изобретена была» (1, 4); Хольстен писал о четырех поколениях (EW, 27, 210). Обнаружив столь вольное обращение с фактами, нельзя не оставлять места подобному объяснению и там, где при иных обстоятельствах речь шла бы лишь об элементарных опечатках.⁸⁸

Большую группу отступлений составляют ошибки, вызванные главным образом нечетким пониманием немецкого текста. Было бы утомительно анализировать многочисленные нарушения авторской мысли по этой причине в переводах Фризе, однако, поскольку он оказался невиновным в тех ошибках, о которых говорилось в предыдущей статье,⁸⁹ уместно заменить те примеры другими.

⁸⁸ Например, Фризе: «Теренций < . . . > 80 лет спустя после Плавта писал» (14, 6). Хольстен: 50 лет (EW, 10, 74); Фризе: «Кранаус, последовавший Кекропсу во владении Аттики, в лето 1582 до Христа» (2, 5). Хольстен: 1532 (1582 приводится как дата основания Афин Кекропсом) (EW, 27, 214).

⁸⁹ *Рак В. Д.* Указ. соч. С. 56. Как выяснилось при сличении «Иртыша» с EW, во всех приведенных для иллюстрации примерах ошибку, за одним лишь исключением, допустил сам Хольстен, а Фризе ее воспроизвел. Именно Хольстен неправильно понял мысль Кеймза относительно «Потерянного рая» (« . . . Miltons Paradies kam erst 50 Jahre nach seinem Tode in Druck » — EW, 13, 60); он же превратил трех римских писателей в пятерых (EW, 12, 30; добавлением еще одной запятой в «Иртыше» их стало шестеро); выдумал, будто суда древних греков приводились в движение упряжкой неких водо-

Согласно переводу, «невежество во время королевы Елисаветы столь велико было, что 20 подложных артикулов в Английское исповедание подложены были» (11, 13). Коль скоро догматов («артикулов») англиканской церкви было принято 39, то, если верить Фризе, выработавший их синод архиепископов и епископов, а также утвердившая их королева не знали, что творили, хотя из истории известно, что этой акции придавалось первостепенное значение как фактору, призванному консолидировать общество вокруг государственной религии. На самом деле речь шла об ошибке только в одном, двадцатом «артикуле» (EW, 4, 29). Жители Малакки, по Фризе, «суть весьма дерзкий, смелый и беспокойный народ и живут под горячим поясом (кои, как многие утверждают, суть не ленивые и трудолюбивые люди), они бывают всегда между собою в войне» (16, 2). В подлиннике акценты другие: «Жители Малакки — смелый, беспокойный и злобный народ — живут в жарком климате (который, по мнению многих, делает людей трусливыми и ленивыми), и они непрерывно между собою воюют» (EW, 26, 201).

Ошибками и неточностями, в разной степени искажающими мысль немецкого источника, переводы Фризе изобилуют; но дело не только в их количестве, свидетельствующем о неглубоких познаниях в немецком языке и слабом, дилетантском владении переводческим искусством. Они обличают Фризе в малой культуре и узком кругозоре, вследствие которых он плохо понимал и неверно передавал множество реалий и воспроизводил буквально ошибки Хольстена. Так, в «Иртыше» появились «Гаразонские часы для открытия долготы морской» (11, 18; в подлиннике: «Harrisonsche Uhr zur Entdeckung der Meeres Länge» — EW, 4, 31), «Целтический» и «Гетрурский» языки (14, 21; Celtische, Hetruscische — EW, 10, 79), «львы на Атлантических горах» (16, 5; «die Löwen auf den Atlasgebürgen» — EW, 26, 202). Не имела в тобольском журнале единого названия величайшая пустыня Африки: в одной статье Фризе упоминает «стени Заарские» (15, 14; «der Wüste von Zaaga» — EW, 25, 197), а в следующем же месяце говорит о «горячих песках Сары» (16, 5; «in dem brennenden Sande von Zaaga» — EW, 26, 202); в разных формах употреблялась фамилия великого английского драматурга: «Шакехспарь» (13, 10) и «Шакеспарь» (14, 8 и 15).⁹⁰

Не украшают статьи Фризе и бесчисленные опечатки, превращающие подчас текст в загадку. Среди перлов этого рода можно назвать «Историю Тусидадову» (13, 20), «тесноту (т. е. темноту. — В. Р.) первой истории» (1, 6; «die Dunkelheit jener Historie» — EW, 27, 211), превращение Демокрита в «Демократа» (14, 18),

плавающих животных («... und in Tiefen hatte man Tiere, die im Wasser schwimmen, angespannt, die die Flösse durch das Wasser fort zogen» — EW, 11, 26); объявил (то ли по незнанию, то ли неудачно построив фразу) Калифорнию островом (EW, 25, 199).

⁹⁰ Ср. у П. Сумарокова: «... имя их Шекспира достойно бессмертия. . .» — Библиотека учная. . . 1794. Ч. 12. С. 23.

утверждение, что, «в котором государстве чрезвычайное богатство и роскошь находятся, там непременно удаление (т. е. умаление, уменьшение численности. — *В. Р.*) народа последовать должно» (16, 9; «von der Abnahme der Einwohner» — *EW*, 26, 204).⁹¹ Мы не знаем, как был организован производственный процесс в тобольской типографии: кто, в частности, держал корректуру и показывали ли ее автору. Однако естественно было бы ожидать, что, найдя один раз подобные искажения, Фризе в других номерах проявит настойчивость, чтобы их избежать; то, что они не исчезали из его переводов, говорит не в его пользу. Более того, убедившись в его переводческой небрежности, трудно иногда решить, наборщик ли виноват в ошибке или он сам: кто, например, превратил китайского правителя Гао (*Hao*) в «Гоа» (11, 1; ср. *EW*, 4, 25), перуанского короля Mango Сарао в «Манкокапака» (там же), английского историка Голинпеда в «Голишпед» (11, 9; ср. *EW*, 4, 28)?

Некоторые искажения вообще не поддаются объяснению. Как, например, из «Prinz von Wallis» (*EW*, 4, 28) получился «принц Валлтекий» (11, 10)? Почему предложению: «В то же самое время появились в Англии (дословно: увидели в Англии. — *В. Р.*) артишоки, абрикосы и розы» (*EW*, 4, 28) — был придан обратный смысл: «В то же самое время еще не видно было в Европе артишоков, абрикосов и роз» (11, 10)? Наконец, почему перестановкою небольшого замечания в скобках Корнель стал заглавием произведения герцога Ришелье?⁹²

Всё обнаружившееся в переводах Фризе при сличении с их непосредственным источником заставляет с большою осторожностью подходить к оценке тех отклонений, в которых усматривается, казалось бы, собственная точка зрения, отличающаяся от авторской. Действительно их причиною оказывается, при внимательном рассмотрении, или неверное понимание немецкого текста, или неудачная формулировка. Так возник, например, неожиданный, противоречащий тому, что говорил Кеймз, пересказал Хольстен и перевел Фризе, вывод о влиянии климата на характеры людей, который ранее приводился в качестве примера несогласия тобольского журналиста с английским автором.⁹³ В английском подлиннике и немецком источнике рассказывалось о свирепых дикарях, обитавших на островах Южного моря (т. е. южной части Тихого океана), а затем о добродушных первобытных народах, населявших другие острова в том же районе. Из этого противопоставления вытекало следующее заключение: «Найти на всех

⁹¹ В «Иртыше» на той же странице пятью строками ранее это слово передано правильно: умаление.

⁹² Ришелье «более тщания и ревности ко славе Корнелия (одно славное сочинение сего автора), нежели о силе Гишпании оказывал; он желал лучше славным стихотворцем себя оказать, нежели великим министром слыть, так что когда о критике Сида (место замечания в *EW*. — *В. Р.*) размышлял, тогда оставлялись государственные дела» (17, 11).

⁹³ *Рак В. Д.* Указ. соч. С. 55.

этих далеких островах таких добрых и приветливых людей удивительно, и этим отличает их от других стран! При чем же здесь климат?»⁹⁴ Риторический вопрос, несущий в себе по ходу всей предшествующей аргументации отрицание, Фризе принял за переход к разъяснению того, как под влиянием одного и того же климата сформировались противоположные характеры. Отсюда и перевод: «Что ж во всех сих отдаленных островах иногда такие благоприятствующие, а иногда злые люди живут, есть весьма удивительно! Итак кажется, что тут помогает климат» (15, 21). Характерно, что переводчик не смутился полным противоречием этой фразы всем предшествующим, равно как и последующим рассуждениям и, в совершенном согласии с источником, ниже заявил: «Все сие доказывает, что климат и земля не составляют характера человеческого» (16, 4; EW, 26, 201).

При сплошном сличении русского и немецкого текстов на 284 страницах «Иртыша», восходящих к EW, нашлись только два отступления от смысла последнего, которые, поскольку он не содержит никаких языковых сложностей, трудно объяснить плохим его пониманием (хотя это нельзя полностью исключать) и, следовательно, допустимо интерпретировать как выражение собственной точки зрения переводчика. Хольстен, вслед за Кеймзом, утверждал, что при тиранических режимах одни народы развращаются, в то время как другие облагораживаются.⁹⁵ В «Иртыше» вторая часть тезиса поддается истолкованию как верноподданическая похвала Екатерине II: «По великим переменам народов и государств ясно усматривается, что характеры некоторых народов чрез угнетение и тиранство совсем переменились; напротив чего другие кротким правлением исправились» (15, 5). В другом случае Фризе высказал недвусмысленное осуждение, в исторической перспективе, народовластия: «...управление народное не имело уже другого действия, кроме того, что они от часу тем распутнее и развратнее делались» (5, 4).⁹⁶

Итак, если очень редко Фризе и «вносил идеи» в переводимое, они были далеки от радищевских, если даже не противоположны им, и от того комплекса представлений, которые Г. И. Сенников и Т. И. Рожкова связывают с понятием «идеи Просвещения». Столь же далек был сам реальный Г. Фризе, каким он предстает из проведенного разбора, от вымышленного широко образованного мыслителя, эрудита-просветителя и вольнодумца, каким его нарисовали сибирские исследователи.

⁹⁴ «In allen diesen entfernten Inseln solche gute, freundliche Leute zu finden, ist sonderbar, und unterschiedet sie dadurch von andern Ländern! Was hilft das Klima hier?» (EW, 26, 201).

⁹⁵ «Nach grossen Hauptveränderungen der Völker und Staaten, siehet man die Charaktere gewisser Völker, durch die Unterdrückung und Barbarey, ganz verändert; so wie andere sich hingegen verbessern und emporschwingen» (EW, 25, 194).

⁹⁶ «...die Regierung über das Volk hatte keine andere Wirkung, als sie ausgelassener und verdobener zu machen. . .» (EW, 28, 222).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примеры компиляции

В приводимых ниже примерах 1, 3, 4 указываются: начальные и конечные слова фрагмента в EW и страницы, на которых он расположен; то же в отношении соответствующего фрагмента русского перевода в «Иртыше»: ссылка на источник Хольстена.

В примере 2 предлагаемые для сравнения тексты разбиты на нумерованные фрагменты, по цифрам легко устанавливается перетасовка, произведенная Хольстеном.

СОКРАЩЕНИЯ:

- Kames — [Kames H.]. Sketches of the History of Man. Edinburgh, 1774. V. 1—2.
Nothanker — Nicolai F. Leben und Meinungen des Herrn Magisters Sebaldus Nothanker. Berlin, 1960.
Н. у. — источник не установлен.

1

Die verschiedenen Himmelsstriche <...> die schönsten Länder der der Welt ... (EW, 25, 193—195)=Разные положения неба <...> в прекраснейших странах света (15, 1—6).

Н. у.

Das nicht alle Klimata <...> die nöthige stärkere Nahrung giebt (EW, 25, 195).=Искусство научает <...> крепкую пищу дают (15, 6—8).

Kames, 1, 10—12.

Die erste Nahrung <...> Fleisch der Thiere (EW, 25, 195—197).=Первая пища человеческая <...> до звериного мяса (15, 9—14).

Kames, 1, 44—54.

Die Verschiedenheit der Statur <...> Was hilft das Klima hier? (EW, 25, 197—200).=Различность видов <...> тут помогает климат (15, 14—21).

Kames, 1, 12—19.

2

Kames, 1, 184—191

EW, 32, 250

(1) Hence appears the reason of a custom that will surprise those who are unacquainted with ancient customs; which is, that women were purchased for wives, as other goods are purchased <...> The practice was universal <...> (2) Abraham bought Rebekah, and gave her to his son Isaac for a wife. Jacob having nothing else to give, served Laban fourteen years for two wives <...> (3) To David demanding Saul's daughter in marriage, Saul said, «The king desireth not any dowry, but an hundred foreskins of the Philistines.

(7) Die Polygamy hat eine Verbindung mit dem Kaufen der Weiber von Anfang an gehabt. (10) In den alten Zeiten Roms Griechenlands, war dies der Gebrauch, da aber ihre Sitten sich verbesserten, so hörte die Polygamie auch auf. (8) Die Juden kauften ihre Weiber, und hatten die Freiheit mehr als eine zu halten; (1) nichts war gewöhnlicher, als für Geld, wie andere Ware sich Weiber zu kaufen. (2) Abraham kaufte die Rebekka für seinen Sohn Isaak; Jakob hatte nichts, darum diente er 14 Jahr für seine 2 Weiber. (9) Diodor der

(4) In the Iliad. Agamemnon offers his daughter to Achilles for a wife, and says, that he would not demand for her any price <...> The ancient Spaniards <p. 184> purchased their wives <...> (5) The Babylonians and the Assyrians, at stated times, collected all the marriageable young women, and disposed of them by auction <...> <p. 185> (6) The same custom <of purchasing wives> continues among barbarous nations. It continues among the Tartars, among the Mingrelians, among the Samoides, among the Ostiaks, among the people of Pegu, and of the Molucca Islands <...> <p. 186>

(7) Polygamy is found intimately connected with the purchasing wives <...> (8) The Jews purchased their wives, and were indulged in polygamy. (9) Diodorus Sicu <p. 190>lus says, that polygamy was permitted in Egypt, except to priests. This probably was the case originally; but when the Egyptian manners came to be polished, a man gave a dowry with his daughter, instead of receiving a price for her; witness Solomon, who got the city of Gazer in dowry with the King of Egypt's daughter <...> (10) Polygamy undoubtedly prevailed in Greece and Rome, while it was customary to purchase wives; but improved manners put an end to the latter, and consequently to the former. (11) Polygamy to this day obtains in the cold country of Kamtskatka; and in the still colder country round the Hudson's bay. In the land of Jeffo, near Japan, a man may have two wives, who perform every sort of domestic drudgery. The negroes in general purchase their wives, and deal in polygamy. Polygamy is the law in Monomotapa. Polygamy and the purchasing wives were customary among the original inhabitants of the Canary islands. The men in Chili buy their wives and deal in polygamy <p. 191>

Sizilier schreibt, dies sei auch gebräuchlich gewesen in Aegypten; nur die Priester waren ausgeschlossen; da aber die Aegyptier zivilisiert wurden, gaben sie den Töchtern eine Mitgift, so wie Salomon die Stadt Gazar mit der Tochter des Königs in Aegypten zum Brautschatze bekam. (3) Als David um Sauls Tochter anhielt, so sagte er, ich verlange keine Mitgift, sondern nur 100 Vorhäute der Philister. (5) Die Babylonier, und Assyrer brachten eine Anzahl junger Mädchen zusammen und verkauften selbige, wie auf einer Auktion, (H. v.) das geschah auch bei den Griechen in ältern Zeiten; (4) in der Iliade bietet Agamemnon seine Tochter dem Achilles zum Weibe ohne Entgelt; die alten Spanier kauften ihre Weiber; (11) in ganz Afrika, in dem Negerlande, in Japan, China, Ost- und Westindien, in den Kanarischen Inseln, in Chili, Kamtschatka und Hudsonsbay kaufen die Männer ihre Weiber; (H. y.) und der Handel mit Menschen in dem Negerlande ist so gross, dass so viele tausende des Jahrs, Männer, Weiber, und Kinder, nach den englischen, spanischen, französischen und holländischen Kolonien zu den Plantagen erhandelt und abgehohlt werden. In Indostan und China wird das Geld voraus bezahlt; gefällt dem Manne die Frau nicht, so wird sie zurück gesandt, und das Geld ist verloren; (6) bei den Tartaren, Mongolen, Mingreliern, Persern, in den molukkischen Inseln und der Türkei ist es auch gebräuchlich. (В фрагменте 6 наблюдается изменение логики.— В. Р.).

Da wir aber auch in allen Himmelsgegenden <...> in die grösste Unwissenheit gerathen sind (EW, 26, 201—203).—Понеске как под разными именами неба <...> в великое невежество впали (16, 1—6).

Das die Vermehrung der Menschen <...> von 5 bis 600 Morgen Landes verzehren (EW, 26, 203).=Что ж умножение человеческого рода <...> находящуюся на оных впадает (16, 6—8).

Kames, 1, 54—55.

Der Haase vermehrt sich <...> den Vergleich zu treffen (EW, 26, 203).=Заяц мечет <...> и припрения (16, 8).

Н. у

Die Einwohner eines Landes <...> Lust und Stärke (EW, 26, 203—206).=Жители такой земли <...> в нерадение о себе (16, 8—10).

Kames, 1, 55, 58—60.

Ein Volk bei dem der Luxus <...> dem Hange zu Moden hingerissen zu werden (EW, 26, 204—205).=Народ, в коем роскошь усилится <...> наблюдая домашнюю свою экономию» (16, 10—15).

Н. у.

Eine gar zu grosse Zirkulazion <...> andere Nahrung suchen (EW, 26, 206).=Чрезвычайно великое кругообращение денег <...> ищут инде своего пропитания (16, 15).

Kames, 1, 60

Das Mein und Dein <...> in allen schönen Künsten hervorgebracht (EW, 26, 206).=Сии два слова <...> во всех науках и художествах (16, 15—17).

Kames, 1, 61—65,

Freilich streben wir <...> beobachtet werden (EW, 26, 206).=Правда, мы стремимся <...> ненужных для нас вещей (16, 17). Фраза: «и чтоб более продавать чужеземцам, нежели покупать от них совсем иногда ненужных для нас вещей» — вставка Г. Фризе.

Н. у.

Ehe das Geld <...> schöne Sachen zu besitzen; <...> (EW, 26, 206)=Ибо прежде <...> прельщающих их предметов; <...> (16, 17—18)

Kames, 1, 65.

<...> so dass die besten Leute <...> und straffälligen Betragen greifen (EW, 26, 206).=<...> так что наилучшие люди <...> наказания достойным ухваткам (16, 18—19).

Н. у.

Die Beispiele sind bekannt <...> voll des todtenden Giftes (EW, 26, 206—207).=Из истории известно <...> смертоносным ядом (16, 19).

Kames, 1, 65—67.

4

Man hat angemerkt <...> in der Stadt ausmachen (EW, 34, 265—268).=От давних времен примечено <...> градского воспитания многих благородных девиц (18, 1—12).

The Covent-Garden Journal, 1752. July 18,
No. 55; July 25, No 56.

Есть еще род воспитания, о коем мы здесь со стороны токмо упомянем <...> (18, 12)

Вставка Г. Фризе.

Eine Mutter, die ihr ganzes Leben <...> wenig oder gar nicht in Betrachtung (EW, 34, 268—270). = <...> мать, которая всю свою жизнь <...> столько трудов, как образование души (18, 12—17).

[Boudier de Villemert P.-J.]. The Ladies Friend.
London, 1766. Ch. 10. (L'Ami des femmes. Hambourg, 1759.
P. 155—157, 146—154).

Hierher gehören die Anmerkungen <...> studirt werden: zu E. <...> (EW, 34, 270)=К сему весьма прилично <...> вытверживать название оных, как-то напр.: <...> (18, 17)

Nothanker. Buch 3, Abschnitt 1—2 (резюме).

<...> ein Bonnet à demi ajusté <...> frisiert sein muss (EW, 34, 270). =Боннет а деми, а жюсте <...> причесана должна быть: <...> (18, 17)

Nothanker. S. 151, Fussnote 1.

Comete aux Zephyrs <...> im Winter weheten (EW, 34, 270). = <...> Комет о Зефир <...> и зимою веяли (18, 17).

Nothanker. S. 148—149, Fussnote 1

Assasin ist <...> veranlasset (EW, 34, 270). =Постильон д'Амур <...> почтение возбуждает <...> (18, 17—18)

Nothanker S. 151, Fussnote 1.

Da kommt <...> verbergen (EW, 34, 270). = <...> ибо к такой даме подходит <...> скрывающихся! (18, 18).

Nothanker. S. 152.

Sie würde finden <...> rekommandiert ihr die Bücher <...> (EW, 34, 270)=<...> простите мне, государыня моя <...> выхвалять книги: <...> (18, 18)

Вставка Хольстена.

<...> d'affaire du coeur <...> portugaise, <...> (EW, 34, 270) = <...> дю фер дю кер <...> портыгес; <...> (18, 18)

Nothanker. S. 138.

<...> den l'Ami <...> Pièces fugitives, etc. (EW, 34, 270). = <...> л'ами де се <...> коиx всех описать не можно (18, 18—19).

Nothanker. S. 146.

Das ist der *bon ton* <...> heutiger Zeiten (EW, 34, 270). = Вот весь *бон тон* нынешних петиметров и щеголих (18, 19).

Вставка Хольстена.

Das Verstand weis von keinem Geschlechte <...> erheben können (EW, 34, 270—271). =Разум не разбирает пола <...> познаний, как оные (18, 19).

Н у.

Zum Verwundern würden <...> ein Ansehen in der Welt zu machen (EW, 34, 271). = Но удивление было бы <...> бессмертное имя (18, 19—21).

Kames, 1, 217—218.

Wie viele dergleichen <...> eine öffentliche Person (EW, 34, 271—272). = Но много ли видим мы <...> Вот изрядная вывеска (18, 21—24). Предложения: «Сие ныне очень приличным образом названо: убивать время» и «Вот изрядная вывеска» — вставки Г. Фризе.

Н. у.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ПЕРЕВОДОВ В «ИРТЫШЕ,
ПРЕВРАЩАЮЩЕМСЯ В ИПОКРЕНУ»

Цифра в скобках рядом с порядковым номером записи указывает номер по ранее опубликованному библиографическому списку (Рак В. Д. Указ. соч. С. 58—66). Сведения, в нем приведенные, сохраняют силу.

1. Краткие исторические известия, о разных происшествиях древних и новых времен, касательно происхождения народов, их исповеданий, законов, обычаев, наук, нравоучений и прочих примечания достойных вещей. Пер. с нем. Член 1. О происхождении народов, законов и правлений (1790. Февраль. С. 1—11): Von dem Ursprunge der Nationen, der Gesetze und Regierungen. Aus dem Englischen der Herren Guthrie und des Lord Kaimes // EW. 1778. 16. Julius. No. 27. S. 209—213.

2. Краткие исторические известия, о разных происшествиях древних и новых времен и проч. Продолжение первое (1790. Март. С. 1—11): Von dem Ursprunge der Nationen, der Gesetze und Regierungen. Aus dem Englischen der Herren Guthrie und des Lord Kaimes // EW. 1778. 16. Julius, No. 27. S. 213—216.

3 (20). Азем, или Щастливый отшельник (1790. Март. С. 27—52). Автор: Пфейль И. Г. Б. Нем. подлинник: *Azem, oder der eingebilddete Glückselige* // [Pfeil J. G. B.]. Versuch in moralischen Erzählungen. Leipzig, 1757. S. 27—46. См.: Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983. С. 91—92.

4. Краткие исторические известия, о разных происшествиях древних и новых времен, и проч. Продолжение второе (1790. Апрель. С. 1—11): Fortsetzung der Materie von dem Ursprunge der ältesten Nationen, deren Gesetzen und Regierungen. Aus dem Englischen der Herren Guthrie und des Lord Kaimes // EW. 1778. 23. Julius, No. 28. S. 217—220.

5. Краткие исторические известия, о разных происшествиях древних и новых времен и проч. Продолжение третье (1790. Май. С. 1—12): Fortsetzung der Materie von dem Ursprunge der ältesten Nationen, deren Gesetzen und Regierungen. Aus dem Englischen der Herren Guthrie und des Lord Kaimes // EW. 1778. 23. Julius, No. 28. S. 221—224.

6. Краткие исторические известия, о разных происшествиях древних и новых времен и проч. Продолжение четвертое (1790. Июнь. С. 1—21): Beschluss der Materie von den alten Völkern, ihrer Gesetzen und Regierungen. Aus dem Englischen der Herren Guthrie und des Lord Kaimes // EW. 1778. 30. Julius, No. 29. S. 225—232.

7. Краткие исторические известия, о разных происшествиях древних и новых времен и проч. Продолжение пятое. Член 2. О различных системах религии древних времен, также и тех, кои еще ныне существуют в Китае, Японии, Персии, Татарии, Америке и проч. (1790. Июль. С. 1—22): Kurze Auszüge der verschiedenen Religionssysteme älterer Zeiten, wie auch derer, die in China, Japan, Persien, der Tartarey, Amerika, etc. nun im Schwange gehen. Aus englischen und andern Schriftstellern // EW. 1778. 26. November, No. 46. S. 361—368.

8. Краткие исторические известия, о разных происшествиях древних и новых времен и проч. Продолжение шестое. Член 3. Сокращенное историческое известие о начале и продолжении христианской религии, и о ее перемещениях (1790. Август. С. 1—19): Kurzgefasste historische Nachricht von dem Fortgange der christlichen Religion, und deren Veränderungen. Aus englischen und andern Schriftstellern // EW. 1778. 19. November, No. 45. S. 353—359.

9. Сумароков П. П. Баснь. Тыква и желудь (1791. Февраль. С. 27—30): Басня Я. Лафонтена «Le gland et la citrouille».

10 (39). Выписка из сочинения лорда Гома о изящных науках (1791. Февраль. С. 38—51): Auszüge aus des Lord Home Schriften von den schönen Künsten // EW. 1778. 26. März, No. 11. S. 65—69. В титуле номера напечатано: 12. März, No. 9; исправлено чернилами на: 26. März, No. 11; В оглавлении: № 11. Нумерация страниц соответствует № 9, следует: 81—85.

11 (40). Продолжение кратких исторических известий. О полезных науках, художествах и древних писателях (1791. Март. С. 1—21): Von den nützlichen Künsten, und alten Schriftstellern. Aus dem Englischen des Lord

Каймес // EW. 1778. 5. Hornung [Februar], No. 4. S. 25—32. Кроме «Очерков» Кеймза был, по-видимому, еще неустановленный источник.

12. Новое анатомическое описание тела человеческого. с системою чувствований наших от нервов и нервных соков. Пер. с нем. Г. Ф. (1791. Март. С. 40—43): Diesem fügen wir noch bey eine neue merkwürdige anatomische Beschreibung des menschlichen Körpers mit dem Lehrgebäude unserer Empfindungen von den Nerven, und des Nervensafts // EW. 1778. 26. März, No. 11. S. 71—72. О датировке и нумерации см. примеч. к № 10 (39); правильная нумерация страниц: 87—88.

13 (42). Продолжение о полезных науках, и некоторые известия о изящных письменах и науках, и проч. Из сочинения лорда Каймеса. Пер. с нем. Г. Фр. (1791. Апрель. С. 1—21): Von dem Fortgange der nützlichen Künste zu den schönen Künsten und Wissenschaften. Aus dem Englischen des Lord Kaimes // EW. 1778. 12. März, No. 9. S. 57—64. В титуле номера напечатано: 5. März, No. 8; исправлено чернилами на: 12. März, No. 9; в оглавлении указано: № 9; нумерация страниц соответствует № 8, следует: 65—72.

14 (43). Заключение материй о изящных науках и письменах, и о упадке их в Риме и Греции (1791. Май. С. 1—23): Fortsetzung der Materie von den schönen Künsten und der Litteratur und ihrem Verfall. Aus dem Englischen des Lord Kaimes // EW. 1778. 19. März, No. 10. S. 73—80.

15 (46). Продолжение кратких исторических известий. О влиянии климатов, средств пищи, правления, нравов и обычаев на национальные характеры человеческие. Из сочинения Лорда Каймеса. Пер. с нем. Г. . . Фр. . . (1791. Июнь. С. 1—21): Vom Einflusse des Klima, der Nahrungsmittel, Regierung, Sitten und Gewohnheiten auf die Nationalcharaktere der Menschen. Aus dem Engl. des Lord Kaimes // EW. 1778. 2. Julius, No. 25. S. 193—200.

16 (49). Продолжение кратких исторических известий. Заключение рассуждений Лорда Каймеса о влиянии климатов на физический и нравственный характер человека, тож некоторые примечания о последствиях изобилия и недостатка средств пищи, также богатства и роскоши в разных народах. [Пер. с нем.] Г. Ф. (1791. Июль. С. 1—19): Fortsetzung der Betrachtungen des Lord Kaimes, über den Einfluss des Klima auf den physischen und moralischen Charakter der Menschen; Imgleichen desselben Bemerkungen, über die Folgen des Ueberflusses oder Mangels der Nahrungsmittel, des Geldes und des Luxus bei verschiedenen Völkern // EW. 1778. 9. Julius, No. 26. S. 201—207.

17. Продолжение кратких исторических известий. О различных характерах человеческих. Пер. с нем. Г. Ф. (1791. Август. С. 1—21): Unterschiedene Charactere der Menschen. Aus verschiedenen englischen und andern Schriftstellern // EW. 1778. 16. April, No. 14. S. [105—112]. Номер и дата в титуле вписаны от руки.

18. Продолжение кратких исторических известий. О странном и непристойном поведении и о воспитании людей, яко главной причине оного. Из сочинений лорда Гравинна. [Пер. с нем.] Г. Ф. (1791. Сентябрь. С. 1—24): Von dem seltsamen und ungezogenen Verhalten der Menschen, und der Erziehung als dessen Ursache. Aus dem Englischen der Herren Fielding und Gravinnes // EW. 1778. 3. September, No. 34. S. 265—272.

19. Продолжение кратких исторических известий. О красоте вообще. [Пер. с нем.] Г. Ф. (1791. Октябрь. С. 1—20): Von der Schönheit überhaupt. Aus dem Englischen // EW. 1778. 25. Junius, No. 24. S. 185—191.

20 (53). Ардостан (1791. Октябрь. С. 38—44). Автор: Дюбуа—Фонтанель, Жан Гаспар (Dubois-Fontanelle, Jean Gaspard, 1727—1812).

21. Продолжение кратких исторических известий. О нарядах, модах, увеселениях, нравах и сложении женского пола. Из сочинений лорда Гравинна. [Пер. с нем.] Г. Ф. (1791. Ноябрь. С. 1—22): Von des Frauenzimmers Ueppigkeit, Belustigungen, Kleidertracht und Humeur oder Gemüthsbeschaffenheit. Aus dem Englischen der Herren Gravinnes und Lord Kaimes // EW. 1778. 6. August, No. 30. S. 233—240. Источники: 1) Н. у. («Иртыш», с. 1—10 и мелкие фрагменты в дальнейшем тексте). 2) The Ladies Friend, ch. 6, 4 (ср.: L'Ami des femmes, p. 87—90, 92—93, 90—92, 93—97, 57—71). 3) Kaimes 1, 188.

И. В. НЕМИРОВСКИЙ

СТАТЬЯ А. С. ПУШКИНА «АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ»
И ОБЩЕСТВЕННАЯ БОРЬБА 1801—1802 ГОДОВ

Немногие произведения Пушкина вызвали столько споров и противоречивых оценок, сколько статья «Александр Радищев» (1836).¹

Недоумение демократического читателя вызвало то обстоятельство, что Пушкин, казалось бы всегда тепло относившийся к Радищеву,² в итоговой статье поместил несколько крайне резких отзывов о «первом революционере».

То, что статья предназначалась в журнал «Современник», дало пищу для более или менее остроумных гипотез о том, как Пушкин, по выражению Герцена, «перехитрил» цензуру. Наиболее полно эта точка зрения представлена в работе В. Я. Якушкина «Пушкин и Радищев».³ Главная цель статьи Пушкина, считает автор, — привлечь внимание читающей публики к имени Радищева, остальное же нужно только для того, чтобы обмануть бдительность цензуры.

Такой взгляд оказался очень живучим; следуя ему, различные авторы стремятся нейтрализовать отношение Пушкина к Радищеву. При этом игнорируется прежде всего резкость пушкинских оценок: «Он (Радищев. — И. Н.) истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему, — вот что мы видим в Радищеве» (XII, 36).⁴

¹ См.: Кукунов А. М. Проблема «Пушкин и Радищев» в дореволюционном и советском литературоведении // Учен. зап. Мордовского гос. ун-та. 1962. № 21. С. 27—86.

² См.: Немировский И. В. К вопросу об эволюции отношения Пушкина к А. Н. Радищеву: (От южной ссылки до статьи «Александр Радищев») // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв. Таллин, 1985. С. 79—81.

³ Якушкин В. Я. О Пушкине: Статьи и материалы. М., 1899. С. 3—68.

⁴ Здесь и далее римская цифра обозначает номер тома, арабская — страницу по изд.: Пушкин. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1937—1949. Т. 1—16.

Необычайно резкий тон оценок — не единственная проблема, которую статья «Александр Радищев» ставит перед исследователями. Не меньшее удивление вызывает большое количество приведенных в ней фактов, не подтверждаемых известной нам биографией Радищева. Первым обратил на это внимание сын писателя П. А. Радищев.⁵ Действительно, утверждение Пушкина о том, что Радищев служил в собственной канцелярии Екатерины II, сведения о взаимоотношениях писателя с императорами Павлом I и Александром I и еще целый ряд положений противоречат даже тем источникам, которые Пушкин вполне мог иметь под рукой, — например, биографии Радищева, написанной его сыном П. А. Радищевым и хранящейся в библиотеке П. А. Вяземского.

При том, что анализ статьи в целом убеждает нас в очень кропотливой работе Пушкина с печатными источниками⁶ и в привлечении материалов, которые были совершенно недоступны рядовому читателю того времени, в том числе замечания Екатерины II на «Путешествие из Петербурга в Москву», труднодоступные мемуары княгини Е. Р. Дашковой, секретные записки императрицы.⁷

Как же связать столь тщательный характер работы Пушкина с различными источниками и имеющиеся в статье расхождения с современными сведениями о жизни Радищева?

Ответ, как нам кажется, заключается в том, что пушкинская статья — не только своеобразное обобщение всего того, что было сказано о Радищеве до Пушкина, но и сама по себе является важным и до сих пор не учтенным источником биографии «первого революционера». Произошло это потому, что, пожалуй, не в меньшей степени, чем на письменные источники, Пушкин опирался на устные рассказы о Радищеве, слышанные им от многих его современников, в частности от М. М. Сперанского, братьев Тургеневых (личность Радищева особенно привлекала Н. И. Тургенева). Во время южной ссылки поэт беседовал о Радищеве со старым масоном С. И. Тучковым; после возвращения из Михайловского он встречался в Москве с известным поэтом, бывшим министром юстиции И. И. Дмитриевым; очень вероятно, что личность Радищева не раз становилась темой их бесед. В Петербурге, в последний период своей жизни, поэт любил разговаривать с тет-

⁵ См.: Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.; Л., 1959.

⁶ А именно: «Переписка императрицы Екатерины II с разными особами» (СПб., 1807), содержащая рескрипт Я. А. Брюсу о придании суду Радищева; рецензия А. П. Бенитцкого на издание сочинений А. Радищева, предпринятое в 1806—1811 гг. (Цветник. № 2. С. 272—283). Возможно, что Пушкин был в курсе той полемики по вопросам белого стиха и гекзаметра, которая возникла в 1815 г. на страницах «Чтения в Беседе любителей русского слова» между В. В. Капнистом и С. С. Уваровым, осторожно пропагандировавшим творчество Радищева.

⁷ См.: Гиллельсон М. И. Пушкин и «Записки» Е. Р. Дашковой // Прометей. М., 1974. Вып. 10. С. 140—141.

кой своей жены, вдовой обер-шенка П. К. Загряжской, как пикто осведомленной в «закулисной» истории России. Наконец, источником сведений Пушкина о Радищеве могли быть и, скорее всего, были беседы с Н. М. Карамзиным.⁸ В Одессе Пушкин пользовался документами из библиотеки М. С. Воронцова («полу-милорда»), наследовавшего архив своего дяди, А. Р. Воронцова, друга и покровителя автора «Путешествия. . .».⁹

Пушкинская статья — не просто биография в привычном понимании этого жанра еще и потому, что поэт стремился предельно актуализировать те моменты мировоззрения Радищева, которые оставались злободневными к середине 30-х гг. XIX в.

Созданию статьи предшествовала работа Пушкина над циклом публицистических заметок, получившим название «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833—1835), в котором Пушкин по-новому прочитывает главы радищевского «Путешествия. . .». Однако личности Радищева уделено в пушкинском цикле не слишком много места, акцент сделан на творчестве «первого революционера». Жизни его посвящена статья «Александр Радищев», и если книга Радищева не вызывает сочувствия у Пушкина (о причинах речь пойдет дальше), то внешние негативные его отзывы о самом писателе явно содержат нотки восхищения: «Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться против общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины! И замечьте: заговорщик надеется на соединенные силы своих товарищей; член тайного общества, в случае неудачи, или готовится изветом заслужить себе помилование, или, смотря на многочисленность своих соумышленников, полагается на безнаказанность. Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников. В случае успеха — а какого успеха может он ожидать? — он один отвечает за все по закону. Мы никогда не почитали Радищева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а „Путешествие в Москву“ весьма посредственной книгою; но со всем тем не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося, конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостью» (XII, 32—33).

Такой «отрицательный» отзыв стоит иных похвал. Тем более, что цитированный выше отрывок, явно или неявно, проецируется на судьбу самого Пушкина с ее самоотверженным противостоянием самодержавию.

Последнее замечание является, скорее, ассоциацией, чем утверждением, которое можно объективно обосновать. Но то, что пушкинская статья о Радищеве, при всем ее негативном харак-

⁸ Лотман Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве // Пушкин и его время. Л., 1962. С. 60—61.

⁹ См.: Алексеев М. П. Пушкин и библиотека Воронцова // Пушкин: Статьи и материалы. Одесса, 1926. Вып. 2. С. 95.

тере, содержит автобиографические реминисценции, давно отмечено исследователями.

Первым обратил на это внимание В. П. Семенников в своей известной работе «Радищев и Пушкин»: «Любопытно отметить, что в словах об отсутствии у Радищева даже „тени народности“ Пушкин буквально повторяет ту мысль, которую незадолго до того высказал „Московский телеграф“ Н. А. Полевого по поводу „Руслана и Людмилы“. Здесь, в рецензии на „Бориса Годунова“, говорится: „В «Руслане и Людмиле» нет и тени народности“». ¹⁰ Семенникову принадлежит и другое важное наблюдение о имеющейся параллели между фактами биографии Радищева в изложении Пушкина и судьбой поэта: «Когда-то его (Пушкина. — И. Н.) самого упрекали в том, в чем позднее он сам упрекал Радищева. Так, в 1817 г. друг Пушкина А. И. Тургенев, сообщая Жуковскому, что он ежедневно бранит Пушкина за леность и нерадение о собственном образовании, писал и вот что: „... к этому присоединились и вкус к площадному волокитству, и вольнодумство, тоже площадное 18-го столетия“». ¹¹

Число таких наблюдений умножил Б. П. Городецкий; ¹² обобщая их, В. Э. Вацуро писал: «И у Пушкина начинают возникать аналогии неожиданные и опасные. Судьба Радищева напоминает кое в чем его собственную. Император Павел, возвратив Радищева из ссылки, взял с него слово „не писать ничего противного духу правительства. Радищев сдержал слово“. Это о себе в 1826 году; требование Николая повторено почти дословно. А еще раньше Карамзин, на которого наложена обязанность к всевозможной скромности и умеренности». ¹³

Автобиографический характер имеет и такое пушкинское положение в статье о Радищеве: «Радищев хотя и вооружается против материализма, но в нем еще виден ученик Гельвеция. Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма» (XII, 35). Выражение «чистый афеизм» встречается у Пушкина еще лишь однажды, в письме из Одессы П. А. Вяземскому (?) (1824): «Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строки романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил» (XIII, 92).

Выражению «чистый афеизм» суждено было сыграть зловещую роль в пушкинской судьбе: после перлюстрации письма оно стало формальной причиной высылки Пушкина из Одессы. ¹⁴ Итак,

¹⁰ Семенников В. П. Радищев. М.; Пг., 1923. С. 250.

¹¹ Там же. С. 276.

¹² Городецкий Б. П. «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 224—225.

¹³ Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1986. С. 107.

¹⁴ «Но вы же и афей? вот что уж никуда не годится. — Ваше величество, как можно судить человека по письму, писанному товарищу, можно ли школьную шутку судить как всенародную проповедь» (Пушкин А. С. Воображаемый разговор с Александром I. — XI, 23).

статья Пушкина — очень пристрастный документ, отражающий размышления поэта как о собственной судьбе, так и об актуальных вопросах своего времени.

Образ Радищева и радищевская тема присутствуют в творчестве Пушкина начиная с лицейских времен. Сочувственный интерес к «первому революционеру» особенно заметен в период работы над одой «Вольность» (1817) и, безусловно, во время южной ссылки, в период общения Пушкина с кишиневскими декабристами, из которых пост-декабрист В. Ф. Раевский, совмещавший антикрепостнический пафос с антидворянским, в особенности был близок Радищеву.¹⁵

В «Александре Радищеве» отношение Пушкина к первому революционеру совсем иное, чем в годы южной ссылки; работа над статьей завершает сложную эволюцию мировоззрения поэта. Понятно, что неправильно будет определить отношение Пушкина к Радищеву в 1836 г. как простое отрицание.

Как же конкретно изменилась пушкинская позиция и, главное, какие общественно-исторические причины вызвали это изменение — выяснение данного вопроса и станет целью настоящей работы.

Наиболее полемический характер носит та часть статьи, которая описывает последний период жизни Радищева, захватывая конец павловского — начало александровского царствований. Именно в это время суждения Радищева более чем когда-либо потеряли свою теоретическую отстраненность и стали живыми факторами русской общественной жизни, совпадая по некоторым пунктам с декларациями самого правительства.¹⁶

«Смиренный опытистю и годами, он (Радищев. — И. Н.) даже переменил свой образ мыслей, ознаменовавший его бурную и кичливую молодость <...> Увлеченный однажды львиным рыком колоссального Мирабо, он уже не хотел сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального тигра» (XII, 34). Здесь многое вызывает вопросы. И прежде всего — что именно имел в виду Пушкин, утверждая, что в александровское царствование Радищев «переменил свой образ мыслей»?

Очерчивая границы источников, способных определить подобное отношение Пушкина к Радищеву, в первую очередь хотелось бы упомянуть о сведениях, полученных Пушкиным от человека державинского круга.

Соотнесение имени Радищева с именем Мирабо связано с Державиным, которому современники приписывали следующую эпиграмму на автора «Путешествия...»: «Езда твоя в Москву со истинною сходна, / Некстати лишь смела, дерзка и сумасбродна: /

¹⁵ См.: Брегман А. А., Федосеева Е. П. Владимир Федосеевич Раевский // Раевский В. Ф.; Материалы о жизни и революционной деятельности Иркутск, 1980. Т. 1. С. 5—11.

¹⁶ См.: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России. СПб., 1888. Т. 1. С. 230 и след.

Я слышу на коней ямщик кричит: вирь! вирь! / Знать, русский Мирабо, поехал ты в Сибирь».¹⁷

Державин упоминается и в окончательном тексте статьи («Как иначе объяснить его (Радищева. — И. Н.) беспечную и странную мысль разослать книгу ко всем знакомым, между прочим к Державину, которого поставил он в затруднительное положение»), и в предварительных набросках к ней («Дмитриев у Державина слышит от Козодавлева о „Путешествии“. Державин доносит о нем Зубову»).

Упоминание о последнем эпизоде свидетельствует о том, что Пушкин был в курсе слухов о неблагоприятном якобы поведении Державина в деле Радищева, которые активно муссировались в обществе не только в период самого процесса, но и позже, в начале александровского царствования.¹⁸

Заметим, что в окончательный текст статьи эпизод, связанный с Державиным, не вошел. Думается, что произошло это не от того, что Пушкин усомнился в его достоверности. Напротив, в архиве Воронцовых, к которому Пушкин имел доступ, поэт мог найти документы, подтверждающие сложный характер поведения Державина.¹⁹

В этой связи крайне важным представляется наблюдение В. А. Занадова о том, что наибольшее распространение слухи об участии Державина в деле Радищева получили в 1802—1805 гг., в самый разгар полемики по крестьянскому вопросу, в ходе которой столкнулись позиции всех «персонажей» пушкинской статьи: Державина, бывшего в начале александровского царствования министром юстиции, О. П. Козодавлева, крупного правительственного чиновника, впоследствии министра внутренних дел, А. Р. Воронцова, государственного канцлера, и, конечно, Радищева, стоявшего у истоков этой полемики.

В марте 1802 г. А. Р. Воронцов, как считают многие исследователи, вместе с Радищевым или по крайней мере не без его участия, поставил на обсуждение в Государственном совете проект закона, запрещающего продавать крестьян без земли.²⁰

¹⁷ Вчера и сегодня. М., 1845. Ч. 1. С. 63.

¹⁸ Занадов В. А. Державин и Пнин // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1965. Т. 24, вып. 6. С. 530—537.

¹⁹ Е. Р. Воронцова в одном из писем брату А. Р. Воронцову так рассказывала о роли Державина: «... когда Козодавлева посадили в коммерцию, то Державин сказал при многих: „Вот какой я души человек, что я не сказал о Козодавлеве, что он участие имел в сочинении Радищева. Козодавлев против меня не благодарен, меня злословит“ <...> Державин меня и брата злословит, я имею де способы изобличить обоих и не хочу. Для чего, когда Державин почувствовал ужас к следствиям преступного сего сочинения и, зная прямых сочинителей, марал и клеветал на честных людей. Вышеупомянутая речь мне передана от честного <...> человека, от Богдановича» (Архив князей Воронцовых. М., 1875. Т. 5. С. 224).

²⁰ См.: Семевский В. П. Крестьянский вопрос в России. С. 250; Туманов М. Радищев // Вестник Европы. 1904. Кн. 2. С. 685—689; Семенников В. П. Радищев. С. 135; Павлов-Сильванский Н. П. Жизнь Радищева // Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1905. С. 291.

В «Путешествии. . .» (гл. «Городня») Радищев подробно описывает положение несчастных крестьян, проданных в рекруты корыстолюбивым помещиком. Сама возможность такого бесчестного торга была обусловлена правом продавать крестьян «на вывоз», т. е. без земли (именно так покупал «мертвые души» Чичиков).

Участие Радищева в подготовке правительственных реформ 1801—1802 гг. весьма вероятно, причем не только в рамках работы Комиссии по составлению нового Уложения. Сын Радищева Павел Николаевич утверждал, что в последние месяцы своей жизни писатель работал над обширным законопроектом, переданным впоследствии В. Н. Каразину.²¹

В. Н. Каразин — заметная фигура первых лет александровского царствования,²² поэтому его утверждение, что он «имеет некоторое влияние при дворе и доступ к одной высокой особе»,²³ соответствует истине.

Однако у нас нет свидетельств того, что император Александр I получил законопроект Радищева от Каразина или каким-то другим образом. Если, конечно, не считать пушкинской статьи: «Император Александр, вступив на престол, вспомнил о Радищеве и, извиняя в нем то, что можно было приписать пылкости молодых лет и заблуждениям века, увидел в сочинителе „Путешествия“ отвращение от многих злоупотреблений и некоторые благонамеренные виды. Он определил Радищева в комиссию составления законов и приказал ему изложить свои мысли касательно некоторых гражданских постановлений» (XII, 34).

Последний год жизни Радищева отмечен усиленным вниманием к нему со стороны императора: Радищев был единственным из всех чиновников комиссии по составлению нового Уложения, вызванным на коронацию в Москву (вместе с графом Завадовским). В течение 1802 г. все прочнее делалось служебное положение Радищева, ему повышен оклад (с полутора тысяч до двух, что равняло Радищева с другими членами комиссии), возвращен орден Св. Владимира 4-й степени. Наконец, находясь в стесненном материальном положении, Радищев обращается к императору с просьбой о значительной денежной ссуде. Этот шаг человека, только что возвращенного из ссылки, объясняется обстоятельствами, о которых мы можем только предполагать.

В день смерти Радищева, когда весть о тяжелом состоянии писателя достигла Зимнего дворца, император присылает своего лейб-медика Виллие — факт, на важность которого обратил внимание Ю. М. Лотман. Кроме Радищева в девятнадцатом веке подобной чести удостоились еще только два русских писателя — Н. М. Карамзин и Пушкин.²⁴

²¹ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. С. 99.

²² См.: Чтение в Обществе истории и древности. 1860. Кн. 3; 1861. Кн. 2; 1863. Кн. 3.

²³ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. С. 100.

²⁴ Лотман Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве. С. 53.

В работах советских исследователей установлено, что пдейная позиция Радищева не изменилась после возвращения писателя к служебной деятельности.²⁵ Однако определенные стороны его учения сделались полезны правительству в борьбе с дворянской оппозицией. Ибо, обещая дворянству возвращение золотых времен Екатерины, Александр I в то же время серьезно опасался дальнейшего усиления дворянского сословия, поэтому ограничение крепостного права мыслилось им как мера антидворянская. Именно поэтому осторожный Ц. Лагарп указывал императору на возможность дворянского недовольства. Один из наиболее радикально настроенных друзей императора, в будущем вошедший в Негласный комитет граф Строганов отвечал на это: «Оно (русское дворянство. — *И. Н.*) составилось из множества людей, приобретших дворянство только службою и не получивших никакого воспитания, которых все мысли направлены к тому, чтобы не постигать ничего выше воли императора; ни право, ни закон, ничто не может народить в них мысль о малейшем сопротивлении < . . . > Чего не сделано было в прошедшее царствование против этих людей, против личной их безопасности? Если когда-нибудь представлялся повод бояться чего-либо, то именно в эту эпоху. Приходило им это на мысли? Напротив, всякая мера, клонившаяся к нарушению прав дворянства, выполнялась с изумительной точностью».²⁶

Однако Строганов ошибался, не принимая в расчет дворянскую оппозицию новому законопроекту.

Закон о непродаже крестьян без земли не прошел обсуждения в Государственном совете, где императору напомнили, что «волнения 1767 и 1796 гг. произошли по менее основательным предложениям, и выражали опасение, чтобы крестьяне, а особенно толпы праздных и по большей части буйных дворовых, приняв установление сие за уменьшение или совершенное уничтожение прав помещичьих, не возмечтали, что сим сделались вольными».²⁷

Забегая немного вперед, скажем, что закон о непродаже крестьян без земли никогда не был принят, хотя его ставили на обсуждение еще много раз — и в александровское царствование, и позже.

Тогда же, в 1802 г., одним из главных противников нового закона стал Г. Р. Державин.

О том, насколько тесно связывал Державин антикрепостнические законы с ущемлением исторических прав дворянства, свидетельствует характеристика, которую он дал автору законопроекта о «вольных хлебопашцах» графу С. П. Румянцеву: «Румянцов выдумал (смею сказать, из подлой трусости угодить государю) средство, каким образом сделать свободными господских крестьян.

²⁵ См.: *Пугачев В. В.* А. Н. Радищев и французская революция // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. 1961. Вып. 52. С. 289—290.

²⁶ *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России. Т. 1. С. 244.

²⁷ См.: Там же. С. 240.

Он представил свой проект, стакнувшись наперед, смею сказать, с якобинскою шайкой — Чарторьжским, Новосильцевым и пр.»²⁸

Как министр юстиции, Державин задерживал обсуждение нового законопроекта, что в конце концов стоило ему министерского портфеля.

Парадокс ситуации заключался в том, что Державин осмыслял свое поведение как гражданское (так смотрела на Державина и дворянская оппозиция), а Радищев оказывался в правительственном лагере.

Противостояние Державин—Радищев было осознано современниками, что проявилось, например, в творчестве поэта-радищевца И. П. Пнина, в его оде «Человек» (1805).²⁹

Атмосфера начала александровского царствования с ее бурными спорами по крестьянскому вопросу была хорошо известна Пушкину. Одним из главных информантов поэта в этой сфере стал Николай Иванович Тургенев, не просто решительный противник крепостного права, но и сторонник отмены «хамства» сверху, так как декабрист не верил в то, что дворянство согласится добровольно расстаться с «правом» владеть крепостными душами. Такая позиция имела свою отчетливую специфику на фоне позиции, например, П. А. Вяземского и других радикально настроенных дворян, полагавших, что крепостное право — несомненное зло, но необходимо, чтобы помещики сами отказались от владения крепостными, — правительство не имеет права их заставлять.³⁰

Влияние Н. Тургенева на Пушкина в области освоения творческого наследия Радищева — тема, требующая специального рассмотрения. Давно отмечена тесная духовная связь декабриста с Пушкиным в период создания оды «Вольность» (1817), отчетливо ориентированной на одноименную оду Радищева. Несомненно, что и пушкинские строки «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный, / И рабство, падшее по манию царя» («Деревня», 1819) также написаны под воздействием Тургенева.

В начале 1820 г. Тургенев принял участие в обсуждении нового проекта закона, запрещающего продавать крестьян без земли. Как и в начале века, законопроект столкнулся с сильной дворянской оппозицией. Теперь ее возглавил адмирал А. С. Шишков, претендовавший на роль не только литературного, но и политического наследника Державина.

²⁸ Державин Г. Р. Записки // Державин Г. Р. Собр. соч. СПб., 1876. Т. 6. С. 259.

²⁹ См.: Прытков Н. В. И. П. Пнин и его литературная деятельность // Древняя и новая Россия. 1878. Т. 3. С. 23; Западов В. А. Державин и Пнин // Рус. литература. 1965. № 1. С. 114—115; иной точки зрения придерживается Ю. М. Лотман (Лотман Ю. М. С кем же полемизирует Пнин в оде «Человек»? // Рус. литература. 1964. № 2. С. 166—167).

³⁰ «Рабство — одна революционная стихия, которую имеем в России. Уничтожив его, уничтожим всякие предбудущие замыслы. Кому же, как не нам, приступить к этому <...> Но я все-таки повторяю: не правительству давать указы» (Вяземский П. А. Письмо к А. И. Тургеневу // Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 2. С. 15—16).

Для Шишкова вопрос о праве дворян владеть крепостными лежал исключительно в идеологической плоскости, в его решении адмирал не руководствовался никакими практическими соображениями, так как не пользовался доходами со своих имений.³¹

Общение Пушкина с Николаем Тургеневым падает на конец 10-х гг., когда идейная позиция поэта была иной, чем в тридцатые годы, во время работы над циклом статей «Путешествие из Москвы в Петербург» и очерком «Александр Радищев». Однако и в тридцатые годы Пушкин встречался с человеком, который имел непосредственное отношение к общественной борьбе начала александровского царствования. Мы имеем в виду М. М. Сперанского. Дневниковая запись Пушкина от 25 марта 1834 г. свидетельствует о том, что темой их бесед была деятельность комиссии по составлению законов, членом которой являлся Радищев.

1834 год — время работы Пушкина над «Путешествием из Москвы в Петербург», где полемика с Радищевым занимает заметное место. Однако если Сперанский и давал Пушкину какие-либо исторические сведения, то вряд ли он определял пушкинские оценки, так как являлся одним из активнейших проводников правительственной политики по крестьянскому вопросу как в начале века, так и в тридцатые годы. Сперанский несомненно сочувствовал Радищеву и был одним из тех, кто способствовал включению его в Комиссию по составлению законов.

Среди тех же, кто определял пушкинское отношение к Радищеву в тридцатые годы, едва ли не главное место занимал Н. М. Карамзин, чьи слова: «Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être rendu» * стали эпиграфом к статье «Александр Радищев».

Идейное противостояние Карамзина и Радищева подробно освещено в ряде исследовательских работ.³²

Карамзин — активный участник общественной борьбы начала александровского царствования, один из идейных вождей дворянской оппозиции. С начала 1802 г., т. е. с того времени, когда в Государственном совете началось обсуждение законопроекта Ворон-

* Не следует, чтобы честный человек заслуживал повешения (*фр.*).

³¹ «В один день, поутру, докладывают Александру Семеновичу, что к нему пришли его крестьяне и желают с ним переговорить <...> Это были выборные со всего села; поклонясь в ноги, несмотря на запрещение барина, один из них сказал, что «на мирской сходке положили и приказали им ехать к Барину в Питер сказать: что не берешь-де ты с нас, вот уже десять лет, никакого оброку и живешь одним царским жалованьем, что теперь в Питере дороговизна и жить тебе с семейством трудно; а потому не угодно ли тебе положить на нас за прежние льготные годы хоть по тысяче рублей, а впредь будем мы платить оброк, какой ты сам положишь; что мы по твоей милости, слава богу, живем не бедно, а от оброка не разоримся». Услышав такие речи, дядя (Шишков. — *И. Н.*) пришел в неописанное восхищение, или, лучше сказать, умиление, не столько от честного поступка своих крестьян, как от того, что речи их, которые он немедленно записал, были очень похожи на язык старинных грамот» (*Аксаков С. Т. Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 294—295.*)

³² См.: *Лотман Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве. С. 50—66.*

цова о запрещении продавать крестьян без земли, с чем и стали связывать возможность крестьянских волнений, а сторонники реформы были объявлены «якобинской шайкой», журнал «Вестник Европы» Карамзина поместил ряд статей из иностранной жизни в параллель русским событиям.

О том, знал или не знал Пушкин об этих публикациях, можно только предполагать, однако он несомненно был знаком с документом, в котором историк явно выразил свое неодобрение правительственным реформам начала 1800-х гг. Мы имеем в виду «Записку о древней и новой России» Карамзина (1811).

Существенное место в «Записке» уделено крестьянскому вопросу, прежде всего активно дебатированному законопроекту о непродаже крестьян без земли. Причем если автор законопроекта А. Р. Воронцов мотивирует необходимость принятия закона, явно используя аргументы Радищева («сим средством, кажется, упредится постыдный промысел рекрутской продажи, более неудобной и более содрогающей человечество, нежели сама продажа людей без земли»),³³ то Карамзин в «Записке» полемизирует с автором «Путешествия. . .», настаивая на праве дворян продавать своих крестьян в рекруты, утверждая, что без этого «несчастные владельцы лишились средства сбывать худых крестьян или дворовых людей с пользой для себя и для общества; ленивый, невоздержанный исправился бы в строгой школе воинской < . . . > Законодатель должен смотреть на вещи с разных сторон, а не с одной, иначе, пресекая зло, может сделать еще большее зло».³⁴

Пушкин, разбирая главу «Городня» радищевского «Путешествия. . .», в своих полемических очерках также уделяет специальное внимание вопросу о рекрутах: «Радищев сильно нападает на продажу рекрутов и другие злоупотребления. Продажа рекрут была в то время уже запрещена, но производилась еще под рукою < . . . > запрещение сие имело свою невыгодную сторону: богатый крестьянин лишался возможности избавиться рекрутства, а судьба бедняков, коими торговал безжалостный помещик, вряд ли через то улучшилась» (XI, 261).

Первая редакция главы «Городня» пушкинского «Путешествия из Москвы в Петербург» писалась, по-видимому, в конце 1833-го или в начале 1834 г., как раз в то время, когда поэт тщетно пытался опубликовать «Записку о древней и новой России» Карамзина.³⁵ В это время призыв историка «смотреть на вещи с разных сторон» как нельзя более отвечал стремлению Пушкина к исторической объективности.

В тридцатые годы, как никогда ранее, решение крестьянского вопроса тесно связывалось с вопросом о дворянской независимости. Поэт с неодобрением следил за деятельностью разнообразных «тай-

³³ Рассуждение члена Совета, графа Воронцова, о непродаже крестьян без земли // Архив Государственного совета. СПб., 1899. Т. 3. С. 779—780.

³⁴ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 77—78.

³⁵ См.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Указ. соч. С. 99—101.

ных» правительственных комитетов, создаваемых в это время.³⁶ С его точки зрения (исторические корни такой позиции мы попытались проследить), в отношениях между крестьянством и дворянством не должно быть никаких промежуточных звеньев.

Антидворянское решение крестьянского вопроса поэт связывал с именем Радищева, а свои представления о дворянской независимости — с идейной позицией Карамзина.

В политическом сознании Пушкина эти два имени находились в постоянном противопоставлении, увлечение одним всегда означало отрицание другого.

Конец 10-х — начало 20-х гг. — момент наибольшего увлечения Пушкина политическими идеями Радищева и одновременно период очень сложных и противоречивых взаимоотношений с Карамзиным. С середины 20-х гг. Пушкин стал испытывать все углубляющийся интерес к Карамзину, одновременно осложняется его отношение к Радищеву. При этом если книга Радищева в целом не принимается Пушкиным, то личность «первого революционера», его рыцарский фанатизм и безусловное бескорыстие продолжают восхищать поэта: «...не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным, политического фанатика, заблуждающегося, конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостью» (XII, 32—33).

³⁶ См.: *Абрамович С. Л.* Крестьянский вопрос в статье Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург» // *Пушкин: Исследования и материалы*. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 209—214.

С. И. НИКОЛАЕВ

«ПОВЕСТЬ О ЛУКИАНОВОМ ОСЛЕ» В КРУГУ ПЕРЕВОДНЫХ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

В изучении судеб античного наследия в России время Петра I обычно отмечается появлением целого ряда новых переводов, связанных с общим процессом секуляризации культуры. Это вполне справедливое наблюдение нуждается, однако, в существенных дополнениях и детализации.

В последнем по времени историографическом обзоре переводов античных памятников в первой четверти XVIII в. упоминается только пять переводов произведений собственно античной литературы: 1) «Притчи Эсоповы на латинском и русском языке <...> совокупно же Брань жаб и мышей, Гомером древле описана» (Амстердам, 1700); 2) «Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого царя Македонского» (М., 1709); 3) «Краткое описание о войнах из книг Цезариевых с некоторыми знатными приметы о тех войнах, со особливым о войне разговором» (М., 1711); 4) «Аполлодора грамматика афинейского Библиотеки, или О богах» (М., 1725); 5) «Книги Иулия Фронтинна, сенатора римского, о случаях военных» (1692 г. — ЦГАДА, ф. 181, № 257/462).¹

Этот краткий список можно значительно увеличить за счет других переводов (в том числе рукописных) и сведений о несохранившихся рукописях. В 1704 г. в Москве с польского языка была переведена известная эпитама «Ливия Юлия Флора о начатии и действованийх народу римскаго»,² в 1705 г. И. Г. Паузе перевел сбор-

¹ См.: Фролов Э. Д. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967. С. 47—48. См. также более раннюю работу: Лобода А. М. К истории классицизма в России в первую половину XVIII столетия // *Serta Borysthenica: Сборник в честь Ю. А. Кулаковского*. Киев, 1911. С. 369—388. Подробные сведения об изданиях см. в кн.: Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1955; Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1958.

² ГПБ, Q.IV.92.

ник жизнеописаний Корнелия Непота,³ в 1716 г. учителя черниговской коллегии завершили грандиозный труд — перевод «Истории» Тита Ливия;⁴ к Петровской эпохе относятся и «Валерия Максима приклады, памяти достойные».⁵ В 1722 г. появился анонимный «Епиктетов Энхиридион с греко-латинского на славяно-русский диалект преложенный»,⁶ а в 1720 г. А. Барсов закончил перевод «Кевита Фивеанина, философа платонического, Дска о правом состоянии жизни человеческого».⁷ Несомненно, к Петровской эпохе относятся «Афоризмы» Гиппократ⁸ и перевод с польского «Метаморфоз» Овидия.

На основании косвенных данных к первой трети XVIII в. можно отнести несохранившиеся «Епистолии Цицерона» из библиотеки А. А. Матвеева⁹ и ряд других несохранившихся переводов из собрания Д. М. Голицына, известных по описи 1737—1738 г.: «Книга, титулованная Разум Сенекин, или Лутция речения сего философа», «Диалектика политика премудраго философа Аристотеля», «Книга премудраго Аристотеля о разных вещах физических», «Философа Аристотеля и протчих мудрых о физических вещах описания».¹⁰

Рукописи упомянутых переводов были не единичны, известно несколько списков (в том числе по описям библиотек того времени) «Энхиридиона» Эпиктета,¹¹ «Истории» Тита Ливия,¹² «Афоризмов» Гиппократ,¹³ «Таблицы, или Картины» Кебета.¹⁴ Два памятника появились в двух переводах: кроме изданной в 1709 г. книги Квинта Курция Руфа сохранился рукописный перевод И. Ф. Ко-

³ БАН, 1.2.2. См.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1902. Т. 3. Приложения, с. 91.

⁴ ГИМ, собр. Синодальное, № 295—299. См.: *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2. С. 120—121.

⁵ ГПБ, F.IV.206.

⁶ ГПБ, собр. Михайловского, Q.226. Не исключено, что это перевод И. Ильинского, представленный им в 1724 г. Петру I (см.: *Маилов Л. Н.* Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. 312).

⁷ ГБЛ, собр. Тихонравова, № 204.

⁸ БАН, 16.16.30.

⁹ См.: Библиотека А. А. Матвеева (1666—1728): Каталог. М., 1985. С. 43.

¹⁰ См.: *Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И.* К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979. С. 241, 243, 246, 247. Возможно, что «Летописец от зачатия Рима, следовательный, без автора» (с. 246) представляет собой перевод какой-то эпитомы. К этой же группе относится несохранившийся перевод книги «Июлия Кесаря дел описание», выполненный с латинского языка Ф. Л. Анохиным, в 1724 г. по поручению Петра I (см.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве <...> Синода. СПб., 1878. Т. 3. Стб. 639—640; Словарь русских писателей XVIII в. Л., 1988. Вып. 1. С. 29).

¹¹ См.: Библиотека Петра I: Указатель-справочник. Л., 1978. С. 53.

¹² ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 543п/1741; *Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И.* Указ. соч. С. 243.

¹³ См.: *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи: Библиографические материалы. СПб., 1908. С. 46.

¹⁴ См.: *Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И.* Указ. соч. С. 246.

пиевского¹⁵ и несколько списков дважды переведенных с польского «Метаморфоз».¹⁶

Большая часть перечисленных переводов осталась неизданной, тем не менее в 1708 г. серьезно обсуждался вопрос об издании «Метаморфоз» (по списку, принадлежавшему Петру I),¹⁷ а в 1722 г. Синодальная типография уже готовилась печатать Тита Ливия, однако и это не было осуществлено, так как «зело неисправный перевод» потребовал бы «ко исправлению и труда многого и времени довольнонаго».¹⁸

Совокупность приведенных сведений не позволяет согласиться с простой констатацией того, что «в первой четверти XVIII в. русская литература пополнилась целым рядом новых переводных произведений, содержащих сведения об античном мире».¹⁹ Это было не постепенное увеличение, а резкий взрыв: в 1690—1720-х гг. памятников античной литературы было переведено едва ли не больше, чем за всю предшествующую историю русской литературы, а число переводов, так или иначе трактующих античные темы и сюжеты (историография, драма, проза), необычайно возросло. Отдельным опытом XVI—XVII вв. Петровская эпоха противопоставила целенаправленную деятельность по усвоению античного наследия, фундамента западноевропейской культуры. Какие характерные черты этой деятельности могут быть отмечены?

Несмотря на новаторский в целом характер провозглашенной Петром I культурной программы, многие античные темы и сюжеты были не новы и либо известны древнерусской литературе по прежним переводам, либо изложены по другим источникам. Так, «Энхиридион» Эпиктета был переведен еще в киевскую эпоху, басни Эзопа — в 1609 г., книга Квинта Курция Руфа сменила древнерусскую Александрию, античные мифы, известные по хронографам, в Петровское время предстают собранными в «Метаморфозах» Овидия и «Библиотеках» Аполлодора. Эти узнаваемые темы и сюжеты входят в более обширный круг «вечных спутников», образующих не просто круг чтения, а школьный канон, который и создавался по образцу европейского школьного канона. Подобная ориентация и позволила выбрать для перевода те произведения классических древностей, которые прочно вошли в русскую культурную традицию и заново переводились в XVIII—XX вв. (Эзоп, Эпиктет, Гомер, Сенека, Овидий, Аполлодор, Корнелий Непот, Кебет). Замена или обновление античных переводов совпа-

¹⁵ БАН, Н. I. Б 81. См.: Библиотека Петра I. С. 32.

¹⁶ Первый перевод: ГИМ, собр. Синодальное, № 809; ГПБ, Q.XVIII.4: ЦГАДА, ф. 181, № 671; БАН, 17.14.21; второй перевод: БАН, Тек. пост., № 744; ЦНБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 344п/225. Подробнее см.: Пиколаев С. И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Рус. литература. 1988. № 1. С. 162—164.

¹⁷ См.: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 647.

¹⁸ Там же. Т. 1. С. 219; Описание документов и дел, хранящихся в архиве С. . . Синода. 1879. Т. 2, ч. 1. Стб. 849—853.

¹⁹ Фролов Э. Д. Указ. соч. С. 48.

дают и с переориентацией с греко-византийских древностей на римские: почти все памятники прошли латинскую обработку.

Однако сюжетное и тематическое сходство античных памятников, переведенных в Древней Руси и в Петровскую эпоху, относительно. В древнерусской литературе античные памятники выполняли преимущественно роль беллетристики, а Петровской эпохе беллетристика вообще чужда. Не говоря уже об Эпиктете, Кебете, Сенеке — строго философской литературе, даже Эзоп и Овидий воспринимались не просто как литературные произведения. Перевод Эзопа печатается параллельно с латинским текстом — для обучения латинскому языку, а стихи Овидия переводятся прозой и сопровождаются обширными комментариями, превращающими «Метаморфозы» в комментированный свод мифов и античных сказаний. Сочинения Корнелия Непота, Валерия Максима и Ливия рассматривались не столько как исторические, сколько историософские и назидательные. Такое понимание особенно подчеркивал Симон Кохановский в «Похвале истории», помещенной в качестве предисловия к переводу 1721 г. «Увещаний и прикладов политических» Юста Липсия: «Сугубая вина поощряет нас прилежати чтению истории, первое, яко знание различных мимошедших дел некую особную утеху» доставляет, «понеже от естества желаем знати, что многими леты прежде нас содеянно бысть < . . > вторая вина, яко чтение различных историй многую ползу приносит нам, егда нас поучает о должности приватного нашего жития, показывает притчины бед и тяжких перемен в государствах и подает советы к народному управлению».²⁰ Рассмотрению второй «вины» посвящена практически вся «Похвала», в частности Симон Кохановский пишет: «Аще добре разсуждати хошем, история ничто иное есть точию жития человеческого зеркало, яко же бо в зеркало смотрящих удобь могут помаранное лице свое отерти, тако и во историях что полезно и чесно и что худо и безчесно зделано, и что от нас подобна чесно или безчесно быти может, ясно видим».²¹ Предложенная здесь концепция истории — «наставницы государей», конечно, не нова и не оригинальна, но Симон идет дальше и заключает «Похвалу» следующими словами: «Потщахся в сем кратком предисловии моем показати многими свидетелствы коль блага, коль похвальна и полезна есть всякая история не точию на высоком достоинстве седящим и государственным делам управляющим, но и тем, которые кроме единого дому своего или кроме единого себе более отнюль не имеют что управлять»,²² — т. е. чтение истории, назидательность ее «прикладов» необходимы и обязательны для каждого человека. Особенно знаменательно почти дословное совпадение сравнения истории с «зеркалом» из предисловия к сборнику «Великое зеркало»: «Сей творец сих повестей или прикладов духовных книгу зело в лепоту Зерцало Великое нарече, ибо

²⁰ ГПБ, F.II.48, л. 2.

²¹ Там же, л. 3, об.

²² Там же, л. 5.

зряя ее в зеркале белость или черность лица своего усмотряет, или ин некий порок удобно познает и имеяи очи положенны во главе, тцится вред от тела своего истребляти»; «узришися весь, си есть по внешнему человеку глаголю и по внутреннему и многая себе подобия или образцы к духовному своему делательству или художеству, подобие же и к вешнему и мирскому спасению избобрящеши». ²³

Таким образом, 1-я четверть XVIII в. стала не просто новым этапом усвоения античного наследия, в эпоху секуляризации античные «приклады памяти достойные» должны были «европеизировать» и заменить старую паренетическую литературу. В том, что «История» Тита Ливия ²⁴ стала «зеркалом прикладов» для «политичного» человека, можно усмотреть специфику восприятия античного наследия в Петровскую эпоху, которое, конечно, не сводилось к простому удовлетворению некой абстрактной любознательности русского читателя.

Новая концепция античного наследия (и именно этический, «прикладной» ее аспект) не вызвала, кстати, всеобщего одобрения — наоборот, известен целый ряд случаев ее активного неприятия. ²⁵ Даже вполне просвещенный М. П. Аврамов в челобитной императрице Елизавете Петровне писал, что в бытность свою при Петре I директором петербургской типографии он просил «у его величества новопереведенных и его величеству от некоторых якобы разумных людей поднесенных Овидиевых и Virgilievых языческих книжичиц для прочтения и ведения из них о языческих фабулах. И по моему прошению тотчас мне оные книги изволил его величество пожаловать, которые я читал денно и нощно с прилежаньем и охотою, и чтанием их обезумился». ²⁶ Не случайно и то обстоятельство, что списки новых переводов все же немногочисленны и принадлежат по большей части культурной элите эпохи.

Предложенная трактовка восприятия классической культуры в начале XVIII в. ²⁷ не охватывает, конечно, всех переводных памятников без исключения. Публикуемая ниже «Повесть о Лукиа-

²³ Цит. по: *Владимиров П. В.* Великое Зерцало: (Из истории русской переводной литературы XVII в.). М., 1884. С. 53, 51—52.

²⁴ В «Предисловии к читателю» Симон Кохановский писал, что некоторые «приклады» Юста Липсия, «мнящиеся быти не велми потребные, судилося мне за благо от числа прикладов отлучити, а на место их другие нужнейшие в приличной материи от Тита Ливия прилучати» (л. 1, об.).

²⁵ См.: *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. // *Античность в культуре и искусстве последующих веков.* М., 1984. С. 204—285.

²⁶ Цит. по: *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 262.

²⁷ В определенном смысле отношение к античности в России начала XVIII в. повторяет ситуацию в польской литературе начала XVII в. как в трактовке античности, так и в репертуаре памятников. «Луккий, или Осел» также был переведен на польский язык в начале XVII в. См.: *Bieńkowski T.* *Antyk w literaturze i kulturze staropolskiej (1450—1750).* Wrocław, 1976. S. 183—185; *Mikulski T.* *Rzeczy staropolskie.* Wrocław, 1964. S. 405—422.

новом осле» совершенно не укладывается в эту схему, по своему характеру это подлинный «раритет» Петровской эпохи.

Необычен уже самый выбор Повести. Вместо истории и «свято-политичных поступков», которые в Петровскую эпоху ценились гораздо выше «Есоповых фабул» и «романцов»,²⁸ — образцовая античная повесть; вместо назидательности «прикпадов, памяти достойных» — трущобный натурализм. Еще патриарх Фотий писал о «Лукии, или Осле», что это сочинение «полно баснословных выдумок и позорного бесстыдства», причем Лукиан сочинял это, «насмехаясь и издеваясь над эллинским суеверием».²⁹ Конечно, какие-то отдельные мотивы Повести созвучны настроениям Петровской эпохи: борьба с суевериями и «забобами», о которых упоминавшийся Симон Кохановский произнес отдельную проповедь,³⁰ самый мотив превращения, метаморфозы, вошедший в политическую фразеологию Петровского времени,³¹ колдовство и чародейство, владевшие воображением людей того времени.³² Однако изучение Повести и ее непосредственного литературного окружения позволяет предположить, что переводчика привлек блестяще воплощенный художественный вымысел, т. е. то, в чем Петровскому времени обычно отказывают.

Повесть известна в одном списке 1720-х гг. и входит в сборную рукопись, принадлежавшую И. Г. Паузе.³³ Семь первых произведений, входящих в эту рукопись, носят историко-документальный характер (инструкция о коллегиях, два списка с издания 1723 г. каталога рукописей Синодальной библиотеки, речь в день рождения Анны Иоанновны и др.), четыре последние рукописи объединены по тематическому признаку: «Калязинская челобитная», «Повесть о Ерше», «Повесть о Лукриановом осле», «Объявление о Великобританском славном монастыре».³⁴ Развлекательному

²⁸ См.: *Николаев С. И.* Ранний Тредиаковский: (Первый перевод «Аргениды» Д. Барклая) // Рус. литература. 1987. № 2. С. 97.

²⁹ Цит. по: *Андерсон В.* Роман Апулея и народная сказка. Казань, 1914. Т. 1. С. 36.

³⁰ См.: *Пекарский П. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 492—494.

³¹ Петр I, писал П. Шафиров, «сочинил из России самую метаморфозис, или претворение» (Рассуждение, какие законные причины <...> Петр Великий <...> к начатию войны против короля Карола 12 <...> имел. СПб., 1722. С. 26).

³² См. недавно изданную повесть первой половины XVIII в. о польском чернокожнике пане Твардовском: *Бегунов Ю. К.* Сказания о чернокожнике Твардовском в Польше, на Украине и в России и новонайденная «История о пане Твардовском» // Сов. славяноведение. 1983. № 1. С. 78—90.

³³ Описание рукописи БАН, 17.7.12 см. в кн.: Описание рукописного отдела БАН СССР. М.; Л., 1951. С. 284—287. Филигрانی бумаги, на которой написана Повесть: Pro Patria, контрмарка I V (см.: *Клепиков С. А., Кукушкин М. В.* Филигрань Pro Patria на бумаге русского и иностранного происхождения // Сб. статей и материалов БАН по книговедению. Л., 1965. № 303 — 1713, 1721, 1722, 1724, 1726 гг.). При переплете листы Повести перепутаны, в публикации порядок восстановлен. Далее при ссылках листы Повести указываются в тексте статьи.

³⁴ «Объявление» — основной источник о Великобританском монастыре, членом которого был и Паузе, см.: *Платонов С. Ф.* Из бытовой истории Пет-

обрамлению Повести соответствует и ее язык, представляющий собой, если воспользоваться существующим определением, «беспорядочное смешение славеницизмы с жаргоном фельдфебеля, унаследованных украинизмов и полонизмов с западноевропейской лексикой».³⁵ В Повести много латинизированных конструкций («желающа меня видети ядуща» — л. 100, об.; «обретох себя ослом быти» — л. 92; «раскупя всю скотину, остался я один последней» — л. 89, об.), характерны обороты с одним отрицанием при глаголе («я никому понравился» — л. 89, об.; «ничего зделав» — л. 93). Эти черты, однако, свойственны многим переводам, здесь же более важным является то, что основной язык Повести не церковнославянский (даже в тех его формах, которые известны по переводам начала XVIII в.),³⁶ а русский — отразивший в диалогах разговорные нормы. Такое решение переводчика можно объяснить только одним: повесть относится к низкому жанру, потому и стиль ее должен быть «низкий», «грубый». Отсюда и известная русификация Повести.

Жители Фессалии («дворяна» — л. 100, об.; «крестьяне» — л. 98, об.; «холопи» — л. 82, об.; «попы» — л. 95) разъезжают «из одного уезду в другой» (л. 88), при необходимости обращаются «к губернатору» (л. 102, об.), иногда появляются «целой ротой» (л. 95), среди них есть «тати церковные» (л. 97) и «салдаты» (л. 86, об.), орудующие «шпагами и тесаками» (л. 98, об.). При надобности виноватых держат «за караулом» (л. 102, об.). Одеваются герои в «кафтан» (л. 81, об.) и «башмаки» (л. 88), заходят «в церковь» (л. 97), носят «борошень» (л. 81), расплачиваются «шеленгами и копейками» (л. 95), сидят «вне избы на галерии» (л. 84), пьют из «достакана» (л. 83, об.), а любовники величают друг друга «дущечка моя» (л. 91) и «ангел мой» (л. 92, об.).

Не только язык отличает Повесть от других переводов античных памятников. Последние переводились для назидания, *ad usum delphini*. А Повесть совершенно не назидательна, и переводчик не скрывает этого, более того, он даже смакует трущобный натурализм Лукиана, используя просторечие при пересказе тех эпизодов Повести, которые целомудренно опустили или передали описательно как польский переводчик начала XVII в., так и О. И. Сенковский в 1840-х гг.³⁷ Это нарушение литературной конвенции сродни петровским увеселениям во «всешутейшем соборе».

ровской эпохи: 1. Бенго-Коллегия, или Великобританский монастырь в С.-Петербурге при Петре Великом // Изв. АН СССР. Сер. 6. 1926. Т. 20, № 7—8. С. 527—546.

³⁵ Исаченко А. В. Когда сформировался русский литературный язык? // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1978. Bd 24. S. 134.

³⁶ См.: Живов В. М. Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 3. С. 246—260.

³⁷ См.: Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). СПб., 1858. Т. 5. С. 3—74. Полный современный русский перевод см.: Лукиан. Собр. соч. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 444—478.

О непосредственном источнике Повести определенных данных нет. Перевод несомненно сделан с латинского, но какое именно из многочисленных изданий XVI—XVII вв.³⁸ было в руках апонима, неизвестно — в Россию в начале XVIII в. могло попасть любое из них.³⁹ Сличение перевода с несколькими изданиями из ленинградских библиотек позволяет пока только указать тип латинской рецензии Повести, ср.:

	1538, 1543	1619, 1657	1663, 1615, 1646
Декиан (л. 81)	Decianus	Decrianus	Decianus
кораспа (л. 95)	carasia	puellae	corasia
Филев (л. 95)	Phileus	Philebus	Philebus
патрон нап. Мекел (л. 100)	Menocles patronus	Meneclis autem be- rus noster	Meneclis patr- nus

Уже из этих разночтений видно, что у переводчика был текст, представленный в изданиях 1563, 1615, 1646 гг. или им аналогичных.

Неизвестны также имя переводчика и обстоятельства появления перевода. Единственный список Повести (с отдельными пропусками, повторами и описками) принадлежал Паузе, который явно не был ее переводчиком.⁴⁰ Но соседство Повести с «Объявлением о Великобританском монастыре» позволяет, кажется, осторожно предположить, что идея перевода «полной позорного бесстыдства» Повести могла появиться как раз в дружеском кругу этого «младшего брата всешутейшего собора»,⁴¹ равно как и идея использования не «глубокословной славеницизмы» (от которой в 1730 г. декларативно откажется В. К. Тредиаковский), а русского языка, еще не утвердившегося в качестве литературного.

Перевод «Повести о Луккиановом осле» — факт исключительный для русской литературы Петровской эпохи, однако именно во многих «раритетах» русской культуры начала XVIII в. были верно угаданы пути будущего литературного развития.

³⁸ Подробные сведения об изданиях Лукиана (в том числе упоминаемых ниже) см.: *Hoffmann S. F. W. Bibliographisches Lexicon der gesamten Litteratur der Griechen. Leipzig, 1839. Th. 2. S. 535—565; Graesse J. G. Th. Trésor de livres rares et précieux ou Nouveau dictionnaire bibliographique contenant plus de cent mille articles de livres rares, curieux et recherchés. Dresde, 1863. T. 4. P. 277—284.*

³⁹ Лукиан был в библиотеке А. А. Матвеева (Библиотека А. А. Матвеева. С. 139) и Феофана Прокоповича (изд. 1619 г. из его библиотеки — ГПБ, 7.23.8.176).

⁴⁰ Труды Паузе известны достаточно хорошо, но Повесть среди них никогда не называлась, не упомянул о ней и сам Паузе в отчете о своих филологических трудах (см.: *Winter E. Bericht von J. W. Paus aus dem Jahre 1732 // Zeitschrift für Slawistik. 1958. H. 5. S. 744—770*).

⁴¹ Паченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 129.

Путьшествуя во Фесалию, имея тамо дело с некоторым человеком о имениах отца моего, получил я товарищей фесалиских, хотящих ехать в город Ипату, в том крае лежащий, и имея при себе несколько борошня ехал верхом, также имел при том холопа пешаго. Путьшествующи вместе, были разговоры у нас то о том, то о сем. Якоже случилось приближаясь к городу, спросил я их, знают ли они единого гражданина, зовомого Ипархи, ибо имел к нему грамотки, также хотелось мне у него на дворе стояти. Они сказали мне, что знают такова человека, притом объявили, что богат и скуп есть и живет в дому своем точию с женою своею и с одною девкою, и показали мне место в городе, идеже он живет, имея свой дом в саду. Простясь с ними, поехал я прямо туды.

Постучався потихонку^{1, а} у дверей, вышла ко мне жена его, || юже спросил я о муже ее — дома ли он, а она меня спросила, ^{а. 81, об.} кто я таков и что мое желание есть. Я сказал ей, что грамотки имею от Декиана философа патаренского. Она приказала мне подождать и замкнула за собою двери. Мало потом помедля,^б приказала мне войти. Я, пришедши, поздравил его и отдал ему грамотки. Он намерен был ужинати, сидя с женою своею на малой кровати, а стол бес кушанья. Прочетши грамотку, сказал мне: «Сей Декиан великой мне друг есть и лутчий во всей Греции, благо творит он, что пишет к своим друзьям. Видиши, Лукиане, что сие жилище мало есть, но удобно ко обитанию, однако ж аще да угодно тебе, то довольно велико будет». Призвав девку свою Палестру, сказал ей: «Дай сему мужу кафтан, и положи его борошень на страну, и отведи ево в баню», которая в нарочитом разстоянии отсюда была.

Я пошел с Палестрою, которая мне презрядной дом показала и сказала, что мне во оном начевать: «И малому твоему дам я постелю и подушки». Когда мне сие сказала, дал я ей ячменя на корм || лошади моей. Я, пошедши в баню и умывся, пришел в дом ^{а. 82} и принял меня Ипархи зело дружелюбно и приказал мне сесть подле себя.

Ужина была дорогая, вино приятно и старо. По кушании попили мы^в и поговорили вместе, потом пошли спать. На другой день спросил Ипархи меня, куда я намерен ехать и коль долго у него пребуду. Я сказал ему, что в Коларису поеду, но^г мыслю здесь еще дней с пять промешкати. Обаче же не тако сказал, якоже мыслил, ибо хотел тамо долго прожить, чтоб нечто великое приизобрести и способом чародейства нечто странное видети бы мог: либо бы летающего человека, или бы онаго в камень превращен-

1, а Написано над строкой. б Написано над строкой. в Написано над строкой. г Вставлено между слов.

ного. Любопытен будучи к сему, прошел я весь город, не ведая, как оного добится.

Между тем подошла ко мне едина особа женская, млада и богата суща, цветною одеждою украшена, имея при себе многих холопей и злата, и стала мне говорить: «Аз есмь Абрея, зело великая дружина матери твоей, ее же детей я како своих люблю, того ради ||
а. 82, об. прошу тебя, да стоиши в моем дому». Я стал говорить ей: «Любезнейшая мати, благодарение великое тебе отдаю и рад бы был у тебе, но явил бы себя брезгующим дружбою друга своего, аще бы покинул дом его. Аз есмь сердцем и душою у тебя». И спросила меня: «Не стоиши ли ты на дворе у скупаго Ипархиа?» На что ей отвечал: «Не глаголи тако, мати моя, он ко мне зело добр и тарават». Усмехнувся, взяла меня за руку и отвела мя на страну и сказала: «Всякими образы стрегися жены ево, ибо есть великая ворожея, яже может мужеск пол дивным обычаем к себе привлечь, а когда глаза свои на молодых кинет, а они ее не послушают, то отмищает им всею силою: либо их до смерти убивает, или во звери обращает. А ты, мой юноша, лепообразен еси, можеш лехко оной жене понравится, к тому же иноземец и чюженин, которые обыкновенно уничижаемы бывают».

Приметивши, что в доме то есть, его же толь долго исках, оставил я оную женскую особу и стал себе говорить, дорогою идучи: «Буди весел, — глаголю себе, — тако долго желав^д сему художеству^е ||
а. 83 обуч. учиться, возбуди себя и дерзни подступити, то можеш имети, что желаеши. И аще не позволено с хозяйкою о том говорить, и ты подпади к девке Палестре того дела ради и подружися с нею, а когда ее в своей воле будеши имети, то будеши ведати, еже желаеши, ибо холопи ведают худое и доброе про хозяев своих».

Сие сказав, пришел я домой и не обретох ни Гипарха, ниже жены ево, но точию Палестру, седящу при огне приготовляющую нам ужину, и я в тот час начал говорить: «О прекраснейшая Палестра, каковыя преславныя ягодицы несещи с сим горшком». Тогда она сказала: «Ягодицы мои отчасти влажноваты, и пщательн будет обмакнувшейся в них». Она была зело нежна и ласкава обычаем. «Отиди, юноша, — сказала мне, — аще умен хочеш быти, разве хочещи живота лишитись. Паче убегай мест наполненных дымом и огнем, аще убо да коснется мене, получиши язву огненну, что при мне умрещи, тогда тебе ни бог, ниже человек помощи может, ибо палением великую болезнь тебе приключю, его же исцеление не гораздо ||
а. 83 об. снесещи. И хотя бы камением бшен был, то не убежиши от сея^{жк} сладкия муки. Что? Или ты смеешся поварихе³ такой, которая не точию кушанье пристраивает, но и людем плотки знает пререзывать, кожу через голову свалакивать, в части раздесляти и внутреннее и сердце на части розсекати?» — «Сие благо сказала еси, — молвил я ей, — и хотя я далеко от тебя есмь, однако ж ты меня не точию разожгла, но и огонь даже до внут-

^д - В ркп. испр. из сие художество. ^{жк} В ркп. испр. из сия. ³ В ркп. испр. из поварихи.

ренныя моя вогнала, того ради прошу тебя, проводи меня бес
повреждения сквозь сие мучительныя и сладкия исцеления и
умертви меня по моему изволенню». От сих слов стала она усмехи-
ваться и когда стала ко мне склонней быти, обещала мне, как хо-
зяева в постель лягут, со мною спать.

Между сим пришел Ипархи и, егда умылся, пошли мы за
стол. За кушнем пили мы много, я притворил себя, якобы спать
хотел, и пошел до постели своей. Пришедши, обретох все изрядно
убрано, а^н постеля холопа моего во иной храмине. Перед постелью
моею поставлен стол, на нем же достакан с вином поставлен был,
притом же || холодная и теплая вода, юже Палестра тут поставила, л. 90
а посыпала она постель серебрянным цветом и повесила над по-
стелью венец серебрянной^к же.^л Сию вечерину видя готову, ожи-
дал свою сопитейницу.

Коль скоро хозяева легли, в тот час пришла она ко мне и было
у нас великое веселие, притом же попойка и поцелуи, которыя нас
к ночи толь удобнее^м учинили. Тогда стала она говорить: «Юноша,
подобает тебе паче всего памятовати, что дело тебе будет с бори-
цею.^н Чини ныне по своей должности — можеш ли между юношами
числится или нет». — «Я не отрекаюсь сего, — стал я говорить, —
и хощу однова поборотся». — «Я хощу, чтоб ты был мне послу-
шен, — сказала она. — Ав, яко главнейшая в сей борбе, буду
ухватки имяновати, а ты по тому поступаи». Я сказал: «Повеле-
вай, что изволиш, но ведай себе,^о что сия наша борба изрядно
с влажностію будет чинитца». Она, обнажена будучи, сказала мне:
«Обнажи себя, юноша, помажи себя мазью и находи на меня.
Бедру одну к другой приложа, кишь меня задом вниз и сяде наверх
меня, подняв ноги мои вверх, и упади на пахи мои и наколи везде
раны и коли толь || долго копьем, дондеже утомисся и бедра войну л. 90,
об.
окончат. Копье вытянув, воткни его между пахов, коли бодро
и продолжи сие, доколе суперника своего остену склнул, но егда
упадеши, то помоги себе немного ко вставанию, но не спеши, дон-
деже нарочитую победу получил еси».

Егда исполнил ее приказ и прииол конец нашего борения, тогда
ухватил я ее и стал говорить: «Мастерица, я тебе во всем послушен
был, только, пожалуй, усмотри: прямо ли я делал? Перемени борбы
сей ухватки и повелевай другим обычаем». Она ударила мене
в лице и сказала: «Какова я ученика здесь имею? Аще да не будеш
мя лутчей слушати, то и бит будеш». Тогда встала она и стала
приготавливатца ко новой борбе и сказала: «Покажи ныне силы
свои и аще да муж и в сем коленном борение искусен еси». Тогда
стала она на колени, наперед наклоняся в постель, и сказала:
«Ты, борец, охвати тело мое поперег и потряси меня хорошенко
и коли в равну глубоко, видиши бо меня нагу; пехни поспешно
копье внутр, погни ево, сирятая ево совсем внутр, и не чини
долгия промешки. Между тем в борбе || буди опасен копье вы- л. 91

^н Написано над строкою. ^к В ркп. испр. из серебрянной. ^л Написано
над строкою. ^м В ркп. испр. из удобней. ^н В ркп. на поле глоссы мастерица
в борбе. ^о Написано над строкою.

тягати прежде, пежели скажу, но нагнувшись подавайся за то-варыщем своим, а когда его озем урониш, то паки еще борися, доколе устанеш и утомлен будеш и пот с тебя польет». Я начел смеяться и сказал: «Мастерица, я тебе также некоторые слова скажю и желаю, чтоб мне послушна была: встани и обратясь ко мне передом сяди и дав мне правую руку помирися со мною, ныне бо время есть спати».

Проводя пощ такими утехи, забылася и езда во Ларису. Егда мне во ум пришло оное, ^{п-р} чему же^р учиться желал, стал я говорить: «О сладчайшая моя Палестра, прошу тебя, сочини, дабы госпожа твоя чародейством когда ни есть подобие свое переменила, я зело желаю^с такое дивное чюдо видети, а особливо от тебя, аще да известна сему, о чем весьма не сомневаюсь и не могу я ни от кого паче научитися, якоже от тебя, душечка моя. Аз, бывший преж сего, аки камень, тверд и никогда же глаз своих ко люблению ни на кого не метывал, а ты меня приятностию своею холопом себе со-чинила». || — «Ругаеся мною, — стала Палестра говорить, — кто может пеннем любовь одолети, аще да не есть мастер того художества? Я клянуся тебе главою своею и добрым сердцем, его же к тебе имею, что чиста есть от сего, но подожди, дондеже случай дастся, я буду домогаться, чтоб ты мою госпожю видел во ином подобии». Потом^т пошли мы спати.

л. 91,
об.

По нескольких днях возвестила мне Палестра, что госпожа ее, во птицу обратясь, хочет ко любовнику своему летети. «Тогда будет время, — сказал я ей, — наше желание исполнити». И сказала мне: «Потерпи немного». Егда стала ночь приближаться, привела меня она ко дверям комнатным и приказала мне в щель смотреть и примечати, что тамо деется. Тогда я увидел ее бес платья нагу и был тамо фонарь зажженный. Имея две вещи в руках, едина из ладона, иже зажегши, во фонарь поставила и говорила много ко свече. Другая вещь была шкатулочка, юже она открыла, а было во оной различныя ящички, выневши един^у из оных, но что во оной было, тому неизвестен, однако ж, кажется, будто полна была масла. Сим она вымазала || все свое тело сверху донизу, тогда получила она крылья и кривой нос, яко сова, и начела летати и кричати, подобно обыкновению тех птиц, и вылетела из дверей.

л. 92

Сие показалось мне быти сном, того ради стал глаза свои щупати, насилу веруя, что сие видел, мысля, что пробудился от сна. И когда дознался, что не сплю, спросил Палестру, могу ли я во птицу обратиться, егда тем же маслом помазан буду, понеже хочу однова отведать, могу ли я ис человека птицею быти. И от-крив двери, выняла она ящичек. Я розделся и скорее вымазался, но я, бедняк, не превратился во птицу, но стал получать хвост, и не ведаю, где мои персты девались, а получил копыты, уши мои

^{п-р} В ркп. испр. из еже. ^с В ркп. после этого слова заключено в квадратные скобки видети. ^т В ркп. испр. из потому. ^у В ркп. испр. из едина.

стали быть долги, а голова вниз повисла, а когда себя прямо осматрел, обретох себя ослом быти. Речь у меня отнялася, что жаловаться не мог; я домогался всеми мерами дать ей знать, что меня вместо птицы во осла обратила. Она меня стала щекотить и голову гладить и стала говорити: «О небеса! Что я соделала поспешением моим? || Обманул подобием своим ящичек меня, однако ж, ангел мой, не бойся, сие может легко исправиться, ибо егда цвета серебрянного поесц, то обратисся паки во человека, того ради принесу тебе и серебрянного цвета». Сие сказывая, гладила меня необыкновенно.

л. 92,
об.

Я телом своим был ослом, а душею человек и зело жаловался в себе на Палестру, кусая себя в губы свои, и пошел к лошади своей и к подлинному ослу Ипархову, которая меня пришедшаго видя, опасаясь, что сено их прием, опустили уши свои и изготовились меня брыкать. Сие дознавша, пошел я прочь от конюшни, смеючися в себе, но смеяние мое было ржание. Между тем мыслил я в себе: «Аще бы да теперь волк к нам пришел или иной лют зверь на меня, беднаго?» От сего попечения пришел мне страх, чтоб какова зла надо мною не учинилось.

Сие было гораздо поздно в ночи и зело тихо, иногда же слышался мне шум, аки бы воры вламывались. Уже дира такова велика стала, что человек может влесть, между тем уже многия оруженныя вошли и связали Ипархиа, Палестру и холопа моего и пограбили все, что в дому было и взяли меня || с моею лошадыю и другим ослом с собою и положили тягости, которые были, на нас и погоняли нас палками, и побежали вверх на горы. Мы необыкновенны были между нами ослами такую тягость носить, а особливо не имея подковы, принужден по острым камнем ходити. Я уже было пристал и повалиться хотел наземь, но муж, следуя мне, бил меня палкою непрестанно, а когда мне похотелось на кесаря послатся, то ржал вместо глаголания, но точною «О» великим гласом мог испущати, а слово «кесарь» не хотело следовати и того для вящее был биен, может быти, что сего моего ржания боялись, чтоб по нем найдены не были. Ржанием моим ничего зделав, намерялся я, чтоб не был бит паче, нишкнути.

л. 93

Уже стал быть день и перешли мы многия горы. Губы наши были завязаны, дабы на пути чего не ясти и время тем не потерять. Около полудни пришли мы к нескольким разбойником, знающим наших людей, еже из поздравления и из глаз приметити возможно было. Оне приказали борошень снять и обедать. Мы получили несколько ячменя, || а когда протчия ели, был я иногда голоден, Фибо к такой пище необыкновенен был.^x Мысля себе, что мне ясти, увидел огородец за двором полон капусты, между которыми показалось мне серебряннику быти, а доколе они ели, пошел я на двор капусты ясти, также и серебрянника пощипати, надеяся паки во человека обратитись. Пришед во огородец, наполнил я чрево свое реткою, салатом и селдерею, однако ж не было тамо

л. 93,
об.

Ф^x В ркп. заключено в квадратные скобки.

сереборинника, но были тамо цветы диких лавров. Чело́веки ска-
зывают, что худо лавр осям ясти, а благо есть лошадям, ибо
егда осли онаго поедят, в тот час помрут.

Сие увидев, огородник выгнал меня палкою, ни жо́пы, ни спины
железя, подобно якобы разгневавшийся^Ч господа к пойманым во-
рам поступали: уши мои и главу мою, почитай, в лоскутье всю
розбил. Вытерпев сие побои, аз задними ногами капусту потоптал
и ушел на горы. Сие видев, хотел он пустить собак своих за мною.
л. 94 В ту пору я испужався, что разорвут || меня,^Ч понеже были такие
пси, что могли медведя брать, и я вздумал, что лутчей домой воз-
вратится. А собак они еще при себе держали и не перестали меня
бить, доколе все травы, их же ел, от болезни принужден был
высрать.

Уже приспевать стало время прочь отъезжать и борошень на-
кладывать, его же покрали. Я от таковых побоев и тяжелого но-
шения^Ш утомлен стал быть и намерился на дороге лечь и остатся,
хотя бы меня до смерти убили. Понеже я мыслил, что необходимо
принуждены тем будут мое бремя на лошадь и другого осла раз-
делить, а меня волкам на съедение оставят. Но не ведаю, кой черт
мне так ненавистен был, что все моц замысли противно соделались.
Кажется, что другой осел со мною то же мыслил и лег на дороге,
его же немилостиво дубьем розбили, однако ж не помогло, и та-
щили ево иныя за хвост, иныя ж за уши, ^Щибо не могли^Ы его^З впе-
ред подать. Но трудились напрасно — ^Юа он лег, аки камень^Я —
и понеже^{II. а} желали убежати и оным делом поспешити, того
ради взяли борошень, на нем лежащей, и положили на меня и на
лошадь и отсекли у него копыты, дав ему умерети, и тако скон-
чал || он свое дело. Увидев, во что мой вымысл обратился, наме-
рился я бремя свое нести с терпением, надеясь где ни есть некогда
сереборинного цвету получить, дабы в человеческом состоянии
паки быти, а особливо егда выразумел от разбойников, что уже
недалеко ехать до их места, идеже мыслил отдохнуть.

Перед вечером приехали мы домой. Тамо сидела старуха у огня.
Принесли борошень в дом, спросили ее, чего ради тамо сидит
и кушанье ко обеду не готовит. «Я готова», — сказала она и по-
ставила им вина, хлеба и мяса дичины. Тогда они стали хвалить
бабу и сели у огня, стали себя мазать маслом и было тамо судно
полное горячей воды, ею же они умылись.

Немного потом пришло несколько юношей со златом и серебром
и с одеждами и со женскими и мужескими уборы. Все то было об-
щая здобычь. Егда оное внесли, пошли также умываться и поели
довольно вместе. Между тем было довольно говорено о смертном
а. 84 убивстве. || Старая баба дала мне и лошади ячменя. Лошадь ела
поспешно, бояся, чтоб я ее не избидил, но когда баба возврати-

^Ч ся написано над строкой. ^Ч В ркп. написано дважды, первое слово
заключено в квадратные скобки. ^Ш В ркп. испр. из ношение. ^{Щ-ы} На-
писано поверх зачеркнутого и понеже. ^З После этого слова зачеркнуто не
могли. ^{Ю-я} В ркп. эти слова заключены в квадратные скобки.

^{II. а} Написано поверх зачеркнутого и понеже.

лась, поел я хлеба, которой тамо лежал. На другой день оставлен был с бабою един юноша и каждой дело свое управлял. Егда я увидел, что призорщиков имею, стал я воздыхать в себе. Женку я ни во что ставил, ибо мог бы скоро у ней из виду уйти, но юноша шпагу при боку имеющего наипаче боялся, ибо караулил у двери.

Другаго дни пополудни пришли воры паки, но не принесли ни злата, ниже серебра, точию красную девицу, зело воющую. Волосы у ней висли по сторонам главы, а платье было изодраное. И посадили ее на солому и приказали ей покойной быти, приказываю старей бабе всегда дома быти и прилежно смотрети за девицею. Сия не хотела ни ясти, ниже пити, всегда плачущи^б и за волосы терзающи^в себе. Мне ее зело жаль стало и хотел бы с нею быть.^г

Иногда же едали сие воры вне избы на галерии. Между сим пришел един из лазутчиков и сказал, что || един ис чюжих со многим именем сего дня путешествовати будет. Они, како оруженны были, встали, взяв меня и лошадь с собою. Я, бедняк, не ведая, что мне на войну ити, и шел полениво — стали меня бить палкою. Приехав на то место, откуда тому чюженину подыматся, напали они на его воз и убили извозчика с его людьми до смерти; лутчее добро положили на меня и на лошадь, а достальное схоронили в лес, доколе паки возвратятся. Многия побой получа, спотыкнулся я через камень, отчего получил великую рану и во всю дорогу принужден был храмать. Тогда начели они говорить: «Что нам с храмым ослом делати? Да сплехнем ево сверху, ибо ни к чему годной скот». Угрожая меня таковое дело над мною соделати, и понеже я оное благоразумел и ведал, коль далеко нам еще путешествовати, забыл я свою рану и пошел полутчей, ибо страшился смерти.

л. 84,
об.

Егда мы паки ко двору пришли, сложили оне наши бремена, а сами пошли ужинати. Когда ночь пришла, пошли они в лес достальное добро забрать, но един из них сказал: «Покинем бедного осла дома, ибо от раны || ити не может. Что еще есть, можем на лошади привести». Сие сказав, пошли они с лошадью туды.

л. 85

Тое ноци луна светила. Стал я себе говорить: «Что мне, окоянному, долей здесь быти стервою на съедение птицам и кожу с себя дать свлещи? Или не ведаеши ли, что оне тебе сказали? Хочеши сверху низвержен быти? Видиши лунную ночь, воры отошли: убеги от сих убийцов». О сем размышляя, почювствовал я свободен быти и изготовился к бежанию. Из двора выпед, пошел я наутек. Сие увидев, баба ухватила меня за хвост, а я ее потащил с собою. Стала она кликать девицу, которая у ней была в помощь, девица пришла и осмелилась дерзновенное дело зделать, ибо взлезла на меня и побежала прочь. Я, будучи склонен к побегу, стал скоро бежать, оставя бабу позади нас. Сия девица мо-

^б В ркп. испр. из плачуща. ^в В ркп. испр. из терзающа. ^г В ркп. испр. из первоначального быть.

лилась богу о избавлении^д и сказала мне: «Аще да меня к дому отца моего принесеши, не будеши болний работати и по вся дни добрую меру ячменя имети будеши». Дабы от душегубцов убежати и ради слов сей девицы, не мыслил я о ране и бежал, || елико мог.

Между тем прибежав ко распутию,^е разбойники назад едучи к лунному свету увидели нас, того ради принуждены были паки к ним в руки отдаться. Когда нас взяли, обратились все к девице и стали говорить: «Любезная девица, дорогая овечка, чего ради блудно бегаеши по незнаемой дороге? Или не страшился диаволов? Пойди паки назад, ибо хотим тебя паки отдать родителем твоим», — еже смехом говорили и толкнули меня паки. Я, вздумав на свою рану, начел паки храмати. Тогда стали говорить: «Ныне паки пойманны начел храмать, а когда уходил, тогда невозможно было признать, что худо шел, и прятчей^ж был лошади или птицы».

Тогда^з меня так били, что весь зад у меня болел. Домой пришед, обрели, что старая баба удавила себя, бояся разбойников, что девица со мною ушла. Отрезав ее, удивлялись тому. Тогда связали они девицу, а сами пошли ужинать. Про девицу говоря, напильсь они половину допьяна, || глаголя:^и «Что нам с такою утеклицею делати? — сказал один из них. — Понеже^к хотела у нас хлеб отнять и на нас довесть, и егда бы до своих людей дошла, в каком бы мы страхе были, ибо в тот час бы^л дом наш нашли и стали б караулить. Да отмстим ей, яже нам изменить хотела, подобает нам ее^м продолжительной и мучительной смерти предать».

Между сим когда сие договорили, какую ей смерть учинить, сказали: «Да умертвим и осла при ней, ибо ходит всегда хром и аки увечный; однако ж ко ухождению ей помогал и способен был. Да распорем ослу череву и, внутреннюю выняв, воткнем ее в него, точию бы едина глава наруже была, дабы не толь скоро умерла. Потом зашив крепко, будет стерва воронам. Пожатуи примечай сей образ мучения, ибо сперва воткнуть ее живу в мертвого осла и егда солнце печь станет, во чреве сварится. Сверх того, она з глада умрет, а не будет удобна сама себя убить. Сверх сего, в вонючей стерве полна червей будет лежати, тогда вороны мертвое ее тело, еще самой живой сущей, изнурят».

Сие слышав,^н изобрели сей || совет за благо. Я стал тужить и печалиться, аки к смерти ведены, однако ж не тако о себе, како о невинной девице, никакова зла соделавшей.

Уже было в сумерки, егда несколько салдат пришло сих матаев ловить, их же всех связав, к суду отвезли.

Между салдаты был и той, иже был обручен с девицею, и сих разбойников сыскивал. Он, посадя невесту свою на мою спину, и привел меня в свое жилище. Егда домашния нас увидели, о сем

^д В ркп. испр. из избавление. ^е В ркп. испр. из распутию. ^ж В ркп. испр. из прутчей. ^з В ркп. испр. из иногда. ^и Написано на поле. ^к Написано на поле. ^л Написано над строкой. ^м В ркп. испр. из ей. ^н В ркп. испр. из слушав.

уведомились от моего ржания и вышли к нам далеко навстречу, и привели нас в дом свой. Сия девица, напамытовав, что помог ей ко ухажению и что купно с нею к смерти приговорен был, приказала своим людям попечение имети о мне, чтоб давали по мерке ячменя на каждой день и толико сеча, колико вельбуду потребно. Я, увидев тамо, что сабаки в том доме довольно кормлены были, проклял я Палестру, что меня во осла, а не во пса || обратила. ^{л. 87}

Немного дней по свадьбе просила она отца своего, чтоб уволен я был от всякия работы, и сие он допустил и приказал мне свободно и вольно бегати при его лошадях. Еже бы было изрядно дело, аще бы продолжилось. Он приказал своему конюху, иже смотрел за лошадми, чтоб меня свободна имел, дабы не носил какия бремена. Приведши меня к лошадям, кормил меня с ними и было мне в то время благо, подобно каково Кандавлу преж сего. Но инако случилось, якоже чаял, ибо оной конюх, отъехав, оставил меня у жены своей, яже заставила меня рожь и ячмень молоть. Сия была малая работа благодарному ослу толико намолоть, елико господину его про себя потребно, но сия жена, склонна будучи ко прибытку, заставила меня и на тех молоть, которые пахали. Между тем не получал же я и указной свой ячмень, но заставила меня оной молоть и пекла лепешки, а вместо ячменя давала мне калачи. Когда корм лошадиной скотине привезут, тогда я имел, яко чюжанин, иногда толчки и побрыкушки, тако что не мог сей зависти отбыть. Я в краткое время стал быть либив телом || и невзгляден, в доме непрестанно работая, никогда же в поле не пуцаем, идеже не был без гонения от лошадей. Принужден же был иногда с гор дрова носить, еже мне всего тяжелей было, ибо надлежало мне на горы влзати, яже зело каменисты и остры были, ^{л. 87, об.} понеже не имел подков,^п и был водим простым малым, иже весма на иную стать меня мучил. Сей меня не точию бил деревом, но к тому же было оное наполнено спицами и гвоздем, тако что зад мой от того полн скважней и ран стал быти, ибо бил меня всегда по одному месту. Сверх того, накладывал на меня великие тягости, яко бы на слона, и хотя гора зело крута была, однако ж бил меня непрестанно.

Когда же бремя мое на едину страну болши наклонится, тогда он не сымет дрова с тяжелой страны и не положит на лехчайшую^р — отяхчал камением, дабы бремя равно висела. Тако принужден был бедственно дрова и ненадобныя камене носить. В хождение своем надлежало нам чрез реку преходити, || и он сзади^с на гузно мне сядет, чтоб башмаки свои не помочити, а когда от утомленна некогда упаду, тогда мне зело зло бывало, ибо не переставает меня бити по голове, по ушам и по телу, доколе принужден буду встати. ^{л. 88}

Еще ж одно зло я претерпел: повесил он мне назади несколько колюща зелия ко хвосту, чтоб кололи меня в ноги, от чего принуж-

^{о-п} В ркп. заключено в квадратные скобки. ^р В ркп. написано дважды, и второе слово зачеркнуто. ^с В ркп. испр. из ссади.

4. 88,
об.

ден был скоро бежати. Сего зла не мог я убежати, ибо егда поленився пойду, то непрестанно палкою бит был, аще же не похощу биен быти и резвоя побегу, тогда еще паче спицы меня кололи. И знатно, что сей ослевой пастух конечно меня погубити хотел. Егда ж я его снова брыкнул, того он долго не забыл. Когда ему приказано было пенку или грубой лен из одного уезду в другой перевозить, положил он мне оной на спину и привязал ево накрепко, и знатно, что он меня тем хотел уморить. Егда я немного прошел, взял он головню из огня и заткнул ее за пеньку, || которая от огня стала тлеть. Почювствуя жар, пошел я в тот час в стоящую воду валяться, доколе огонь погас, и тако я достальной путь с великим страхом отправил, ибо не мог болии пенку зажечь, наполненую воды и грязи. Сей воровской пастух ослиной, егда домой пришел, сказал, будто моею виною соделалось, и будто я добровольно во огонь пошел. Другой малой еще паче зло на меня вымыслил, ибо егда на меня тяжелое бремя наложя до горы довезет, продаст он оныя дрова ближайшему крестьянину, домой пришед винит меня, что я безпутен, сказывая: «Чего ради кормити сего ленивого осла? Послушайте, что он делает. Егда увидит хорошенкую девушку, начнет брыкать и учинит топать, и побежит к ней, якобы человеки, егда в кого влюбится, и хочет ее кусая целовати, отчего вам немало хлопот учинится может, ибо егда он дрова нес и девку хорошую завидел, сбросил он дрова со^т спины долой и полетел на нея, аки бы хотел ее изсилничать, и ежели б сторонняя оную из глас такова прекрасного любовника не уведи, хто ведает, како бы скончалось».

4. 89

Хозяин тому поверил и сказал: || «Егда осел таков ленив, к тому ж нападает на женской пол, и ты убей его, дай его внутренняя^у птицам, мясо его хорошо работным людям. Егда же тебя кто спросит, каким образом он перевелся, и ты скажи, что волки его проглотили». Сей беспутной детина сему обрадовался и приготовился меня погубити.

Между тем пришел крестьянин, иже избавил мя от смерти и еще тяжкая нечто на меня вымыслил. «Не убейте его, — стал он говорить, — ибо добр есть к лошадиным мельницам, оныя поворачивать и тягости носить. Сие невеликое дело есть, что влюбляется в женской пол: валошите его, то будет жирен и удобней бремена носить. Аще да не известны есте, како валошить, и я к вам дни в три или четыре пришлю человека умеющего сему». Все при том стоящая сей совет за благо прияли. Услышав сей приговор, начел я кричати, яко муж, ему же во осле умерети. Я бы лутчей от глада умер или бы с какой высоты опустился, точию бы от такова окоянного житья убежати. ||

4. 89,
об.

Между тем прибежал пристанной, возвещая, что муж младыя жены, вырученной от разбойников, на море утоп. И знатна, что холопи не охотны были долей служити, взяв все, что забрать могли,

^т Доб., в ркп. нет. У В ркп. испр. из внутреннее.

и положи на меня и лошадь, пошли паутек. Зело я^ф противно принял, что принужден был такое бремя нести, его же ослу не принадлежало, однако ж не без радости мне было, что валошенья отбыл. Мы путешествовали всю ночь, а на третей день пришли мы во Верею граду, сущий^х во Македонии, немалого величества, в нем же поводительщик мой, имения продавши, жити намерен был.

Продавец вывел нас на площадку, а купцы посматривали нам в рот ради познания наших лет. Раскупя всю скотину, остался я один последней, и приказал меня продавец паки домой отвести, сказывая, что я никому понравился. И хотя меня часто выводил на продажу, однако ж купца найти не мог. На остаток нашелся один^ц старичок, сущей женской дурак, един ис тех, яже сирскую богиню туды и сюды по уезду носят и за несколько денеженок оную кажут. Ему же я за 30 шеленгов дорожкою ценою продан был.

Егда ж мы || ко двору Филевову пришли ^ч(сице имяновался ^{а 93} оной купец), ^шкрикнул он громким голосом у дверей: «Корасиа, — сказывая, — я вам изрядного великого холопа купил, рожденного ис Кападокии». Сих корасий была целая рота бабьих дураков, яже Филеву помогали. Си^ш ему веря, чаяли, что он им правду сказал, егда ж увидя осла, стали брюжжать на Филева, иже не холопа, но жениха привел достойного на ево свадьбе таковых же молодых произвести. Сему стали все смеяться.

Каждой труждаяся в своем деле, поставляя богиню на меня, вшедши в город и отчины проезжая, пришли мы в крестьянской дом, идеже я, имея богиню на спине, остановился. Имеющей над^ы сим призор, наполнены божества, говорил несколько слов, прочия свергоша митры с глав, подвизав главу под горлом, биючися мечами и каждой резал по языку, тако что везде кровь полилась.

Зело я в то время испужался, чтоб той богине также ослы крови не понадобилось. Егда несколько крови они испустили, получили они несколько шеленог и кошеек || от около стоящих, иныя ^{а. 95, об.} давали ягоды⁹ винныя,^ю фи́ги, сыр и вино, иныя пшеницу и ячмень ослей. От сего получали они себе пищу и жертвовали богине.

Проходя иногда некоторые дома, поймали они единого юношу, его же утащили к себе на постоялой двор и чинили с ним, якоже с женою, како таковыя дураки женския обыкновенны делати. Я сожелел, что во ослу обращен бых, ибо не мог бы такова воровства терпети, а когда пожелаю закричать «О воры!», то испущу великое ржание от себе. Сие услышав, входят в дом, ибо долго искаху меня, а егда найдены бываю, выходят с поспешным провожанием их дома, и дадут знать воровство сих попов во всей земле. Они же, убоявся воровства своего, убралися с борошнем своим в ночь на уход.

Егда в какое место придут наодине, гневаются на меня и бранят меня, что от крика моего находятся, однако ж сносно мне было

^ф Написано над строкой. ^х В ркп. испр. из сушу. ^ц Написано над строкой. ^{ч-ш} В ркп. заключено в квадратные скобки. ^ш В ркп. испр. из сля. ^ы Испр., в ркп. надн. ^о Написано над строкой. ^ю В ркп. заключено в квадратные скобки.

брань слышать, а потом и довольный побои имел. Сняв с меня богиню и привязали меня || ко крепкому дереву, хотяху меня до смерти засечь, дабы потом молчати мог. По многому биению придумали они меня резать, понеже чрез меня найдены и не могли от меня обыкновенную свою корысть имети, но помозию тое богини, яже низложена лежала, избавился я, ибо никто из них оную несть хотел. По многом биении, еже получил, посадили они богиню паки на меня и начали паки путешествовати.

На вечер пришли мы во уезде к некоторому зело богату мужу, иже нас зело таровато подчивал и дал жертву богине. Здесь я был также в великом страхе, ибо некоторой друг нашего хозяина прислал ему часть дикого осла, юже неосторожностию повара собаки съели. Сей зело боялся господина своего, мысля что до смерти убьет его, однако ж отбыл онаго способом некакие жены, сказавшей: «Аще послушаеши моего совета, будеши избавлен. Сие чюжия люди имеют осла, || его же отведи в лес и убий онаго, и возмий от него такову ж часть и изготви оную господину своему, а остаток остави тамо, ибо помыслят, что осел их ушел и сыскать оного невозможно, понеже сей осел жирен и дикому зело подобен».

Совет сей принял оной и пошел ко мне оное чинити, помышляя сим отбыти гнева господина своего. Между тем стал я мыслить, что из меня будет, и придумал от такова страха убежати. Проломався везде, прошел к своим господам ко столу и свече, мысля чрез сие избавитись и сим образом во опаснейшем месте замкнenu быти. Но сие мне едва не сочинило смерть, ибо мыслили, что я збесился и стали меня колоть шпагами и тесаками и бросали по мне камнем и поленьем, дабы погубити меня. Сие видя, пошел я во оное место, где моим господам было спать, а оне за мною снаружи^а дверь затворили.

Из утра рано пришли те воры ко мне и посадили || богиню на спину мою и привели меня во иной богатой град, идеже паки новая игрушка соделалось, ибо богиня не захотела тамо в простом дому поставлена быти, но в лутчей церкви. Гражданиа зело были склонны сию богиню подле своего бога поставити, а нам дали маленькое убогое постоялице. В сем месте пробыли они несколько дней, егда же хотели отити, пошли они в церковь богиню взяти, но сии воришки украли златую скрипицу ис церкви, юже под богинею схоронили. Гражданиа, нагнав и поймав господ моих, называя их татми церковными, обыскав все тщательно, нашли оную сохранену под богинею, того ради сих бабьих дураков связали и в город пленными привезли, поставя богиню во иную церковь, отдав скрипицу своему богу. Тогда продан был я хлебнику, в деревне живущему, иже десять мер пшеницы на меня взложил, их же зело трудным путем принужден был до двора нести. Имел он дома еще разныя скоты мелющия, которыя ему муку малывали. Но мне, яко новопришедшему, тот день || дали отдохнуть, но на другой

день привязали меня и заставили^{III, а} в мельнице бегать. Сие ремесло мне за обычно было, ибо и прежде сего оное чинил, однако ж притворил себя, аки бы неизвестен сему был, дабы мог отдохнуть. Но некто (мне не в догад, ибо не мог видети) изрядно бока отломал тако, что мельница стала вертетьца, аки колесо. Тогда научился я, что рабу готову быти подобает к делу, ему принадлежащему, и не дожидатись госпоцкия руки.

От сей работы стал я зело либив и слаб быти, того ради продал он меня огороднику огород ево пахати. Сей часто заставлял меня зелень на рынок посити, иногда же, егда сеял и пересаживал, был я свободен. Но понеже зимнее время было, принужден я великой холод терпети, ибо огородник едва себе постелю^б имел, не точию мне, и принужден я был на сырой и твердой земле валяться, к тому приневолен был твердой и горкой салат и капустное листье ясти. ^{л. 98}

Случилось нам однова встретитися на пути с служивым человеком, иже огороднику молвил италианским языком, вопрошая его: куда идет со ослом? Сей, не разумея ево, не отвещая ему. Салдат, мысля, яко сие чинит ругаяся ему, и начел огородника бити. Сей ударил салдата оземь и гораздо его потоптал. Салдат, боронясь, кричал: «Егда паки встану, шпагою проколю!» Крестьянин, слыша, что над ним хочет делать, вынул шпагу из ножен и закинул оную, довольно наполнив котомку его побоями. Салдат прикинулся, аки бы мертв был. Огородник, оставя его лежащего, и пошел в город со шпагою. Между тем отдал крестьянин свой огород устроить иному, опасаяся одного, еже учинил, и спрятался со мною, а по совету товарища своего замкнулся во сундуке, а меня взвели на чердак.

Салдат с великим трудом встал и едва ити мог от побоев. Сей пошел во город своим товарищем жаловатись, которая между тем^в к нему навстречу || вышли. Сие ведав, идеже мы были, били челом начальству, которая нас способом крючка приказали из дому вынять, и понеже огородник спрятался, сказали салдаты, что он и осел во дворе, которая ж в дому были, сказали, что никого кроме их в доме несть и ни осла, ниже крестьянина в доме^г имеют. Егда же великой крик в таком малом местечке учинился, пожадничал я ведати, что делается, и высунул главу свою в малое окошко. Тогда увидели меня и учинили всех в дому сущих^д лживцами, и высмотрели везде прилежно, и нашли крестьянина, лежащего в сундуке. Вытащив, отдали его судье к наказанию. А меня, спустя паки вниз, отдали салдатом. Они все стали мне смеяться, что я господина моего предал, отчего сия пословица соделалась: «Осла увидевши». ^{л. 98, об.}

Что с тем крестьянином далее соделалось, не могу узнать. Я был продан салдату, иже был слуга великого господина во Фе-

III, а В ркп. испр. из заставил. б В ркп. испр. из постель. в Написано над строкой. г После этого слова в ркп. зачеркнуто не. д Написано над строкой.

салии. Сей был повар^е и приготавливал кушанье, у него жил брат его, пирожник и блинник. Сии^ж употребляли одинакия со-
 л. 99 суды³ ко делу своему и определили мне || место, идеже остатки схо-
 жия со стола ставятся, от одного рыба и мяса, а от другаго пироги и блины, и замкнули меня тамо, доколе ходили мыться. Я, отставя ячмень, наполнил чрево свое пищею человеческою. Паки при-
 шедши, не заметили за излишеством еств, что я из них поел, ибо взял от каждой понемногу. Дознався, что оне онаго не при-
 метили, наполнил я брюхо свое ествами еще лутчей прежних. На остаток, егда стали догадываться, мыслили, что един товарищ другаго окрал, и не осмелились стыда ради сказать. Наконец, стали куски и остатки сщитати, а я между тем таковою пищею забавлявися, стал гораздо жирнея телом, тако что власы на кожи моей стали лсниться. Они, видя, что я жирнея стал, а ячмень мало убавляется, стали недоверку имети во мне. Затворя дверь, показали вид, будто хотят мыться, и увидели в щель, что я делал. Я о сем не ведая, начел по-старому обед свой отправляти. Они в тот час начали смеяться того ради, что увидели осла ядуща пищу
 а. 99, ему необыкновенную, и кликнув || протчих свою братию холопов
 00. во свидетелство и начали все крепко смеяться и хахотать, тако что господин спросил, что у них деется. Сие слышав дело, встал и видел сам оное в то время, егда я с куском дикого поросенка возился,^и и вошел ко мне смеючися. Мне зело стыдно стало, что в воровстве и лакомстве найден. Приказал меня к своему столу привести и повелел стол для меня убрать таким кушаньем, его же иной осел не стал бы ясть: уистеры были сырыя, а рыба с^к соленою поливкою, олеею и горчицею приправлена. Сие щастие зело мне приятно было. Мысля сею издевкою себя прокормити и содержать, при столе стоя, прибрал я весь обед, отчего вся беседа утешилась. Егда же стали говорить, будет ли осел пити, аще ему нальют, и господин приказал мне поднести. Увидев сие, заплатил он моему хозяину денги вдвое и отдал меня одному из волних его слуг, чтоб меня кормил и учил, что он похощет. Ему лехко было меня учить, ибо охотно слушался его и все то делал, что он ни станет пред мною делать. Сперва учил он меня колени нагибать
 а. 100 на кровати, || како человеку, потом с ним играть, петь, стоять на задних ногах и по ево словам на колени припадать. И делал я все за ним, что мог.

Уже во всем городе прогласилось, что есть такой осел, иже вино пьет, играет, пляшет, а всего дивнея — человеческому голосу послушен. Когда мне пить похощется, и я мог миганием очес о том признак дать слугам, чему никто довольно мог надивитись, не ведая, что человек в осле торчит. И утешался их глупостью. Я научился ходити, своего господина нести и бегати без утруждения на мне сидящем, одежды имел на теле своем драгоценныя от

^е На поле глосса харчевник. ^ж В ркп. испр. из сия. ³ Испр., в ркп. осуды. ^и Испр., в ркп. вохился. ^к Вписано между слов.

шелка и багряницы, узда была златом и серебром набрана, притом висело несколько слаткозвонных^л колокольчиков.

Патрон наш Менекел поехал во Фесалию некоторые комедии показати, их же отчизни своей обещал. Изготовився к сему, пошли из утра рано в путь. Я нес господина нашего чрез зело злой и трудной путь. Пришедши во Фесалонику, збежался народ ко смотрению || комедии, наипаче ж меня видети, ибо слава о мне во весь уезд прошла. Патрон наш довольно попив со^м своими товарищи, ^{л. 100, об.} иже дворяна были,^о приказал мне при ужине свои мудрости показати.

Слуга волный, имеющей призор над мною, замкнул меня и казал мои художества за денги. Каждой принес с собою такова кушанья, его же осли никогда отведывают, отчего зделался я зело жирен и велик. Пришла тут некая женочка из-за города, желающая меня видети ядуша. Кой час меня увидела, полюбила меня безмерно, частню ослowego подобия ради, также и ради художеств ословых. Сия многими денги добилась, чтоб я у ней одну ночь мог пробыть. По ужине отвел он меня к ней в дом. Сия жена пошла спать, имея множество подушек, одеял и платья. Холопи между тем пошли ж спать, а она принесла великую свечу в избу, мне показалось, аки бы великой огонь внесла. Роздевся и обнажила себя донага и стала || у свечи, потом принесла несколько балсамов во албастровой фляжечке и вымазався оными, напехая нос свой полон ими. Потом стала меня целовати и приговаривать, како между любящимися обыкновенно есть, и повлекла меня за веревку на постелю.^п К сему делу погонщик мне ненадобен был. Следуя ей потихонку, наперед наполня желудок свой доброю винною влажностию и разожен благовоением балсама, также и красотою тое жены, и я стал гнутись, не ведая, как бы мне лечь, ибо коль долго ослом был, едва мог знати, како ослам подобает делати. Я стал быть в великом страхе и боязни, чтоб женщине при пребытии^р с нею какия бы вреди не соделать и чтоб ко убийцам^с не причтен был. Но сие напрасно мыслил, ибо все благо делалось, понеже непрестанно целовала и прижимала меня. Я к делу готов будучи, потянула она меня за индрик мой, потом обымала мя, яко человека. Егда же помыслию отступить, и она привлечет меня паки к себе, сказывая: «Куда бежиши?», ухватя меня еще крепчей за шею. Приметив, что порядия моя^т || не безудобна есть похоть сей жены утолити, получил смелость немалую, почитая свое прелюбодейство не хуже Пасифеева. ^{л. 101, об.}

Егда день пришел, пошла сия жена видется с моим приставником и просила его, чтоб мне еще одну ночь у ней погостити за денги и добрыя слова. Сей к деньгам гораздо падох будучи, донес своему господину и оставил меня еще одну ночь у ней,

^л В ркп. испр. из златкозвонных. ^м Доб., в ркп. нет. ^{н-о} В ркп. заключено в квадратные скобки. ^п В ркп. испр. из постель. ^р В ркп. испр. из пребытие. ^с Испр., в ркп. убийцам. ^т В ркп. написано дважды, второй раз на обороте листа.

которая за прежния свои дела принялась и наки доволствие получила в похоти своей.

Сей слуга вольны между тем показал своему господину, что оная жена со мною исправляла, сквозь щель во дверях. Господин его, сим увеселяся, не хотел, чтоб сие известно было, но хотел при игре меня во комедию на театр взвестъ, дабы меня видели в то время, егда некакую женщину хотели зверми растерзати.

а. 102 Приведши ко мне оную жену, приказали ей, чтоб меня || гладила и на меня облеглась, дабы нас на тот день в комедию привести, чтоб от каждаго видимы были.

Была тамо кровать соделана из индианских черепах, златом украшенная, на которую поставили меня и тое жену и положили постелью^у на оную, отчего великое возгласение в народе было и все в ладони колотили, также был тамо поставлен стол со многим различным кушаньем, дабы при всех мог оныя при ужине истребить.

Были ж тут изрядныя благообразныя юноши ради наливания вина, а надзиратель мой, при мне стоя, приказал мне ясти. Мне зело стало стыдно быти на таком полном театре ясти, опасаясь, чтоб лев или медведь иногда из угла не выскочил к розорванию меня. Притом же было различными цветы усыпано, между которых также и серебрянныя цветы были. Увидев сие, встал я тотчас, они же мыслили, что я встал ради публичного танца || — перед ними танцовать, но я пошел прямым путем ко цветам серебрянным, чтоб оныя съести. Сему каждой дивился, отчего я превратил скоцкое подобие ослиное и стал быть тот же подлиннейший Лукиан, каков преж сего был. И пошел наг перед ними. От сего нечаемого вида весь народ ужаснулся и изумелся, и стала быти^ф шопта и шум великой. Не ведая, что сказати, иныя говорили, что я чародей и что в тотчас подобает меня в трубе жечь. Иныя же хотяху, чтоб роспрося^х выслушать меня наперед и по тому осудить. Но я пошел к губернатору того града, которой тут же при комедии был, ему же я сказал, что одна великая фесалиская девка меня некакою мазью помазала, ею же меня во осла обратила. И просил его, дабы меня приказал за караулом держать, доколе известен будет о сей моей правде. Он стал мне говорить: «Дай мне знати о своих родителях и городе, идеже родился». Я сказал, что отца моего звали Лукианом, яко же и меня, и брат мой имянуем Каюс, и что я различныя гистории и иныя вещи писал, а брат мой || стихотворец и пророк есть, город рождения моего есть Патрас во Ахайи.

а. 103

Егда господин сей услышав сие, сказал он: «Ты еси сын от зело знакомого друга моего, иже меня в доме своем часто угацивал и подарками меня почтил. Я известен, что правду говорил еси». И, вышед из своих носилищ, объял и поцеловал меня.

^у В ркп. испр. из постель.
над строкой.

^ф Написано над строкой.

^х Написано

Между тем приспел брат мой, иже ходил за денгами и за иными вещми ради меня. Егда сей господин меня свободна учинил, пошли мы к морю, идеже каравль готов был к нашему отъезду. До начатия сего путешествия пошел я тое жену посещати, которая наперед сего влюбилась в меня, ибо мыслил, что ныне наипаче прежняго любити будет, егда человеком есмь. Пришедши к ней, была она зело рада и желала со мною ясти, пити и спати, мысля ныне наипаки похоти от меня получить.

Егда мы отужинали, вымазали меня мазью и положили мне на главу серебрянной венец, ^цпонеже от оных цветов человеком стал быти. ^чПриспевши время || спати, разделся я наг, дабы ея на издевку потешить, ибо имеет ныне мужа вместо осли. Но егда ^{л. 103, об.}меня увидела нага и все прилежно осмотрела, плюнула она мне в глаза, понеже видела, что я по-человеческу убран, и сказала: «В тотчас з двора долой! Пойди со иною спать!» Я стал ее спрашивать: «Чего ради тако говориши?» И она отвечала мне: «Того ради, что не тебя, но осла любила, и спала я с ним, а не с тобою. Я чаела, что ты точию подобие ослное сложил, а что я любила оставил. Ты уже не имеши того, иже во осле приятно и притягательно есть». И приказала меня нага своим людем взащей з двора збить.

Будучи за двором наг, с венцом на главе и вымазан, лег на землю. Из утра рано пришел к морю, росказал брату своему бесчашие свое, еже не без смеху делалось.

Ветр стал хорошо повевать, тако что в краткое время приехали во отечество свое, идеже жертвовали богам, причиною бывшим моему избавлению, также повесил во церкви несколько подарков, не того для что ^шиз собачья гузна (якоже пословица есть), но из осла избавлен стал быти.

^{ц-ч} В ркп. заключено в квадратные скобки. ^ш Написано над строкой.
(БАН, 17.7.12, л. 81—103 об.).

К. Ю. ЛАППО - ДАНИЛЕВСКИЙ

НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРНОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ В. И. МАЙКОВА

В Центральном государственном архиве древних актов в фонде Блудовых-Паниных (ф. 1274, оп. 1, ед. хр. 3175) нами был обнаружен конволют, объединяющий под одним переплетом следующие издания произведений В. И. Майкова (все они подробно опи-

саны в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» под № 3900, 3945, 1118, 3946, 3960):

1. Агриопа. Трагедия Василья Майкова. Печатана в Москве 1775 г. 67 с.

2. Фемист и Иеронима. Трагедия Василья Майкова. Печатана в Москве 1775 г. 67 с.

3. Метропа. Трагедия господина Волтера. Переложена в стихи из Русския прозы Васильем Майковым. В Москве при государственной Военной коллегии 1775 г. 83 с.

4. Торжествующий Парнас, пролог по выздоровлении от прививных оспы ее императорского высочества. Сочинение В. М. В Москве 1775 г. Печатано вторым тиснением. 8 с.

5. Ода о вкусе Александру Петровичу Сумарокову (три нумерованные страницы, подпись «В. М.»; на четвертой — «Ответ на оду Василью Ивановичу Майкову» А. П. Сумарокова, подписанный инициалами «А. С.»; кстати, в «Сводном каталоге» отдельное издание «Ответа» не зафиксировано).

На странице, предшествующей титульному листу первого издания, вошедшего в конволют, находится автограф неизвестного стихотворного посвящения В. И. Майкова. Приведем его текст, несколько «дополнив» пунктуацию:

Графу Петру Ивановичу
Его сиятельству Панину

России рану ты сердечну излечил,
котору лютый змий соделывал ей злобно,
и в дар за то сердца ты наши получил,
склоня их мужеством твоим к себе удобно.
Ты дерзость низложил предрезких Агарян;
тобой и внешний враг, и внутренний поправ,
везде был славен росс, водим твоей рукою.
Везде ты, Панин, нам отверзл врата к покою.
И се уж слава в свет помчалася твоя,
и лира спешно ей последует моя,
глася твои дела и все победы громки,
дабы их ведали позднейшия потомки.

Стихи подписаны инициалами «В. М.» — обычным указанием на авторство поэта в журнальных публикациях; они, однако, отсутствуют как в сборниках поэтических произведений В. И. Майкова (1773, 1809, 1867, 1966 гг.), так и на страницах периодической печати XVIII в. Преподнесение конволюта, являющееся любопытным биографическим свидетельством, по-видимому, произошло летом 1775 г., в первой половине которого В. И. Майков переехал из Петербурга в Москву (22 июня этого года поэт был избран членом Вольного российского собрания при Московском университете; 15 июля в Москве происходили торжества по случаю заключения мира с Турцией, описанные им; 4 сентября В. И. Майков был пожалован в бригадиры и назначен главным членом в конторе Мастерской и оружейной палаты в Москве).

Именно лето—ранняя осень 1775 г. — период наибольшего внимания в обществе к П. И. Панину, связанного с заключением Кючук-Кайнарджийского мира (21 июля 1774 г.), казнью Е. И. Пугачева (10 января 1775 г.) и последовавшими затем торжествами. Восхищение В. И. Майкова вызвали не только военные подвиги П. И. Панина и суровое подавление им крестьянского восстания, а также, по-видимому, тот факт, что его адресат поступился своими претензиями к Екатерине II, когда дело зашло об общесловных интересах (осознававшихся, правда, как общегосударственные).

Эти соображения позволяют, на наш взгляд, изменить датировку одного из составивших конволют изданий. Вслед за П. А. Ефремовым, автором библиографии к «Сочинениям и переводам В. И. Майкова», отдельная публикация «Оды о вкусе Александру Петровичу Сумарокову» относилась исследователями к 1776 г.¹ Основанием для подобного заключения было появление данных стихотворений В. И. Майкова и А. П. Сумарокова в майском номере 1776 г. «Собрания разных сочинений и новостей». На расхождение орфографии и пунктуации в отдельной и журнальной публикациях указал еще П. Н. Берков, сделавший на основании текстов вывод о более раннем напечатании брошюры.² Скорее всего, конволют был составлен из изданий только 1775 г. и подарен П. И. Панину, возможно во время визита, возможно во время состоявшейся у общих знакомых встречи.

Пребывание П. И. Панина в Москве в январе—феврале 1775 г. зафиксировано документально,³ однако время триумфа еще не наступило — впереди были хлопоты по благоустройству разоренных пугачевщиной областей, отъезд в провинцию. С честью выполнив возложенные на него поручения, известный самостоятельностью суждений военачальник вскоре опять оказывается не у дел — 9 августа 1775 г. Екатериной II был дан рескрипт о его отставке.⁴ Видимо, во время последовавшего вскоре приезда в Москву состоялась интересующая нас встреча — как отмечал еще П. И. Лебедев, первый биограф братьев Паниных, опальный вельможа пользовался здесь всеобщей симпатией: «Граф Петр Панин в то время отдыхал (как мы знаем, не совсем по своей воле) на лаврах после совершенного им *подвига* (т. е. подавления пугачевщины; курсив автора, известного в 1860-х гг. прогрессивностью своих воззрений. — *К. Л.-Д.*). По странному складу нашего общества, почти всегда симпатизирующего тем, которые впадают

¹ Сочинения и переводы В. И. Майкова. СПб., 1867. С. 570; *Геннади Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях. Берлин, 1880. Т. 2. С. 275. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1964. Т. 2. С. 198.

² *Сумароков А. П.* Избр. произведения / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 567.

³ Сборник русского императорского исторического общества. СПб., 1871. Т. 6. С. 200—208.

⁴ Там же. С. 213.

в немилость, Панин пользовался уважением, доходившим до обожания».⁵

Как представляется, именно в конце лета — начале осени 1775 г. конволют был подарен В. И. Майковым П. И. Панину. Ввиду последовавшего затем отъезда П. И. Панина в свои вотчины поднесение книги в 1776 г. маловероятно, что позволяет датировать отдельное издание «Оды о вкусе Александру Петровичу Сумарокову» В. И. Майкова (как и ответ на нее) 1775-м г.

⁵ Лебедев П. Графы Никита и Петр Панины. СПб.: «Общественная польза», 1863. С. 225.

Н. П. М О Р О З О В А

РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ XVIII ВЕКА В БИОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ

Одним из интересных источников для изучения проблемы «писатель и общество» могут служить биографические предания о русских писателях XVIII в. Существова на грани устной и письменной культуры,¹ эта литературная форма отразила важные моменты истории восприятия русским обществом XVIII столетия личности писателя.

Петровская эпоха, отводя в иерархии своих важнейших дел скромное место литературному труду, оставила немногочисленные предания о жизни занятых им людей. Одно из них рассказывает о переводчике Волкове, которому царь «задал огромную работу — именно переводить *«Le jardinage de Quinity»*. Хотя Волков был человек очень способный, но все-таки этот труд был ему не по силам: в сочинении на каждом шагу попадались французские технические выражения, совершенно неизвестные в русском языке. Отчаяние овладело переводчиком, и он, перерезав себе артерию, прекратил таким образом жизнь».²

Предания о переводчиках — основном типе литератора Петровской эпохи — явление крайне редкое. Отсутствие интереса

¹ См.: Дробова Н. П. Биографические предания о русских писателях XVIII в. как историко-литературное явление // Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII — начало XIX в. // XVIII век. Л., 1981. Сб. 13. С. 275—283.

² Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 226.

к жизни людей данной профессии в эпоху Петра, по-видимому, объясняется главным образом характером общественной репутации переводческой деятельности в то время. Любопытно с этой точки зрения известное доношение Петру I оскорбленного Ильи Копиевского, сознававшего «престижность своего труда»: «По указу твоего пресветлейшего царского величества, написал я воинских дел промыслы некоторые и статьи к ним, но не можно было совершенного толкования в статьях скорым делом написать, потому что переводчик, который имелся делать приправы воинския, отъехал был в Бруксель. Обаче же подражая древних монархов и храбрых воинов помыслы, вся совокупил во едино и, запечатовав, вручил я великому боярину Федору Алексеевичу. А мне подъячий Михайла Ларивонов отпечатованныя — на укоризну приведши мя в поварю — пред всеми отдал мне, аки безделицу какую, поругаяся ми, сказал: у нас-де промышленных людей на Москве стегают. . .»³

Иным было отношение к крупнейшим духовным писателям того времени — Стефану Яворскому и Феофану Прокоповичу. Независимо от статуса писателя, они были в глазах современников прежде всего видными деятелями церкви, лицами историческими. Культурная традиция позволяла отражать в предании любопытные обстоятельства их жизни. Однако, видимо, именно писательская ипостась бытия определила амплуа острословов, которым наделены Стефан Яворский и Феофан Прокопович как герои немногочисленных преданий. Одно из них рассказывает об остроумном ответе Стефана Яворского Петру I, пожелавшему узнать, в чем отличие чудотворного образа от нечудотворного, «ибо они одинаково писаны». Находчивый Стефан ответил, что повседневная шляпа государя и та, которая прострелена пулей в Полтавском сражении, тоже «одной шерсти и суть дело рук человеческих. Но великое между ими различие: шляпа, которая была на голове Великого человека в вечнопамятный день для России, и простреленная пулей заслужила пред другими шляпами отличие и почтение».⁴

Подобные предания сложились во многом под влиянием фаций с сюжетной схемой «монарх и поэт», где, по наблюдению А. М. Панченко, победа остроумного поэта над монархом была победой «шута, который по должности говорит хозяину смешные колкости и зарабатывает насущный хлеб веселыми апофегмами».⁵ Существенную роль сыграло и хорошо знакомое русскому читателю «Езопово житие» — легендарная биография, составленная в значительной степени из анекдотов об остроумии поэта.⁶

³ Там же. С. 521—522.

⁴ *Кашин Н. И.* Остроумный ответ Петру Первому архиерея Стефана Рязанского // *Русский вестник*. 1808. Ч. 4, № 10. С. 45—47.

⁵ *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 175.

⁶ Публиковалось в качестве приложения к басням Эзопа. (М., 1712; СПб., 1747 и др. изд.).

Отмеченное амплуа оказалось доминирующим в восприятии личности писателя русским обществом первых десятилетий XVIII в. Олицетворением фигуры шута в эпоху Анны Иоанновны по воле монархини стал В. К. Тредиаковский. Трагическое участие в шутовской свадьбе послужило позднее основой роковых для литературной репутации поэта преданий.

Основной причиной их возникновения, по-видимому, была изданная в 1766 г. и встревожившая Екатерину знаменитая «Тилемахида». «Критика и оппозиция монархии, пасифистские идеи и утопические уроки Фенелона, переведенные Тредиаковским, не только обидели Екатерину, но показались ей прямо опасными, так как через издание „Тилемахиды“ входили в общественное обращение. . .»⁷ Императрица прибегла к самому действенному оружию полемики — смеху («в Эрмитаже установлено было шуточное наказание — за легкую вину выпить стакан холодной воды и прочесть из Тилемахиды страницу; а за важнейшую — выучить из оной шесть строк»)⁸. В числе других средств воспользовалась Екатерина и принципом «опровержения мыслей противника посредством опорочивания его как личности».⁹ Появляются разнообразные анекдоты о поэте. Они разрабатывают и пародируют восходящий к делу Воынского мотив «битого и униженного Тредиаковского». Одно из преданий рассказывает, как поэт пропел анакреонтическую песню императрице Анне Иоанновне, «стоя у камина на коленях перед нею, за что в вознаграждение имел счастье получить от державной ея руки всемилоостивейшую оплеушину».¹⁰

Заметным явлением культурного быта предания о писателях становятся в эпоху классицизма. Эстетика этого литературного направления создает определенный идеал писателя, от которого требовались широкая эрудиция («надобно обо всех науках иметь довольное понятие, а во многих совершенное знание и искусство. . .»), основательное гуманитарное образование. Доминантой писательского самосознания была объявлена идея общественного служения. «В безделицах я стихотворца не вижу, в обществе гражданина видеть его хочу, перстом измеряющего людские пороки», — писал Г. Н. Теплов в известной статье «О качествах стихотворца рассуждение».¹¹ Перед литературой ставились высокие учительные задачи. Писателю отводилась роль «духовного наставника» общества. Однако стать им в глазах последнего ему удалось не сразу.

Реальные взаимоотношения писателя и русского общества 1750—1760-х гг. по-прежнему складывались, как правило, иначе.

⁷ Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 23—24.

⁸ Евгений [Болговитинов Е. А.]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 2. С. 221.

⁹ Панченко А. М. Указ. соч. С. 40.

¹⁰ Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей земли Русской. М., 1836. Т. 5. С. 150.

¹¹ Ежемесячные сочинения. 1755. Май. С. 390.

Помимо анекдотов о Тредиаковском одной из форм проявления подобных взаимоотношений стали и биографические предания об А. П. Сумарокове, сыгравшие решающую роль в создании литературной репутации писателя. Они реализуют все тот же принцип опровержения «мыслей противника посредством опорочивания его как личности», которым в совершенстве владела Екатерина. Обращение к этому средству было реакцией на идеологические установки А. П. Сумарокова. «Еще из корпуса он вынес высокое и совершенно нереальное представление о достоинстве дворянина, человека, рожденного для служения отечеству, чести, культуре, добродетели <...> Жизнь постоянно и упорно разбивала его мечты. Дворянство не хотело ни культивироваться, ни исправлять свою мораль <...> он громко проклинал самоуправство, взятки, дикость общества; дворянское общество мстило ему, выводя его из себя, издеваясь над ним».¹²

Сюжетной основой большинства преданий о Сумарокове служит какая-то конфликтная ситуация, ярко проявляющая его характер. Предметом иронии чаще всего оказывалось авторское самолюбие писателя. В качестве примера можно привести рассказ о посещении Сумароковым библиотеки Троице-Сергиевской лавры. Не увидев здесь своих сочинений, писатель «подходит к библиотекарю и говорит ему с некоторым неудовольствием: „Что это значит, что здесь нет моих сочинений?“ — „Они не могут быть в нашей библиотеке, ваше превосходительство!“ — отвечает ему хитрый библиотекарь. „Как? Почему?“ — „Потому что у нас сочинений ваших только один экземпляр; студенты и даже учителя беспрестанно читают их; и так они переходят из рук в руки и не возвращаются в библиотеку; прочтет один, читает другой, потом третий...“ — „Хорошо же, так я пришлю десять экземпляров“. Библиотекарь поклонился, и на другой же день библиотека Троице-Сергиевской лавры увеличилась десятью экземплярами сочинений А. П. Сумарокова».¹³

Мишенью для насмешек служило и бытовое поведение писателя, отраженное, в числе многих аналогичных, следующими преданиями: «Однажды в деревне, погнавшись со пиагою в руках за своим камердинером, чем-то его раздражившим, он до того был ослеплен своею запальчивостью, что не заметил, как попал по пояс в воду, в небольшой прудик, через который ему пришлось преследовать беглеца. В другой раз, в Москве, на святой неделе он прибил звонаря, который надоел ему, и, наконец, один знакомый, войдя к нему в кабинет, застал, что он, как сумасшедший, гонялся за мухами, которые мешали ему писать».¹⁴

В начале XIX в. предпринимались попытки восстановить авторитет Сумарокова в глазах нового читателя. Появились

¹² Гукровский Г. А. Сумароков и его литературное окружение // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 352.

¹³ Благонамеренный. 1824. Ч. 25, № 1. С. 54—56.

¹⁴ Сумароков П. Отрывок из биографии А. П. Сумарокова // Московский городской листок. 1847. № 79, 12 апр. С. 317—318.

рассказы о добродетельных поступках писателя, свидетельствующие о том, что он был «так же пылок в порывах добра и благотворительности, как в порывах гнева». Однако существенно изменить его литературную репутацию не удалось. В первой половине XIX в. Сумароков становится «не в меру униженным писателем». Основную причину подобного отношения В. Г. Белинский видел в том, что «Сумароков уронил себя в потомстве более всего своим характером мелочным, самолюбивым, наглохвастливым».¹⁵ Именно такое представление о писателе было создано многочисленными преданиями, сделавшими в эпоху «забытой славы» Сумарокова несостоятельным по отношению к нему популярный тогда тезис (Бюффона): «Характер писателя весь в его творениях».

Этот феномен — во многом следствие свойственного русскому обществу середины XVIII в. и далекого еще от теоретических установок классицизма отношения к личности писателя и литературному труду.

Эстетика сентиментализма создала свое представление о писателе. Размышляя на эту тему, Н. М. Карамзин писал: «Говорят, что автору нужны таланты и знания: острый, пронизательный разум, живое воображение и проч. Справедливо, но сего не довольно. Ему надобно иметь и доброе, нежное сердце. . .»¹⁶

Биографические предания о русских писателях эпохи сентиментализма, возникавшие, как правило, в дружеском литературном окружении писателя, в значительной степени иллюстрируют приведенную выше мысль Н. М. Карамзина.

В качестве примера можно рассмотреть анекдоты об И. Ф. Богдановиче. Для читателя XVIII—начала XIX в. он был «русским Лафонтеном» («Вот Русский Лафонтен, нежнейший Ипполит, Который Душенькой всех души веселит»)¹⁷. Семантика этой стереотипной для литературного сознания XVIII в. формулы на исходе столетия стала более емкой, означая не только сопоставимость творчества двух писателей, но и их литературных репутаций.

Жизнеописание «доброго Лафонтена», на которые во многом ориентированы предания о И. Ф. Богдановиче, включали анекдоты, подобные следующему: «В жизни Лафонтевой, кроме различных черт душевного его свойства, находим мы мало достопамятного. Он не имел присутствия духа, и это его слабость; равным образом невинная простота и тихость ему свойственны. В то время, когда он прослыл уже писателем, пригласил его один из главных казенных откупщиков к себе на ужин, думая, что гостям приятно будет быть с таким великим человеком, который написал столь хорошие басни и столь приятным слогом. Но после ужина увидели, что он за столом ничего почти не гово-

¹⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.; Л., 1956. Т. 10. С. 490.

¹⁶ Карамзин Н. М. Что нужно автору? // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. Л., 1964. Т. 2. С. 120.

¹⁷ Друг просвещения. 1805. Ч. 1. С. 91 («Надпись к портрету И. Ф. Богдановича»).

рил. После обеда он встал и под предлогом идти в Академию хотел оттуда уйти; и когда хозяин его удерживал, говоря, что еще рано, то он сказал: так я для сего выберу туда должайшую дорогу».¹⁸

Аналогичные предания создавались и о Богдановиче. Они стали первостепенным источником для Карамзина в работе над статьей «О Богдановиче и его сочинениях» («С величайшею благодарностию автор воспользовался известиями, доставленными ему почтенным братом творца «Душеньки», Иваном Федоровичем Богдановичем, но прибавил к ним и некоторые анекдоты, слышанные им от людей, которые были коротко знакомы с покойником»), предопределив созданный в ней литературный портрет писателя. Ключевой элемент этого портрета — сопоставление с Лафонтеном: «К чести русских заметим, что молодые люди с дарованием всегда находили и находят у нас деятельное покровительство, особливо если нравственный характер их возвышает пену ума, как в Ипполите Богдановиче, который отличал себя и тем и другим, — а более всего милым простосердечием, свойственным любимцу Аполлонову. . .

Сын Фебов не рожден быть тонким знатоком
Обычаев, условий света;
Невинность, простота видна в делах поэта.
Ему вселенная есть дом,
Где он живет с чужими
Как с братьями родными;
Свободу и покой любя,
Не мыслит принуждать себя.

Некоторые поэты составляют исключение из сего правила; но таков был Лафонтен — и Богданович!»¹⁹

Располагая значительным количеством анекдотов о Богдановиче, Н. М. Карамзин редко использует в своей статье эту литературную форму. Большинство преданий лишь угадывается за текстом статьи, служит основой характеристик. К числу немногих исключений относится рассказ о пожаре «близ знакомого» Богдановичу дома: «Стихотворец наш, богатый единственно рифмами, не мог сыпать золота на бедных, но (как сказал любезный переводчик Греевой «Элегии»)

Дарил несчастных он чем только мог — слезою!

Приязнь находила в нем самую ревностную услужливость. Однажды ночью сделался пожар близ знакомого ему дома; он забыл крепкий сон молодого человека, дурную погоду, расстояние и в одном камзоле явился там предложить услуги свои. — Хозяин и хозяйка, столь любезные и почтенные, обходились с ним как

¹⁸ Нечто о славном г. Лафонтене / Пер. А. Лубкин // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Ч. 37. С. 86.

¹⁹ Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. Т. 2. С. 199.

с родным: он во всю жизнь сохранил к ним сердечную привязанность»²⁰.

Здесь реализован еще один конструктивный прием литературного портрета автора «Душеньки» — ориентация на героя русского сентиментализма.

Примечательно, что аналогичный эпизод присутствует в повести Н. М. Карамзина «Чувствительный и холодный» как одно из средств для характеристики Эраста: «Однажды дом, где они учились и жили, загорелся ночью: Эраст вскочил с постели не одетый, разбудил Леонида и других пансионеров, тушил огонь, спасал драгоценные вещи своего профессора и не думал о собственных. Дом сгорел, и Эраст, обнимая друга, сказал с великодушным чувством: „Я всего лишился; но в общих бедствиях хорошо забывать себя. . .“»²¹

Смысловое и эмоциональное поле статьи Карамзина создано системой примененных к Богдановичу этических оценок русского сентиментализма. Писатель видит в авторе «Душеньки» многие из тех качеств, которые воспитывала в читателях литература этого направления:²² «чувствительность», т. е. развитое нравственное начало — неспособность к обману, низким поступкам, умение сострадать, ощущать чужую боль, ценить чувство любви и дружбы, родственные отношения; склонность к уединению, любовь к чтению. Для поэта-сентименталиста — это еще и стремление к творческой независимости, желание писать лишь по велению сердца. Основываясь на предании, Н. М. Карамзин рассказывает о жизни Богдановича в пору создания «Душеньки»: «Он жил тогда на Васильевском острове, в тихом, уединенном домишке, занимаясь музыкою и стихами, в счастливой беспечности и свободе; имел приятные знакомства; любил выезжать, но еще более возвращаться домой, где муза ожидала его с новыми идеями и цветами. . .»²³

Вслед за Карамзиным читатель увидел в Богдановиче тот «идеал, который создавался в литературе и не укладывался в существующий жизненный уклад».

Правоучительное, воспитывающее начало выступает на первый план и в биографических преданиях о Хемницере, Капнисте, некоторых других писателях эпохи сентиментализма. Они изображаются чувствительными, добродетельными людьми. Писатель, таким образом, становится образцом для подражания.

²⁰ Там же. С. 200.

²¹ Карамзин Н. М. Чувствительный и холодный: Два характера // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 743.

²² См. Кочеткова Н. Д. Сентиментализм и Просвещение: (О преемственности идей в русской литературе конца XVIII—начала XIX века) // Рус. литература. 1983. № 4. С. 22—37.

²³ Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. Т. 2. С. 224.

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ И ДАТИРОВКЕ «РАССУЖДЕНИЯ О НЕПРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНАХ»

В начале XX в. Е. С. Шумигорский обнаружил в фондах бывшего Государственного архива ряд документов, заинтересовавших его причастностью к Павлу I, над биографией которого ученый тогда работал. Поскольку документы были связаны с главным объектом его исследования лишь побочно, Шумигорский опубликовал их без развернутых комментариев в приложении к своей монографии¹ в следующем порядке:

1. Письмо графа Петра Панина от 1 октября 1784 г. Павлу I, в котором сообщалось, что отправитель пересылает наследнику престола «рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления», написанное, по словам П. И. Панина, его покойным братом Никитой Ивановичем Паниным, и собственное отправителя «прибавление о всем том, что мнилось иметь полезным Отечеству нашему фундаментальные права» (Прилож. Шум. С. 2—3).

2. «Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина рассуждение о неперменных государственных законах» (Прилож. Шум. С. 4—13). Данный документ автором биографии Павла I не датирован.

3. «Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти Министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ими рассуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, не прменяемые на все времена никакою властью» (Прилож. Шум. С. 13—20). Документ имеет датировку: «Сочинено в селе Дугине, 1784 года, в месяце сентябре».

По названным тремя документами приложение Шумигорского не завершается. За ними следуют еще три документа:

4. «Письмо к наследнику престола для поднесения при законном вступлении его на престол» (Прилож. Шум. С. 20—22). Письмо не датировано. В нем разъясняется, что это сопроводительная записка к документам № 1 и № 2.

5. «№ 1-й. Формы манифесту, какой рассуждается, не может ли быть угоден к изданию при законном по предопределению Божескому возшествию на престол наследника» (Прилож. Шум. С. 22—32). Документ имеет датировку: «Сочинено в 1784 году».

6. «№ 2-й. Есть либ возможно было при вступлении во власти Божией на Всероссийский престол наследника испросить о пожаловании свое Отечество на первый случай хотя только семью

¹ Шумигорский Е. С. Император Павел I: Жизнь и царствование. СПб., 1907. Приложение. с. 1—35 отдельной пагинации. — Далее ссылки на данный источник даются в тексте сокращенно: Прилож. Шум.

написанными здесь статьями, то об оных сим представляется форма манифесту», и далее при небольшой преамбуле даются упомянутые выше семь статей. Завершается манифест датировкой: «Положен на бумаге генералом графом Паниным в 1784-м году в декабре месяце в Москве» (Прилож. Шум. С. 35).

У найденных Е. С. Шумигорским документов оказалась страшная судьба. Все они вплоть до недавнего времени оставались в небрежении, и лишь один подвергся пристальному изучению исследователей — это широко известное ныне публицистическое произведение, публиковавшееся в разное время под разными названиями. Впервые оно было обнародовано А. И. Герценом в 1861 г. во втором выпуске издания «Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне» под заглавием «О праве государственном Фон-Визина». Публикации было предпослано предисловие Герцена, рассказавшего апокрифическую версию о заговоре против Екатерины II в 1773 г. в пользу Павла I группы влиятельных высокопоставленных лиц во главе с братьями Паниными. Автором версии о заговоре, как выяснилось позже, был племянник Д. И. Фонвизина декабрист М. А. Фонвизин. Легенда М. А. Фонвизина, отразившаяся в его «Записках», была обнародована в 1884 г.²

В советское время Л. Б. Светлов обнаружил еще один список документа, хранившийся в Центральном государственном архиве древних актов.³ Очевидно, это была одна из рукописных копий, опять-таки с копий, принадлежавшей М. А. Фонвизину. Свою находку Л. Б. Светлов опубликовал в книге «Избранные сочинения и письма» Д. И. Фонвизина (М., 1946) под названием «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления». Под тем же названием произведение еще раз увидело свет в 1951 г., в 1-м томе «Русской прозы XVIII века».

В 1954 г. появилось исследование К. В. Пигарева о Д. И. Фонвизине. В нем была предпринята аргументированная попытка отслонить истинное от ложного. К этому глубокому исследованию мы обратимся несколько позже. Пока отметим, что после работы К. В. Пигарева документ публикуется чаще всего под другим названием — «Рассуждение о неперемненных государственных законах».⁴ Нетрудно заметить, что последнее название соответствует заглавию опубликованного Е. С. Шумигорским документа, идущего непосредственно после первого письма П. И. Панина.

К. В. Пигарев, справедливо критикуя своих предшественников, заметил: «Рассуждение Фонвизина» обычно изучается в отрыве от сопровождающих его документов. Между тем последние

² Русская старина. 1884. № 4. С. 60—63.

³ ЦГАДА, разр. А. I, д. 17.

⁴ См.: *Фонвизин Д. И.* Избранное: Стихотворения; Комедии; Сатирическая проза и публицистика; Автобиографическая проза; Письма / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю. В. Стенника. М., 1983. С. 231—242.

существенно важны для уяснения его содержания». ⁵ Однако сам исследователь основное внимание сосредоточил все-таки на «Рассуждении о непременных государственных законах». Поскольку наблюдения К. В. Пигарева и поныне являются последним словом науки, обратимся к основным положениям исследователя.

Назвав «Рассуждение» «чрезвычайно любопытным политическим документом» (с. 134), Пигарев относит время его создания «к концу 1782—началу 1783 г.» (там же). Такая датировка базируется, по мнению исследователя, на том, что оно «написано в последний год жизни Н. И. Панина, то есть в 1782—1783 гг.» (с. 136). Далее ход рассуждений К. В. Пигарева таков: «По свидетельству Н. И. Панина (имеется в виду сопроводительное письмо П. И. Панина, опубликованное Е. С. Шумигорским на первом месте. — *Г. Л.*), его брат считал „долгом своим примыслить <...> форму государственного правления и фундаментальные законы, свойственные существительному положению и правам обитателей отечества своего“. В самом „Рассуждении“ содержится намек на то, что оно, действительно, мыслилось как своего рода „введение“ к проекту государственных преобразований: „При таковом соображении, каковы могут быть первые фундаментальные законы, прилагается при сем особенное начертание“. Тут же, на полях, рукою Н. И. Панина помечено, что смерть помешала его брату составить это „начертание“. Сохранившееся „Рассуждение“ является, таким образом, лишь первой частью предприятия им труда и писано Фонвизиним по указаниям Н. И. Панина» (с. 136).

Попытался проследить Пигарев и судьбу панинско-фонвизинских документов. Отмечая, что время вручения бумаг Павлу «неизвестно», исследователь пишет: «По-видимому, после смерти Н. И. Панина (1789 г. — *Г. Л.*) пакет с „Рассуждением“ и приложенными к нему дополнениями попал снова в руки Фонвизина. Имеются сведения, что этот пакет был дан им на хранение жене петербургского губернского прокурора Музыревской, которая должна была своевременно передать его „императору“ Павлу, — следовательно, после вступления Павла на престол. Поручение было выполнено, за что Музыревской была „пожалована пенсия“». ⁶ В 1831 г. Николай I нашел эти бумаги в секретном ящике бюро своего отца и передал в Государственный архив в запечатанном конверте с надписью: «Хранить не распечатывая без собственноручного высочайшего повеления» (с. 136). Коснулся Пигарев и содержания других документов. Отметив, что «письмо Н. Панина к Павлу проникнуто верноподданической тенденцией» (с. 137), исследователь остановился на характеристике «Прибавления к рассуждению, оставшемуся после смерти министра

⁵ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 137. — Далее при ссылках на эту работу страницы указываются в тексте.

⁶ Здесь у К. В. Пигарева имеется ссылка на кн.: Общественные движения в России в первую половину XIX века / Сост. В. И. Семеvский, В. Богучарский и П. Е. Щеголев. СПб., 1905. Т. 1. С. 8.

графа Панина, сочиненного генералом графом Паниным, о чем между ними разсуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, непременимые на все времена никакой властью» (см. Прилож. Шум. С. 13—20). Анализ этого документа привел Пигарева к следующему выводу: «Характерно, что взгляд Паниных на Екатерину как на узурпатора власти, которая должна бы принадлежать Павлу, заставляет их относить к первоочередным и важнейшим „фундаментальным“ законам установление единого права престолонаследия, с предпочтением „мужской персоны и колена пред женской“, и узаконение возраста вступления на престол и опеки над несовершеннолетним монархом. Прогрессивны по своему смыслу пункты, касающиеся контроля над расходом государственных средств монархом (Панины предлагали выделить из государственного бюджета определенную сумму на содержание членов царствующего дома) и введения гласности судопроизводства для людей всякого звания» (с. 138). Пигарев справедливо замечает, что, судя по документу, «об упразднении крепостного права Панины не думали (там же). «Что касается „формы правления“, — указывает исследователь, — то для наблюдения за избыточностью „фундаментальных законов“ Панины предлагали учредить „главное государственное присутственное место“ < . . . >. Это главное присутственное место должно было подчиняться Министерскому совету» (с. 139). Убедительно суждение Пигарева «о дворянско-сословном характере» составленного П. Паниным «Манифеста будущего императора, возвещающего о введении в России „фундаментальных законов“» (там же).

Из всего комплекса документов исследователь выделяет, как мы сказали выше, «Рассуждение о непременных государственных законах». Назвав его «выдающимся памятником русской политической публицистики XVIII в.» (с. 147), Пигарев особое внимание уделяет проблеме его атрибуции. Для него несомненно, что *написано* произведение Фонвизиним. Аргументы здесь таковы: «То, что оно именно написано им (Фонвизиним. — Г. Л.), а не *записано* (курсив мой. — Г. Л.) под диктовку Н. Панина, подтверждается самим П. Паниным. По его словам, диктовка утомляла Н. Панина, тогда уже больного (он умер 31 марта 1783 г.), и „Рассуждение“ написано Фонвизиним по его указаниям — „из преподаваемых словесно только покойным названий“. В этом убеждает и сравнение данного произведения с документами, принадлежащими перу Н. Панина. Так писать Панин не мог. Но это не значит, что в „Рассуждении“ нельзя найти следов сделанных им словесных „названий“. Однако Фонвизин сумел облечь мысли Панина в яркую литературную форму, благодаря которой это „введение“ к ненаписанному проекту государственных преобразований, достаточно умеренных по своему содержанию, приобретает вполне самостоятельное значение — значение страстного памфлета на екатерининскую империю» (с. 139—140). Понятно особое внимание, уделяемое Пигаревым

«Рассуждению», поскольку «при всей умеренности, ограниченности и противоречивости общественно-политических взглядов писателя, нашедших отражение в этом трактате и не идущих далее абстрактно-просветительских идеалов, „Рассуждение“ сыграло определенную роль в истории русского политического свободного-мыслия» (с. 147).

Несмотря на стройность суждений Пигарева и о «Рассуждении» и о других документах, которые он вполне справедливо рассматривает как единое целое, его трактовка нуждается в некоторых коррективах. Эти уточнения заставляет сделать один из документов, обнаруженный автором настоящей работы в Центральном государственном историческом архиве СССР. Хранится документ в составе папки, озаглавленной: «О бумагах, оставшихся после государственного канцлера князя Кочубея, представленных государю императору, и врученный его величеством князю Кочубею, написанный в 1785-м году проект манифеста на случай возшествия на царство наследника престола».⁷ В папке содержится сам «Проект манифеста» (л. 1—11 отд. пагинации) и сопровождающие его бумаги. И «Проект», и бумаги завернуты в отдельный ненумерованный лист. На этом листе есть текст, из которого явствует, что «Проект манифеста» был обнаружен после смерти канцлера Кочубея в 1834 г. в его архиве.⁸ Составители описи бумаг Кочубея сочли обнаруженный ими «Проект манифеста» настолько важным, что решили доложить о находке Николаю I. Здесь же поясняется, что «Проект» был вручен ранее Кочубею лично императором. Далее следует л. 1, содержащий «Опись делу о бумагах, оставшихся после государственного канцлера князя Кочубея. . .», где под номером 1 значится «. . . докладная записка статс-секретаря Танеева от 27 ноября 1834 г. с представлением тех дел и проекта того манифеста, на которой государь император изволил означить карандашом собственноручно 1-го декабря 1834-го года, в С. Петербурге, следующую <. . .> резолюцию: „Хранить вложенное дело у нас в канцелярии“». На л. 2, об. имеются сведения о том, что именно письмо П. И. Панина «к императору Павлу I-му 1784 года», которое предваряло «Проект», было передано ранее графу Васильчикову. Последний передал его Николаю I. Таким образом, «Опись» разъясняет, почему «Проект» оказался отторгнутым от других документов, опубликованных позднее Е. С. Шумигорским.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 14Б. См. Приложение.

⁸ Князь Виктор Павлович Кочубей (11 ноября 1768—3 июня 1834) с середины 20-х гг. XIX в. был в числе самых приближенных к императору Николаю I лиц. Отдав в молодости дань передовой просветительской идеологии, он в николаевское царствование оказался одним из творцов и самых рьяных апологетов проводимой самодержавием в жизнь реакционной доктрины «православия, самодержавия, народности». Близостью к императору и объясняется передача Кочубею Николаем I столь секретного документа, каким был в начале 30-х гг. XIX в. «Проект манифеста». Сведения о Кочубее см.: Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т. 9. С. 366—382.

Сравнение обнаруженного «Проекта» с публикацией Шумигорского показало, что он соответствует документу «Формы манифесту, какой разсуждается. . .» (Прилож. Шум. С. 22—32). При детальном текстологическом сравнении обоих документов обнаружилось до ста разночтений — от незначительных до весьма существенных. Поскольку автором архивного документа мог быть П. И. Панин, было предпринято сравнение почерков обнаруженного «Проекта» с почерком П. И. Панина. В фондах Центрального государственного архива древних актов было отобрано два хозяйственных распоряжения П. И. Панина, близких по дате написания (один датирован 14 января 1784 г., второй — 19 октября 1783 г.),⁹ оба распоряжения написаны собственноручно П. И. Паниным и снабжены его подписью. Сравнение показало полную идентичность почерков. Таким образом, автором «Проекта» был П. И. Панин. Обнаруженный «Проект» оказался подлинником. В этом убеждает множество признаков: вставки, вымарывания, дописки.

Настораживало одно обстоятельство. Судя по всему, публикация Е. С. Шумигорского имеет более литературно обработанный характер. Таким образом, напрашивался вывод о ее более позднем, вторичном происхождении. Между тем у Шумигорского под документом указано: «Сочинено в 1784 году». Датировка архивной находки иная: «Сочинено в 1785-м году». Предположение о возможной опiske отпадает: архивный документ написан на бумаге, изготовленной в 1784 г. на рольной фабрике Демиды Мещанинова.¹⁰ Как известно, в XVIII в. бумага, прежде чем попасть на рынок, около года отбеливалась. Таким образом, датировка архивного документа 1785 г. не вызывает сомнений.

Чем можно объяснить расхождение дат? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо пристальнее присмотреться к датировке всего комплекса бумаг, опубликованных Е. С. Шумигорским. Прежде всего выясняется, что по датам они распадаются на две группы. В первую входят три документа:

1. Письмо П. И. Панина от 1 октября 1784 г.
2. «Рассуждение о неперемьных государственных законах», не имеющее датировки.
3. Прибавление П. И. Панина о фундаментальных правах, с развернутой датировкой: «Сочинено в селе Дугине, 1784 года, в месяце сентябре».

Вторая группа тоже состоит из трех документов:

1. Записка П. И. Панина, озаглавленная у Шумигорского так: «Письмо к наследнику престола для поднесения при законном вступлении его на престол». Хотя письмо не датировано, но, поскольку оно является сопроводительным к двум другим доку-

⁹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ед. хр. 1077, л. 34, 55.

¹⁰ См.: Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные русские и иностранные произведения XVII — начала XX вв. М., 1978. С. 65, 227.

ментам. дату его написания можно установить по последнему документу данной группы — декабрь 1784 г.

2. Прибавление П. И. Панина, которое для удобства будем впоследствии обозначать кратко «Проект» Шум., чтобы отличать его от архивного «Проекта». У Шумигорского «Проект» Шум. датирован 1784 г.

3. Последний документ (условно назовем его «Форма манифесту») имеет у Шумигорского пространную датировку: «Положен на бумаге генералом графом Паниным в 1784-м году в декабре месяце в Москве».

Теперь вопрос с расхождением дат становится ясным. Объяснение здесь таково. П. И. Панин и, видимо, Д. И. Фонвизин изначально хотели вручить Павлу I первую группу документов. Шло время, удобного случая не находилось. За это время П. И. Панин пришел к выводу, что при вступлении на престол Павлу необходимо будет более обстоятельно обосновать свои права. Так родилась вторая группа документов. Но поскольку последний по статусу документ был датирован во второй группе декабрем 1784 г., пришлось дату предыдущего документа подгонять к «Форме манифесту». Отсюда и возник расплывчатый 1784 г. в документе, который на самом деле был написан в 1785 г. Спрашивается, столь ли существенно это расхождение дат? И зачем понадобилось П. И. Панину, известному своей честностью и неподкупностью, такое прегрешение против истины?

Прежде чем ответить на поставленные вопросы, снова обратимся к датам документов. Обратим внимание, что везде, где под документами имеются даты, указываются, кроме одного случая, и месяцы, а то и числа. Исключение — все тот же «Проект манифеста» (или «Проект» Шум.).

Объяснение выявленной неувязки найти можно, если вспомнить об одном событии, случившемся в 1784 г.

25 июня названного года после тяжелой непродолжительной болезни (как пишется обычно в таких случаях) скончался очередной фаворит императрицы 26-летний Александр Дмитриевич Ланской. Эта смерть настолько потрясла 55-летнюю Екатерину II, что она, забросив все дела, удалилась сначала в Пеллу, а затем в Петергоф. Добровольное затворничество императрицы продолжалось более четырех месяцев. Подобное за все время ее царствования случилось впервые и никогда впоследствии не повторялось.

Какое-то время придворным удавалось скрывать отсутствие у кормила власти императрицы. Однако слухи об этом распространились по Петербургу, а затем докатились и до Москвы. Отсюда, на наш взгляд, и появилась первая дата на одном из комплексов датированных документов — сентябрь 1784 г. — время, когда императрица еще пребывала в меланхолии. Понятна и причина — оппозиция, особенно оппозиция пропавловской ориентации, не могла не воспрянуть духом при столь отрадном известии. К тому же в это время П. И. Панин серьезно болел и даже готовился к смерти.

Возврат императрицы к государственным делам тоже, разумеется, не мгновенно стал достоянием общественности. Но в конце концов и это известие дошло до П. И. Панина, который к тому же оправился от болезни. Пришлось задуматься о возможных последствиях уже совершенного. Оставалась, правда, еще надежда, что добровольное самоотстранение от власти у Екатерины II может повториться. Так появилась вторая группа документов. «Проект манифеста», таким образом, написанный в 1785 г., был сознательно передатирован минувшим годом. Это приближало время создания второй группы документов к первой — разница по времени между ними получалась всего в два месяца. Подобное объяснение выявляет и мотивы создания как первой, так и второй группы документов.

Из двух братьев только Никита Иванович Панин на протяжении многих лет был близок к Павлу. Еще при жизни Елизаветы Петровны он был назначен воспитателем наследника престола (1760 г.) и вплоть до 1781 г. был «своим человеком» при «малом дворе». Но и после 1781 г. Н. И. Панин не порывал связи с наследником — во время заграничной поездки великого князя он переписывался с цесаревичем. Более того, по свидетельству Д. И. Фонвизина, Н. И. Панин и «скончался при дражайшем своем питомце» (т. е. Павле I. — *Г. Л.*).¹¹ Иными словами, отношения Павла и Н. И. Панина, при всей близости, были еще и отношениями почти равных людей, и, таким образом, ссылка на Н. И. Панина служила удобным поводом для вручения документов Павлу. Кроме того, вне всяких сомнений, воспитатель и воспитанник обсуждали вопросы российского законодательства. Указание на работы, ведшиеся по данному поводу покойным Н. И. Паниным, не могло показаться Павлу неожиданным. Был и еще один мотив. Создание документов, особенно первой группы, было достаточно смелым шагом. Императрица была жива, ее реакция на подобный акт могла быть однозначной. Переадресовывая самый антиекатерининский документ «Рассуждение о непременных государственных законах» Н. И. Панину, Д. И. Фонвизин и П. И. Панин в значительной мере отводили от себя возможные репрессивные меры.

Теперь становится ясно, что П. И. Панин в письме Павлу от 1 октября 1784 г. не допустил описки, назвав наследника не «высочеством», а «величеством». И не расчетом на передачу документов в каком-то отдаленном будущем объяснялось обращение: «Ваше императорское величество». Наоборот — П. И. Панин стремился не опоздать, стремился передать документы именно в момент перехода престола к Павлу I.

Представляется, что высказанные выше соображения позволяют поставить вопрос об иной датировке «Рассуждения о непременных государственных законах» или, как его еще называют, «Завещания Панина». Ныне «Рассуждение» датируется либо

¹¹ Фонвизин Д. И. Избранное. С. 229.

1782—1783 гг. (К. В. Пигарев), либо 1781—1783 гг. (Н. Д. Кочеткова).¹² На наш взгляд, данное произведение было написано в период между концом июня и концом сентября 1784 г., т. е. в промежуток времени от смерти А. Д. Ланского (25 июня) до письма П. И. Панина от 1 октября 1784 г.

Можно еще более точно назвать вероятное время создания «Рассуждения». Видимо, Фонвизин написал его все-таки до отъезда из Петербурга за границу, т. е. между 25 июня и 18 июля 1784 г.¹³

Какие дополнительные аргументы можно привести в пользу передатировки? Из письма П. И. Панина известно, что «Рассуждение» было «писано рукою фон-Визина». Сообщает П. И. Панин и другие сведения. Оказывается, «Рассуждение» не только «писано рукою фон-Визина», оно к тому же еще и «черное», т. е. это был якобы черновик. И рука фон-Визина и черновик П. И. Паниным обосновываются: «Покойный брат мой (т. е. Н. И. Панин. — Г. Л.) лишился возможности употреблять собственную свою руку на долгое писание, да и голова его перестала уже выносить долгую тиктатуру. . .» (Прилож. Шум. С. 2).

Дополним приведенные выше аргументы свидетельством самого Д. И. Фонвизина. В «Жизни графа Никиты Ивановича Панина» Фонвизин так характеризует своего начальника: «В делах, требующих обстоятельного рассмотрения, он убегал скоропостижности, что и подавало случай обвинять его в медлительности. Нрав его и действительно удален был от всякой живости и от всякого пылкого движения».¹⁴ Итак, «медлительность», за которой скрывается широкоизвестная неприязнь Н. И. Панина к перу и бумаге. Отсутствие «пылкости» и «живости» — типичные свойства дипломата Н. И. Панина, соразмеряющего каждое свое слово, каждое высказывание с их возможными последствиями. Это с одной стороны. С другой же, — Фонвизин свидетельствует, что «на последних годах его жизни слабость здоровья, соединяясь с его положением, и совсем уклонила его от дел. . .»¹⁵ Иными словами, все обстоятельства говорят за то, что, во-первых, в последние годы жизни Н. И. Панин просто физически не мог заниматься напряженным умственным трудом, а во-вторых, написанное страстно, эмоционально «Рассуждение» по духу своему противоречило дипломатичности и осторожности натуры Н. И. Панина.

Кстати, на резкость критики, страстность обличений в «Рассуждении» обратил внимание советский исследователь Н. Я. Эй-

¹² См.: Кочеткова Н. Д. Фонвизин в Петербурге. Л., 1984. С. 136.

¹³ Из Риги чета Фонвизиных выехала «23 июня нашего стиля, в шесть часов после обеда» (см.: Сочинения Д. И. Фонвизина / Ред. А. И. Введенского. СПб., 1893. С. 366). Из Петербурга же в Ригу Фонвизин выехал «под вечер в воскресенье» (см.: Там же. С. 364). А это воскресенье и приходится на 18 июля 1784 г. (см.: Селешников С. И. История календаря и хронология. М., 1970. С. 201—202).

¹⁴ Фонвизин Д. И. Избранное. С. 228.

¹⁵ Там же.

дельман: «В этом выступлении немало антисамодержавного смысла, порой столь острого, смелого, что средства перехлестывали цель. Обличения деспотизма, тирании, фаворитизма выглядели куда более внушительно, чем аристократические формулы на знамени: ирония, протест, презрение, угрозы, даже ненависть к противнику столь плотны и основательны, что порой нелегко отличить их от обличений, имеющих иное происхождение».¹⁶

Подобная оценка — шаг к признанию «Рассуждения» не только как антиекатерининского памфлета. Это произведение — меткое и страстное разоблачение деспотизма в том смысле, как понимал деспотизм Монтескье. Заметим, что точно так охарактеризовал суть инвективы Фонвизина П. И. Панин, заметивший явно не по поводу своего «Прибавления», а по поводу «Рассуждения», что оно относится к роду сочинений «противу деспотизма» вообще.

К. В. Пигарев обоснованно усматривает в «Прибавлениях» П. И. Панина приверженность к принципу наследственной монархии. Критика Д. И. Фонвизина в «Рассуждении» и характера антиекатерининского самовластия, и деспотизма вообще заставляет прийти к выводу о том, что и он, отвергая установившийся в России по существу принцип личной монархии, склонен видеть определенные преимущества в принципе монархии наследственной. Однако достижения просветительской мысли, которыми вполне владеет Д. И. Фонвизин, заставляют его сделать существенную оговорку: «Кто не знает, что все человеческия общества основаны на взаимных добровольных обязательствах, кои разрушаются так скоро, как их наблюдать перестают. Обязательства между Государем и подданными суть равным образом добровольныя; ибо не было еще на свете нации, которая насильно принудила бы кого стать ей государем; и есть ли она без государя существовать может, а без нее Государь не может, то очевидно, что первобытная власть была в ее руках и что при установлении Государя не о том дело было, чем он нацию пожалует, а какой властью она Его облакает. Возможно ль же, чтоб нация добровольно постановила сама закон, разрешающий государя делать неправосудие безотчетно» (Прилож. Шум. С. 7).

Думается, не только в теоретическом плане Фонвизин пришел к убеждению, что «нация» «без государя существовать может». На наш взгляд, эти строки писались в то время, когда «нация» практически обходилась без монарха.

Характерно, что Фонвизин не употребляет в данном случае общеславянского и исконно русского слова «народ», предпочитая ему восходящее к латинскому слово *нация* (*natio*). Дело в том, что, по сведениям «Словаря вхождений»,¹⁷ слово «нация» вошло в русскую речь двояким путем — оно было заимствовано и прямо

¹⁶ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия: Секретная политическая история России XVIII—XIX вв. и вольная печать. М., 1973. С. 123.

¹⁷ См.: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 132.

из латинского языка, и через польское посредство. С последнего десятилетия XVII в. оно встречается в речи лиц из дипломатических кругов, владевших помимо русского польским или французским языками. Со второго десятилетия XVIII в. слово «нация» укореняется в языке русской дипломатии, администрации, науки, газет, художественной литературы. «Значение, — отмечает «Словарь вхождений», — народ, понимаемый то с точки зрения языковой, этнической (ср.: русская, шведская, французская нации), то с точки зрения принадлежности к какому-либо государству, стране (саксонская нация, московская нация, здешняя нация, фаворизированные нации). Последнее — повод для контекстных смещений в сторону значений: земля, государство, страна».¹⁸ Иными словами, в XVIII в. слово «нация», став полисемантическим, отражает в своей полисемии сословное представление о государствах и странах.

Именно в сословном значении, фиксирующем сложившуюся социальную структуру, и употребляет слово Фонвизин. Он еще находится в плену просветительских иллюзий, поскольку не отвергает в принципе просвещенного абсолютизма, давая развернутую оценку типа «просвещенного государя». Каким он видит такого монарха? «Державшийся правоты и кротости просвещенный государь не поколеблется ни когда в истинном своем величестве; ибо свойство правоты таково, что самое ея ни какие предубеждения, ни дружба, ни склонности, ни самое сострадание поколебать не могут. Сильный и немощный, великий и малый, богатый и убогий, все на одной чреде стоят; — Добрый государь добр для всех, и все уважения его относятся не к частным выгодам, но к общей пользе» (Прилож. Шум. С. 8). Казалось бы, опять у Фонвизина возврат к еще в Петровское время выдвинутому тезису об «общей пользе»; снова возобновляемое требование к монарху быть образцом «чистой нравственности»; указание на необходимость честной службы государству, охраняемому вечными, «непременяемыми законами». Однако историческая дистанция позволяет автору «Рассуждения» увидеть противоречия в представлявшихся прежде столь строгими и незыблемыми понятиях. «Узаконение быть добрыми не подходит ни под какую главу Устава о благочинии. Тщетно было бы вырезывать Его на досках и ставить в Управах; буде не врезано оно в сердце, то все Управы будут плохо управляться. Чтоб устроить правы, нет нужды ни в каких пышных и торжественных обрядах» (Прилож. Шум. С. 12).

Как видим, для Фонвизина панацея от всех злоупотреблений и невзгод — «добрые правы». Нетрудно заметить, что идеи Фонвизина движутся теперь уже в явно наметившемся замкнутом кругу идеологии Просвещения. Так явственно намечается в России начало кризиса идей Просвещения. Ибо, с одной стороны, в это время происходит всплеск критики и отрицания действительности при стремлении сторонников Просвещения не ломать ради-

¹⁸ Там же.

кально сложившуюся структуру государства, а добиваться гармонии путем исправления нравов. С другой же стороны, явно девальвируется положительная часть программы просветителей. Это относится в первую очередь к теории «просвещенного абсолютизма».

ПРИЛОЖЕНИЕ

**№ 1-й. Формы манифесту, какой разсуждаются,
не может ли быть угоденъ к изданію
при законномъ по предопредѣленію Божескому возшествіи
на Престоль Наследника**

По обыкновенномъ титуле.

Призирающее всегда на Отечество Наше, а особливо при опасныхъ случаяхъ, милосердіе Всевышняго Творца соизволило Насъ какъ единой остатокъ уже крови, предъ определенный Святымъ Промысломъ Его ко обладанію Всероссійскаго Престола, возрастить со младенчества безъотлучно въ недрахъ нашего Отечества, сохранивъ чудесно отъ разныхъ бедственныхъ угрозъ, угодно стало Святой Его воле возвести Насъ на Прародительской Престоль, руководствуясь и к сему, что Мы, поелику созрѣвали в возрастѣ, потолику входило в Наше примечаніе и вниманіе все то, что отъ Царствованія незабвенной никогда памяти Покойного Прародителя Нашего Государя Петра Великаго, вовлечено зловреднаго во Отечество Наше, какими соблазнами и чьими похитительными алчностью отъ захватившихъ доверенности Государей своихъ возлоупотребительное самовластіе, и что оныя зловредности окоренились въ государствѣ до той степени, что большую часть сыновъ Россійскихъ совратили съ кореннаго Россіяновъ праводущія, прежде утвержденнаго на страхе Божескихъ естественныхъ и гражданскихъ законовъ, а развращеніемъ общаго благонравія снизвергли всю святость законовъ частию въ неисполнительное ослабленіе, а частию въ совершенное поправленіе, предпочитая законамъ при всякихъ случаяхъ собственную каждаго корысть и домогательство до возвышенія въ чины недейтельными заслугами Отечеству и Государю, а ухищренными происками и угожденіями страстямъ и требованіямъ захватившихъ силу въ свое злоупотребленіе.

Мы взирая на все оное съ содраганіемъ сердца, но съ великодушною терпеливостію, соблюдали во всей неприкосновенности Заповѣди Божіи, законы естественные и гражданскіе и не позволяли Себѣ по тогдашнему Нашему природе и законами обязательству ничего, кроме единственнаго раздѣленія наичувствительнѣйшаго прискорбія со всеми теми усерднѣйшими и вернейшими детьми Отечества, которые съ похвальною твердостію душъ непопускали

прикасаться къ себе никаких соблазновъ на государственное уязвление но пребывая в безмолвии, не могли скрывать отъ Насъ оныхъ душевныхъ своихъ страданий.

Въ такомъ для Насъ тяжкомъ, но неизбежномъ положеніи, возносили Мы единственно ко Христу Спасителю благодарныя молитвы за сохраненіе милосерднымъ Его промысломъ Отечества и Насъ Самихъ при таковыхъ развращеніяхъ, обязываясь притомъ Нашими обетами, естли будетъ Святой Его воле угодно довести до Нашего обладанія Всероссійскую Имперію, то да будетъ Нашимъ первымъ деяніемъ и непрерывнымъ попеченіемъ истребить изъ Отечества Нашего внедрившія въ него все государственныя зловерности и развращеніе въ благонравіи, противныя закономъ Божественнымъ, естественнымъ и гражданскимъ, возстановляя и утверждая безъ всякаго лицепріятія всю силу законовъ и правоту естественную и гражданскую.

Достигнувши ныне до совершенія надъ Нами милосердой воли Всевышняго Творца вручением Намъ Прародительскаго Престола, принимаемъ теперь первую Нашею должностію произвести деятельно сделанные Нами предъ Творцомъ вселенной обеты; но нетъ отнюдь ни расположения сердца, ни намеренія въ Насъ, что бъ симъ исполненіемъ и однимъ изъ подданныхъ Нашихъ и при всей справедливости могъ бы внезапно подведенъ подъ строгость законовъ безъ предварительнаго Нашего обще всехъ чрезъ сие увещанія и преподанія времени на исправленіе себя и на признаніе всякому вовлеченному въ соблазны, противныя всемъ законамъ, истинной добродетели и правоте.

Приступая исполнять столь важный Нашъ предъ Творцомъ вселенной обетъ и призывая на помощь Всемогущую Его Десницу, восхотели Мы первоначально следующими подъ симъ пунктами во всенародно какъ объявить, изъ какихъ неперемѣнныхъ преположенiяхъ утвердились Мы обладать Богомъ врученною Намъ Имперiею и взыскивать неупустительно по законамъ исправления предписанныхъ каждому должностей и безпорочности въ истинномъ благонравii, такъ и увещевать о признании чистосердечномъ въ совѣстяхъ каждому и о исправлении себя безъ упущения времени во всемъ томъ, въ чемъ найдетъ кто себя обличеннымъ противу пунктовъ здѣсь изображенныхъ, на которое исправление и даемъ Мы времени « » месяцевъ отъ публикованiя сего въ каждомъ мѣстѣ, по минованii которыхъ будутъ уже во всей своей силѣ и неперемѣнности действовать Божескiе и государственныя законы надъ всеми обличающими въ государственныхъ зловерностяхъ и въ развращенii общаго благонравiя, утвержденного заповѣдями господними и законами гражданскими.

П у н к т ы

1

Монаршая Наша Самодержавная воля и узаконение есть и всегда будетъ, дабы во всей Російской Имперіи любезнаго Отечества, каждой житель и никто вообще не дерзали отнюдь обнаруживаться не только деяніями, ниже и соблазнами противу заповѣдей Господнихъ, и противу догматовъ Господствующей и Нами исповѣдуемой Греческой Православной веры, и чтобъ все обитатели Російскіе содержали веры свои и исполняли по законамъ каждой во всей принадлежащей имъ святости, поступая и исполняя во всемъ должности и обязательства свои со страхомъ Божиимъ, съ безмолственнымъ повиновениемъ къ Его Святому Промыслу, съ любовью ко Отечеству, къ Государю и къ ближнему по гражданскимъ законамъ и по всей гражданской и естественной правоте.

2

Какъ гражданскія узаконенія не имѣютъ конечно отъ своихъ законодателей ни какихъ отнюдь другихъ основаній и намереній, кроме гражданской и естественной правоты, утвержденныхъ единственно для истинныхъ вообще жизни, безопасности, верности, предохраненія и пользы каждому лицу и всемъ вообще, то и повелеваемъ Мы: во отправленіи всякихъ дѣлъ и въ преподаваніи суда и расправы по присутственнымъ мѣстамъ и при всякихъ чиноначальствахъ, въ случаяхъ иногда противуречныхъ указовъ и решительныхъ примерныхъ опредѣленій, хотябъ и Именныхъ, брать всегда къ решеніямъ своимъ, но безпристрастно, точность правоты гражданской, тоестъ особое узаконеніе какъ въ гражданствѣ, такъ и въ войскѣ, изданное не на одно отдѣленное лицо, но на всехъ вообще; а если на что и онаго въ законѣ не найдется, то брать къ решеніямъ во основаніе единую, самую чистую, естественную истину, которая уже есть и всегда будетъ всемъ законамъ неперменное и точное преположеніе.

3

Объявля Мы здѣсь Нашу Монаршую волю и неперменное преположеніе о Царствованіи Нашемъ, подтверждаемъ благовременно всемъ и каждому любезнымъ сынамъ Нашею Отечества, осмотрясь въ совѣстяхъ чистосердечно, если кто найдетъ самъ себя въ чемъ обличеннымъ, тому раскаясь, да и всемъ вообще, запретить себѣ навсегда попускаться впередъ погрѣшать или развращать противу Нашей воли, предписанной здѣсь какъ въ первоначальныхъ, такъ во всехъ последующихъ пунктахъ.

Да сохраняется во всехъ случаяхъ по самому чистосердечию и праводушию подданическая верность къ Государю и ко Отечеству, съ неприкосновенностию ни подъ какими видами для собственныхъ корыстей и гнуснаго тщеславия къ расхищению государства, и ко введению примерами и развращениями зловердныхъ соблазновъ, противныхъ истиннамъ, добродетели, праводушию, благонравию и мере собственнымъ прожиткамъ противугодовыхъ доходовъ каждаго, ибо предъ Нашими глазами разточившие собственные имения и ввергшійся в раззорительные долги, лишаетъ сам себя полной государственной доверенности и повергается въ большое сомнение на корыстныя искушения.

Какъ истинная целостъ славы Государевой, безвредная навсегда прочность Отечества и безопасность состояния каждаго, утверждается и сохраняется особливо на томъ, чтобъ все вступающие и избираемые лица въ государственное служение употребляли ревности свои съ чистосердечиемъ и безкорыстиемъ возвышаться въ чины деятельными трудами и заслугами, желая отличивать одинъ другою трудами и способностями, въ раденияхъ къ истинной славе Государя и Отечества, и отвращая всеми образами подлыхъ подслугъ въ личныя угодности для происковъ себе мести и чиновъ, куплею и предательствами ласкательствами съ пожертвованіемъ и собственного благороднаго любочестія.

То, во утверждение сего, Мы здесь Императорскимъ словомъ объявляемъ и обещаемъ, что къ Нашему благоволенію и къ справедливымъ воздаяніямъ будутъ угодны только те достойныя дети и слуги Имперіи, которые будутъ отправлять государственное служение по установленнымъ каждому званию дорогамъ безъ пронырствъ и подлыхъ домогательствъ въ чины и къ местамъ тунедскимъ, неприличнымъ каждому по своей породе, все же пронырщики въ службѣ государственной и празднолюбцы въ разумении Нашемъ суть уничиженны и недостойны справедливыхъ въ чины возвышеній и Монаршихъ награждений потому, что чины установлены для награждения трудовъ и заслугъ, а не ради испорченія службы и нераденія къ трудамъ.

Весь благоразумной светъ, да и Мы Сами признаемъ корпусъ благороднаго дворянства первымъ членомъ государства, подпокою и обороною Государя и Отечества отъ неприятелей внешнихъ и отъ случающихся внутреннихъ злодеевъ, а оборона Отечеству

надежнейшая утверждается военною службою, по государственнымъ же законамъ дворянство рождается къ приобретению себе наследства землями и подданными, а насупротивъ того прочихъ подданныхъ государству жребий приобретать и первоначальное себе пропитание трудами разныхъ промысловъ и работою собственныхъ рукъ, то и неоспоримо по всей справедливости корпусу дворянскому, по обязательству къ Государямъ и Отечеству за всегдашнее сохранение въ целости дворянскаго права и наследствамъ своимъ, принадлежитъ въ особенности и предпочтительнее всемъ прочимъ служение въ войске, обороняющемъ и ихъ собственное имяне.

8

По сей непреложной истинне, принятой во всемъ разумномъ свете, полагаемъ мы твердую надежду, и требуемъ, чтобы впередъ при воспитании всего дворянскаго въ Империи Нашей юношества, какъ въ собственныхъ домахъ, такъ и во всехъ государственныхъ училищахъ, прилагалось лучше прежняго старание вкоренять въ самые еще нежныя сердца дворянства главнымъ любочестие къ истинной военной славе, то есть приобретаемой деятельною службою, а не чинами только, къ мужеству и къ храбрости, каковыми препохвальными качествами сыны Российскаго дворянства издревле и по сие время знаменитейше прославлялись, и употребляли безъ малейшей утомленности въ военное служение все лета лучшей молодости и всю крепость здоровья своего, старясь всеми силами превосходить въ ономъ одинъ другаго и гнушаясь совершенно похищать и входить в те гражданския службы, которыя отнюдь не свойственны не обороне, ниже и правлению государственныхъ делъ, а оставляются для государственныхъ прочихъ разночинцовъ.!

9

Съ того времени, какъ Российское дворянство получило по единому милосердию своего Монарха, драгоценнейший всему своему корпусу даръ вольности со всею свободою вступать и не вступать въ службу Государя и Отечества, выходить и возвращаться въ оную по выгодамъ единственно собственно каждому и сколько можетъ обязывать къ оному всякаго усердие, можно было понадеяться, что влияние въ чувства благородныхъ сердець справедливаго къ тому признания обяжетъ дворянство продолжать изъ особенной благодарности службу Государямъ и Отечеству ревнительней и неутомленней еще и предковъ своихъ; но кто изъ правомыслящихъ сыновъ Отечества не видитъ съ душевною прискорбною, что большая часть молодого дворянства покидаютъ службу въ самыхъ лучшихъ летахъ молодости и здоровья своего, а къ сугубой неблагодарности противу Отечества, и самые те, которые милосердымъ Монаршимъ попечениемъ отъ самага младенчества на коронномъ иждивении возвращены, обучены и офицерскими чинами награждены, да и те еще, кои не выходя почти

изъ домовъ семей своихъ пожалованы офицерами-же, выходятъ изъ службы, да и семьи ихъ къ себе принимаютъ безъ малаго зазора о томъ, что они ни малейшей заслуги Отечеству своему не сделали за толикие полученные отъ него себе милости.

10

Какъ представляется быть оному главною причиною первоначальное обрадованное движение къ воспользованию приобретенною вольностию, то Мы и надеемся, что по миновании уже первой запальчивости ко оной, все дворянство Российское перестанетъ не чувствовать обязательства своего къ службе Государей и Отечества, оберегающей и ихъ собственную во всемъ целость и обратитъ свою ревность еще сугубей прежняго изъ новой благодарности за полученный даръ вольности и за воспитание весьма многихъ дворянскихъ детей почти отъ самого младенчества на иждивении Государственномъ, особливо есть ли въ семьяхъ и училищахъ станутъ при воспитании дворянскаго юношества предпочтительно многому прочему вкоренять в нежныя сердца любочестие къ истинной военной славе, къ мужеству и къ храбрости на подражание предковъ ихъ, прославляющихся сими препохвальными качествами издревле и до сего времени, и которыя превосходили одинъ другаго всею ревностию въ томъ, чтобъ лучшую свою молодость и здоровье употреблять въ военной службе, и покрытыми ранами никакъ ею не утомляться, а стыдиться до крайности похищать происками и вступать въ те государственныя службы, которыя не составляютъ ни обороны Отечества, ни государственнаго правления, следовательно и не свойственна совсемъ благородному дворянскому.

11

Не можемъ Мы проминовать и сего вкравшегося злоупотребления, что молодые люди, не отделенные еще отъ семей своихъ и не приобретши никакого себе собственного пропитания, покидая службы безъ позволения ни родителей, ни старшихъ имъ своихъ родственниковъ, возвращаются въ семьи свои на пропитание ко умножению въ оныхъ собственного отъ крайней бедности претерпения, но такихъ своевольствъ противу родителей, противу семей и противу старшихъ родственниковъ своихъ, не дозволяютъ отнюдь ни обязанность по крови, ни Божеские, ни Гражданские законы, да и Мы не только сие святое узаконение не отрешаемъ, но еще и возобновляемъ во всю его законную силу, съ темъ объяснениемъ, что изъ получающихъ пропитание свое изъ единого жалованья, повинны изъ службы не выступать на чужой хлебъ, не приобретши собственно своего безъ благословения родителей.

Всякой правомыслящий человекъ не можетъ съ Нами не согласиться, что между худомыслящими Российскими сынами вкоренилась еще и сия зловредность, что дети, не вошедшие еще в указанный возрастъ, а хотя и вошедшие, но не отделенные отъ семей, или состоящие подъ опекунствами мужеска и женска пола, да къ пущему посрамлению и жены, живущія съ мужьями, скрытно отъ семейства и отъ начальства надъ собою, забираютъ деньги и забираютъ товары на вексели и на щеты, а купечество, промышленяющее беззаконными ухищрениями, даетъ на таковыя векселя имена свои изъ грабительныхъ процентовъ, либо для собственнаго воскорыствования, либо ради техъ, кто злоумышляетъ на переписываніе такихъ векселей и щетовъ изъ года в годъ до техъ поръ, пока умереть тотъ, изъ чьего имения наследуетъ такой векселедавецъ, следовательно весь въ томъ корыстной и проддержно-стой умыселъ, можно сказать проклятой, основывается на желаніяхъ скорейшей смерти темъ, после кого имеетъ наследство принять, и тому, отъ кого получены беззаконныя вексели и щеты, то Мы и объявляемъ, что оная окоренившаяся въ государстве Нашемъ беззаконнейшая зловредность, предъ справедливостію Нашею есть въ существе и формѣ самое воровство и измена прітиву кровныхъ, надъ которыми при обличеніяхъ и будутъ действовать во всей строгости предписанныхъ законовъ за воровство и обманы.

Не могло же скрыться отъ Нашего примечанія, что не только разночинцы, но и знатное и многое дворянство, предавшись въ необузданныя и безпредельныя роскоши, сделались безчеловечными игроками, ищущими въ игрѣ не забавъ, но убивственнаго раззоренія, и не между собою только, но проискывая невиннейшую молодость, поставляли игры коммерческимъ промысломъ, а подобно тому и многое Российское купечество, отступая совсѣмъ отъ праводущія предковъ своихъ, следующихъ во всемъ страху Божию, позволило себѣ давать обыгранной молодости на вексели въ число денегъ товары за безсовѣстнейшія цены и проценты, подсылая въ то же время къ нимъ изъ сообщниковъ своихъ те-же самыя товары обращать къ себѣ за меньшія еще цены, да и при всякихъ купеческихъ торгахъ и промыслахъ попускаются возвышать цены не только на прихотныя вещи, но и на самое пропитаніе, до такой неумеренности, что бедныхъ людей, не возможныхъ оныя платить, повергаютъ умирать съ голоду, а въ мерахъ и весахъ употребляютъ всякія наихищреннейшія обманы, того ради не оставляемъ Мы объявить во всенародно, что въ играхъ, въ торгахъ, въ промыслахъ, въ договорахъ и во всемъ прочемъ безъ изыятія, всякія обманы и отступленія отъ праводущія почитаемъ Мы сущимъ воровствомъ, подлежащимъ неупуститель-

тому наказанию, предписанному законами за воровство и обманы, съ присовокуплениемъ совершеннаго омерзения и изгнания изъ честныхъ сообществъ всякаго обличеннаго въ ономъ.

14

Всякой праводушной сынъ Отечества не можетъ не согласиться съ Нами, что вкоренившимся въ Россію зловердностямъ изображеннымъ здесь суть главные причины: 1-я, выступленіе почти всеобщее прожитками безпредельными изъ всей меры благословенныхъ каждому доходовъ; 2-я, произшедшая изъ того алчность къ безпредельнымъ обогащеніямъ на роскошныя жизни и ко извлеченіямъ себя изъ нажившихъ роскошью пагубныхъ долговъ, перво встречающимися всякими способами по представляющимся соблазнамъ въ расхищеніяхъ государственной казны, въ мздоимствахъ съ народа и со всехъ безъ исключенія, до кого только кому доходить ухищреніями удается: а какъ однимъ и другимъ изъ сихъ государственныхъ уязвленій угрожается Отечество Наше бедственными следствіями, то Мы по расточительной роскоши увещеваемъ каждому впавшему возвратиться конечно прожитками своими въ меру только годовыхъ своихъ доходовъ всею не предкновенною верою, что Мы будемъ имѣть доверенности къ государственнымъ употребленіямъ гораздо предпочтительнейшему, кто по умереннымъ прожиткамъ есть добрые хозяевы въ своихъ домахъ, добрые мужья къ женамъ, добрые отцы къ детямъ и добрые господа къ своимъ слугамъ, передъ теми, кто не выдутъ и будутъ еще погружаться въ долги выше своихъ доходовъ.

15

Кто не видитъ и прискорбность не ощущаетъ, что мздоимство распространено въ любезномъ и благомъ Нашемъ Отечестве до такой степени, что оно угрожаетъ ему крайнимъ бедствіемъ, а невинный Нашъ народъ не выходитъ почти отъ онаго изъ горчайшихъ слезъ, ибо все мздоимство, съ кого бы оно ни было, падаетъ напоследокъ на невинныхъ и всегда потомъ омывающихся хлебопашцевъ и промышленниковъ, доставляющихъ всемъ вообще прокормленіе, то Мы и почли необходимымъ объявить въ особенности Наше Монаршее заключеніе и последующее здесь повеленіе на мздоимство.

Сколько до насъ доходить могло то о лихоимстве, окоренились между мздоимцами два раздѣленія: одно подъ названіемъ подарки за праведные по деламъ труды, а другое уже лихоимство: но предъ Нашими глазами и въ Нашемъ Монаршемъ заключеніи все то безъ изыятія, что берется отъ другаго волоченіемъ его дела, всякими разными другими притяжками и притесненіями, равнымъ образомъ угроженіями и обещаніями отъ сильнаго къ безсильному, сдѣланная какъ въ деле неправда, такъ произвожденіе въ чинъ и перемещенія отъ места къ месту, соделанные же къ убытку

казне всякаго рода подряды и казенныя покупки, суть во всемъ существе и формѣ государственныя воровствы и грабительство, а емлемое при наборахъ рекрутскихъ, при всякихъ государственныхъ поборахъ, работахъ и нарядахъ, сверхъ воровства суть еще государственныя уязвленія, подлежащія все оныя злодеянія непременно наказанію по предписаннымъ законамъ на государственныя воровствы и уязвленія по мере соделаннаго каждымъ чрезъ то государству зла, но безщаднаго всегда возвращенія всего пограбленнаго назадъ тому, кому что прежде принадлежало, сего ради Монаршая справедливость и востребовала повелѣть Намъ чрезъ сие въ особенности, дабы каждый обличающійся совестию своею воспретилъ себе совершенно дерзать впередъ поступать на таковыя зловредныя и уязвительныя Отечеству своему и Государству лихоимства и раскаясь чистосердечно въ соделанномъ, всякой бы доставилъ письмами въ собственныя Наши руки покаяніе, отдавая оныя письма въ ближнихъ городахъ почтмейстерамъ, съ показаніемъ въ нихъ, кто съ кого за какое именно дело или за что именно жъ прочее кому самолично или чрезъ кого именно взялъ или далъ, а Мы Императорскимъ словомъ обещаемъ чрезъ сие, что кто принесетъ Намъ таковыя повиновения, то не только не отданы будутъ къ наказаніямъ, ниже и никому отъ Насъ объявлены они не будутъ, да и по постороннимъ иногда въ ономъ обличеніямъ останутся безъ указаго наказанія; но ежели кто останется ожесточеннымъ въ своемъ сердце безъ принесенія Намъ покаянія, надъ таковыми подлежащія указы конечно воздѣйствуютъ во всей ихъ безпощадной строгости и силѣ, да и те самыя, кои хотя брали лихоимства не для себя, а ради господъ, или другихъ какихъ лицъ, и не принесутъ къ Намъ означеннаго покаянія, будутъ же безъ всякаго помилованія подвержены подъ всю строгость законовъ.]

16

Нельзя не почестъ большимъ же государственнымъ поврежденіемъ въ общемъ благоустройствѣ и оскорбленіемъ въ службѣ вошедшій сей соблазнъ, что почти все, не только дворянство да и имущіе разночинцы проискамы или куплею вводятъ детей своихъ въ службу почти со младенчества, проискивая имъ чины еще до возраста и сержантскіе, а потомъ отпуская въ полки для единственнаго вмещенія въ старшинство списковъ и къ приписанію жъ въ ординарцы къ штабъ-офицерамъ съ домогательствомъ обратнаго отпуска къ семьямъ своимъ на погруженіе въ праздную жизнь и на ожиданіе старшинства ко вступленію въ офицеры, со всемъ незнающими офицерскаго званія, и обленившимися и къ малымъ трудамъ: то кто же изъ усердныхъ Россіянь не видитъ со оскорбленіемъ, что такіе къ службѣ пронырствы доставляютъ Отечеству не заслуги, но похищеніе чиновъ и оскорбленіе какъ усердно служившихъ, такъ и самому корпусу дворянскому, потому, что ревнительно заслуживающіе чины обижаются похище-

ниемъ принадлежащихъ имъ чиновъ и изгоняются сами изъ службы повержениемъ ихъ въ подчиненство ребятамъ и незнающимъ совсемъ должностей звания ихъ, и весь корпусъ дворянскій обижается темъ, что объявленнымъ образомъ достигающие въ ребячьихъ летахъ въ офицерскіе чины и разночинскія дети вступаютъ въ право дворянское, которое принадлежитъ единственной породѣ дворянской и оказавшимъ Отечеству многіе заслуги почетнымъ разночинцамъ, а не пронырщикамъ, да и самыя дворянскіе дети вступлениемъ ребятами въ офицеры безъ всякаго наученія ихъ должностей, обижаются симъ, что офицеры не следуютъ уже къ наученію должностей своихъ чиновъ, но принадлежать ко взысканію исправнаго во оныхъ совсемъ знания, то получившіе пронырствомъ юноши офицерскіе чины, при самомъ семъ не строгомъ взысканіи за незнаніе своихъ должностей, тотчасъ службу по праву дворянской вольности покидаютъ и погружаясь потомъ въ пущую праздность, лень и во всю силу пороковъ, свойственныхъ молодымъ людямъ, а темъ причиняютъ какъ потерю себя самихъ, такъ и разоряютъ Отечественную службу, по такой же справедливости Мы надеемся и повелеваемъ чтобъ впередъ пресечься такими пронырствами къ похищенію чиновъ не возрастнымъ детямъ, да и нужды въ томъ никакой не будетъ, потому, что менѣе двадцати лѣтъ никто въ службу приниматься изъ такихъ не будутъ, особливо дворянство, которые воспитываются въ своихъ ли семьяхъ, или въ учрежденныхъ корпусахъ, въ училищахъ и университетѣ, въ наукахъ полезныхъ и способствующихъ службѣ Нашей; но по мере наученія онымъ, имеютъ таковыя приниматься прямо въ офицерскіе субалтерскіе чины, для того здѣсь и объявляемъ Мы, какия именно науки предпочтительней другимъ будутъ руководствовать юношеству вступать въ войско въ офицерскіе субалтерскіе чины прямо.

17

Поставляемъ Мы науки, пособствующіе государственному служенію, следующие на Россійскомъ языкѣ: 1-е, Читать и писать по правиламъ Грамматики Катехизисъ, четыре части Арифметики, военныя экзерциціи, пешей и кавалерійской какъ показанію темповъ, такъ и командующихъ словъ и построенію фронтовъ по изданнымъ о томъ предписаніямъ; 2-е, Геометріи, Фортификаціи съ полевыми укреплениями и съ практическими показаніями; 3-е, Гисторія и Географія послѣдняго века, съ предпочтеніемъ о собственномъ Отечествѣ и прилежащихъ къ нему границами постороннихъ державъ; 4-е, Разсуждать и мыслить по правиламъ Логики, на бумагѣ мысли располагать и говорить по правиламъ Риторики. Всемъ же симъ наукамъ, разделеннымъ на четыре части, почитающимся Нами способственными къ служенію Имперіи и руководствующими къ полученію при вступленіи возрастнаго уже Юношества въ военную службу прямо Офицерскихъ Субалтерскихъ чиновъ, нѣтъ отъ нынѣ уже отговорки, чтобъ нельзя

имъ научиться на собственномъ языке, есть-ли только будутъ радеть способствоватьъ сверхъ заведенныхъ государственныхъ училищныхъ корпусовъ, публичныхъ школъ, университета, гимназей и самыхъ семинарій, не только отдавая детей своихъ въ оныхъ заведения, но приговаривая изъ нихъ для подавания уроковъ способныхъ учителей, а для военныхъ наукъ свободныхъ оберъ и унтеръ офицеровъ; Мы же таковымъ съ военными науки свободнымъ не только офицерамъ да и генераламъ благодетельствовать во ономъ юношестве собственного Отечества не только дозволяемъ къ Нашему собственному благоволенію, да и обещаемъ таковымъ смотря по успехамъ учениковъ и Наше покровительство и поощрение.

18

Науки чужестраннымъ языкамъ, вышней математики и всемъ прочимъ вышнимъ познаниямъ, приемлемъ Мы во особенное же Наше покровительство, и упражняющихся въ оныхъ весьма нетолько похваляемъ, да и успевающихъ съ превосходствомъ, неоставимъ конечно отличать Монаршимъ благоволеніемъ и поощрениями; но какъ сии науки больше украшаютъ самихъ себя и возвышаютъ славу сколько государственную, столько же и собственную, а способностями своими руководствуютъ на приуготовление каждому себя къ службе внешнего и внутреннего Министерства и на председательства при делахъ государственнаго управления, то и нельзя никакъ великому числу Дворянства настоль малое число въ Государстве оныхъ мѣстъ помещаться, почему и приличныя научения чужестраннымъ языкамъ и путешествіи по чужимъ государствамъ единственно темъ домамъ, которые въ состояніи выносить потребные на то не малые издержки безъ всякаго въ капиталахъ своихъ разорения, а отнюдь не съ причиненіемъ юношеству такихъ долговъ на самое вступленіе еще только ихъ в службу, которыхъ тягость будетъ ихъ обремененіемъ своимъ принуждать не о службе радеть, но какъ всеми и не позволенными хотя уже способами только извлечь себя изъ долговъ.

Сочинено въ 1785-мъ году.

С. Р. ДОЛГОВА. К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

РАБОТА Н. А. ЛЬВОВА ПО ПОДГОТОВКЕ
ВТОРОГО ИЗДАНИЯ ПЕРЕВОДОВ ИЗ АНАКРЕОНА

«Стихотворение Анакреона Тийского» в переводе Н. А. Львова, напечатанное в 1794 г. в Петербурге, в корпусе чужестранных единовѣрцев,¹ остается до сих пор фактически неисследованным,

¹ Стихотворение Анакреона Тийского. СПб., 1794. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы. При цитации предисловия и

хотя является крупнейшей работой подобного рода. По объему, по глубине теоретического осмысления задач переводчика и писателя, по количеству использованных научных трудов, по обширности и разнообразию комментариев, которые также заслуживают тщательного изучения, книга, подготовленная Н. А. Львовым, превосходит аналогичные издания П. Е. Струйского (1788), И. В. Виноградова (1792), Н. Ф. Эмина (1795), И. И. Мартынова (1802) и др.

К сожалению, исследователи конца XIX—первой половины XX в. уделяли недостаточное внимание переводу Н. А. Львова.² Положение не изменилось и в дальнейшем. Например, в работе К. Л. Дрейджа,³ появившейся в 1962 году, весь разбор занимает менее страницы, при этом с позиций современных требований переводчику сделаны упреки за неточность и неудачные добавления (weak additions).

Г. Н. Ионин, неоднократно обращавшийся к анакреонтике Г. Р. Державина, подчеркивал важность ее соотнесения со «Стихотворением Анакреона Тийского».⁴ Этим же принципом исследователь руководствовался и в недавней статье.⁵

В работе западногерманской исследовательницы Дорис Шенк впервые учтены все журнальные публикации анакреонтических стихов на протяжении XVIII столетия и сделан ряд важных наблюдений.⁶ Несмотря на узкоформальный подход к изучаемому явлению, пропуск отдельных публикаций (анакреонтические стихи М. Н. Муравьева,⁷ Н. П. Осипова⁸ и др.) и рассмотрение в одном ряду как подражаний Анакреону, так и переводов анакреонтеи, исследование Дорис Шенк — крупнейшая работа подобного рода, сделавшая возможным комплексное изучение в будущем интереснейшего жанра русской поэзии XVIII в. Однако и в ней переводу Н. А. Львова уделено мало внимания. По мнению Дорис Шенк, филологический успех русского поэта следует оценить более высоко, чем поэтический.⁹

Данная статья не претендует на исчерпывающую характеристику переводов Н. А. Львова, ее цель иная — ввести в научный

комментариев с учетом коррективов Н. А. Львова номеру страницы предшествует литера «к».

² *Кутателадзе Н. Н.* К истории классицизма в России // Филологические записки. 1915. № 155, вып. 4. С. 503—504; *Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 111.

³ *Drage C. L.* The Anacreontea and 18th-Century Russian Poetry // The Slavonic and East European Review. 1962. V. 41, No. 96. P. 110—134.

⁴ *Ионин Г. Н.* Анакреонтические стихи Карамзина и Державина // XVIII век. Л., 1969. Сб. 8. С. 171.

⁵ *Ионин Г. Н.* Творческая история сборника «Анакреонтические песни» // Державин Г. Р. Анакреонтические песни. М., 1986. С. 346—348.

⁶ *Schenk D.* Studien zur anacreontischen Ode in der russischen Literatur des Klassizismus und der Empfindsamkeit. Frankfurt a. M., 1972.

⁷ *Муравьев М. Н.* Переводные стихотворения. СПб., 1773. С. 9, 14.

⁸ *Кокорев А. В.* «Труды разумных общников»: (Рукописный журнал Н. А. Львова и др.) // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. 1960. Т. 86, вып. 7. С. 36—38.

⁹ *Schenk D.* Op. cit. S. 121.

оборот новые материалы, иллюстрирующие работу поэта по подготовке переиздания «Стихотворения Анакреона Тийского». Опубликованный в 1794 г. текст несет на себе следы спешки, в русских стихах большое количество погрешностей (по указанию Н. А. Львова, Евгений Булгарис «руководствовал переводчика и трудился в греческой корректуре» (с. XXXVI)), издание не было также украшено портретом. Обо всем этом сказано уже в предисловии: «Бодонием напечатанный его (Анакреона. — С. Д., К. Л.-Д) профиль, с древнего камня заимствованный,¹⁰ почитается лучшим. Мне весьма желалось украсить оным и мой перевод; но таланту приятелей моих не достало времени, а мне терпения, потому что как переводить и печатать начал я по милости новых литер от Дидота привезенных; так и кончить печатание принужден был по желанию типографов, погонявших меня корректурными листами» (с. XIX).¹¹

На вынужденную поспешность своей работы поэт указывал и в примечаниях ко второй книге стихотворений. Она помешала заменить стихи XXV и XXXIV од более совершенными (с. 168, 177).

В конце 1940-х гг. в ходе работы над диссертацией Н. И. Никулиной удалось обнаружить большое количество неизвестных ранее материалов, связанных с биографией Н. А. Львова. Это документы тюфильской канцелярии (от названия деревни Тюфилы под Москвой, где находилась школа землебитного строения), попавшие в фонд Горного департамента в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде. Среди них сохранилась записка от 19 октября 1802 г. о выдаче по указанию Н. А. Львова граверу Сандерсу 130 рублей «за выгравирование шести виньеток ко второй эдидии Анакреона, двух портретов автора и одного виньета города Москвы».¹² Однако в публикациях, подготовленных исследовательницей, о намечавшемся переиздании «Стихотворения Анакреона Тийского» сообщено не было.

В начале 1970-х гг. С. Р. Долгова обнаружила в Научной библиотеке Центральных государственных архивов СССР (в коллекции ЦГАДА) экземпляр «Стихотворения Анакреона Тийского», подготовленный ко второму изданию. Внимание исследовательницы сразу же привлекло неизвестное стихотворение Г. Р. Державина. Ему была посвящена опубликованная вскоре статья,¹³ в ходе работы над которой удалось выяснить, что пометы сделаны секретарем Н. А. Львова В. В. Сумароковым, и выявить неизвестное письмо В. В. Капнисту от 28 сентября 1795 г., где Львов сле-

¹⁰ Имеется в виду издание: 'Ανακρέοντος μέλη / Ed. I. B. Bodonius. Patmae, 1791.

¹¹ Здесь и далее тексты XVIII в. даются в современной орфографии, последовательно сохранено лишь написание окончания «ой» в прилагательных именительного падежа единственного числа мужского рода.

¹² ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 11, № 114, л. 19.

¹³ Долгова С. Р. Неизвестное стихотворение Г. Р. Державина // Рус. литература. 1972. № 2. С. 117—119.

дующим образом писал о вышедшем издании: «При выздоровлении ее (М. А. Львовой. — С. Д., К. Л.-Д.) ничто ее еще в словесном свете так не порадовало, как твои маленькие стишки, на обертке моего нелепого Анакреона напечатанные. В нем подлинно столько ошибок, что никто не усумнится в той истине, которую, погоняя меня, типографщики напечатать заставили. Ты, я думаю, сам заметишь, что последняя книга по мере печатания мною переводилась и что ошибки в ней по тому же аршину обильно отпущены. Тут в примечаниях есть ссылки на такие стихи, которых и в тексте нет, потому что примечания уже печатались, а я в корректурных листах поправлял некоторые стихи в одах. Я слышу, что хотят сделать второе тиснение, то, может быть, иное что я и поправлю; но теперь нет ни доброй воли, ни способности».¹⁴

Видимо, только в конце 1790-х—самом начале 1800-х гг. у Н. А. Львова появились «и добрая воля и способность», необходимые для подготовки второго издания. Отметим также, что сотрудничество поэта и его секретаря не могло начаться ранее 1 марта 1798 г., ибо это день вступления В. В. Сумарокова в «Экспедицию угольных приисков и работ в империи».

Биографические обстоятельства позволяют объяснить отсутствие авторских помет и более точно датировать правку. Осенью 1800 г. Н. А. Львов перенес тяжелое заболевание, после которого зрение его ослабло. Когда недуг отступил, поэт записал в своем дневнике: «Первый день моей новой жизни. Москва 1800, ноября 16».¹⁵ С этого времени почерк Н. А. Львова становится крайне неразборчивым, автографы встречаются реже, даже в частной переписке поэт все чаще обращается к услугам своего секретаря. Поэтому, как кажется, можно предположить, что основная работа над текстом Анакреона проводилась в 1801—1802 гг.

Экземпляр издания Анакреона, сохранившийся в ЦГАДА, на первом листе имеет овальный штамп: «Моск^{овский} иностр^{ан}ных дел Колл^{ежский} архив», — свидетельствующий о принадлежности книги в прошлом библиотеке этого учреждения. В 1834 г. оно получило новое название — Московский Главный архив министерства иностранных дел; о прошедшей инвентаризации можно заключить по прямоугольному штампу этой организации. Цифры на форзаце («4°, 1130»), по-видимому, обозначают формат (in quarto) и порядковый номер при расстановке. Лист с указанием места напечатания и заголовком «Стихотворение Анакреона Тийского перевел **** *», обычный в других изданиях, в этом экземпляре отсутствует. Вместо него вклеен листок, на котором почерком В. В. Сумарокова написаны стихотворения В. В. Капниста и Г. Р. Державина. Есть основание предполагать, что авторство переводчика должно было быть открыто, так как перед титульным листом третьей книги имеется запись: «Львов-Никольский» (с. 197).

¹⁴ Позднее опубликовано Е. Н. Кононко. См.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 390—391.

¹⁵ *Львов Н. А.* Путевые записки // ИРЛИ, Р. 1, оп. 15, № 166, л. 81.

Необходимо сразу же оговорить, что все изменения затронули только русский текст (издание Н. А. Львова — билингва), в греческом не сделано ни одного исправления.

При подготовке второго издания в первую очередь были устранены опечатки: «пендатические» исправлены на «педантические» (к, с. XXIII), дата первого издания анакреонтеи — с 1754 г. на 1554 (к, XXIV), а также другие столь же явные (к, с. XI, 55, 125, 191, 194, 278, 281); в ряде случаев было избрано более правильное, с современной точки зрения, правописание слов («по-нежнее» вместо «по нежнее», «сделал» вместо «зделал»).

Стремление следовать греческому произношению проявилось в изменении ряда слов («Бакхилид» на «Вакхилид», «Феб» на «Фив», «амброзия» на «амврозия» и др.), но в тексте всех трех книг остались слова, которые оно не затронуло (Алцей, Стезихор и др.). Пометы, сделанные рукой В. В. Сумарокова, видимо, отражают начальную стадию подготовки второго издания «Стихотворения Анакреона Тийского». Это положение мы постараемся аргументировать ниже.

Н. А. Львов стремился также усовершенствовать графическое оформление книги и ее справочный аппарат, на что указывает ряд фактов: улучшена сноска (к, с. IV), введена отсылка к примечанию (к, с. XXXIII), уточнено название раздела оглавления (к, с. XXXVIII).

9 из 33 страниц предисловия Н. А. Львова занимает перечень переводов из Анакреона, появившихся в Европе с 1554 по 1791 г., 11 из них русский поэт, по его свидетельству, использовал в своей работе. В первом издании имена упоминаемых здесь греческих авторов были выделены курсивом, во втором издании таким же образом должны были быть отмечены имена переводчиков (они подчеркнуты В. В. Сумароковым).

Наибольшее количество помет сделано в тексте вступительной статьи «Жизнь Анакреона Тийского», начальная часть которой является переработкой вступительной статьи французского филолога-классика Анны Дасье к изданию стихотворений Анакреона, служившему основным источником сведений об античном лирике для всех аналогичных изданий XVIII в.¹⁶ Однако большую часть предисловия составляют оригинальные рассуждения Н. А. Львова о значении поэзии Анакреона, без знания которых нельзя понять цели предполагавшихся поправок.

Так, на протяжении всей статьи Н. А. Львов полемизирует с расхожим представлением об Анакреоне: «Обыкновенное мнение о свойстве и поведении Анакреона состоит в том только, что он во всю жизнь свою любил, пел вино и пил» (с. IV). Но уже Элиан Сладкоязычный, замечает русский поэт, писал в своей истории: «Да не осмелится кто-либо порочить Тийского стихотворца, называя его невоздержанным (с. XVI). Поэтому нельзя,

¹⁶ Les poésies d'Anacréon et de Sapho, traduites en François, avec remarques par Madame Dacier. Amsterdam, 1716.

основав свое мнение «на стихах застольных, на песнях веселых и любовных», заключить, что «сочинитель оных был развратной пьяница». Поручкой в том служат подлинные известия о поэте, а также его совершенный художественный вкус, ибо «люди изящного и тонкого вкуса редко бывают подвержены порокам грубым, каково пьянство или разврат» (с. XVII).

Анакреон в представлении Н. А. Львова был человеком добродетельным (с. III, IV), его стихи созданы во время отдыха, веселого застолья и в утонченной форме отражают состояние души античного поэта именно в эти минуты. Достоинства поэзии Анакреона в «приятной философии, каждого человека состояние улаживающей» (с. V),¹⁷ а также в «пленительной истине и простоте мыслей, таком чистом и волшебном языке, которой останется предметом отчаяния для всех подражателей его» (с. V—VI).

Причина подобного успеха в том, что поэзия древнегреческого лирика — «глагол нежных ощущений, идущий кратким и простым путем прямо к сердцу, источнику всякого пленительного изречения» (с. VII). Картины его стихов и рассуждения, являющиеся действительным убеждением сердца, «суть ничто иное, как самое живое и нежное впечатление природы, кроме которой не имел он другого примера и кроме сердца своего другого наставника» (с. VI). Тематика стихов Анакреона («любовь и утех»), преданность Венере и Вакху, Купидону и Харитам — следствие «мягкого и нежного свойства его души». Как высшее воплощение эстетических принципов античности Анакреон противопоставляется поэтам нового времени, сам Н. А. Львов признается, что долгое время не понимал достоинств его творчества, «будучи заражен пухлостями какого-нибудь Томаса или пряного Дората», до тех самых пор, пока учение древних авторов, очистив его вкус от «фальшивых блесков французских лириков», не открыло глазам его «важную и простую красоту истинны» (с. VIII). Ф. Петрарка, Г. А. Шолье, А. Л. Тома, С. Геснер, по убеждению русского поэта, жалкие подражатели Анакреона, «потому что все черты его ума, все изречения принадлежат его собственному ощущению» (с. XI). В их же стихах «и разбавленные, но те же самые красоты кажутся только понежнее бледностью своею для глаз наших» (с. XI).

С именем Анакреона Н. А. Львов связывает идеальное соотношение между частной жизнью и творчеством писателя, во многом предваряющее знаменитую пушкинскую формулу «слова поэта суть дела его»: «Желательно было бы, чтоб мнения, в книге обнародованы, были всегда действительные правила частной жизни автора ее, библиотеки тогда сделались бы сокровищем сердец, книги — зеркалом истины, человека узнавали бы вдруг и по соб-

¹⁷ Ср. также: «...стихотворец отменный, проповедник толь упоительный и приятной философии» (с. II).

ственной его расписке, так сказать, сократился бы тогда путь к познанию и благоденствию его» (к, с. XVIII).

В целом изменения в тексте предисловия, представляющие наибольший интерес для исследования, направлены на то, чтобы более точно выразить концепцию Н. А. Львова. Так, в примечании на первой странице фраза: «Гиппарх был в тесном сношении с Анакреоном» — исправлена на: «Анакреон был в тесном сношении с Гиппархом», — что отражает, как представляется, убеждение Н. А. Львова о большей важности для человеческой истории творчества античного поэта сравнительно с деятельностью правителя.

В ряде случаев характеристика поэзии древнегреческого лирика дополнена новыми штрихами: добавлено, что приятная философия утвердилась «легкими, краткими и красивыми изречениями» (к, с. V), уточнено, что фрагменты Анакреона обладают не «простотой мыслей», но «тонкими замыслами и простотой слога» (к, с. V), отмечено, что греческий поэт обладал даром исключительного «проницания», «дабы приметить красоты природы всегда от посредственного человека скрывающиеся» (к, с. XII).

Н. А. Львову было также важно указать, что Анакреон имел «нежный вкус» (признак чувствительной души), который удерживал его от пороков, поэтому если раньше вкус определялся как «тонкий» и «изящный и тонкий» (с. XVII—XVIII), то теперь он характеризуется как «тонкий и нежный» и «изящный и нежный» (к, с. XVII—XVIII). Более понятны в связи с внесенными исправлениями и упреки по адресу новых поэтов — они изменили верности природе, прельстившись декоративными эффектами. Если раньше Н. А. Львов писал о «пухлостях какого-нибудь Томаса или пряного Дората», то теперь — о «пухлом витийстве» (к, с. VIII), а «витийственные красоты» заменяются на «витийственные украшения» (к, с. VIII).

Говоря о том, что при чтении Анакреона между поэтом и читателем устанавливается взаимная доверенность, знакомство почти личное (цель, которой добивался и сам Н. А. Львов), переводчик посчитал нужным отметить, что одновременно познаются и «свойства» писателя (к, с. IX), позволяющие проникнуть в его внутренний мир.

Остальные изменения текста предисловия не подчинены столь явно общим эстетическим установкам переводчика, они служат главным образом более точной передаче смысла фраз и устранению допущенных стилистических погрешностей. Это добавление слов (к, с. VIII, IX, XI, XVII), замена одного слова другим (к, с. VIII, X, XI, XIV), изменение грамматических форм (к, с. IV, IX, XIII, XVII, XVIII) и структуры фраз (к, с. IV).

Переходя к анализу помет, сделанных рукой В. В. Сумарокова в тексте стихов, необходимо указать, что большая часть произведений, которые Н. А. Львов считал написанными древнегреческим лириком, в действительности Анакреону не принадлежит. Это анакреонтея — подражания, возникшие в период позд-

него эллинизма, созданные в модной тогда дилетантской манере.¹⁸ Анакреонтея дошла до нас в составе палатинской рукописи (Anthologia Palatina) и была впервые издана в 1554 г. Вероятно, большим разочарованием для Н. А. Львова было бы узнать, что из 75 переведенных им стихотворений античному поэту принадлежало лишь 17 (оды LVI—LX, фрагменты LXII—LXVI, эпиграммы I—VI).¹⁹

В первой книге од Анакреона Н. А. Львовым было изменено два названия. Ода XI «На себя самого» (это точный перевод с греческого) получила заглавие «На свою старость», что более соответствует ее содержанию. Неудачным, видимо, Н. А. Львову показалось слово «бокал», его сменил «кубок» — как в названии оды XVII, так и в ее тексте. Ни во второй, ни в третьей книгах заглавия стихотворений изменены не были.

Первый вопрос, который встает при изучении авторской правки любого перевода, — это то, насколько вносимые изменения приближают его к подлиннику, тем более что Н. А. Львов пользовался в своей работе подстрочником и переложениями анакреонтеи на европейские языки, что в ряде случаев стало причиной неадекватности перевода оригиналу в издании 1794 г.

По нашему мнению, лишь два изменения в первой книге (оды X и XVII) способствовали устранению этого недостатка:

...возьми за что ни есть;	...что хочешь, заплати;
	(ода X, с. 31, стих 8) ²⁰
Но сделай мне бокал, Глубокой, сколь возможно.	Но кубок сделай мне Широкой и глубокой.
	(ода XVII, с. 47, стихи 4—5)

Это перевод следующих стихов:

Λάβ' αὐτὸν ὅπποσον λῆς. (Возьми его, за сколько хочешь).	Ἐφαιστέ μοι ποίησον <...> Ποτήριον δὲ κοῖλον Ἵσον δὲνῃ βάθυνον. (Гефест, сделай мне кубок емкий и возможно глубокий).
(ода X, с. 30, стих 7)	(ода XVII, с. 46, стихи 2, 5, 6)

В меньшей степени приближен к подлиннику текст в одах IV и VIII:

Лучше ароматы мне Воскурите вы при жизни, Розой увенчав чело, И подругу позовите.	Лучше ароматы мне Вы при жизни воскурите И, венком покрыв чело, Мне подругу позовите.
	(ода VIII, с. 23, стихи 10—11)

¹⁸ Crusius O. Anacreon // Paulis Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hg. von G. Wissowa. Stuttgart., 1894. Bd 1. S. 204.

¹⁹ Poetae Lyrici Graeci / Ed. T. Bergk. Lipsiae, 1882. V. 3. P. 253—338.

²⁰ Здесь и далее слева — первоначальный текст, справа — измененный.

Вот что соответствует этим отрывкам в греческом тексте:

Ἐμὲ μᾶλλον, ὥς ἔστι ζῶν,
Μύριτον ῥόδοις δὲ κῤῥα
Πόκατον, κάλει δ' ἐταίρην:

Δαξέθυμά μοι λέγοντες
Διὰ τὰς καλὰς ἐκείνας.

(Меня же лучше, пока я жив,
умасти миром, розами увенчан
чело

(Брамя меня, перед теми
красавицами).

и позови подругу).

(ода VIII, с. 22, стихи 9—10)

(ода IV с. 12, 14, стихи 13—15)

Эти исправления, по-видимому, вызваны обращением Н. А. Львова к переводам на европейские языки, а не к тексту оригинала, ибо они составляют меньшинство по отношению к общему числу изменений, есть и случаи отхода от греческого текста, менее точной его передачи. Так, перевод обращения в начале оды XVIII «καλὴ τέχνη» как «прекрасное искусство» в первом издании не удовлетворил Н. А. Львова, он предпочел эпитет «пизанное».

Наше мнение подтверждает и то, что многие исправления касаются текста, добавленного Н. А. Львовым к собственно переводу. Это отдельные слова и даже стихи, которым нет соответствия в оригинале:

Жаль мне стало, отзыв слыша. . .

Жаль мне стало, голос слыша. . .

(ода III, с. 9, стих 14)

И я служу ему
Усердно, сколь возможно. . .

И с тем служу ему
С усердьем я возможным. . .

(ода IX, с. 27, стихи 14—15)

Пусть будет жить со мной. . .

Пускай живет со мной. . .

(ода X, с. 31, стих 14)

Один раз Н. А. Львов отказывается от повтора предлога — оборота, фольклорно маркированного:

На коврах на пурпуровых. . .

На коврах пурпуровидных. . .

(ода VIII, с. 23, стих 3)

Это изменение оправдано, ибо Н. А. Львов с большим тактом вводил в свой перевод элементы разговорной и народно-поэтической речи на лексическом уровне, поэтому отказ от данной синтаксической конструкции способствует большему художественному единству перевода. Однако нужно отметить, что избранный эпитет недостаточно точно передает греческое прилагательное «ἀλιπόρφυρος» (окрашенный морским пурпуром).

В большинстве случаев исправления не приближают перевод к подлиннику и имеют стилистический характер:

А при нем и лук и стрелы. За плечами лук и стрелы.
(ода III, с. 11, стих 19)

Ну, посмотрим-ко, сказал,
В чем испортилась в погоду
Тетива моя? — И лук
Вдруг напруг, стрелой
 ударил
Прямо в сердце он меня. . . Поразил меня стрелой.
(ода III, с. 11, стихи 24—29)

Посвященную любви
Розу окропим вином,
И румяною сей розой
Увенчаем мы чело;
Будем пить с усмешкой
 нежной.
Посвященную любви
Розу вспырснем мы вином,
И, румяною сей розой
Увенчав свое чело,
Будем пить с усмешкой нежной.
(ода V, с. 17, стихи 1—5)

Пусть тут отрок кудреватый. . . Пусть нам юноша кудрявый. . .
(ода VI, с. 19, стих 8)

И легиньким крылом
Его я отеняю. И крылышком его
Легонько отеняю.
(ода X, с. 27, стихи 32—33)

Иль тотчас будешь сам
Ты в пламени растоплен. Иль тотчас будешь сам
Ты мной в огне растоплен
(ода X, с. 31, стихи 18—19)

Кто также, говорят,
На берегах Клароса. . . Кто также на берегах,
Вещают нам, Клароса. . . ²¹
(ода XIII, с. 37, стихи 7—8)

В оде XVIII неудачной представляется замена эпитета «невооруженный» кратким причастием «обезоружен» (с. 51, стих 24), что искажает авторскую мысль, предполагая некоторое активное действие:

Χάραζζ' Ἐρωταζ ἀνόπλους.
(Вычекань Эрота невооруженного (буквально — безоружного,
беззащитного)).
(ода XVIII, с. 48, стих 14).

Остальные поправки в стихах первой книги — это изменение порядка слов, варьирование грамматических форм, замещение одних слов (в подавляющем случае односложных) другими, что не дает материала для обобщений и вызвано индивидуальным чувством стиля писателя.

²¹ Это единственный случай введения славянизмов, что, видимо, объясняется желанием усилить проноию в оде XIII при описании подвигов «женоподобного» Аттиса.

В комментариях к первой книге од сделаны пометы, приводящие примечания в соответствие с текстом стихов, подвергшихся правке (к, с. 70, 79, 86), а также незначительные стилистические изменения (к, с. 68, 71). Важной представляется переработка первой фразы комментария к оде I, сделанная с целью более точного разъяснения принципов первоначальной работы над текстом перевода:

Сия и следующая за нею ода переведены были мною точным числом стоп и ударением греческого подлинника, тем же самым метром хотел я продолжать перевод всего Анакреона.

(с. 63)

Сия и следующая за оною ода переведены были мною равным числом стоп против подлинника и тем же ударением, как в греческом, тем же самым метром хотел я продолжать перевод и всего Анакреона.

(к, с. 63)

Если в первой книге из двадцати двух од оставлены без помет лишь шесть (XII, XIV, XVI, XIX, XXI, XXII), то во второй книге сделаны три ничтожные поправки: устранены опечатки в одах XXXI и XXXII, в третьем стихе оды XXXVIII предлог «но» заменен предлогом «а», в комментариях же на странице 194 убран союз «и». Все это доказывает, что работа над второй книгой только началась, ибо именно в примечаниях к этой книге Н. А. Львов жаловался на спешку наборщиков, помешавшую ему улучшить текст перевода. Здесь же поэтом были напечатаны варианты нескольких стихов (с. 168, 177), которые не были использованы В. В. Сумароковым при доработке.

В третьей книге сделаны исправления в тексте шести од (XLV, XLVI, XLVIII, LII, LVII, LXI) и одной эпиграммы (VII), часть из которых отдаляет перевод от оригинала:

Подай Гомерову мне лиру,
Но только ту сними струну,
Котора брани воспевала.

Подай Гомерову мне лиру,
Но только ту сними струну,
Что брани, бедства воспевала.

(ода XLVIII, с. 209, стихи 1—3)

Нередко юностью нетрезвой
Развратно веселится Вакх.

Нередко юностью нетрезвой
Развратно пользуется Вакх.

(ода LII, с. 221, стихи 25—26)

Это переводы следующих стихов:

Δότε μοι λύρην Ὀμήρου,
Φονίης ἄνευθε χορδῆς.

(Дайте мне лиру Гомера без воснвой
(дословно — кровавой) струны).

(ода XLVIII, с. 208, стихи 1—2)

Μετὰ γὰρ γέων ὁ Βάκχος
Μεθύων ἄτακτα παίζει.

(Ибо среди хмельной молодежи Вакх беспутно веселится).

(ода LII, с. 220, стихи 23—24).

В других случаях новые варианты никоим образом не приближают перевод к подлиннику и служат решению чисто стилистических задач:

Но примешивал тут желчь Купидон в состав приятный.	Но примешивал Эрот Желчь в состав приятной, сладкой. (ода XLV, с. 200, стих 7)
Золото — причина ссор. . .	Золото — источник ссор. . . (там же, стих 12)
Наши укрепят тела. . .	Тело наше укрепят. . . (ода L, с. 213, стих 12)
Но с улыбкою богиню Зрящую забавы их.	И с улыбкою богиню На забавы их смотря. (ода LI, с. 217, стихи 23—24)
Дай, мальчик! мне хлебнуть.	Дай, мальчик! мне запить. (ода LVII, с. 235, стих 2)
Могущий властелин Эрот!	Властитель мочный Купидон! (ода LXI, с. 243, стих 2)
И с любовью их мешая О весельи говорит.	И с любовью мешая О весельи говорит. (эпиграмма VII, с. 259, стихи 6—7)

Поправки в тексте комментариев третьей книги незначительны: изменение порядка слов и отдельных грамматических форм, раскрытие сокращений, добавление или изъятие нескольких слов, подбор более уместных синонимов.

Во всех трех книгах наименьшие изменения претерпела пунктуация, что, видимо, связано с ее крайней неупорядоченностью в конце XVIII в. Так, если восклицательный знак более соответствует эмфатическому завершению оды VII, а вопросительный знак, внесенный в стих 10 оды XVII, по своей синтаксической роли более соответствует точке с запятой в греческом тексте, то в ряде случаев исправления не оправданы с современной точки зрения. Порой они даже противоречат интонационному и грамматическому членению стихов, как в данном случае, когда пунктуация изменена следующим образом:

Прекрасными женами, Во всей Элладе сей, Ахейской город славен.	Прекрасными женами Во всей Элладе сей. Ахейской город славен. (ода XXXII, с. 129, стихи 11—13)
--	---

Как представляется, работа над вторым изданием только начиналась — видимо, Н. А. Львов поручил своему секретарю перенести в текст книги пометы, сделанные в рукописи или корректуре переводов. Это объясняет отсутствие в тексте собственно-ручных маргиналий П. А. Львова (всюду мы видим почерк его

секретаря), а также то, что из указанных в первом издании семи погрешностей, т. е. опечаток (с. XLIV), Сумароковым исправлена лишь одна. Данное мнение подтверждает и ряд других фактов, в том числе устранение ссылки на примечание «б», которое тем не менее оставлено (с. XIII).

Таким образом, хранящийся в коллекции ЦГАДА экземпляр «Стихотворения Анакреона Тийского» в переводе Н. А. Львова позволяет наметить основные направления работы по подготовке переиздания: конкретизация теоретических положений Н. А. Львова о значении поэзии Анакреона и задачах художественного творчества, стилистические изменения текста без обращения к оригиналу, улучшение технической стороны издания. Включение в книгу стихотворений Г. Р. Державина и В. В. Капниста должно было подчеркнуть ее связь с львовско-державинским литературным кружком, которому, напомним, была присуща установка на своеобразную коллективность творчества и совместную подготовку изданий: в текст книги И. И. Хемницера были включены «чужие басни», принадлежавшие перу Н. А. Львова, в работе над «Сочинениями Г. Р. Державина» принимали участие его ближайшие друзья.

Обнаруженные маргиналии и поправки текста, к сожалению, не дают ответа на ряд вопросов, связанных с ходом работы Н. А. Львова над переводами из Анакреона. Этот процесс во многих отношениях и до сих пор остается загадочным: неясно, когда и при каких обстоятельствах перевод был начат, кто делал подстрочник для поэта, как состоялось его знакомство с Евгением Булгарисом (в последней американской монографии о греческом просветителе повторены общеизвестные сведения о факте сотрудничества с Н. А. Львовым),²² сколь велика была консультативная роль Г. Р. Державина, В. В. Капниста, А. Н. Оленина, знал ли о готовящемся переводе М. Н. Муравьев и т. д.

В заключение статьи отметим, что планируемое переиздание замечательного памятника русской литературы XVIII в. будет в значительной мере обогащено подобной находкой, предоставляющей обширный материал для комментариев и позволяющей с большей точностью воссоздать замысел Н. А. Львова-переводчика.

²² *Batalden S. K.* Catherine II's greek prelate: Eugenios Voulgaris in Russia 1771—1806. N.-Y., 1982. P. 81—83.

НАРОДНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
В РУССКОЙ СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ

В последней трети XVIII столетия интерес русского общества к музыкальному народному творчеству проявляется особенно активно, что находит отражение во всей художественной жизни и справедливо связывается исследователями с демократическими тенденциями в отечественной культуре.¹ Комическая опера, инструментальная музыка, публицистика, поэзия и драматическое искусство каждое по-своему преломляют это направление. Здесь рассматривается лишь один аспект проблемы, связанный со значением, какое имеют описания музицирующего народа и фольклорный музыкальный фон повествования в русской сентиментальной повести.

В сравнении с другими формами музицирования музыкальный фольклор представлен в повестях наиболее полно, выполняя ряд важных функций. Народная музыка, например, имеет репрезентативное значение, выявляя социальную принадлежность персонажей, или, точнее, сословное состояние героев, диктует выбор атрибутики элементов сопутствующего им быта, ограничивая его фольклором. Естественны ситуации, когда прекрасная пастушка поет «вечернюю песнь» («Софья» Г. П. Каменева), когда поселянин Колин «играет на свирелке» («Колин и Лиза»), хлебопашцы Роза и Любим проводят время в веселой пляске («Роза и Любим» П. Ю. Львова), когда крестьянские девушки водят «короводы» («Парамон и Варенька») или напевают что-то печальное («Даша, деревенская девушка» П. Ю. Львова), а бедная Лиза, мечтая о возлюбленном, слышит наигрыши пастуха («Бедная Лиза» П. М. Карамзина).²

Народная музыка сопутствует литературным героям из дворян, украшая их сельский быт и обнаруживая их пристрастие к простой деревенской жизни. Добрый и справедливый барин пляшет со своими благовоспитанными крестьянками («Роза и Любим»). Благородная девица, прогуливаясь вечерами, внимлет голосу пастушьей музыки («Евгений и Юлия» Н. М. Карамзина), юноша слышит наигрыши свирели ранним утром («Ростовское озеро» В. В. Измайлова), а молодой человек самостоятельно музицирует

¹ Ливанов Т. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. М., 1953. Т. 2. С. 10—11. Келдыш Ю. В. Русская музыка XVIII века. М., 1965. С. 156—157.

² Муза. СПб., 1769. Ч. 1. С. 211; Вечера, еженедельное издание на 1772 г. 2-е изд. М., 1788. Ч. 1. С. 225; Львов П. Ю. Роза и Любим. СПб., 1790. С. 39; Муза. СПб., 1796. Ч. 1. С. 26; Новости русской литературы. М., 1803. Ч. 6. С. 352; Карамзин П. М. Сочинения. 4-е изд. СПб., 1835. Т. 6. С. 11.

в народном стиле («Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьиных гор» В. В. Измайлова).³

Между тем сельский быт реальных российских помещиков не ограничивался одним только фольклором, и это не могло не найти своего отражения в рассказах. Невинная Юлия играет на клавишине «клопштокову песню» («Евгений и Юлия»), а провинциальный путешественник слышит вдали звуки охотничьих рогов («Обитатель предместия» М. Н. Муравьева).⁴ Но таких случаев немного, и, как правило, в сентиментальной повести чаще идет речь о простонародной музыке.

Городская музыкальная культура (не только сама музыка, но и формы организации музицирования, характерные для городского быта) противопоставляются всему, что ассоциируется с разумной и умеренной жизнью деревенских философов. Это особенно заметно в произведениях, соединяющих в себе городские и сельские эпизоды жизни героев. Часть повести, рассказывающая о падении нравов и угрозе невинности, которую потенциально содержат в себе городские удовольствия, сопровождается такими атрибутами, как концерт и бал, а другая, демонстрирующая неизбежное в деревенской простоте и тени дубрав торжество моральных устоев, иллюстрируется «шумом реки и леса», «журчанием» ручейка, «веселием летающих птичек» («Юлия» Н. М. Карамзина).⁵ Правда, именно в этой повести народная музыка не упоминается, но в прочих фольклорные элементы музыкального искусства включаются в аналогичное пейзажное обрамление. Интересно, что персонажи, которых их создатели наделяют поэтическим даром, рассуждая о своем творчестве, предпочитают не именовать его «лирой», что, по их мнению, с одной стороны, несколько нескромно, а с другой — ближе общекультурным и, следовательно, городским традициям. Более точная характеристика поэтического вдохновения деревенских литераторов содержится в сравнении его со «свирелью» («Российский Вертер» М. В. Сушкова).⁶

Появляясь на фоне зарисовки с натуры, народная музыка сообщает ей особую поэтичность. Без звуков свирели, без чуть слышных в вечернем спокойном воздухе удаленных голосов образы природы утратили бы немалую часть своей прелести. А вместе с этим потерял бы значительную долю привлекательности сельский быт, воспеваемый в повести, претерпела бы немалый урон тонкая художественная атмосфера рассказа.⁷

³ Львов П. Ю. Роза и Любим. С. 41; Детское чтение для сердца и разума. М., 1789. Ч. 18. С. 179; Приятное и полезное препровождение времени. М., 1795. Ч. 6. С. 309; Патриот. М., 1804. Февраль. С. 106.

⁴ Карамзин Н. М. Сочинения. 4-е изд. Т. 6. С. 183—184; Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. СПб., 1819. Ч. 1. С. 97—98.

⁵ Карамзин Н. М. Сочинения. 4-е изд. Т. 6. С. 68.

⁶ Сушков М. В. Российский Вертер. СПб., 1801. С. 13.

⁷ Поэтизация обыденности является одним из важнейших принципов сентиментальной прозы. См.: Канунова Ф. З. Из истории русской повести: Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина. Томск, 1967. С. 46—47.

Роль народного музыкального творчества в системе художественных приемов и средств выразительности сентиментализма не ограничивается простой иллюстрацией событий. Она значительно глубже. Не стремясь преувеличить ее, отметим, например, что музыкальный фольклор далеко не случайный элемент в характеристике героев. Народная музыка помогает выявить образ мыслей, морально-этические принципы, эстетические критерии персонажей. Уже один только интерес героя повести к народной музыке характеризует его как человека, имеющего чувствительное сердце, не избегающего простых и мирных удовольствий. Здесь можно отметить аналогии с другим выразительным средством — характеристикой круга чтения сентиментального героя.⁸ Чтение, изысканная беседа, неспешные прогулки в благоустроенном саду, неторопливые размышления, домашнее музицирование (предпочтительнее камерные жанры), любование пейзажем, в котором тонко разработаны и живописный, и звуковой (музыкальный) ряды, — все это включается авторами в досуг героя повести. Именно из таких оттенков и граней складывается образ сентиментального героя.

Вместе с тем описание в повести музицирующих крестьян несет важную смысловую нагрузку. Это связано со спецификой отношения российской дворянской культуры к творчеству народа. Данный вопрос представляет собой интерес, и потому рассмотрим его подробнее. Уточнение деталей необходимо, поскольку советское музыковедение обычно не углубляется в проблему бытования музыкального фольклора в дворянской среде, ориентируясь, скорее, на исследование собирательства песен и вопросы влияния народной традиции на творчество профессиональных композиторов.⁹

Народная музыка активнейшим образом функционирует в быту российского дворянства на протяжении всего XVIII столетия. Примеры тому многообразны и многочисленны. Но констатировать лишь это еще недостаточно. Для понимания значения музыкального фольклора в системе дворянской культуры важно также знать обстоятельства появления его в быту дворянского сословия, а потому перечислим некоторые характерные примеры. Мы можем встретить народную музыку на вечеринках в Петербурге в 1741 г. и в 1765 г., на съездах провинциальных дворян в Псковской губернии в 1752 г. и на балах в Киеве в конце века.¹⁰ Народная

⁸ Кочеткова Н. Д. Герой русского сентиментализма. 1. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 124, 127.

⁹ Келдыш Ю. В. Указ. соч. С. 137—147; Ливанова Т. Указ. соч. Т. 1. С. 36—41; Раабен Л. Н. История русского и советского скрипичного искусства. Л., 1978. С. 26—28; Музалевский В. И. Русская фортепианная музыка. М.; Л., 1949. С. 36.

¹⁰ Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. 2-е изд. СПб., 1821. Ч. 1. С. 48; Семёна Порошина записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича наследника престолу российского. СПб., 1844. С. 547; Записки Андрея Тимофеевича Болотова: 1758—1794. СПб.,

песня звучит во время застолий в Удинске в 1713 г., в Петербурге в 1725 г., в Москве в 1763 г. и в 1777 г. в Рогачевске.¹¹ Вслед за участниками дворянских празднеств музыкальный фольклор мог перемещаться из помещения на свежий воздух и был вполне уместен на уличных увеселениях Петровской эпохи, на летних гуляниях в Московской губернии в 1780-х гг. или на лодочных катаниях в 1794 г. в Сызрани.¹² Народная музыка оказывается приемлемой даже в структуре таких форм организованного музицирования, как домашний концерт, например в 1769 г. в одном из селений недалеко от Фридрихсгама или в конце века в петербургском дворце А. А. Безбородко.¹³

Уже из немногих перечисленных фактов можно заключить, что народная музыка занимала значительное место в дворянском обиходе, но это относится далеко не ко всякой народной музыке. В свидетельствах соотечественников в отличие от иностранцев не встречаются (за исключением отдельных намеков) упоминания о музицировании в кабаках или о песнях пьяных веселий; очень немного сообщений о причитаниях на похоронах, проводах или свадьбах.¹⁴ Русских авторов из обрядной музыки интересует лишь та, которая связана с развлечениями, например с рождественскими славлениями.¹⁵ Можно сделать вывод, что народная музыка рассматривалась русским образованным обществом преимущественно как составная часть веселий, но веселий благовоспитанных, облагороженных просвещением, вписывающихся в этикет российского дворянства.

Таким образом, можно говорить о выборочном восприятии сентименталистами народной музыкальной культуры или, во всяком случае, о тенденциях к такому избирательному восприятию; эта культура представляла прежде всего как сфера выражения эмоций — либо веселья и радости, либо уныния и печали.

1871. Т. 1. Стб. 205—206; Записки Филипа Филиповича Вигеля. М., 1891. Т. 1. С. 60.

¹¹ *Ту-Ли-Чэнь*. Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1764. № 8. С. 111; Книга прихода-расходная карманных денег императрицы Екатерины Первой // Русский архив. 1874. № 3. Стб. 551; *Дашкова Е. Р.* Записки. М., 1985. С. 65; Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина (пожившего 72 г. 2 м. 20 дней), им самим писанная в Могилеве и в Витебске: 1752—1823. СПб., 1872. С. 169.

¹² *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию. СПб., 1906. С. 111; *Долгоруков И. М.* Капище моего сердца. М., 1874. С. 185; *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь // Сочинения. СПб., 1895. Т. 2. С. 48.

¹³ Путешествие <...> Александра Ильича Бибикова... // Памятники новой русской истории. СПб., 1873. Т. 3, отд. 2. С. 63; *Григорович Н.* Канцлер князь Безбородко // Русский архив. 1877. Кн. 1, вып. 1. С. 38—39.

¹⁴ *Данилов М. В.* Записки // Русский архив. 1883. Кн. 2, вып. 3. С. 27; *Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1966. Т. 1. С. 391—392; *Северберг Г.* Бывшего полкового священника <...> Заметки... // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1873. Кн. 2, отд. 4. С. 34.

¹⁵ *Кашин Н. И.* Поступки и забавы императора Петра Великого. СПб., 1895. С. 12.

ЧЕТЫРЕ ЗАПИСКИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА К В. Н. ОЛИНУ

В Рукописном отделе Пушкинского Дома среди поступлений 1957 г. под № 34 значатся четыре записки Г. Р. Державина, адресованные В. Н. Олину. Они были переданы в Рукописный отдел О. П. Самсоновой (урожд. Исаевой) вместе с тетрадями стихов Н. И. Исаева, стихотворениями Олина и списком поэмы К. Ф. Рылеева «Войнаровский».

Записки Державина вложены в свернутый наподобие конверта лист бумаги, на наружной стороне которого имеется надпись: «Собственноручные записки от Г. Р. Державина». Сравнение почерка этих записок с автографами Державина убеждает в том, что записки действительно принадлежат его перу.

Получатель записок Валериан Николаевич Олин, сын тобольского вице-губернатора, родился около 1788 г. Службу он начал в 1802 г. канцеляристом в Государственном казначействе, в 1810 г. перешел в правление Государственного заемного банка, в 1811 — переводчиком в Кантору театральной дирекции, в 1812 г. — в Департамент народного просвещения и в том же году — в Особую канцелярию министра полиции. Олин часто менял место службы. В 1819 г. он значился в Государственной комиссии погашения долгов, в 1820-м преподавал словесность в Университетском пансионе, в 1829 г. служил в I отделении Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов.¹

В течение более чем тридцати лет Олин занимался литературной деятельностью. Он начал свой творческий путь в 1809 г., напечатав отдельным изданием «Панегирик» Державину. Затем продолжил литературные занятия в кругу писателей «Беседы любителей русского слова». Олин переводил Оссиана, Мильтона, Горация, Байрона, Вильямса, писал стихи, рассказы, повести, критические статьи, в том числе о произведениях Гете и Пушкина. Пробовал он свои силы и на издательском поприще. В 1818—1819 гг. Олин издавал «Журнал древней и новой словесности», пропагандировавший античную литературу, в 1821 г. выпустил 20 номеров «Рецензента, критической и литературной газеты». В 1829—1830 гг. он был издателем «Карманной книжки для любителей русской старины и словесности», а в 1831 г. (совместно с В. Я. Никоновым) — литературной газеты «Колокольчик» (вышло 66 номеров). Два последних издания были прекращены за недостатком подписчиков.

Между тем репутация В. Н. Олина как литератора была невысока. В. К. Кюхельбекер писал в своем дневнике 10 августа 1833 г.: «Не трудно находить прекрасные стихи в сочинениях Пуш-

¹ Степанов В. П. В. Н. Олин: биографическая справка // Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 116—118. (Библиотека поэта, большая серия).

кина, Жуковского, Грибоедова; но выписывать их считаю бесполезным, потому что их довольно много и сверх того они всем известны. Когда же случится мне найти нечто истинно хорошее в произведениях стихотворца дурного, посредственного или по крайней мере мало известного, тогда почти считаю обязанностью внести такую находку в свой дневник.

Олин — горе-богатырь в поэзии; но между тем вот из его пиэсы „*Ночь в Аркадии*“, — изображение водопада, которое заслуживает быть выписанным:

Посмотри, как водопад
Стекловидный, шумный, пышный,
Лунным блеском осребренный,
С гор крутых в отлогий луг
Льет алмазы и жемчуг.

Только 5 стихов — не более, — прочие, правда, гиль; — но по крайней мере эти пять стихов точно хороши». ²

Отметим, что в этих строках из стихотворения Олина чувствуется не замеченное Кюхельбекером влияние державинской поэзии, использование тех же тропов — ср. у Державина в «Водопаде» (1791):

Алмазна сыплется гора
С высот четырема скалами
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми. . . —

и далее:

. . . Сковать ли воду льды держают,
Как пыль стеклянна ниспадают. ³

Олин попал и в пушкинское «Собрание насекомых»:

Вот Глинка — Божия коровка,
Вот Каченовский — злой паук,
Вот и Свинын — российский жук,
Вот Олин — черная мурашка,
Вот Раич — мелкая букашка. ⁴

Современники отмечали склонность В. Н. Олина к раболепству. В «Записках» А. В. Никитенко рассказано, как Олин неумеренными похвалами государю и Паскевичу в своей книге «Картина восьмилетия России с 1825—1834 г.» (СПб., 1834) привел в замешательство цензуру: «По духу — таких книг запрещать нельзя, а пропускать их как-то неловко». Цензор разрешил печатать книгу, вычеркнув чересчур эмоциональные фрагменты, например сравнение Николая I с богом. Однако государь все-таки поручил

² Кюхельбекер В. К. Дневник // Русская старина. 1883. Т. 39, июль. С. 114.

³ Сочинения Державина / С объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 457—458, 460.

⁴ Пушкин. Полн. собр. соч. [Л.], 1948. Т. 3 (1). С. 204.

министру объявить цензорам, чтобы впредь подобные сочинения не пропускались.⁵

После опубликования последнего сочинения Олина — повести «Станный бал» (СПб., 1838) — в печати выступил В. Г. Белинский. Он высказал недоумение по поводу того, что Олин относит свою повесть к роду «фосфорических» произведений Гофмана и Вашингтона Ирвинга: «Нам кажется, что мысль и талант уничтожают решительно всякое соотношение между ними».⁶ П. А. Плетнев в связи с напечатанием той же повести «Станный бал» писал о ее авторе: «Есть разнообразие в литературных трудах, не доставляющее читателям никакой выгоды, а для сочинителей вредное. В продолжение литературной жизни своей автор означенного здесь сочинения испытывал себя почти во всех родах письменности, и это, вероятно, попрепятствовало ему глубже вникнуть в искусство. Таким образом, он по необходимости еще находится все только при началах в каждом роде. Оттого каждая книга его возбуждает ожидание, которое оказывается тщетным».⁷

Справедливости ради следует все-таки отметить определенный вклад Олина в развитие отечественной словесности. Его несомненной заслугой является опубликование письма М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову от 1 ноября 1766 г., содержащего рассуждения Ломоносова «О размножении и сохранении Российского народа», «О истреблении праздности» и др.⁸ Одобривший рукопись цензор Г. М. Яценков едва не был отставлен от должности, так как письмо в некоторых пунктах заключало в себе, по мнению министра духовных дел кн. А. Н. Голицина, «мысли предосудительные, несправедливые, противные православной церкви и оскорбляющие честь нашего духовенства». Управление Министерством внутренних дел признало, что распространение письма Ломоносова в публике должно быть воспрещено,⁹ и это еще более обострило отношения Олина с цензурой. Были запрещены его произведения «Стансы к Элизе», широко распространяемые в списках, и роман «Эшафот, или Утро вечера мудренее», посвященный эпохе Анны Иоанновны.

Умер Олин в 1840-х гг. в бедности. Литературный труд не принес ему ни славы, ни богатства.

В. Н. Олин не значится в составленном Гротом списке лиц, с которыми переписывался Державин. Но четыре записки, о которых пойдет речь, свидетельствуют о том, что Олин, будучи близок Державину в последние годы его жизни, по-видимому, часто выполнял его поручения.

⁵ Никитенко А. А. Записки и дневник (1826—1877) СПб., 1893. Т. 1. С. 315.

⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1901. Т. 4. С. 95.

⁷ Плетнев П. А. Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. 2. С. 243—244.

⁸ Журнал древней и новой словесности. 1819. Ч. 5, № 6. С. 52—88. Отд. изд.: Письмо покойного Михаила Васильевича Ломоносова к Ивану Ивановичу Шувалову. СПб., 1819.

⁹ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 459—460.

Записка, датированная 29 июля 1812 г. (единственная из четырех имеющая дату), написана в Званке.

Его благородию, милостивому Государю моему Валериану Николаевичу Олину.

Много одолжит меня братец Валериан Николаевич, ежели в театральной дирекции наведаетесь, будет ли играна моя Евпраксия, или зачем остановилась? ибо в афишах видел что она давно назначена была к представлению, но играна ли, не имею ни от кого известия. Покорнейший ваш слуга Г. Державин.

Другая записка по содержанию тесно связана с предыдущей.

Пожалуй, братец Валериан Николаич, когда пойдешь к Александру Львовичу о моей трагедии от меня просить, тогда дай ему учтивым образом почувствовать, что когда еще не дает приказание дирекции играть ее, то я уже письменно к нему отнесусь, хотя нехочется, тогда б уже меня не гневался б.

Трагедия «Евпраксия», о которой идет речь, была написана в 1808 г. Известно, что до нее Державин создал несколько драматических произведений: в 1804 г. — театральное представление «Добрыня», в 1806 г. — героическую драму «Пожарский, или Освобождение Москвы» и детскую комедию «Кутерьма от Кондратьев».

В начале 1804 г. Державин писал А. М. Бакунину: «Теперь хочу попытаться в драматическом поле и вы бы меня обязали, если бы из Метастазиевых опер некоторые выписки или планы их вкратце сообщили, дабы я, с расположением и духом его познав, мог надежнее пуститься в сие поприще, ибо таковые лирические пьесы, кажется, мне более других свойственны».¹⁰

Первая трагедия Державина «Ирод и Мариамна» была ответом на призыв Российской Академии к писателям — создать трагедию в стихах. Державин не представил свой труд на конкурс, а напечатал его с посвящением Российской Академии (СПб., 1809). Трагедия «Ирод и Мариамна» с музыкой Давыдова впервые появилась на петербургской сцене 23 ноября 1808 г., дважды шла в 1808 г. (29 ноября и 17 декабря), и затем — 24 октября 1809 г. и 20 ноября 1811 г.

Трагедия «Евпраксия», в которой рассказывается о рязанской княгине, бросившейся с башни с ребенком на руках при виде приближающихся войск Батыя, была одним из любимейших произведений автора. В Предуведомлении к «Евпраксии» Державин писал: «Зрелищем сим желал я напомнить доблесть и непорочность правов предков наших обоего пола. Ежели они и были побеждены, то не иным чем, как своим несогласием. Поучительный

¹⁰ Сочинения Державина / С объяснит. примеч. Я. Грота. 1880. Т. 8. С. 878.

пример для потомства! Но поелику не изменили они ни вере, ни отечеству, то сим бедствием своим дали нам образ, достойный подражания, посея в души поздних родов своих то мужество, которым в последствии времен истреблено царство Батыево, и развалины страшного его Касальгана, в пределах астраханских находящиеся, доказывают ныне только тщету несправедливых завоеваний. Но если бы предки наши отступились от веры, охладели в любви к отечеству и верности к государям, тогда уже Россия давно бы не была Россиею. Заключим изречением Соломона: Нет ничего нового под солнцем!». ¹¹

Образ гордой рязанской княгини и позднее волновал Державина. В 1810 г. в Званке он написал стихотворение «Добродетель». Оно было сочинено, как свидетельствует приписка под заглавием (зачеркнутая), «по спору, в котором с одной стороны утверждали, что нет добродетели, что она только существует мечтательно и условно». Державин называет добродетель «солью земли» и среди прочих исторических примеров добродетели упоминает Евпраксию:

Царицы — верных жен примеры:
Вершит свой Евпраксия рок.¹²

В феврале 1809 г. Державин сообщал И. И. Дмитриеву, что послал трагедию «Евпраксия» В. И. Нелидову: «Вы удивитесь и, верно, скажете про меня, что я под старость рехнулся с ума, пустившись по неизвестной мне поныне дороге в храм Мельпомены; но что делать от безделья? Оды уже наскучили; итак я хотел испытать русскую пословицу: смелым Бог владеет. Пусть господа ваши критики ценят, как хотят, но дело уже сделано». ¹³ В июне того же года Евгений Болховитинов писал Державину из Вологды: «Трагедию Евпраксию перечитавши возвращу в<аше>му в<ысоко> пр<евосходительству> с моею благодарностию осенью. Монологи Евпраксины весьма характерны, а патриотизм разлит по всей трагедии разительнейшими чертами, которые могут пристыдить нас в нынешнее время. . .» ¹⁴

Державин очень хотел видеть «Евпраксию» на сцене. По рассказу С. П. Жихарева, А. А. Шаховской, которому драматические произведения Державина не нравились, не принимал трагедию Державина к постановке, ссылаясь на большие затраты, необходимые для устройства ее декораций. Тогда Державин, потеряв терпение, предложил поставить трагедию на свой счет. Шаховской вынужден был согласиться, потребовав от автора сделать в пьесе некоторые изменения и сокращения. Назревал новый конфликт. Однако дело уладил И. А. Дмитревский. Он убедил Державина, что трагедия хороша, в ней нет ничего, что можно было бы переменить, и посоветовал Державину поставить ее на

¹¹ Там же. 1867. Т. 4. С. 298.

¹² Там же. 1866. Т. 3. С. 56, 59.

¹³ Там же. 1871. Т. 6. С. 197.

¹⁴ См.: Там же. С. 198.

своем домашнем театре, тем более что издержки будут одни и те же, а декорации и костюмы останутся дома. Простосердечный Державин согласился, а Шаховской при всякой встрече благодарил Дмитревского.¹⁵

Эпизод, описанный Жихаревым, относится к жанру биографических преданий или анекдотов, обладающих, скорее, психологической, чем фактической достоверностью. Жихарев приводит этот эпизод как пример удивительной находчивости Дмитревского, его умения найти выход из затруднительных и деликатных ситуаций, не задевая самолюбия своих именитых знакомцев. В рассказе Жихарева чувствуется также то несколько снисходительное отношение к Державину, которое сложилось в кругу литераторов во многом в связи с его неудачными драматургическими опытами.

На самом деле история с несостоявшейся постановкой «Евпраксии» обстояла, по-видимому, иначе.

Из записок Державина ясно, что в 1812 г. его трагедия была принята театром, назначена к представлению, объявлена в афишах, которые Державин видел. Однако, несмотря на хлопоты автора, его обращение, через Олина, к директору Императорских театров А. Л. Нарышкину, спектакль по каким-то причинам так и не состоялся.

Три года спустя «Евпраксию» готовились сыграть у Н. И. Ахвердова, воспитателя Николая I и Михаила Павловича, в Михайловском замке, но и этот замысел не был осуществлен.¹⁶

С театральной жизнью Петербурга 1820-х гг. связана еще одна записка Державина к Олину. Она написана беглым почерком, в некоторых местах неразборчиво, но смысл ее ясен.

Пожалуйте, попросите ко мне А. Г. Волкова, переводчика Весталки, если изволит завтра откушать с нами <нрзб> часов в 7м то есть в восьмом <нрзб> чтоб пожаловал прочел Весталку.

Александр Гаврилович Волков перевел с французского восемь пьес. Среди них «Ученые женщины» Ж.-Б. Мольера, «Беззаботный» Л.-Б. Пикара, мелодрама В. Дюканжа «Тереза, или Женевская сирота». Пьесы в его переводе шли на Петербургской сцене в разное время с 1812 по 1824 г., а в Москве в 1824—1825 гг. В 1814 г. А. Г. Волков вошел в состав репертуарного управления при театральной дирекции.¹⁷

Лирическая драма (или лирическая трагедия) в трех действиях Виктора Жуи «Весталка» с музыкой Г. Спонтини впервые была представлена в Петербурге 26 октября 1812 г. французской оперной труппой. Спектакль имел большой успех. 31 января 1814 г.

¹⁵ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 574—576.

¹⁶ Сочинения Державина / С объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 8. С. 887.

¹⁷ Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 311.

состоялось первое представление «Весталки» немецкой труппой.¹⁸ Вскоре начались репетиции оперы на русской сцене, где премьера состоялась 6 апреля 1814 г. В спектакле участвовали Е. С. Сандунова (в роли Юлии), В. М. Самойлов, Я. Я. (?) Соколов, П. В. Злов, А. В. Лисицын. Театральные знатоки сочли, что «„Весталка“ была разыграна с такою совокупностью на русской сцене, что нисколько она не уступала представлениям иностранным».¹⁹ В спектакле, состоявшемся 2 февраля 1815 г., в заключительном дивертисменте Самойлова исполнила песню, сочиненную в народном стиле Г. Политковским на музыку Давыдова в связи с отъездом императрицы Елизаветы Алексеевны к действующей армии:

Понесися по поднебесью
Птица милая, голубушка,
Ты лети, лети, наша матушка,
К царю батюшке.

Песня была встречена громом рукоплесканий и криками «Ура!».

В 1815 г. Волков издал перевод «Весталки», напечатав его в Санкт-Петербурге, в медицинской типографии. Посвящая издание Александре Николаевне Вязмитиновой, он писал: «Весталка, лирическая трагедия, по слогу поэмы и по превосходной музыке столько приобрела славы, что говорить о том было бы лишним. Предприняв перевести ее для русского театра, я имел два предмета: соблюсти сколько можно красоты подлинника и сохранить музыку. Счастливым почту себя, ежели заслужу одобрение любителей и знатоков в сем роде нашей словесности».

Лирическая драма о любви героя-победителя Лициния и весталки Юлии, хранительницы священного огня, сценически была оформлена как яркое, эффектное зрелище. В кульминационный момент «небо помрачается, слышны удары грома с треском, страшное сияние молнии <...> В середине театра открывается вулкан, громовая стрела ударяет в покрывало, повешенное на жертвенник, и зажигает оное». Театральные зрелища, сочетающие в себе иллюминационный театр, архитектуру, музыку, балет и выдвигавшие на первый план внешние сценические эффекты, широко распространились на русской сцене в конце XVIII в. и долго пользовались популярностью. (Достаточно вспомнить успех «волшебно-комической» оперы Н. С. Краснопольского «Русалка» — переработки «Дунайской нимфы» К.-Ф. Генслера (первое представление — СПб., 1803)). «Весталка» выгодно отличалась от них динамичным развитием сюжета, выразительным языком волковского перевода. Образ священного огня — символа надежности и устойчивости государства — был созвучен исторической ситуации.

Пьеса эта долго пользовалась популярностью и в России, и на Западе. По воспоминаниям К. В. Нессельроде, Александр I

¹⁸ Русский театр в царствование Александра I. 1801—1825: Из журнала А. В. Каратыгина // Русская старина. 1880. Т. 10. С. 265.

¹⁹ Арапов П. Указ. соч. С. 224—225.

во время своего пребывания в Париже в 1814 г. был на представлении «Весталки», которая шла (по его желанию) вместо другого спектакля.²⁰ В петербургских театрах «Весталка» шла и в 1840 г.

Записка Державина с приглашением Волкова не датирована. Но, по-видимому, ее можно отнести или к моменту завершения работы Волкова над переводом, или, что более вероятно, к тому времени, когда пьеса была представлена на сцене и получила известность. т. е. к 1812—1814 гг.

Четвертая записка Державина к Олину (также недатированная) свидетельствует о дружеском характере их отношений.

В. Ник. Олину. Вчераś помешали нашей беседе, что однако редко случается, и так прошу вас еще когда на вечерок ко мне обратиться, но предъупреждаю только в который день, дабы я остался дома и взял меры, чтоб нам не помешали.

Когда же состоялось знакомство Державина с Олиным? Можно предположить, что это произошло вскоре после опубликования последним в 1809 г. «Панегирика» Державину, что и могло явиться поводом для знакомства. Именно таким способом Олин завязал знакомство с В. А. Жуковским. В 1819 г. он послал Жуковскому книжку своего «Журнала древней и новой словесности» и выразил желание лично познакомиться с ним.²¹

В 1816 г. журнал «Сын отечества» первым отозвался на смерть Державина. В № 29 после некролога (начало его было в № 28), рядом с эпитафией А. Е. Измайлова и отрывком из послания Батюшкова «И. М. Муравьеву-Апостолу», содержащим фрагмент о Державине, была напечатана и элегия Олина, в которой он оплакивал кончину своего именитого учителя.

²⁰ Русский архив. 1905. Т. 2. С. 533.

²¹ Иезуитова Р. В. Из неизданной переписки В. А. Жуковского с русскими литераторами 1810—1820-х годов // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1980 год. Л., 1984. С. 104—105.

Г. Н. МОИСЕЕВА

ДВЕ СТИХОТВОРНЫЕ САТИРЫ КОНЦА XVIII—НАЧАЛА XIX ВЕКА

Царствование Екатерины II еще при жизни русской императрицы породило громадную литературную продукцию, посвященную ее биографии. Пожалуй, ни одно из царствований русских императриц XVIII в. (Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны) не вызывало такого жгучего интереса у современников.

В 1782 г., находясь во Франции, Е. Р. Дашкова поведала Дени Дидро, с которым находилась в дружественных отношениях, о том, что Клод Рюльер настойчиво добивается с ней встречи. Мудрый философ сообщил Е. Р. Дашковой, что К. Рюльер, бывший французский атташе при русском дворе, написал скандальную книгу о восшествии Екатерины II на престол и о ее дальнейшем царствовании, которую он читал повсюду в аристократических салонах. Встреча с К. Рюльером, по мнению Д. Дидро, могла бы ухудшить отношения русской императрицы с Е. Р. Дашковой. Дидро сказал о том, что он с большим трудом взял с Рюльера обещание не издавать его сочинение при жизни императрицы.

Вскоре после смерти Екатерины II (1796 г.) в Париже вышла из печати книга К. Рюльера,¹ наделавшая много шума. Вывоз ее в Россию был запрещен. Но Е. Р. Дашкова ознакомилась с этой, как она называет, «маленькой книжечкой, наполненной большой ложью». В архиве Воронцовых сохранились замечания Е. Р. Дашковой о фактических ошибках французского писателя.²

В том же 1797 г. в Париже была опубликована еще одна книга, посвященная Екатерине II. Ее написал Жак Кастера,³ использовавший в числе своих источников и сенсационное сочинение К. Рюльера. Ввоз книги Ж. Кастера в Россию также был строго запрещен. Но Е. Р. Дашкова имела ее в своей библиотеке и испецировала ее своими маргиналиями и пометками.⁴ Эти книги в рукописных переводах были известны в России и распространялись в списках.

С 1786 по 1796 г. в Петербурге жил французский инженер Карл Массон, преподаватель артиллерийско-инженерного кадетского корпуса и секретарь Н. И. Салтыкова. Высланный в 1796 г. из России по политическим обвинениям, он опубликовал в Париже в 1802 г. «Секретные мемуары о России и личной жизни императрицы Екатерины II до конца ее царствования и начале правления Павла I».⁵ Так же, как и книги К. Рюльера и Ж. Кастера, продажа сочинения К. Массона была запрещена указом Александра I. Но тем не менее его мемуары были известны в рукописном переводе Г. В. Винского и распространялись в списках.

¹ *Rulhière C. C. Histoire ou Anecdotes sur la Révolution de Russie en 1762. Paris, 1797.*

² Замечания княгини Дашковой на сочинение Рюльера о воцарении Екатерины Второй // Русский архив. 1890. № 12. С. 551.

³ *Castera J. Vie de Catherine. Paris, 1797.*

⁴ *Корнилович-Зубашева О. Е.* Княгиня Е. Р. Дашкова за чтением Кастера // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 355—370; *Сомов В. А.* Книга о Екатерине II из библиотеки Е. Р. Дашковой // Книжные сокровища: (К 275-летию Библиотеки АН СССР). Л., 1990. С. 138—151.

⁵ *Masson Ch. F. Ph. Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du regne de Catherine II, et le commencement de celui de Paul I. 2 ed. Vol. 1—3. Paris, 1802.* В 1803 г. это издание было опубликовано в Амстердаме в 4 томах.

Несмотря на строгие цензурные преследования и в России создавались произведения, сатирически изображавшие жизнь «российской Минервы», «матери Отечества» и ее фаворитов.

В рукописном отделе Ярославского музея-заповедника хранится обширный сборник сатирических стихотворений, переписанный скорописью в начале XIX в. на 304 листах.⁶

В числе стихотворных сатирических поэм, шаржей, эпиграмм и шуточных баллад, направленных против царствовавших особ — Екатерины II, Александра I, их вельмож, — привлекают внимание два сатирических стихотворения: «Случай на Случай» и «Сравнение».

Приведем текст первого из них.

С л у ч а й н а С л у ч а й

В день светлый был *Орел* над птицами глава;
В *Потемках* стал *Орел*, как мокрая сова.
В потемках *Василек* быть кажется крапивою;
Завода лучшей конь стал клячей спотыкливой.
Хоть как ни дай *Потьмам* насильственно сиянье,
Когда взойдет *Заря*, померкнет все блистанье.
Но слабый свет зари во мраке вдруг исчез:
В потемках хищный *Корс* на вышшу гору влез.
Лана кротка со горних паств вдруг *Корса* прогоняет;
Готовленное ей осталось там *Ярмо* —
Изохши на жару разрушилось само.
Прожорливый *Мамон* то место заступает,
И, верхом овладев, все пожни пожирает:
Излишество всегда чрезмерно нам вредит;
Блажен тот здоров и сыт, с горы кто вдоль сбежит;
И самый острый *Зуб*, булату хоть подобен,
Притупит острие, скользнет — и будет ровен.⁷

В сатирическом стихотворении в хронологическом порядке кратко охарактеризованы фавориты императрицы Екатерины, или, как их тогда называли, люди, «попавшие в Случай». Отсюда и название — «Случай на Случай».

Неизвестный нам автор этой сатиры, как можно видеть, достаточно хорошо знал события придворной жизни и живо обрисовал манеру поведения сменявших друг друга фаворитов.

Вот Григорий Григорьевич Орлов (1734—1783), молодой гвардеец, участник Семилетней войны. С 1760 г. он стал бывать при «Малом дворе» наследника престола Петра III и его жены Екатерины Алексеевны. Принимал самое активное участие в подготовке и организации дворцового переворота, низложившего Петра III и возведшего на трон Екатерину II 28 июня 1762 г., и на другой день был возведен в генерал-майоры и действительные камергеры. Г. Г. Орлов был главным распорядителем на корона-

⁶ *Лукьянов В. В.* Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея // Краеведческие записки. Ярославль, 1958. Вып. 3. С. 175.

⁷ Ярославский музей-заповедник (далее: ЯМЗ), № 709 (1082), 4, ° 1. 36 (выделенные слова в рукописи подчеркнуты).

ционных торжествах в 1763 г. в Москве, возведен вместе с братом Алексеем сначала в графское и позднее в княжеское достоинство. Все Орловы (а их было четыре брата), получившие огромные поместья и тысячи крепостных, были в 60—70-х гг. XVIII в. самыми близкими людьми к императрице и имели на нее большое влияние: «В день светлый был Орел над птицами глава».

Звезда Григория Александровича Потемкина (1731—1791) взошла в конце 60-х—начале 70-х гг. XVIII в., когда он появился при дворе и принимал участие в Комиссии по составлению законов. В 1771 г. он получил чин генерал-поручика, вскоре — генерал-адъютанта и подполковника Преображенского полка (полковником Преображенского полка была Екатерина II), стал членом Государственного совета, в 1776 г. возведен австрийским императором Иосифом II в графское достоинство, а вскоре — в княжеское.

Влияние на государственные дела умного и более образованного, чем другие фавориты, Г. А. Потемкина было глубоким и продолжительным.

В начале 1770-х гг. Екатерина II на непродолжительное время приблизила к себе Александра Семеновича Васильчикова. Но, как пишет автор сатирического стихотворения, «В потемках Василек быть кажется крапивою». Г. А. Потемкин оставался в это время фаворитом Екатерины II, и А. С. Васильчиков вскоре выбыл из «Случая».

Петр Васильевич Завадовский (1739—1812) служил в Малороссийской коллегии под начальством П. А. Румянцева. В 1775 г. стал известен Екатерине II и в течение двух лет был ее приближенным лицом, получил обширные поместья в Черниговской и Могилевской губерниях. При Александре I назначен главным советником и председателем Комиссии по составлению законов. С 1802 по 1810 г. он — министр народного просвещения.

Выехавший в середине XVIII в. из Сербии в Россию Семен Гаврилович Зорич был адъютантом Г. А. Потемкина. В 1777—1778 гг. получил чин генерал-майора и флигель-адъютанта императрицы. Вскоре Екатерина II подарила ему г. Шклов.

Иван Николаевич Римский-Корсаков (1754—1831), фаворит Екатерины II в 1778 г., получил чин генерал-майора и вскоре генерал-адъютанта.

«Лана кротка со горних паств вдруг Корса прогоняет». Речь идет об Александре Дмитриевиче Ланском (1754—1784). Современники, русские и иностранцы, писали о необыкновенной красоте этого молодого человека, завоевавшего сердце стареющей императрицы (Екатерина II родилась в 1729 г.) своей «кротостью» и полным отсутствием собственного мнения.

В 1779 г. А. Д. Ланской, будучи адъютантом Г. А. Потемкина, стал фаворитом Екатерины II. В том же году он был пожалован во флигель-адъютанты императрицы. В 1781 г. награжден орденами Белого Орла, Александра Невского и Анны. Похоронен

в Царском Селе на Софийском кладбище. Над его могилой Екатерина II построила церковь Казанской Божьей Матери.

Ранняя смерть А. Д. Ланского, оплаканного императрицей, позволила попасть «в Случай» Алексею Петровичу Ермолову (1772—1861). Под предводительством А. В. Суворова он принимал участие в боевых походах. Фавор его совпал с привязанностью Екатерины II к Александру Матвеевичу Дмитриеву-Мамонову (1758—1803), адъютанту Г. А. Потемкина, получившего в 1786 г. чин флигель-адъютанта императрицы и в этой должности сопровождавшего Екатерину в ее путешествии в 1787 г. в Крым и Новороссию. А. М. Дмитриев-Мамонов имел литературные склонности, писал пьесы на французском языке. Вскоре после возвращения из путешествия он влюбился в молодую фрейлину княжну Щербатову и получил «милостивое разрешение» жениться. Автор сатирического стихотворения отмечает именно этот эпизод в биографии фаворита, благополучно закончившийся для него женитьбой на любимой женщине: «Блажен тот здоров и сыт, с горы кто вдоль сбегит».

Эта строка из сатирического стихотворения «Случай на Случай» позволяет обозначить хронологическую границу, не позднее которой оно могло быть написано. А. М. Дмитриев-Мамонов умер в 1803 г. Автор стихотворения говорит о нем как «здравом». Следовательно, стихотворение написано до 1803 г.

Кончается стихотворение упоминанием «острого Зуба» — Платона Александровича Зубова (1767—1822), выдвинувшегося благодаря генерал-фельдмаршалу Н. И. Салтыкову. С 1789 г. П. А. Зубов становится лицом, близким к Екатерине II. Он получает графское достоинство, громадные поместья с десятками тысяч душ крепостных. В 1791 г., после смерти Г. А. Потемкина, императрица передает Зубову все должности последнего: генерал-фельдцейхмейстера, новороссийского генерал-губернатора, начальника Черноморского флота. «Случай» П. А. Зубова продолжался до самой смерти Екатерины II (6 ноября 1796 г.). Пришедший к власти Павел I повелел П. А. Зубову выехать за границу, а имения у него отобрать. Но уже в 1800 г. по ходатайству любимца нового императора Кутайсова последний фаворит покойной императрицы вернулся в Россию.

Заключительные строки сатирического стихотворения «Случай на Случай»: «И самый острый Зуб, булату хоть подобен, / Притупит острие, скользнет — и будет ровен», свидетельствует о том, что оно написано до ноября 1796 г., т. е. тогда, когда фаворит П. А. Зубов был в полной силе («булату хоть подобен»). Но, очевидно, автор уверен в том, что как и всякий «Случай» не вечен, так и этот преходящ: до возникновения нового фаворита, который столкнет своего предшественника. Неожиданная смерть Екатерины II прервала появление «случайных людей» при русской императрице.

Обратимся ко второй сатире.

С р а в н е н и е

Минерва Росская велела в наказание
 Тилемахиды лист виновному прочесть.
 О, вечнославное Великой подражанье!
 О, духу кроткому монархов Росских честь!
 Взор отвращая свой от казней уголовных,
 Се ныне Александр на место жертв их кровных,
 Умея и без них пороки исправлять, —
 Две части Дибича воинския науки,
 Страшая ужасми,
 Заставил нас читать!
 Исправьтесь, воины, сим средством кроткой власти!
 Или страшитесь еще вы третьей части.⁸

Для определения времени написания этого сатирического стихотворения важно было выяснить, о какой «Воинской науке» Дибича идет речь в этом произведении.

Дибич, Ганс-Эренфрид (1738—1822), адъютант прусского короля Фридриха II, в 1792 г. перешел в русскую службу. Он получил чин генерал-майора и написал ряд книг по истории воинской науки. В 1802 г. по приказанию Александра I Карбоньером д'Арситом была переведена с немецкого языка на русский книга «Gedanken über den Soldaten in allen seinen Theilen abgehandelt». Ее должны были изучать во всех полках. Можно полагать поэтому, что сатирическое стихотворение «Сравнение» было написано в среде военных. Однако и здесь сатира выходит за пределы узкой социальной группы и намекает на постоянно подчеркиваемую Александром I преемственность своей политики от «бабки своей, Великой Екатерины».

Чтение страницы политического романа Фенелона в переводе В. К. Тредиаковского «Тилемахида», изданного в 1766 г., действительно было введено Екатериной II в Зимнем дворце якобы в шутовское наказание за скуку. Но, как это убедительно показано А. С. Орловым,⁹ русская императрица пыталась таким образом отвлечь внимание от просветительского содержания романа Фенелона, раскрывавшего жестокий и лживый характер деспотической власти. «Уроки царям», которые проповедовал французский писатель Фенелон, не нравились Екатерине II, и она решила дезавуировать их посредством насмешек над стихотворным переводом этого романа В. К. Тредиаковским.

Возможно, истинную роль этого якобы шутовского наказания понимали и современники. Поэтому гуманную миссию «кроткой» императрицы автор сравнил с указом Александра I о введении обязательного изучения книги немецкого генерала Дибича.

Так как перевод «Воинской науки» Дибича относится к 1802 г., то можно с достаточным основанием полагать, что сатирическое стихотворение «Сравнение» было написано не ранее этого года.

⁸ ЯМЗ, № 709 (1082), л. 208.

⁹ Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 5—60.

Именно в первые годы после восшествия на престол Александр I постоянно говорил о своем правлении, как о продолжении «Екатерининского царствования». Это отражено и в «Похвальном слове Екатерине Великой», напечатанном Н. М. Карамзиным в 1802 г. «Дней Александровых прекрасное начало» (А. С. Пушкин) завершилось достаточно быстро. Поэтому, можно думать, что сатирическое стихотворение «Сравнение» было написано не позднее первых годов XIX в.

Оба сатирических стихотворения представляют собой образцы так называемой «подпольной литературы»,¹⁰ распространявшейся в рукописных списках и не доходившей до печати. Однако и эта, отталкивающаяся от официальной литература, выражающая точку зрения демократических общественных кругов, можно полагать, и сама зависела от традиций русской литературы и оказывала на нее свое влияние.

Обратим внимание на то, что в творчестве писателей XVIII—XIX вв. одним из художественных приемов были «говорящие фамилии», нередко связанные с животным миром: Скотинин («Недоросль» Фонвизина, «Евгений Онегин» Пушкина), Свинын («Человек на часах» Лескова), Лошадиных («Клевета» Чехова) и др.

В сатирическом стихотворении «Случай на Случай» произведена как бы обратная замена: реальные фамилии обозначены названиями зверей: Орел (Орлов), Зуб (Зубов), Корс (Корсаков), Лана (Ланской). Этот литературный прием дал возможность автору сатиры достаточно ясно раскрыть реальную основу своего сюжета и вместе с тем показать как бы типологические черты поведения этих зверей, отразившиеся в образах людей: отсюда эпитеты «хищный», «кротка» и др.

Введение в литературный оборот двух неизвестных ранее сатирических стихотворений конца XVIII—первых лет XIX в., возможно, позволит в дальнейшем узнать имена их авторов и определить точки соприкосновения этих образцов рукописного творчества с русской литературой того времени.

¹⁰ Термин «подпольная» удачно введен Г. А. Гуковским. См.: Подпольная поэзия 1770—1800 гг. / Публ. Г. Гуковского и В. Орлова // Лит. наследство. М., 1933. Т. 9—10. С. 5—98.

во время своего пребывания в Париже в 1814 г. был на представлении «Весталки», которая шла (по его желанию) вместо другого спектакля.²⁰ В петербургских театрах «Весталка» шла и в 1840 г.

Записка Державина с приглашением Волкова не датирована. Но, по-видимому, ее можно отнести или к моменту завершения работы Волкова над переводом, или, что более вероятно, к тому времени, когда пьеса была представлена на сцене и получила известность, т. е. к 1812—1814 гг.

Четвертая записка Державина к Олину (также недатированная) свидетельствует о дружеском характере их отношений.

В. Ник. Олину. Вчераś помешали нашей беседе, что однако редко случается, и так прошу вас еще когда на вечерок ко мне обратиться, но предъупреждаю только в который день, дабы я остался дома и взял меры, чтоб нам не помешали.

Когда же состоялось знакомство Державина с Олиным? Можно предположить, что это произошло вскоре после опубликования последним в 1809 г. «Панегирика» Державину, что и могло явиться поводом для знакомства. Именно таким способом Олин завязал знакомство с В. А. Жуковским. В 1819 г. он послал Жуковскому книжку своего «Журнала древней и новой словесности» и выразил желание лично познакомиться с ним.²¹

В 1816 г. журнал «Сын отечества» первым отозвался на смерть Державина. В № 29 после некролога (начало его было в № 28), рядом с эпитафией А. Е. Измайлова и отрывком из послания Батюшкова «И. М. Муравьеву-Апостолу», содержащим фрагмент о Державине, была напечатана и элегия Олина, в которой он оплакивал кончину своего именитого учителя.

²⁰ Русский архив. 1905. Т. 2. С. 533.

²¹ Иезуитова Р. В. Из неизданной переписки В. А. Жуковского с русскими литераторами 1810—1820-х годов // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1980 год. Л., 1984. С. 104—105.

Г. Н. МОИСЕЕВА

ДВЕ СТИХОТВОРНЫЕ САТИРЫ КОНЦА XVIII—НАЧАЛА XIX ВЕКА

Царствование Екатерины II еще при жизни русской императрицы породило громадную литературную продукцию, посвященную ее биографии. Пожалуй, ни одно из царствований русских императриц XVIII в. (Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны) не вызывало такого жгучего интереса у современников.

В 1782 г., находясь во Франции, Е. Р. Дашкова поведала Дени Дидро, с которым находилась в дружественных отношениях, о том, что Клод Рюльер настойчиво добивается с ней встречи. Мудрый философ сообщил Е. Р. Дашковой, что К. Рюльер, бывший французский атташе при русском дворе, написал скандальную книгу о восшествии Екатерины II на престол и о ее дальнейшем царствовании, которую он читал повсюду в аристократических салонах. Встреча с К. Рюльером, по мнению Д. Дидро, могла бы ухудшить отношения русской императрицы с Е. Р. Дашковой. Дидро сказал о том, что он с большим трудом взял с Рюльера обещание не издавать его сочинение при жизни императрицы.

Вскоре после смерти Екатерины II (1796 г.) в Париже вышла из печати книга К. Рюльера,¹ наделавшая много шума. Вывоз ее в Россию был запрещен. Но Е. Р. Дашкова ознакомилась с этой, как она называет, «маленькой книжечкой, наполненной большой ложью». В архиве Воронцовых сохранились замечания Е. Р. Дашковой о фактических ошибках французского писателя.²

В том же 1797 г. в Париже была опубликована еще одна книга, посвященная Екатерине II. Ее написал Жак Кастера,³ использовавший в числе своих источников и сенсационное сочинение К. Рюльера. Ввоз книги Ж. Кастера в Россию также был строго запрещен. Но Е. Р. Дашкова имела ее в своей библиотеке и испецировала ее своими маргиналиями и пометками.⁴ Эти книги в рукописных переводах были известны в России и распространялись в списках.

С 1786 по 1796 г. в Петербурге жил французский инженер Карл Массон, преподаватель артиллерийско-инженерного кадетского корпуса и секретарь Н. И. Салтыкова. Высланный в 1796 г. из России по политическим обвинениям, он опубликовал в Париже в 1802 г. «Секретные мемуары о России и личной жизни императрицы Екатерины II до конца ее царствования и начале правления Павла I».⁵ Так же, как и книги К. Рюльера и Ж. Кастера, продажа сочинения К. Массона была запрещена указом Александра I. Но тем не менее его мемуары были известны в рукописном переводе Г. В. Винского и распространялись в списках.

¹ *Rulhière C. C. Histoire ou Anecdotes sur la Révolution de Russie en 1762.* Paris, 1797.

² Замечания княгини Дашковой на сочинение Рюльера о воцарении Екатерины Второй // Русский архив. 1890. № 12. С. 551.

³ *Castera J. Vie de Catherine.* Paris, 1797.

⁴ *Корнилович-Зубашева О. Е.* Княгиня Е. Р. Дашкова за чтением Кастера // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 355—370; *Сомов В. А.* Книга о Екатерине II из библиотеки Е. Р. Дашковой // Книжные сокровища: (К 275-летию Библиотеки АН СССР). Л., 1990. С. 138—151.

⁵ *Masson Ch. F. Ph. Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du regne de Catherine II, et le commencement de celui de Paul I.* 2 ed. Vol. 1—3. Paris, 1802. В 1803 г. это издание было опубликовано в Амстердаме в 4 томах.

Несмотря на строгие цензурные преследования и в России создавались произведения, сатирически изображавшие жизнь «российской Минервы», «матери Отечества» и ее фаворитов.

В рукописном отделе Ярославского музея-заповедника хранится обширный сборник сатирических стихотворений, переписанный скорописью в начале XIX в. на 304 листах.⁶

В числе стихотворных сатирических поэм, шаржей, эпиграмм и шуточных баллад, направленных против царствовавших особ — Екатерины II, Александра I, их вельмож, — привлекают внимание два сатирических стихотворения: «Случай на Случай» и «Сравнение».

Приведем текст первого из них.

С л у ч а й н а С л у ч а й

В день светлый был *Орел* над птицами глава;
В *Потемках* стал Орел, как мокрая сова.
В потемках *Василек* быть кажется крапивою;
Завода лучшей конь стал клячей спотыкливой.
Хоть как ни дай *Потьмам* насильственно сиянье,
Когда взойдет *Заря*, померкнет все блистанье.
Но слабый свет зари во мраке вдруг исчез:
В потемках хищный *Корс* на вышу гору влез.
Лана кротка со горних паств вдруг *Корса* прогоняет;
Готовленное ей осталось там *Ярмо* —
Изохши на жару разрушилось само.
Прожорливый *Мамон* то место заступает,
И, верхом овладев, все пожни пожирает:
Излишество всегда чрезмерно нам вредит;
Блажен тот здоров и сыт, с горы кто вдоль сбежит;
И самый острый *Зуб*, булату хоть подобен,
Притупит острие, скользнет — и будет ровен.⁷

В сатирическом стихотворении в хронологическом порядке кратко охарактеризованы фавориты императрицы Екатерины, или, как их тогда называли, люди, «попавшие в Случай». Отсюда и название — «Случай на Случай».

Неизвестный нам автор этой сатиры, как можно видеть, достаточно хорошо знал события придворной жизни и живо обрисовал манеру поведения сменявших друг друга фаворитов.

Вот Григорий Григорьевич Орлов (1734—1783), молодой гвардеец, участник Семилетней войны. С 1760 г. он стал бывать при «Малом дворе» наследника престола Петра III и его жены Екатерины Алексеевны. Принимал самое активное участие в подготовке и организации дворцового переворота, низложившего Петра III и возведшего на трон Екатерину II 28 июня 1762 г., и на другой день был возведен в генерал-майоры и действительные камергеры. Г. Г. Орлов был главным распорядителем на корона-

⁶ Лукьянов В. В. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея // Краеведческие записки. Ярославль, 1958. Вып. 3. С. 175.

⁷ Ярославский музей-заповедник (далее: ЯМЗ), № 709 (1082), 4, ° 1. 36 (выделенные слова в рукописи подчеркнуты).

ционных торжествах в 1763 г. в Москве, возведен вместе с братом Алексеем сначала в графское и позднее в княжеское достоинство. Все Орловы (а их было четыре брата), получившие огромные поместья и тысячи крепостных, были в 60—70-х гг. XVIII в. самыми близкими людьми к императрице и имели на нее большое влияние: «В день светлый был Орел над птицами глава».

Звезда Григория Александровича Потемкина (1731—1791) возшла в конце 60-х—начале 70-х гг. XVIII в., когда он появился при дворе и принимал участие в Комиссии по составлению законов. В 1771 г. он получил чин генерал-поручика, вскоре — генерал-адъютанта и подполковника Преображенского полка (полковником Преображенского полка была Екатерина II), стал членом Государственного совета, в 1776 г. возведен австрийским императором Иосифом II в графское достоинство, а вскоре — в княжеское.

Влияние на государственные дела умного и более образованного, чем другие фавориты, Г. А. Потемкина было глубоким и продолжительным.

В начале 1770-х гг. Екатерина II на непродолжительное время приблизила к себе Александра Семеновича Васильчикова. Но, как пишет автор сатирического стихотворения, «В потемках Василек быть кажется крапивою». Г. А. Потемкин оставался в это время фаворитом Екатерины II, и А. С. Васильчиков вскоре выбыл из «Случая».

Петр Васильевич Завадовский (1739—1812) служил в Малороссийской коллегии под начальством П. А. Румянцева. В 1775 г. стал известен Екатерине II и в течение двух лет был ее приближенным лицом, получил обширные поместья в Черниговской и Могилевской губерниях. При Александре I назначен главным советником и председателем Комиссии по составлению законов. С 1802 по 1810 г. он — министр народного просвещения.

Выехавший в середине XVIII в. из Сербии в Россию Семен Гаврилович Зорич был адъютантом Г. А. Потемкина. В 1777—1778 гг. получил чин генерал-майора и флигель-адъютанта императрицы. Вскоре Екатерина II подарила ему г. Шклов.

Иван Николаевич Римский-Корсаков (1754—1831), фаворит Екатерины II в 1778 г., получил чин генерал-майора и вскоре генерал-адъютанта.

«Лана кротка со горних паств вдруг Корса прогоняет». Речь идет об Александре Дмитриевиче Ланском (1754—1784). Современники, русские и иностранцы, писали о необыкновенной красоте этого молодого человека, завоевавшего сердце стареющей императрицы (Екатерина II родилась в 1729 г.) своей «кротостью» и полным отсутствием собственного мнения.

В 1779 г. А. Д. Ланской, будучи адъютантом Г. А. Потемкина, стал фаворитом Екатерины II. В том же году он был пожалован во флигель-адъютанты императрицы. В 1781 г. награжден орденами Белого Орла, Александра Невского и Анны. Похоронен

в Царском Селе на Софийском кладбище. Над его могилой Екатерина II построила церковь Казанской Божьей Матери.

Ранняя смерть А. Д. Ланского, оплаканного императрицей, позволила попасть «в Случай» Алексею Петровичу Ермолову (1772—1861). Под предводительством А. В. Суворова он принимал участие в боевых походах. Фавор его совпал с привязанностью Екатерины II к Александру Матвеевичу Дмитриеву-Мамонову (1758—1803), адъютанту Г. А. Потемкина, получившего в 1786 г. чин флигель-адъютанта императрицы и в этой должности сопровождавшего Екатерину в ее путешествии в 1787 г. в Крым и Новороссию. А. М. Дмитриев-Мамонов имел литературные склонности, писал пьесы на французском языке. Вскоре после возвращения из путешествия он влюбился в молодую фрейлину княжну Щербатову и получил «милостивое разрешение» жениться. Автор сатирического стихотворения отмечает именно этот эпизод в биографии фаворита, благополучно закончившийся для него женитьбой на любимой женщине: «Блажен тот здоров и сыт, с горы кто вдоль сбегит».

Эта строка из сатирического стихотворения «Случай на Случай» позволяет обозначить хронологическую границу, не позднее которой оно могло быть написано. А. М. Дмитриев-Мамонов умер в 1803 г. Автор стихотворения говорит о нем как «здравом». Следовательно, стихотворение написано до 1803 г.

Кончается стихотворение упоминанием «острого Зуба» — Платона Александровича Зубова (1767—1822), выдвинувшегося благодаря генерал-фельдмаршалу Н. И. Салтыкову. С 1789 г. П. А. Зубов становится лицом, близким к Екатерине II. Он получает графское достоинство, громадные поместья с десятками тысяч душ крепостных. В 1791 г., после смерти Г. А. Потемкина, императрица передает Зубову все должности последнего: генерал-фельдцейхмейстера, новороссийского генерал-губернатора, начальника Черноморского флота. «Случай» П. А. Зубова продолжался до самой смерти Екатерины II (6 ноября 1796 г.). Пришедший к власти Павел I повелел П. А. Зубову выехать за границу, а имения у него отобрать. Но уже в 1800 г. по ходатайству любимца нового императора Кутайсова последний фаворит покойной императрицы вернулся в Россию.

Заключительные строки сатирического стихотворения «Случай на Случай»: «И самый острый Зуб, булату хоть подобен, / Притупит острие, скользнет — и будет ровен», свидетельствует о том, что оно написано до ноября 1796 г., т. е. тогда, когда фаворит П. А. Зубов был в полной силе («булату хоть подобен»). Но, очевидно, автор уверен в том, что как и всякий «Случай» не вечен, так и этот преходящ: до возникновения нового фаворита, который столкнет своего предшественника. Неожиданная смерть Екатерины II прервала появление «случайных людей» при русской императрице.

Обратимся ко второй сатире.

С р а в н е н и е

Минерва Росская велела в наказание
Тилемахиды лист виновному прочесть.
О, вечнославное Великой подражанье!
О, духу кроткому монархов Росских честь!
Взор отвращая свой от казней уголовных,
Се ныне Александр на место жертв их кровных,
Умея и без них пороки исправлять, —
Две части Дибича воинския науки,
Страшая ужасми,
Заставил нас читать!
Исправьтесь, воины, сим средством кроткой власти!
Или страшитесь еще вы третьей части.⁸

Для определения времени написания этого сатирического стихотворения важно было выяснить, о какой «Воинской науке» Дибича идет речь в этом произведении.

Дибич, Ганс-Эренфрид (1738—1822), адъютант прусского короля Фридриха II, в 1792 г. перешел в русскую службу. Он получил чин генерал-майора и написал ряд книг по истории воинской науки. В 1802 г. по приказанию Александра I Карбоньером д'Арситом была переведена с немецкого языка на русский книга «Gedanken über den Soldaten in allen seinen Theilen abgehandelt». Ее должны были изучать во всех полках. Можно полагать поэтому, что сатирическое стихотворение «Сравнение» было написано в среде военных. Однако и здесь сатира выходит за пределы узкой социальной группы и намекает на постоянно подчеркиваемую Александром I преемственность своей политики от «бабки своей, Великой Екатерины».

Чтение страницы политического романа Фенелона в переводе В. К. Тредиаковского «Тилемахида», изданного в 1766 г., действительно было введено Екатериной II в Зимнем дворце якобы в шутовское наказание за скуку. Но, как это убедительно показано А. С. Орловым,⁹ русская императрица пыталась таким образом отвлечь внимание от просветительского содержания романа Фенелона, раскрывавшего жестокий и лживый характер деспотической власти. «Уроки царям», которые проповедовал французский писатель Фенелон, не нравились Екатерине II, и она решила дезавуировать их посредством насмешек над стихотворным переводом этого романа В. К. Тредиаковским.

Возможно, истинную роль этого якобы шутовского наказания понимали и современники. Поэтому гуманную миссию «кроткой» императрицы автор сравнил с указом Александра I о введении обязательного изучения книги немецкого генерала Дибича.

Так как перевод «Воинской науки» Дибича относится к 1802 г., то можно с достаточным основанием полагать, что сатирическое стихотворение «Сравнение» было написано не ранее этого года.

⁸ ЯМЗ, № 709 (1082), л. 208.

⁹ Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 5—60.

Именно в первые годы после восшествия на престол Александр I постоянно говорил о своем правлении, как о продолжении «Екатерининского царствования». Это отражено и в «Похвальном слове Екатерине Великой», напечатанном Н. М. Карамзиным в 1802 г. «Дней Александровых прекрасное начало» (А. С. Пушкин) завершилось достаточно быстро. Поэтому, можно думать, что сатирическое стихотворение «Сравнение» было написано не позднее первых годов XIX в.

Оба сатирических стихотворения представляют собой образцы так называемой «подпольной литературы»,¹⁰ распространявшейся в рукописных списках и не доходившей до печати. Однако и эта, отталкивающаяся от официальной литература, выражающая точку зрения демократических общественных кругов, можно полагать, и сама зависела от традиций русской литературы и оказывала на нее свое влияние.

Обратим внимание на то, что в творчестве писателей XVIII—XIX вв. одним из художественных приемов были «говорящие фамилии», нередко связанные с животным миром: Скотинин («Недоросль» Фонвизина, «Евгений Онегин» Пушкина), Свинын («Человек на часах» Лескова), Лошадиных («Клевета» Чехова) и др.

В сатирическом стихотворении «Случай на Случай» произведена как бы обратная замена: реальные фамилии обозначены названиями зверей: Орел (Орлов), Зуб (Зубов), Корс (Корсаков), Лана (Ланской). Этот литературный прием дал возможность автору сатиры достаточно ясно раскрыть реальную основу своего сюжета и вместе с тем показать как бы типологические черты поведения этих зверей, отразившиеся в образах людей: отсюда эпитеты «хищный», «кротка» и др.

Введение в литературный оборот двух неизвестных ранее сатирических стихотворений конца XVIII—первых лет XIX в., возможно, позволит в дальнейшем узнать имена их авторов и определить точки соприкосновения этих образцов рукописного творчества с русской литературой того времени.

¹⁰ Термин «подпольная» удачно введен Г. А. Гуковским. См.: Подпольная поэзия 1770—1800 гг. / Публ. Г. Гуковского и В. Орлова // Лит. наследство. М., 1933. Т. 9—10. С. 5—98.

**НОВОНАЙДЕННОЕ «ПУТЕШЕСТВИЕ»
ПО РУССКОМУ СЕВЕРУ НАЧАЛА XVIII ВЕКА
(«ДИУРНАЛЫ» И ПИСЬМА МАТВЕЯ ЖДАНОВА)**

28 мая 1982 г. в собрании рукописных книг библиотеки Вологодского Областного краеведческого музея мною был найден рукописный сборник 1712—1714 гг., хранящийся под № 4373. Форматом в лист, 31 × 19,5 см, этот сборник насчитывает 164 листа и заключен в деревянный, покрытый желтой кожей переплет со следами кожаных застежек; сохранность — удовлетворительная. В сборнике имеется много бумажных наклеек со старыми номерами: $\frac{091}{ж\ 92}$, 367050, ВОКМ 4373; штамп на л. 1 — «Вологодская областная библиотека. Основной фонд»; еще есть штамп проверки с датой «7 октября 1919 г.». После революции этот сборник хранился (до 6 июня 1954 г.) в Вологодской областной библиотеке им. Н. А. Крупской,¹ а затем был передан по акту № 1254 в Вологодский областной краеведческий музей, где хранится поныне. Именно в Вологодской областной библиотеке видел этот сборник и зафиксировал его под № А-314 известный ленинградский археограф В. И. Малышев.² Он дал краткое охранное описание рукописи, указав, что весь сборник составлен подьячим Михаилом Афанасьевым. Однако последний был только одним из его владельцев в XVIII в., о чем говорит полустертая владельческая надпись на л. 1 (не нумерованном): «канцеляриста М^сихаила > А^сфанасьева», — и дата: «1738 г.»

Сборник этот написан одним почерком и принадлежал надзирателю Вологодской ратуши, затем чиновнику Московской ратуши, позднее сотруднику Архангелогородской канцелярии при вице-губернаторе и наместнику города Пустозерска Матвеем Жданову. Об этом свидетельствуют его многочисленные подписи.³

¹ В 1953 г. рукописное собрание Вологодской областной библиотеки было передано в Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, где и хранится сейчас (ф. 138).

² Малышев В. И. Отчет об археографической командировке 1950 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 374—375. Во второй половине 1980-х гг. этот сборник был описан в составе всей коллекции А. А. Амосовым. См.: Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 1, вып. 2: Рукописные книги XIV—XVIII вв. Вологодского областного музея / Под общей ред. проф. П. А. Колесникова; Отв. сост. А. А. Амосов. Вологда, 1987. С. 173—174 (рукопись кратко описана под № 67/4373).

³ А. А. Амосов полагает, что сборник писали два человека. Однако мы считаем, что скорописный почерк принадлежит одному человеку, который изменял несколько его характер в зависимости от условий письма и душевного состояния. Это один скорописный канцелярский почерк черновииков дневников и писем. Позднее Жданов перебелял свои дневники и письма и посылал их в Архангелогородскую канцелярию, своим друзьям и знакомым.

Филиграни бумаги одни и те же: «Pro Patria» — герб города Амстердама с буквами «ПГ» и «ПВ», и т. д. Следовательно, бумага — голландского ручного производства и вся относится к началу XVIII в.⁴

Сборник Матвея Жданова настолько любопытен и уникален по содержанию, что нуждается в полном описании его состава.

Он открывается следующим текстом: «Поучение сего святого храма на освящение» (л. 1—10, об.).

Начало: «Отрыгну сердце мое слово благо. . .»

В конце поучения, после слова «Аминь», приписано: «Pisano byst sie Pouczenie i wyszepomianutaho chrama byst oswiaszszenie iunia, dnia 8 AD 1712, trudiwyisia w sem dielie nedostoinyi M. Ž». «М. Ж». — безусловно Матвей Жданов. Перед нами оригинальное сочинение, написанное в жанре торжественной ораторской прозы Древней Руси на освящение храмов. В данном случае имеется в виду освящение церкви в г. Сольвычегодске в честь Введения Богородицы во храм 8 июня 1712 г. архиепископом Тотемским и Великоустюжским Иосифом в присутствии архангельского вице-губернатора А. А. Курбатова.

На л. 11 помещен рисунок рукой М. Жданова, изображающий горящее сердце, проткнутое двумя стрелами, с двумя небольшими крыльями; из верхнего раструба сердца валит дым; на самом изображении сердца читается цитата из книги пророка Иеремии: «И бысть в сердца моем, яко огонь гарещ» (20₉), а по углам сердца — четыре цитаты из Псалтыри: (1) «Искусил еси сердце мое, посетил еси ношью» (16₃); (2) «Да возвеселится сердце мое бояться имени твоего» (85₁₁); (3) «Яко разжеся сердце мое, и утроба моя изменися» (72₂₁); (4) «Сего ради возвеселися сердце мое и возрадовася язык мой» (15₉).

Символическое введение к последующему изложению путешествия основывается на древнерусском философском представлении о божественном откровении как истоке подлинного творчества и о словесном самовыражении писателя как действе по воле бога.

После 12-го (чистого) листа на л. 13—25, об. читается другое произведение — дневник путешествия из Вологды в Архангельск с 29 мая по 18 июня 1712 г., имеющий следующее заглавие: «Джурнал, или Поденное описание о путешествии водоплытным превосходительныя особы Архангелогородския губернии высокопочтеннейшего господина вице-губернатора Алексиа Александровича его превосходительство Курбатова с Вологды к городу Архангельскому, который путь в которых числех и коликим временем про-

⁴ См., например: Churchill W. A. Watermarks in paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnections. Amsterdam, 1935. N 133; Кленуков С. А. Филигранный «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного происхождения: Материалы для датировки рукописных и печатных документов // Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению. Л., 1965.

изыде и что в нем совершашеся, и о том ведение предлежит ниже-последствующими сего диурнала статьями».

Начало: «Лета господня 1712, месяца мая, дня 29, то есть, в четверток, а имянно в праздник Вознесения на небеса Господа Бога и Спаса нашего. . .»

Перед нами дневник путешествия архангельского вице-губернатора А. А. Курбатова,⁵ только что назначенного Петром I на этот важный пост.

Далее, на л. 26—40, об. — «Диурнал, или Поденное описание прибытия с Вологды водоплытным шествием судами ко Архангелскому граду высокопочтенного господина вице-губернатора Алексия Александровича Курбатова в бытность же в том граде его превысокия особы, что в которых днех во управлениях дествованием, и о том сий диурнал нижепоследствующими повседневыми статьями изъясляет ниже сего».

Начало: «Лета господня 1712, июня, дня 18, то есть, в среду, егда высокопочтенный господин губернатор по прибытии водным путем Двиною-рекою с Вологды к городу Архангелскому. . .»

Это дневник, рассказывающий о жизни и деятельности в Архангельске А. А. Курбатова с 18 июня по 7 сентября 1712 г. Документ имеет особое значение для историков, так как содержащийся в нем материал дает основание судить о том, чем же на самом деле занимался А. А. Курбатов в Архангельске.

На л. 41 сборника помещен такой же рисунок, как и на л. 11. Все надписи повторяются, только вместо третьей читается другая: «Положите сердца Ваша в силу его» (Пс. 47₁₄). Рисунок имеет символический смысл: он настраивает читателя на восприятие нового текста о поворотном в жизни Жданова путешествии в Пустозерск.

На л. 42—69, об. читается третий дневник Жданова под следующим заглавием: «Диурнал, или Повседневное описание от го-

⁵ Алексей Александрович Курбатов, бывший дворецкий графа Б. П. Шереметева, путешествовавший вместе с ним по Европе в 1697—1698 гг., с 1699 г. стал «первым прибыльщиком» государства, автором и исполнителем финансово-налоговой реформы, возвысился благодаря Петру Великому из крепостных до дьяка Оружейной палаты, до инспектора Московской ратуши (с 1705 г.) и до начальника Архангельской губернии в чине вице-губернатора (с 1711 г., окончательное назначение — 6 марта 1712 г.); в Архангельске строил корабли и крепостные сооружения, осуществлял контроль за деятельностью таможи, столкнулся с обер-комиссаром Д. Соловьевым, ставленником князя А. Д. Меншикова; в январе 1714 г. отстранен Сенатом от должности и обвинен в присвоении крупных казенных сумм (до 16 000 рублей) и взяточничестве; следствие Сената над А. А. Курбатовым тянулось с 1714 по 1721 г.; летом 1721 г. А. А. Курбатов умер. См. о нем: *Павлов-Сильванский Н.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897; Курбатов, Алексей Александрович // *Русский биографический словарь*. СПб., 1903. Кн. 11 — Кюхельбекер. С. 583—585; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Т. 3. С. 1213, 1214, 1342—1359, 1394, 1557; Т. 4. С. 10, 191—205; Курбатов, Алексей Александрович // *Советская историческая энциклопедия*. М., 1965. Т. 8: Кошала—Мальта. С. 306; *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 18, 235, 249, 250, 259, 260—264.

рода Архангелского до Пустозерского острога по указу великого государя путешествию вологодскаго ратушскаго ведомства дел бывшаго надзирателя Матфия Жданова, в кийждо день колико которых мест разстоянием прибыли, и о том писано по статьям ниже сего».

Начало: «В начале Список с подорожныя, ею же надлежало имети управления. . .»

Этот дневник, рассказывающий о жизни и деятельности Жданова с 7 сентября 1712 г. по 17 марта 1713 г., — наиболее интересное сочинение в Вологодском сборнике Жданова, повествующее о пути от Архангельска до Пустозерска⁶ через Окладникову слободу, о пребывании Жданова в качестве наместника города Пустозерска в 1712—1713 гг.

На л. 70—73, об. помещен четвертый дневник Жданова — о его путешествии вместе с дьяком И. А. Хрипуновым из Вологды в имение родителей Хрипунова в Вологодском же уезде с 23 по 25 мая 1712 г. Текст имеет следующее заглавие: «Диурнал, или Повседневное описание господина диака Иоанна Авксентиевича его милость Хрипунова с Вологды в Вологодской же уезд, в вотчину родителей своих ради посещения их, путешественный в который день что в пути действовашеся сим диурналом опишася ниже сего».

Начало: «1712 мая, дня 23, господин диак Иоанн Авксентиевич его милость Хрипунов с супругою своею Марфою Васильевою и з домочадцы своими. . .»

На л. 74—83 — «Введение, каковы подаваны писания господину вице-губернатору Алексею Александровичу его превозходительство Курбатову с приезда с Москвы на Вологду, а имянно: генваря 31-го. Да от Вологды по отъезд к городу Архангелскому мая по 29-е, и в архангелогородскую бытность, и по приезд

⁶ Пустозерск, город в Югорской земле, был основан в 1499 г. князьями Курбским, Ушатовым и Заболоцким как административный центр края для сбора ясака с подвластного населения в ста километрах от устья Печорской губы, в 20 километрах от Большой Печоры, на Большеземельской стороне, на полуострове Пустого, или Городецкого, озера, на месте, называемом позырянски Сыр-дар. Окрестный народ — Карачейская самоедь, или ненцы-оленоводы — платили русским воеводам дань пушницей и рыбой. Жители Пустозерска — выходцы из зырян и новгородцев — занимались пушным промыслом и рыбной ловлей, а также торговлей. Расположенный на дальнем севере в 1980 верстах от Архангельска (основанного в 1584 г.) и в 995 верстах от Окладниковой слободки (Мезени), Пустозерск стал местом ссылки. В XVII в. здесь жили знаменитые ссыльные: протопоп Аввакум со старцами Епифанием и Лазарем (1667—1682), боярин Артемон Сергеевич Матвеев (1677—1680). Карачейская самоедь иногда нападала на Пустозерский острог, отказывалась платить ясак, тогда воеводы усмиряли восставших. В конце XVII—XVIII в. Пустозерск стал центром старообрядчества на Русском Севере. Матвей Жданов приехал в Пустозерск в это время. Позднее, с превращением Окладниковой слободы в город Мезень (1780 г.) и перемещением торговых путей, Пустозерск пришел в упадок. Подробнее см.: *Щекатов А.* Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком. М., 1805. Ч. 4, отд. 1. Стлб. 1341; *Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863. Т. 4. С. 248—249.

в Пустоозерск ноября по 23 число 712 года. Также и ис Пустоозерска, каковы его же превозходителству посыланы писания ж. И о том писано порядочно порознь по статьям и по числам, имянно подлинником ниже сего».

Начало: «Высокопочтенный господин господин губернатор, а наш государь, особливый патрон Алексей Александрович. . .»

Это черновики 5 писем Жданова к А. А. Курбатову между 28 мая и 29 сентября 1712 г.

На л. 83—98, об. — «Введение, каковы посыланы писания ко оному ж господину ис Пустоозерска в 1713-м году».

Начало: «Высокопочтенный господин господин вице-губернатор, а наш государь милосердный отец и патрон Алексей Александрович. . .»

Это черновики 10 писем Жданова к А. А. Курбатову между 4 января 1713 г. и 11 августа 1714 г.

После чистых листов (99—110) на л. 111—127, об. следует «Ведение, како писывано с приезда с Москвы, с Вологды, и в вологодскую и архангелогородскую бытность, и по приезде в Пустоозерск, и ис Пустоозерска в 712-м и в 713-м и 714-м годах господину дьяку Ивану Авксентиевичу его милости Хрипунову».

Начало: «Милостивый мой государь Иоанн Авксентиевич. . .»

Перед нами черновики 13 писем Жданова к И. А. Хрипунову между 5 марта 1712 г. и 17 сентября 1713 г.

После чистых листов (128—156) на л. 157—158, об. следуют личные заметки автора, содержащие размышления, рассуждения и цитаты из Псалтыри.

Начало: «Anno Domini 1712, в августе месяце, в бытности у города Архангелского. . .»

И, наконец, после 5 чистых листов (159—163) на л. 164 помещен отрывок из поучения, озаглавленного «Слово полезное».

Начало: «Подобает всякому верному ведати сие, яко трех ради вин погибает скорее человек. . .»; любопытно, что эти три «вины» — «блудное житие», пьянство и редкое исповедание грехов своих, т. е. отсутствие покаяния, нравственного очищения души.

Таково содержание Вологодского сборника, составленного чиновником Петровской России вологжанином Матвеем Ждановым в 1712—1714 гг.: 4 дневника (литература мемуаров и путешествий), 28 писем (эпистолярный), 2 поучения (одно из них неполное), а также личные записи. Любопытнейшие тексты дают представление о судьбе одного человека и его внутреннем, духовном мире. Исполнительный чиновник «средней руки», надзиратель Вологодской ратуши (приблизительно с 1699 по 1710 г.) Матвей Жданов познакомился с главным инспектором Московской ратуши А. А. Курбатовым, был им приглашен на работу в 1710 г. в Московскую ратушу, проработал там полтора года (точнее, 15 месяцев) и, будучи не удовлетворен своей «жизнью праздною» и разлукой с семьей, решил вернуться в родной город в начале 1712 г. Новый начальник правления Московской губернии князь Голицын-младший уволил Жданова, не произведя с ним полного денежного расчета,

так что государство осталось должно ему 1534 рубля. 28 мая 1712 г. Жданов обратился к проезжавшему через Вологду в Архангельск своему патрону и благодетелю А. А. Курбатову с просьбой о возвращении ему «доимочных денег» и жалования. Не располагая, однако, свободными средствами, Курбатов вместо выплаты служебного долга предложил Жданову присоединиться к его «водоплытному шествию» в Архангельск и стать его служащим. Соединившись (это произошло 29 мая 1712 г.), Жданов стал не только участником большого путешествия, но и домашним летописцем архангельского вице-губернатора. В дальнейшем он был свидетелем славных дел Курбатова в Архангельске до тех пор, пока Курбатов не отправил его (7 сентября 1712 г.) с поручением, в качестве наместника, в далекий Пустозерск. За два года (1712—1714) Жданов написал четыре путевых журнала, или «диурнала», ставших не только историческими документами, но и памятниками литературы жанра путевого очерка. «Диурналы» Жданова продолжили аналогичный ряд произведений Петровской эпохи — «путешествий» стольника П. А. Толстого 1697—1699 гг., неизвестной особы 1697—1698 гг., боярина Б. П. Шереметева 1697—1698 гг., графа А. А. Матвеева 1705 г., князя Б. И. Куракина, дворянина И. И. Неплюева и др.⁷ Вести личные дневники и писать мемуары стало модным занятием в Петровскую эпоху, когда художественная литература оказалась подчиненной деловой письменности. Записки и мемуары тогда писали все: и царь Петр I, и старые бояре, и новые дворяне, и люди вовсе незнатные, вроде М. Жданова.⁸ Записки и путевые очерки обо всем увиденном и услышанном в какой-то мере заменили в начале XVIII в. русским людям летописи и стали источником важной информации для современников о жизни в собственной стране и в других странах. Находившаяся на грани деловой письменности и художественной литературы, мемуарная и очерковая публицистика участвовала в большом процессе подготовки свободной и открытой формы романного повествования. Стоит особо заметить, что путевой очерк и мемуары в Петровскую эпоху и позже играли заметную общеобразовательную роль в обществе. Так же обстояло дело и с «диурналами» Жданова.

«Диурналы» Жданова — первые описания путешествия по Рус-

⁷ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 144—145. Сивков К. В. (составитель). Путешествия русских людей за границу в XVIII в. СПб., 1914; Князьков С. А. Петр I и его современники за границей. Пг., 1915.

⁸ Об отличии новой литературы путешествий от старой см.: Прокофьев Н. И. О традициях и новаторстве путевых записок Петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 129—138; Билинскис М. Я. К вопросу о проблемах мемуарного жанра в русской литературе первой трети XVIII века // Проблемы эстетики и поэтики: Межвуз. сб. науч. тр. Ярославль, 1976. Вып. 160. С. 3—10.

скому Северу, созданные за 60 лет до трудов академика И. И. Лепехина.⁹

Литература путешествий, как известно, восходила к древнерусской повествовательной традиции, включавшей как отчеты о путешествии с благочестивой целью (хождения), так и официальные донесения о путешествии с дипломатической или деловой целью (статейные списки).¹⁰ «Диурналы» Жданова примыкают ко второму виду произведений. Однако в отличие от статейных списков в «диурналах» много личных впечатлений, переживаний и размышлений автора, сопровождаемых цитатами из Священного Писания. Это не официальные документы, а личные записки Жданова, которые только до известной степени удовлетворяют требованиям, предъявляемым к служебным документам. «Диурналы» Жданова представляют собой не столько абстрактные деловые отчеты, сколько путевые очерки, обобщающие личный жизненный опыт одного человека. Автору присущи острый ум, громадная наблюдательность, честность, строгость и ответственность, проникновенность и глубина чувства, стремление быть полезным обществу и поучать.

«Диурналы» Жданова характеризуются точным и скрупулезным по отношению к деталям деловым канцелярским стилем. В них он стремился по мере своей возможности подробно описать все, что случилось с ним и что он видел в ходе своих путешествий. Людей, которых он встречал, Жданов изображает с точки зрения принятого этикета ситуаций и поведения, господствовавшего в литературе начала XVIII в.

Особенно интересно все, что касается города Пустозерска, места ссылки и гибели протопопа Аввакума. Сравнительно с И. К. Кирилловым, автором сочинения «Цветущее состояние Всероссийского государства» (1727),¹¹ Жданов пишет о северной пустыне и жизни там значительно подробнее и с живейшим любопытством. Его записки обрываются на 17 марта 1713 г. Однако, судя по письмам, Жданов оставался в Пустозерске до конца 1714 г. К тому времени оказалось, что адресаты его писем и «диурналов» А. А. Курбатов и И. А. Хрипунов отозваны из Архангельска и уехали, а свое поручение в Пустозерске Жданов полностью выполнил. Мы предполагаем, что Жданов возвратился в Архангельск, а затем в Вологду в конце 1714 или в начале 1715 г. О том,

⁹ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта по разным провинциям Российского государства в 1772 году. СПб., 1805. Ч. 4.

¹⁰ Прокофьев Н. И. 1) Русские хождения XII—XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970. С. 3—235 (Учен. зап. Московск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. № 363); 2) Книга хождений: Записки русских путешественников XI—XV вв. / Сост., подгот. текста, пер., вступ. ст. и коммент. Н. И. Прокофьева. М., 1984 («Сокровища древнерусской литературы»); Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur: Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München, 1976.

¹¹ Кириллов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 241, 242, 333.

что он делал дальше, мы ничего не знаем. Лишь в 1722—1723 гг. он создает новый литературный сборник, который называется «Книга о единстве веры».¹² Исследование этого труда — предмет особой работы. А мы на этом ограничиваем наше предварительное разыскание.

В Приложении к настоящей работе, озаглавленном «По следам протопопа Аввакума в Пустозерске», мы публикуем некоторые тексты из Сборника Матвея Жданова: пять писем и отрывки из «Диурнала», или «Дневника путешествия» Жданова от Архангельска до Пустозерска в 1712 г. и его пребывания в Пустозерске, по крайней мере до августа 1714 г. Это не только любопытный биографический материал, исповедь жизни и деятельности среднего российского чиновника Петровской эпохи, оказавшегося волею судьбы наместником далекого Пустозерска. Эти тексты рассказывают о Русском Севере 1712—1714 гг., сообщая множество неизвестных нам прежде сведений. Они интересны и как образцы «книжности для себя» переходного времени от древней литературы к новой.

В первом документе — Письме Матвея Жданова к архангельскому вице-губернатору А. А. Курбатову из Пустозерска в Архангельск от 20 мая 1713 г. — рассказывается о живучести Аввакумовских традиций на севере России, в Пустозерске, где 14 апреля 1682 г. был сожжен страдалец-протопоп вместе со своими товарищами. Прошло 30 лет с тех пор, но аввакумовский дух живет в Пустозерске. На проверку оказалось, что священник Преображенского храма Георгий симпатизирует старообрядчеству, что церковные книги в этом храме в большинстве — «старонаречные», т. е. дониконовской печати или старообрядческого письма, что из «новонареченных», т. е. никоновских старопечатных книг, есть Служебник, из которого были вырваны и сожжены листы, содержащие тексты о троеперстном крестном знамени и о других никонианских новшествах, что священники других пустозерских церквей — Введения во храм Пресвятыя Богородицы и святого великомученика Георгия — служат только по «старонаречным» книгам и не признают ни троичную аллилуйю, ни троеперстие, ни новые обряды. Прихожане и священники города хорошо помнят протопопа Аввакума с товарищами и свято чтут их завет: беречь древнее благочестие!

Потому все попытки пустозерского наместника Жданова с помощью ссыльного кегостровского попа Никифора ввести в храмах города никонианское богослужение оказываются обреченными на неудачу, не помогло и обращение к архангельскому вице-губернатору. Пустозерцы остались в расколе и еще больше озлобились на Жданова — стали писать на него в Архангельск челобитные, обвиняя его в присвоении денег по питейному делу.

¹² ГПБ, F.I.857, 138 л. Об этой рукописи см.: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: (От начала русской образованности до наших дней). 2-е изд. Пг., 1915. Т. 1. С. 279.

Во втором документе — «Диурнале», или «Дневнике путешествия» Жданова от Архангельска до Пустозерска в 1712 г. и о пребывании в Пустозерске в 1712—1714 гг. — содержатся разнообразные географические, этнографические сведения о северном крае и о пути от Архангельска до Пустозерска, в том числе подробное описание водных преград, рек и озер, а также северной природы и быта ненцев; особенно любопытна первая на русском языке «Похвала оленям», которых Жданов называет «земными крыльями». Здесь же находится краткое описание города Пустозерска и его немногих больших домов, в числе которых были три церкви, комендантский дом с пристройками, приказная, земская и таможенная избы, кружечный двор, солдатские казармы на 111 человек. Здесь же рассказывается о праздновании в Пустозерске 23 ноября 1712 г. дня памяти святого Александра Невского и тезоименитства князя Александра Даниловича Меншикова. Повествование о северной природе иногда сопровождается личными размышлениями и ассоциациями Жданова: так, Пустозерский край напомнил ему библейскую пустыню и вызвал желание прочесть печальные псалмы царя Давида.

В третьем разделе Приложения мы публикуем четыре письма Жданова 1712—1713 гг. из Пустозерска в Архангельск к своему другу и покровителю, чиновнику Ивану Авксентьевичу Хрипунову, бывшему при вице-губернаторе Курбатове начальником Архангелогородской канцелярии. В письмах снова рассказывается о путешествии из Архангельска в Пустозерск в 1712 г. и в дополнение к «Диурналу» дается беглая характеристика природных богатств края. Из этих писем мы узнаем и об основном поручении, ради которого Жданов был послан в Пустозерск. Это расследование дела о злоупотреблениях бывшего коменданта Пустозерска Афанасия Кушелева и подьячего «с приписью» Федора Погорельского;¹³ здесь же рассказываются любопытные бытовые подробности того времени: о злоупотреблениях питейной торговли, о подношениях начальству красной и белой рыбы и пушнины в качестве подарков и о доносах пустозерцев на воевод (например, на Григория Шамшина, до 1699 г.) и на Жданова. Доносам на Жданова, правда, не было дано ходу, так как к концу 1713 г. и Курбатов, и Хрипунов уже были отозваны из Архангельска в столицу.

Публикация этих документов вводит в научный оборот тексты найденного нами Сборника Матвея Жданова, представляющие значительный интерес как для изучения истории Русского Севера в начале XVIII в., так и русского быта и книжности. Дневники и эпистолярный Жданова интересны не только как образцы «книжности для себя», но и как публицистические документы эпохи, раскрывающие внутренний мир нового человека и его судьбу в Петровской России. Они приоткрывают завесу над тайниками

¹³ В ходе следствия Ждановым и его помощниками было исписано более 50 тетрадей следственных дел, опрошено множество людей и установлено, что оба подсудимых лица невиновны в совершении преступлений.

души и особенностями характера одного человека, который принадлежал к среднему чиновничьему сословию.

Если иметь в виду, что исследователи русской литературы и культуры XVIII века должны по крупицам восстанавливать русский национальный характер людей Петровской эпохи, то материалы Сборника Матвея Жданова представляют первостепенный научный интерес и должны быть полностью изданы.

А пока мы предлагаем ознакомиться с шестью наиболее интересными текстами. Все тексты издаются по правилам современной орфографии и пунктуации, без сохранения «ъ» и «ь» на концах слов, с заменой «ѣ» на «е», «і» на «и», «ѧ» и «Ѧ» на «я» и т. д. Все внесенные нами в текст исправления оговариваются в подстрочных примечаниях.

ПРИЛОЖЕНИЕ

По следам протопопа Аввакума в Пустозерске

I

*Письмо М. Жданова к А. А. Курбатову из Пустозерска
в Архангельск от 20 мая 1713 г.*

г. 88

Премилостивейший наш государь, патрон и отец, милосердный ^аА[лексий] А[лександрович]!^а

Прошу от всецедраго Бога здравствовати лета многа высокопочтенству Вашему, весьма милосердому отцу нашему, во всяких благих, како в душевных, тако и в телесных!

Долженствую Вашему превозходителству сим моим писанием донести о сем: по указу великого государя из Архангелогородския канцелярии ноября 12, в Пустозерск же декабря 13 дней, прешедшаго 712 года, прислан в подначалство Архангелогородской Кегостровской храма святаго пророка Илии священник Никифор. Велено ево отдать в послушание в Пустозерске храма боголепнаго Преображения Господня священнику Георгию, чтоб он приходил ко тому храму]^б которое повеление тогда ж и отправлено.

Той же вышеупомянутый священник Георгий, стар и скорбен и весь трясется, служил во священнослужении в нашу бытность малое время. Ныне же бесконечно от того храма от службы отстал и ослеп, ничего Писания не видит. А егда и служил по Служебнику, аще и по новоисправному, а не по старонаречному, обаче во многих листах сожженому, от котораго пожжения во многих местах з главного началства листов Писания читать во священнослужении было не по чему знатно, что, аще изустро

^{а-а} Восстановлено, в ркп. А. А. ^б Восстановлено, в ркп. хр.

того действия читать не упомнит, и то пропускает безо чтения. А се другая листы, а имянно: || о треперстном сложенни во по-
бражении святаго креста — ис того Служебника вынято, которое<sup>а. 58,
об.</sup> той святей книге пожжением ея знатно умышленным делом учи-
нено обручание и вышеобъявленных листов вынятые.

Значит, что в том священнике было сокровенное церковное расколство. А действовал он во священнослужении по старона-
речным книгам, которыя в том храме и донныне обретаются, а имянно: Требник и другая книги, в котором по старонаречным книгам о действии его по должности нашей и возбраняли ему, обаче оный в том нас не послушал.

В Пустоозерске ж у другого храма Входа во храм Пресвятыя Богородицы священник же Андрей, той весма стар же и скорбен, и слячен. И того ради литургии не служит, токмо, когда по нужди выбродит из дома своего, утреню и часы, и вечернее пения отпра-
вит. А болши того отправляемо бывает за немощь его чрез при-
четника церковнаго. А се той священник, по известию ту живу-
щих исначала, повеления о действии во священнослужении по новоисправным книгам в последовании отрекся, и таковых книг не приял, в чем весма храмлет служением своим по старо-
наречным книгам, которыя в том храме и донныне обретаются же,
в котором храме оного священника учением псалмочитателми^{а. 59} песнь аггельская, а имянно: аллилуя — двократно, а не три-
кратно читается, в чесом не исполняется тропичный образ отца и сына, и святаго духа в трех лицах славим бога, а вышеупомяну-
тым двократным чтением токмо оная речения изобразуют во про-
стей || Троице два лица, а имянно: отца и сына, а третияго лица —
святаго духа, яко бы от духовборцев, древних еретиков, не изо-
бразуется. Да в Пустоозерске ж третияго храма святаго велико-
мученика Георгия священник Петр, аще лет и не престарелыми,
обаче вдовый, и, вышеупомянутым же священником последствуя,
большее ж к старонаречным же книгам склоняется. Кроме ж выше-
упомянутых трех священников других в Пустоозерске и дияко-
нов ни единого человека не обретається, о которых вышеупомяну-
тых престарелых дву священниках слышно от ту живущих, что-де
расколству церковному научены они издавних лет от главнейших
раскольников, а имянно: от протопопа Аввакума с товарищи,
которыя в данных же летех за тот свой раскол в Пустоозерске
были во оземствование сосланы и указом державнейшаго в Пу-
стоозерске же казнены, а имянно: сожжены. Также и прихожаня
вышеномянутых храмов. пустоозерцы, непослушанием новоис-
правных книг от пастырей своих научени суще весма храмют же,
которое вышеупомянутых дву престарелых священниках в Пре-
ображенском и Введенском видевшие мы к служению священно-
действия весма вышеупомянутое ж неудобство их. А Преображен-
ского, который храм вместо соборного, к нему же и прежние пу-
стоозерския управители имели свое прихождение священника
Георгия, к которому в послушание ж вышеупомянутый Кегостров-
ской священник Никифор и прислан, всеконечную слепоту при-

4. 89. лежно умолихом, оного присылного священника Никифора в том
об. храме, а имянно: || Преображения Господня, священная действо-
вать ^в(понеже от того указом великаго государя, которым он в Пу-
стоозерск прислан, не запрещено есть).^в И в нем же не токмо ви-
дехом к расколку какое склонение, но паче таковых возбране-
ние и обличение. А егда же таксвыя мерзости видехом его весьма
суща отчужденна и во храме святем во священнослужении стра-
хом божиим побужденна, что не токмо в дни праздников господ-
ских и воскресенья и которых нарочитых святых, но хотя б по
вся дни служением божественныя литургии готова суща. Ему же
наша должность повинухомся в послушание, а имянно: избрахом
не токмо себе, но и всему нашему дому и ближним духовного быти
отца суща. И имеем его при нашем доме, о чесом о нем глас и за-
зрени есмы, якобы держим колодника, обаче ради вышеупомяну-
тых весьма неугодных священников самая на то нас нужда повзала,
в котором поречении зазрения себе не имуща, а се вышепомяну-
таго ж священника Георгия ради всесовершенныя слепоты, чтоб
святаго храма без пения не постановить. А ежели бы оный свя-
щенник Никифор не прибыл к нам в Пустоозерск и к священно-
служению от нас не умолен был, то бы нам от вышепомянутых
весьма непотребных священников, а имянно во обхождении их
священнослужения по старонаречным книгам расколничества
вопиюще до бога оными псалмопевческими глаголы, жалость
4. 90. дому твоего снеде мя от уныния сердечного было весьма сокруши-
тися, в котором их священников весьма склонном к расколку
обхождении ненавидением || оная мерзости по должности нашей
и возбраних. Обаче они, будучи в толиком замерзени от давних лет,
в чесом и состарелись, в том нам являются непослушни, о котором
их мерском обхождении по нужди нашей писахом и к преосвящен-
ному Варнаве, архиепископу Холмогорскому и Важескому, о при-
сылке благочиния церковного надзирателя, и который бы и вы-
шепомянутых священников в нелепом их обхождении надсмотрил.

По вышеписанном же нашем изъявлении просим Вашего высо-
копочтенства превысокую милость, да не прогневается на нас
отеческия Вашего милосердия воля о том, что вышепомянутого
присылного священника Никифора привела нас нужда о священно-
служении упросити, его же умолихом и отцем нам духовным быти.
Не таким намерением, еже бы с таким присылным о каком небого-
угодном и бесполезном деле согласие имети, но поистинне тако ми
Христа, испытующего сердца наша и утробы, что вышепомяну-
тая самая нужда нас привела ко исполнению християнския долж-
ности вины же, занеже оный священник прислан не разматрюще,
но о том в волю превысокаго благоразсмотрения Вашего пола-
гающе к тому ж и не просим, яко бы оправдающе его ис Пу-
стоозерска освобождения, понеже нам весьма вышепомянутою своею
бодростию угоден есть, ему же должность наша не токмо ис Пу-
стоозерска свободну хотим быти, но идеже и Бог благоволит,

^{в-в} Эти слова в ркп. заключены в квадратные скобки.

хотя б нам с ним вместе и до смерти жить. И паки при сем Ваше отеческое милосердие да не прогневается на нас за наше со оным священником || вышепомянутое сообщение. К сему вышепомянутая ж нужда привела. Мы же, будучи в пустынном месте, весма в далном сущем, как между иноземцы живуще, которыя, егда ко граду Архангелскому и в другия знатныя города кого отпускают, то нарицают той отпуск «в руския города», а Пустоозерск именуют якобы нерусской городок, в котором далном и пустынном месте ^Г(не буди нам хвалитися, яко да глаголем), ^Г забавляющаеся болшее тем, что приходим ко церкви святей. И оный священник долженствует Вашего высокопочтенства ^Д(премилостивейший наш государь-отец) ^Д о душевном спасении и о телесном многолетном здравии во священнослужении господа Бога молити. Такожде и наша должность долженствует его к тому ж побудити. А сверх того в чем прилучится, аще и грешни есмы, обаче такожде долженствуем и мы его ж, Творца нашего, о том же просити. окроме церкви святыя выходу себе в другия места не имеем, понеже Пустоозерск-городок от жилых мест состояние свое имеет в далекости и сверх того кругом водами обстоим. И того ради пребывание наше подобно, якобы на острову, котораго места в длину и поперег малым чим болши десятины.

По сем смея и не смея, обаче надеждою на неотемлемую Вашего превозходительства отеческую милость держаю просити Ваше милосердие, милосердаго нашего государя-отца, о сем: оного ж священника Никифора, которое домовое его пожитченко описано и взято в канцелярию, аще возможно и свободно || ко даянию, ^{А. 91} да повелит Ваша, государя нашего, отеческая милость оное пожитченко в дом его отдать сыну его, священнику ж Феодору, о чесом Вашего отеческаго милосердия на благоразсмотрение всенадежны есмы.

Вашего отеческаго к нам милосердия нижайший раб непотребный, убогий, иж чрез сие изьявление приношу нижайшее поклонение. Майя, дня 20, лета 1713. Ис Пустоозерска, с Якимом.

Г-Г, Д-Д Эти слова написаны в ркп. в квадратных скобках.

II

Отрывки из Дневника путешествия Матвея Жданова от Архангельска до Пустоозерска и пребывания в Пустоозерске. 7 сентября 1712 г.—август 1714 г.

Диурнал, или Повседеневное описание от города Архангел- ^{А. 4.} ского до Пустоозерскаго острога, по указу великого государя путешествию вологодскаго надзирателя Матфия Жданова, в кийждо день колико которых мест разстоянием прибыли, и о том писано по статьям ниже сего

В начале Список с подорожныя, ею же надлежало имети путь управления.

Список. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца от города Архангелского Двиною рекою до устья реки ж Пенеге, и тою рекою до волоку, и чрез волок на поводи рекою Кулоем до Кулойского посаду, и с Кулойского посаду до Каргеполя, и с Каргеполя до Долгой щели, и з Долгощельской слободки до моря, и морем до реки Мезени, и Мезенью до Окладниковы слободки, и от тое слободки до реки Пезы, и рекою Пезою до волоку рекой Чиркой, и рекой Цылмой до слободки Усцымы на поводи, и с Устцылмы рекой Печерою и до Пустоозерскаго острога.

Бурмистрам и старостам, и великаго состояния людям давать бывшему вологодских ратушских дел надзирателю Матфию Жданову и при нем подячему, и вице-губернатора Алексея Александровича Курбатова деищику Стефану Мичурину, салдатом двум да людям ево Жданова двум же человеком и под припасы их карбас ^{42.}крытой, и где прилучится || и лотки, и на тот карбас и лотки корм- ^{об.}щиков и гребцов сколько понадобится. А где прилучитца сухим путем для переволочки на поводи того карбаса и лоток с припасы, работных же людей с лошадми без всякаго задержания и остановки^а < . . . > посланы он, Жданов, и которыя при нем из Архангелогородской канцелярии для нужнейших его великого государя дел в Пустоозерск наскоро. У подлинной подорожной вице-губернатора Алексея Александровича при подписании печать. Смотр подячего Григория Савинова. У подлинной же подорожной власною рукою приписано еще: вице-губернатор. Августа, дня 1, 1712-го.

Лета господня 1712. Месяца сентября, дня 7, то есть в день неделный или воскресный, отвалили от города Архангелского карбасом крытым < . . . >

^{л 55} Ноября, дня 22, то есть, в субботу, такожде в надлежащий путь поступихом, которым путем преидоша озеро, именуемое Вижевичесно, к Пустоозерску 15 поприщ на полунощник, и озером принадлежащим, именуемым Пустоозерским, от лета и к Пустоозерскому острогу за помощию божиею приидоша во всяком добром здравии, яко в землю обетованную^б (то есть во град, именуемый Пустоозеро).^б На сретение же наше изыдоша из града того даже до берега вышепомянутого озера^в (по которому озеру той град и именуется Пустоозерск)^в всретоша нас по должности своей в строистве со оружием того града салдаты, числом 111 человек, в котором строистве содержаны были 2 знамени полковыя цветныя, при них же и барабаны с шумом, яко бы полк обыкновенный, в котором полку командировал, отдал нам честь подобную того града камендатской сын, а имянно: Иван Кушелев, который и во

^а В ркп. дефект текста ввиду среза полосы текста подорожной.

армее служить ему, великому государю, светлейшаго князя в выборной шквадроне, в первой роте поручником.

По сретении же вышепомянутыя салдатские должности, || в том граде будучи, наша должность, выступя из саней, поидо-^{л. 55, об.}хом со всеми нашими до соборного храма во имя Преображения господня, в нем же сподобившися благодарное о благополучном нашем в тот град прибытии молебное пение отслушать. Потом же vindoша в дом камендатский ^Г(слава Богу), ^Гблагодаряше его всещедрую милость о том нашем прибытии благодаростною нашею душею и сердцем. В том же камендатском дому обретаются храмины таковыя, а имянно: две горницы теплыя на подклетах теплых же, между ими сени. На том же дворе — анбар запасный, на нем — клеть да поварня, да баня. В той же дом приезда нашего, а имянно: в камендатский, приидоша к нам поклонитися того града земския и таможенные, и кабацкия бурмистры, и от купечества знатныя люди, и салдаты, приносяще нам в почесть от хлебов и от пищей кийждо по мере должности своея доволная. По-видимому, о прибытии к ним нашему, яко бы радуящися и веселящися, которое и наша должность видехом их приятство, чествовахом их, якоже обычай от каких питей с нами прилучися, и тако разыдоша кийждо в дома своя.

Ноября ж, дня 23, то есть в день неделный, или воскресный, праздновахом тезоименитство высокопочтенного || господина,^{л. 56} а имянно: светлейшаго князя ^АА[лександра] ^ДД[аниловича], ^Дего превозходителство Меншикова. Того ради, яко в той день церковь святая име память святаго Александра, князя Невского, в который день о здравии царского пресветлаго величества и о тезоименитстве вышепомянутыя высокопочтенныя особы в вышепомянутом же соборном храме отправлено было ко всемилостивому Спасу и Пречистой его Богоматери молебное пение. И по молебном пении, егда наша должность от того храма поидоша в дом наш, а имянно камендатский, в то время от престоющих такожде в строитстве з двумя ж знамяны и з барабаны салдат была трикратная из оружия выпалка, в котором строитстве командировал вышепомянутый же камендатский сын. И за той вышеозначенный триумф им, салдатом, дано по приказу нашему с кружечного двора за благоздравие его пресветлого царского величества и вышепомянутого тезоименитства выпить ведро вина.

Ноября ж, дня 24, то есть, в понедельник, по должности нашей поидохом в приказную избу, в ней же бывает отправление его великого государя всяких надлежащих дел. И по данному нам из Архангелогородския канцелярии наказу о врученном нам деле, а имянно: о сыском про каменданта Афонасея Куселева и подячего с приписью Федора Погорелского, такожде и о всяких надлежащих || его великого государя делех же, якоже обычай судиям суждения, седше за стол судейский, положихом в той день^{л. 57, об.}

б-б, в-в, г-г Эти слова написаны в ркп. в квадратных скобках.

Д-Д Восстановлено, в ркп. А. Д.

начало, или определение, в которой приказной избе обретається хранин токмо одна с сенми. И побыхом в той приказной избе неколикое время, изыдохом в камендатский же дом, и в той же день бысть у нас в том дому обед з доволным от пиц и от пития употреблением того града на бурмистров и на всяких служебных, к тому ж и от купечества на знатных людей, в который день при той трапезе нашей вси сошедшися веселящися, доволствующися о всяких благ дому нашего доволных употреблением. И тако вси от пищей и от питей удоволствующияся, разыдошася, весели суще, благодаряще Бога за наше к ним угощение, в дома своя < . . . >

Похвала оленям

- а. 58 . . . Паки вышепомянутаго путешествия нашего не предняя возвратимся. Котораго пути нашего везущия нас подводы подобает похвалити, а имянно: елени, таковою похвалою. Понеже усмотрихом к скороупотребителному пути весма добрую их услугу паче, нежели лошади, тем, что к превождению возами в пути никакова корму они не требуют, также и на водопой их не водят, как бывает обычай лошадям. Корм же им бываем токмо в ночныя времена: на тундре мох белый, который под снегом разгребши та елены копытом своим насыщается, питие ж — снег. Днесь же в пути впряжения в возех идет без таковыя пицци, разве при остановках от вышепомянутого ж где || в пути обрящется мха захватывает, и вместо водопития — от снега. В возы ж их припрягают, вместо хомута налагая на шию петлю. От той ж петли привязанный ремен полагают меж ног ся и концем привязуют к саням. Тем же подобием к тем же одним санем припрягают и другую елень, и тако парами в пути идут ради строения ж их ко урядству, чтоб не совращались ни на кую ж страну, но шли б в пути друг за другом прямо. Привязуют тех же еленей от вышепомянутыя петли, которая у них бывают вместо хомута на шиях ремнем к предним саням, которая наперед идут. И тако обоз, или по-самоядски аргиш, идет прямовезущимися теми еленими не совратно ни на десно, ни на шую за вожем самоедцем, который к прямохождению надлежащий путь допреведает отой едет самоедин напред, сядя на самоедцких же своих санках, имея впряженные в те санки пару ж еленей вместо вождей, потыкая их в зады шестик деревянный, по их самоедски именуемый харей, в пременение же впряженных в возы еленим, егда утрудятся бежать в запас около того обозу, или аргиша, свободных доволное число оленей, не остаючися нимало от обозу, в котором побеге питаются вышепо || мянутою ж пищею и питием таким же подобием. А егда те елени понадобятся к припряжению в сани, тогда их имают арканами, подобно как лошадей, обаче за рога удобнее они поемлются, нежели лошади. И как одну елен поймают, бежат к той и другия, их же поемлют и привязуют на той же единый аркан. И аще испривязаны будут на той единый аркан, якобы и сто еленей, идут за вождем друг за другом чинно и урядственно, не
- а. 58, об.
- а. 59

сворачаяся ни на кую страну, и не обиваяся от того привязания чинно вси текут. Любо и дивно посмотреть имущия болшия рога присмотром издалека показуется, якобы идет полк салдатский оруженный! А к собранию их от далекаго отлучения от обозу, егда разыдутся в ношния времена по тундре ради прекормления своего кличют их таковым гласом: «Гай, гай, гай!» Который глас услышавше, они к созывающим их бежат благопослушно, без всякаго преслушания. И тако поемлются и на аркан привязуются, и в возы впрягаются. И паки другим образом хозяева их воединство случают, а имянно: ссекши от древа, именуемаго ели, вершину, и наложя себе на главу, укрывшися, в таковом виде егда покажутся им, тогда елени, усмотря таковой вид, || якобы себе ^{а. 59, об.} какое страшилище зверское, от того страха все згрудятся во единство. Той же ловец, отложя той вид, удобнее их всех ловитвою аркана к рукам присовокупит. К чинному же прехождению, которых неискусных, а имянно молодых и неезженных, учат таковым подобием: положи на нея петлю аркан, и тако за конец держа водят, порывая, якобы час времени, в которое время та елень противяся к послушанию пронырством своим падет, якобы мертва на землю, и тако на аркане влачима бывает, яко мертвая. И поразумет, что то того послушания ей не отбыть, скочит вскоре на ноги, и тако впрягают ея в воз, и идет, яко и другия такожде чинно и благопослушно во своей должности. И паки удивительно также о добром обычае тех же еленей и о сем изъясити, о чем от самоядцев слышахом, а наипаче от путных наших и подлинно уведомихомся. Егда нападают на них в нощи волки, хотяще их похитити и растерзати в снедь свою, идуще к ним злохитрѣственно против ветра, а не по ветру, дабы зловонный дух свой от них утаити и приходом своим непознатым быти. Егда же они, елени, таковой их приход почуют, от похищения их во || спасение свое бежат ^{а. 60} к чюмам, в которых стоят хозяева их. И прибегше, якобы прося выручки себе о помощь их. Аще застанут спящих, то бегающе около чюмов рхают, подобно свиньям, ибо болши того гласа от них не бывает. И сверх того в чюмы бьют копытами своими, якобы разбудити спящих хозяев своих хотяще. Аще же хозяева их тот их приступ услышат, тогда ис чюмов своих выбегают и обороняют, не давши им похитити напрасно. А ежели те хозяева того их приступа не услышат, побывши они при тех чюмах довольное время, просящи от них себе от сопостатов своих обороны, лишившися того упования своего, от чюмов их отбегают врознь, и от волков похищаются. И тако похваляюще добрый их и разумный обычай и скоростество их еленей в пути к прехождению до намеренных мест, к тому ж и добронравие воистинну не погрешим, тако рещи, к путному прехождению и к превождению подобни нам быша, яко к прелетанию птичному вместо крылия, их же неции от пустоозерских жителей нарицают земным || крылием, ^{а. 60, об.} или же вышепомянутый путь наш за помощию Божию скоростественно во благодравии препроводиша. И паки рече, яко во обетованную землю древний Израиль, тако подобно и наша долж-

ность прешествием тундры, яко по пустыни непреходней и безводней ^е(понеже путь нетренный, в других местех и безводный, исполняюще нужду водную таянием на огни в сосудах снежным), ^ето есть, во град обителный Пустоозерск приидоша и ту водворшася. ▮

Северная природа и обычаи ненцев

Во путешествии же нашем от Мезени даже и до Путоозерска тундрою море-акiaan быст нам в левой стране, в других местех и в не в далеком разстоянии подобно, якобы в видении.

От Мезени ж даже и до Пустоозерска тундрою в пути нашем видехом места лесныя островами, лес же обретался ельник, березник, ивняг, багульник; холмы, езера, реки, болшия и малыя, в других же во многих местех и безлесныя, яко степи.

В том же нашем путном шествии от Мезени и даже и до Пустоозерска, яко же ведомцы нам примером сказаща, чрез 700 поприщ, то есть верст, не обретается || в пути нашем ни единый живущий двор, ниже изба, но вместо двора и избы токмо ко обнощеванию по обыкновению самоедскому, якоже они вместо дворов себе и изб к житию своему обычай имут и перевозят с места на место, поставляется нам во обитание чюм, или по Писанию сень и колиба, или куца, как о том выше сего писано есть. Обаче и паки и известуем поставление же того чюма бывает таковым образом. Егда воставше от утра во весь день шествующе в пути и ехавше даже до вечера, до такова мрака ночнаго, егда путь мало-видим будет, нетренную стезю вожи наши смотряюще, по примером по лесам мест в тую страну путь лежит, тогда усмотря они удобное место ради употребления к варению пищи воды, при реце или при езере, тогда воставляют чюм, или куцу, во обитель нашу ко упокоению труда нашего путнаго поставляюще тако. Инии, то есть самоедския вожей наших женки з детьми, имущия с собою в возе колье, мерою в длину якобы в три сажени, взявши то колье с возов своих, втыкают в снег, || кругловидно пространством той круг определяют, яко бы в полтретей сажени. Тех же колья верхи склоняют к верху кругловидно, вместо как у храмин бывает дымоваго окна, непространно яко бы мерою в аршин, конец же с концом тех колья верхи не спущая вместо, понеже у тех колья не допускают того склонения привязуемыя верви. И тако водружать колье, облакают кругом оленими кожами и холстинами того ради, дабы таковая храмина от мраза, от ветра, от снега и от всякаго случая к теплоте обдержимой чрез дрова от огненнаго в ней возжения была тепла. Вход же в той чюм оставляют вышепомянутаго ж одеяния, яко бы во скриние, или полы, которыя открывше ради входа, и вшедше в чюм закрывают. В том же чюме на землю, или попросту рещи, на снег вместо моста и пола, как обычай бывает в храминах, мостят доски и ковры плетенныя от мелкого лозия древянаго, что везут вышепомянутыя инии на во-

^{е-е} Эти слова в ркп. написаны в квадратных скобках.

зех с собою ж. Посреде же такового моста, или пола, оставляют просто, яко бы широтою в полтора аршина, в которое простое место, якобы посреде чюма, положи на землю плиту железную или каменную, на ней же возгнещают огонь от готовых дров, их же вышеупомянутыя ж инии с собою на возех || привезут, которыя л. 62 запасают им в пути самоядцы ^ж(того ради, понеже много в пути безлесных мест обретається).^ж И тако поставше чюм и возжегши огонь оний, инии с робяты своими отходят в чюмы ж своя, идеже обнощевание ж с мужеями своими препровождают. Мы же утруждающиеся, а друзии из нас и озябше от пути, кийждо с саней своих ступивши в той поставленный от них чюм готовый, вшедши к возженному огню, вначале окрест того огня возлегли на вышепомянутый помост ³(понеже сесть нам лавок в том чюме не обретається),³ согревше руде свои, приказуем определенному нашему кухору, или повару, учинити на том огни общее нам от пиц варение. Той же повар наш по долгу службы своея повешает на той огонь котел с водою, в ней же учинить нам варение от потреб мясных или рыбных по усмотрению дневнаго определения, яко-выя подобает, и тое варение пищное поставляет нам той повар вместо стола на вышепомянутый же помост, токмо одну скатерть постлавши. И тако помолившися Богу и седше при той трапезе кийждо нас поджавши под себя ноги вкруг, ядим, благодаряще Бога, давшего нам дневную пищу. И тако с вечера и в препровождении || тоя нашея трапезы и по трапезе премедливше, мало беседующе друг с другом, яже о полезных к препровождению путному препровождаем того вечерняго времяне, яко бы часа с три. Посем такоже помолившися Богу, возлегаем в том же чюме на помосты, друзии же из нас изшедши ис того чюма по санем спати. По прехождении нощи востание нам бывает, якобы за три ж часа до дни, и котории из нас немощныя наша братия, а имянно: работныя, паки возгнетши на том же месте огонь, бывает им поваром же от надлежащих пиц варение, от которых пиц ядят, нарицающе тую чреду завтраком, а не обедом. И тою ядию употребившися, уже не бывает в пути паки ядения, но тую чреду почитают вместо обеда. И тою пищею утвердившися, весь день едут в пути даже до вечера, в которое же время та наша немощная братия питаются. Друзии же или и тии же, воставше от тоя трапезы и взявше в руки своя арканы, выступя ис чюма, ловят по выше объявленном обычаю с тундры разшедшиися ради прекормления своего елени, и изловивше припрягают их в вozy, котораго времяне от востания в три часа, и управившися во все к путному шествию, яже надлежат во уборстве за помощию Божию поступает в надлежащий путь. || л. 63

Тем же нашим надлежащим путем, а имянно: от Мезени тундрою даже и до Пустоозерска колико каких рек, больших и малых ручьев, заливов, озер преидоша, островов имеет и земель именованных и безименных. И о том последствует регестр ниже сего,

^{ж-ж, 3-3} Эти слова написаны в ркп. в квадратных скобках.

что после чего в пути нашем проходили. Тако сим регестром и определили:

1. 2 реки залазныя,
2. реку Пью,
3. Кузмин перелесок,
4. реку Семжу,
5. ручай Волчей,
6. озеро Лухановское,
7. озеро Прелая Виска,
8. озеро другое Лухановское ж,
9. холм Лухановский,
10. озеро Третье Лухановское ж,
11. речку Дикую Мглу,
12. озеро Мгленское,
13. остров Лисвянишный,
14. реку Несь, в трех местах,
15. остров Гиолгуй,
16. озера 4 лешия, безименныя,
17. речек 5, крутоберегих, неболших, безименных,
18. речку ж безименную,
19. реку Вижас, которая от Мезени до Пустоозерска определяет надлежащего пути треть, юже преидохом от Мезени в 7 дней, то есть в неделю,
20. 3 речки мелкия, безименныя,
21. озера 3, безименныя ж, ||
22. озеро безимянное,
23. место, именуемое Вижаской хребет,
24. речку Вижасец,
25. озеро безимянное,
26. реку Ому,
27. речки вершинку, безимянныя,
28. речку Омицу,
29. остров Орлов,
30. остров Черный,
31. речки 2, безимянныя,
32. озера 2 Снопския,
33. реку Снопу,
34. озера 2 Снопския ж,
35. речку Снопицу,
36. речку безимянную,
37. речку безимянную ж,
38. реку Большую Пиошу, которая река от Мезени к Пустоозерску надлежащего пути определяет половину, юже преидоша в 10 дней,
39. речку Пиошицу Малую,
40. речку Пешицу,
41. речки безимянныя вершину,
42. речку Крутую,
43. речки конец Безмошицы,

4. 63.
об.

44. место, именуемое Безмошицу ж, с лесом,
45. землю каменную,
46. речку безимянную,
47. речку Солонгу,
48. речку Волонгу,
49. землю, именуемую Камень Болшей,
50. речку безимянную,
51. землю, именуемую Камень Малой, ||
52. речку безимянную,
53. другую, такую ж,
54. реку Щуку, которая от Мезени к Пустоозерску надлежащего пути определяет другую треть, юже преидохом от Мезени в 14 дней, то есть в 2 седмицы,
55. озеро безимянное,
56. озера 2, именуемая Щучьи,
57. речку безимянную,
58. озера 4, безимянныя ж,
59. речку безимянную ж,
60. остров Пермский,
61. речку Сойму,
62. озера 3 безимянныя,
63. речку безимянную,
64. речку Крутую,
65. речку Тыбиц ж,
66. озеро Тыбицкое,
67. озеро Матерское,
68. озеро Ворожное,
69. залив Матерской шар,
70. реку большую, именуемую Печеру,
71. озеро Вижевическое,
72. озеро Пустоозерское.

Всего от Мезени в надлежащем нашем пути преидохом тундрою, юдаже до Пустоозерска, рек болших — 11, малых именованных — 13, безименованных — 22, ручай, залив, || озер именованных — 16, озер же безименованных — 17, островов и мест именуемых и земель — 12; всего ж рек болших, малых, именованных и безименованных, ручьев, заливов, озер именованных и безименованных, островов и мест именуемых и земель преидохом 91.

Вышепомянутый же путь, а имянно от Мезени и до Пустоозерска, преехали в 19 дней, то есть в три седмицы без дву дней, в котором нашем пути не видехом никаких разных родов птиц и животных земных, кроме токмо единого рода от птиц, а имянно: воронов, и того ради помыслихом поистинне той путь пустыня есть, потому что вышепомянутыя птицы обыкли по пустыням жити, которых видим уже токмо тех же единых не токмо в том во едином пути, но и в Пустоозерске. А се к тому и оное Писание от ветхаго закона привниде нам на память, что в пустыни ж Хоривстей святаго и славнаго пророка Илию такоже птица препита, по чему познахом граду Пустоозерску бытность, якобы в таком же

л 64

л 64,
об.

пустынном месте, к которому месту женомы, яко бы до Бога со Псалмопевцем тако вопиюще: «Князи погнаша мя туне».¹
а. 65 и (обаче не туне, но в житейскую нашу ползу). и ||

«И от словес твоих убояся сердце мое». И паки по Псалмопевцу ж: «в земле пусте и непроходне», то есть, к которому месту, а имянно: к Пустоозерску-городку, тренных путей, по просту ж рещи, дорог езикалых неприналежащему, в нем же надеянием на Бога жива, яко не оставит надеющихся на него должностию нашу и водворихомся. По Псалмопевцу ж глаголюще: «Уподобихся не-
ясыти пустынной, бых яко ночный вран на нырищы. Бдех и бых яко птица особающаяся на зде»,² вопиюще до Бога псалмопевческия ж оныя гласы: «Исповемся тебе, Господи, всем сердцем моим, повем вся чудеса твоя».³ И паки: «Уготованию сердца их внят ухо твое».⁴ И паки: «Сего ради возвеселися сердце мое».⁵ И паки «Искусил еси сердце мое».⁶ И паки: «Оправдания Господня права, веселящая сердце».⁷ И паки: «Даст ти Господь по сердцу твоему и весь совет твой исполнит».⁸ И паки: «Желание сердца его дал еси ему».⁹ И паки: «Господь, помощник мой, и защити тело мой, на него упова сердце мое, и поможе ми, и процвете плоть моя, и волею моею исповемся ему».¹⁰ И паки: «Яко о нем возвеселится сердце наше, и во имя святое его уповахом».¹¹ И паки: «Сердце мое и плоть моя возрадовастася о Бозе живе».¹² И паки: «Сердце мое смятется во мне, и боязнь смерти нападе на мя, страх епет
а. 65, об. прииде на мя, и покры мя тма, || и рех: кто даст ми криле, яко голубине, и полещу, и почию: се удалихся бегая, и водворихся в пустыни, чаях Бога, спасающего мя от малодушия и от бури».¹³ И паки: «Яко видех беззаконие и пререкаание во граде, днем и ночью обыдет и по стенам его, и беззаконие и труд посреде его, и неправда, и не оскуде от стоги его лихва и лесь».¹⁴ И паки: «Возверзи на Господа печаль твою, и той тя препитае».¹⁵

Поистинне в пустынном месте водворение наше бысть, идеже никакой хлеб, ниже каковыя оградныя овощи родятся, но токмо реки и дикыя езера, в них же токмо рыбы ловятся, которую водную пищу мнози пустоозерския жители вместо хлеба употребляют от хлеба же друзии, а имянно от ржанья муки, токмо в год единым пудом себе забавляют, понеже хлеб и другия хлебныя ж припасы из других далних городов водою и сухим путем зимою от куческих людей в Пустоозерск привозимы бывают, и которые полкиточныя люди, тии от таковых припасов доволством себе забавляют. А и наша должность о препитании нашем требование от вышеозначенных же привозных припасов имеем, егда в Пустоозерск привозимы бывают. Тогда от них куплю себе деем. А сверх того пища от разных рыб нам употребляется, да от скота рогатого, который в том же Пустоозерске обретається, а имянно: род волов

и-и Эти слова написаны в ркп. в квадратных скобках.

¹ Пс. 118₁₀₁. ² Пс. 104₇₋₈. ³ Пс. 9₁. ⁴ Пс. 9₃₈. ⁵ Пс. 15₁. ⁶ Пс. 16₃.
⁷ Пс. 18₉. ⁸ Пс. 49₅. ⁹ Пс. 20₃. ¹⁰ Пс. 27₇. ¹¹ Пс. 32₃₁. ¹² Пс. 83₃.
¹³ Пс. 54₇₋₉. ¹⁴ Пс. 54₁₀₋₁₂. ¹⁵ Пс. 54₂₃.

и крав пребывает, от них же | доволство сыра, масла, млека *л. 66*
бывает. Овцы же, свиньи, а от птиц — гуси, утки, куры не обре-
таются, вместо того от единого улову — лебеди, гуси, утки,
куропти обретаются, их же весьма довольно пребывает. А сверх
того и елень мясо в пищу нам бывает. Слава Богу должно, за что
хвалу и благодарение ему возсылати, яко в доволстве таковых
благ не хочет нас оставляти, в которых весьма довольно исполня-
емся по милости его, Творца нашего, доволныя дневныя пищи
не лишаемся, в чем на его спасителя нашего, и надежду нашу
полагаем. А ему же надлежит за сим виват отправляем, а имянно:
чрез кого дух святой до сердца вдохну, в вышепомянутый путь
нас послати, идеже нам державнейшаго дела отправляти, от чего
и дневную пищу себе приобретаем. Да дарует тому Бог по желанию
сердца его, чего тои просит от него. А паче во всяком благо-
получии душеспасительно многая лета жити и по многолетнем
жителстве и безконечная благая, яже уготованная в небе от Христа
Бога получить. Аминь < . . . >

III

*Письма М. Жданова из Пустозерска
к И. А. Хрипунову в Архангельск.
1712—1713 гг.*

1

712-го ж, ис Пустозерска *л. 122*

Государь мой Иоанн Авксентьевич, в милости Божией здрав-
ствуи многолетно!

Известен, мой государь, буду за помощью Божиею в путе-
шествии нашем в Пустозерск произошло от Архангельского го-
рода сентября от 7 да октября по 1 число водным путем до Мезени,
а имянно: до Окладниковы слободки, итого в 3 недели и в 3 дни.
На Мезени ж за ожиданием зимнего пути пребыхом октября от 1
да ноября по 4 число, итого 34 дни, или 5 седмиц без единого дни,
о вышепомянутого ж ноября от 4 до того же || месяца по 22 число
преидохом зимним путем чрез тундру даже и до Пустозерска, *л. 122, об.*
итого в 18 дней или в 2 седмицы и 4 дни. И во всем нашем пути
от Архангельского города даже и до Пустозерска произошло
11 седмиц, без единого дни.

Ноября вышепомянутого, 22 дня, слава Богу, яко бы древний
Израиль чрез пустыню непроходную, тако и мы водами речными
и морем, и тундрою преидохом и внидохом, яко бы в землю обе-
тованную, кипящую вместо меда рыбою и млеком, то есть в Пусто-
зерск со всеми нашими во здравии, которому всему нашему
вышеобъявленному прехождению подробну о всем изъяснити будет
Вашей милости Диурнал, или Повседневное описание, его ж благо-
волит Бог должны послати к Вашей милости будем впред.

Прочее долженствуем Вашей милости ныне изъяснити паче о сем, чесо ради и в Пустоозерск произыде указом всемиловистейшаго нашего государя подвиг наш, а имянно: вначале для сыска про каменданта Афонасея Кушелева и подячего с приписью Федора Погорелского. К тому ж и ради управления его ж всемилостивейшаго нашего государя надлежащих дел, котораго коменданта в Пустоозерске мы не изехали, а сказаща нам об нем бурмистры, что-де оный камендант еще с июня месяца, убравшись со всем своим пожитком, съехал с Пустоозерскаго ж ведомства в слободки Успелму и Ижму ради управления дел ^а(а знатно, потому что засрся, не дожидаяся про себя сыска, убрався со всем || для своего от Пустоозерска отезда, поживяся довольно), ^а до которых слободок от Пустоозерска прехождения бывает нынешним зимним путем в одну сторону 9 дней, и для того каменданта призыву в Пустоозерск послан по наказу от меня в тое слободку вице-губернатора ^бА[лексия] А[лександровича] К[урбатова] ^бденщик Стефан Мичурин, его же ожидаю отъезду, благоволит Бог, к Рождеству Христову в Пустоозерск. С приезда же своего и по се число про того каменданта и подячего с приписью Федора Погорелского по наказу сыскному, о чем надлежит пустоозерцами, которые другия из них живут по деревням и по их обыкновению по жирам, до которых бывает от города езды нынешним же зимним путем по 2 дни и болши, верстами же не исчисляют, токмо днями и, повидимому, того сыского дела склоняется Погорелского во всем к правыми и к напрасному бывшему ево заключению, камендацкая ж з бурмистры и с мирскими людьми открывается напрасная к нему в том посяшка и озлобление. А сверх того подлинно о том дело покажет, как благоволит Бог ему совершиться, которому совершению быти, чаю, к предгрядущему новому году, то есть 1713-му, конечно, которое дело воздолженствую послать тогда в архангелогородскую канцелярию к милости Вашей.

А по сем Вашей милости долженствую изъяснить сего же декабря, дня 12, явился нам в Пустоозерске вышеобъявленнаго каменданта сын ево, Иван, и подал нам великого государя указ, || по которому по челобитью ево велено отца ево ис Пустоозерска отпустить со всем ево пожитком. А в том указе, чтоб тот отпуск учинить ему, хотя об нем и о Погорелском сыском деле и не совершится, о том подлинно не написано. А се из вышепомянутых слободок он, камендант, по се число в Пустоозерске не бывал, о котором слышно, что-де он в Пустоозерске не будет, поехал ис тех слободок убрався совсем домой, вместо же ево по делу дать ответ, о чем надлежит, общался нам вышепомянутой сын ево, Иван, которой уже у нас и за охрапением салдацким пребывает.

Сего ж декабря, дня 13, по указу великого государя архангелогородския салдаты два человека привезли к нам в Пустоозерск в подначалство архангелогородскаго кегостровскаго попа Ники-

^{а-а} Эти слова в ркп. написаны в квадратных скобках. ^{б-б} Восстановлено, в ркп. А. А. К.

фора, которыя салдаты сказаша нам, что-де высокопочтенного господина вице-губернатора, нашего же государя патрона ^ВА[лексия] ^АА[лександровича] ^КК[урбатова] от Архангельского города к Вологде после их салдацкой от города отески путешествие его превосходительства будет не в продолжительном времени, по которому известию не надеемся сему моему писанию улучшить его превосходительство у города Архангельского. Того ради послах к Вашей милости от пустоозерския рыбки, а имянно: 10 сегом просолных, да свежих 9 щук да 4 нелмы, да 7 чиров, — всего 30 рыбок, да благоволит Ваша милость || оную малую посылочку ^Г(понеже ныне в Пустоозерске белой рыбе весьма мало уловно есть) ^Гприказать принять. И даждь Боже Вашей милости с приятели своими на благоздравие кушать. л. 124

А ежели вышеупомянутый государь, наш патрон ^ДА[лексий] ^АА[лександрович], ^Дпо се писание мое будет у города ж Архангельского, благоволит, мой государь, из вышеписанныя рыбы половину отослати Его превосходительству. Надеюсь же к вашей милости такожде рыбки и о других потреб, от чего доведется, послати, аще благоволит Бог и впредь.

Слуга Ваш убогий ^ЕМ[атфий] ^ЖЖ[данов] ^ЕДекабря, дня 14, АД 1712. Ис Пустоозерска

2

Государь мой Иоанн Авксентьевич, и з домашнею Вашею церковию в милости Божией здравствуйте многолетно!

Воздолженствовах убогий нижеименованный паки во знак за помощь Божию прибытия нашего в Пустоозерск к Вашему милосердию, моего государя, возпослати с писмодавцем сим, а имянно: с племянником, с Ываном Кокиным, от пустоозерских воднаго естества плодоприношения от рыб свежих небольшую поваренку ^Ж(понеже в нынешнем годе, волею божиею, в том рыбном улове весьма скудно есть), ^Ж|| а имянно: 2 щуки, нелму, 3 чира, 3 окуня, 3 сишка — всего 9 рыбок. л. 124, об.

Прошу Вашу милость, моего государя, да оное наше малое приношение благоволит милостивно приказал принять. И даждь Боже Вам, моему государю, оную пищу во благоздравие с приятели своими вкушением употреблять о исполнении того ж, аще Бог благоволит, в чесом должны есмы впредь нам, убогим, пожаловать сроку дать.

Паки воздолженствовал к Вашему, моего государя, милосердию с вышепомянутым же Кокиным, яко бы в дары послати от пустоозерскаго ж звериного лову, а имянно: благословенной Вашей, моего государя, супруге госпоже ж моей Марфе Васильевне на яко-

^{В-В} Восстановлено, в ркп. А. А. К. ^{Г-Г} Эти слова в ркп. написаны в квадратных скобках. ^{Д-Д} Восстановлено, в ркп. А. А. ^{Е-Е} Восстановлено, в ркп. М. Ж. ^{Ж-Ж} Эти слова в ркп. написаны в квадратных скобках.

вую их должности потребу прилучится дву лисиц черных, которые имеет при возглавиях привешенную ради верности печать мою, да благоволит Ваша милость и оное мое приношение милостивно ж приказать принять. А впредь чим Бог благоволит такожде Вашей милости в должности нашей в том нам сроку ж дати.

И паки Вашу ж милость, моего государя, прошу да во прилучившихся нуждах будещи милостив и благоприятен к писмоподавцу сему, потому что он мне во прилучающихся пустоозерския моея бытности случаях паче других надежит ми есть.

К тому ж и о сем Вашей милости доношу: сего ж генваря, дня 2, пустоозерского ведомства из слободки Ижмы, которая
л. 125 в одну сторону ис Пустоозерска имеет || путь прехождения 9 дней, приехал к нам посланной от нас по наказу вице-губернарской денщик, а имянно: Стефан Мичюрин. И приехав, сказал нам, что-де он пустоозерского каменданта Афонасея Кушелева, избеглого в той слободке, сказал ему великого государя указ з запискою, которую к нам и привел, а в ней написано, что для сыскного дела и для здачи приказных писем и всего камендацкго ведомства быть ему в Пустоозерск бесрочно. А ежели не будет повинен, будет надлежащаго платежа-штрафа, к которой записке и руку приложил. И мы по той записке бытности его в Пустоозерск ожидаем.

Подписано: государю моему Иоанну Авксентиевичу, во граде Архангелском, его милость Хрипунову.

Вашея к нам милости нижайший убогий раб ³М[атфий] Ж[данов]³ униженно клняся. Декабря, дня 27, АД 1712. Ис Пустоозерска, с Кокиным.

3

Государь мой, Иоанн Авксентьевич, из благословения Вашею домашнею церковию прошу всецедраго Бога, да здравствует Ваша милость как душевно, тако и телесно, многая лета!

Во-первых, благодарю Вашу, моего государя, неотемлемую милость, что путешествием своим до Царствующего града благоволи Ваша милость дом наш посетити и от благословенного Вашего
л. 125, сокровища домашних наших в пуждах наших || милостивно одолжити, за которую Вашу, моего государя, весьма милостивую и
оо. воблагодотребную помоществительную к нам утрату прошу всецедраго Бога да воздаст Вашей милости, моего государя, милостивую ж и неоскудную заплату. А и наша должность чим той же всецедрый Бог благоволит поистинне Вашей милости должни будем платить.

2. Прочее ни о чесом же Вашу милость, моего государя, тако прошу, токмо о том, о чесом по приказу нашему будет просить сын наш, Иоаким, который ныне обретається у города Архангелского. К тому ж наипаче в чем прилучится о милостивом заступле-

нии к милостивому ж нашему государю, отцу и патрону ^иА[лексию] А[лександровичу],^и о чесом Вашего к нам неотемлемаго милосердия на благоприятство по Бозе и всенадежни, и благоволит Бог, чим прилучится, благодарно Вашему милосердию, моего государя, и платити должны есмы.

3. И паки и о сем Вашему милосердию долженствую донести сыскное дело про каменданта и подячего с приписью по се число еще не совершилось, надеюся ему за помощью Божию совершиться и ис Пустоозерска в Архангелогородскую канцелярию опуститься августа, с 1-го дня. Надежно прошу, милостивый мой государь, о заступлении Вашем к милостивому нашему государю, отцу и патрону ^кА[лексию] А[лександровичу]^к за умедление одного дела присылкою нам не прогневается благоутробие его, потому нам не прогневается благоутробие его, потому что дело великое, которое написано на 50-ти тетратех слишком, а в подячей || приказной один, токмо делать было вскоре некем, и за тем ^{а. 126}долго продлилось.

4. Паки прошу Вашу ж милость, моего государя, оному ж милосердому нашему государю, отцу и патрону о милостивом Вашем заступлении, о чесом слышу, что-де от пустоозерцев и от пустоозерских же фискалов, будто на нас в чем и бутто в каких обидах и челобитчики отпущены, которому их напрасному на нас посягательству без ответа нашего, дабы оный наш государь, отец и патрон, не благоволил поверити, понеже поистинне не осуждая, но правду об них изьявляя, яко они, пустоозерцы, лукави суть. И как про них у города сказывали мне господа Баженовы и другая поистине неложно, такови они суще нам изьявишася, а наипаче не токмо лукави и клеветливи суть, но и в зборех всемилостивейшаго государя казны в прешедших годах во многих статьях и многую учинили утрату, о чем благоволит Бог присылкою вышепомянутого сыскного дела Вашему благоразсмотрению откровенно будет подлинно, и что, те статьи охраняя, ныне за помощью Божию, чтоб не точию в каких зборех учинить утрату, но паче б пополнение, якоже и есть, зато попремногу нас ненавидят и день от дне ж плевосеятелству ложная сплетения умышляет, како бы тому доброму нашему намерению во еже всемилостивейшаго государя казны во усердии нашем к пополнению учинить препятие, || да не токмо, чтоб препятие учинить, но как бы и до смерти нас уходити, как-де прежде сего ухаживали они пустоозерского ж воеводу, а имянно: Григорья Шамшина, котораго злоделательства единый из них пустоозерец же и возобличился об нем же. Опасением от таковаго злаго начинания послах ныне в архангелогородскую канцелярию отписку, яже, аще благоволит Бог, подати будет в канцелярию вышеобъявленный же сын наш, Иоаким, прошу, милостивый мой государь, и о том к милостивому нашему государю, отцу и патрону ^лА[лексию] А[лександровичу]^л о заступлении ж ^{а. 126, об.}

^{и-п} Восстановлено, в ркп. А. А. ^{к-к} Восстановлено, в ркп. А. А.
^{л-л} Восстановлено, в ркп. А. А.

да по отписке той милостивым его отеческим благоразсмотрением защищен от таковых буду, им же образом по Бозе его отеческое милосердие обороною от таковых злоделателей нас же охранит, дабы таковое злое их начинание, каковым страхом угасить, а в действо не попустити, како б о нас Ваше, наших государей, благоутробие Господь Бог вразумит, тако и да сотворит.

5. Пишу сие надеянием на Бозе бытности Вашею, моего государя, по вышеобъявленном путешествии от Царствующаго града у града ж Архангелского, о котором отшествии от оногo града Вашея милости иногда услышахом, тогда попремногу обдержима быхом печалию, яко лишившися тамо по бозе всенадежныя Вашего, моего государя, в нуждах наших заступлением помощника. Ныне же имамы верную нашу надежду на Богу, яко милости Вашей по-прежнему при граде Архангелском быти || и в милости всецедраго Бога благополучно ту по воли его святей пребыти.

л. 127

6. Паки-паки последнее просить милость Вашу, моего государя, должность наша простирается, да по приказу нашему во прошениях к сыну нашему ж Иоакиму, который нещую при граде ж Архангелском ныне обретается, во еже милостиву и благоприятну к нам быти и в милосердии своем при милости своей отечески его хранить, его же по Бозе в милосердие Ваше, моего государя, вручаю. И тако сие мое писание скончаваю.

Слуга Ваш и раб непотребный, ^{ММ}М[атфий] Ж[данов]^М
униженно кланяюся. Июля, дня 20, АД 1713.

Ис Пустоозерска, с Терским.

4

Милосердный мой государь Иоани Аксентиевич, в милости Божьей здравствуй многолетно!^Н

Воздолженствовавом к Вашему милосердию Пустоозерскаго ведомства от воднаго рыбнаго плода, а имянно: от красныя рыбы, именуемая семга, да от белыя — омылей — возпослати, яко бы в дары с писмодавцем сим, а имянно: от рыб семги и омылей — по одной, итого — две бочки.

л. 127,
об.

Прошу Ваше благоприятство, милостивый мой государь, да поведим оное наше малое приношение приказа ту || милостивно принять и даждь Боже Вашему благородию с присутствующими при Вашем благоприбытии оную пищу на благоздравие вкушением употреблять. А наше непотребство во благоприятии Вашего к нам милосердия не забывать.

Слуга Ваш убогий ^{ММ}М[атфий] Ж[данов]^О
Сентября, дня 17, АД 1713, из Пустоозерска.
1714-го, ис Пустоозерска.

^{ММ} Восстановлено, в ркп. М. Ж. и На поле ркп. написано: Сн̄ же Якимъ привезлъ назадъ. ^{О-О} Восстановлено, в ркп. М. Ж.

БИБЛИОГРАФИЯ ПЕРЕВОДОВ Н. М. КАРАМЗИНА
В «ВЕСТНИКЕ ЕВРОПЫ» (1802—1803 гг.)*

В данную библиографию включены переводы Н. М. Карамзина, помещенные в «Вестнике Европы» (1802—1803). Переводы располагаются в хронологическом порядке.

В каждой библиографической записи приводятся: 1) полное заглавие публикации и подпись под ней. Иногда в заглавие выносятся дополнительные данные об источнике из подстрочного примечания (даются после звездочки); если удалось установить фамилию и инициалы автора, отсутствующие или искаженные в подписи, эти сведения приводятся в начале записи в квадратных скобках; 2) выходные данные публикации: год, часть, месяц и номер, а также страницы; переиздания описываются под одним номером с первой публикацией.

В аннотации сообщаются сведения об источнике перевода: название оригинала и издания, в котором он был опубликован. Книги описываются по первому изданию. Оговариваются отступления от оригинала: сокращения и вольные подражания.

Библиография снабжена именным указателем иностранных авторов и указателем французских, немецких и английских периодических изданий. В указателях ссылки даются на номера библиографических записей.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- П — Переводы Н. М. Карамзина. СПб., 1835. Т. 1—9.
ПЖ — Повести г-жи Жанлис, переведенные Н. Карамзиным. М., 1802, 1803. Ч. 1—2.
Пнт 2 — Пантеон иностранной словесности. 2-е изд. М., 1818. Ч. 1—3.
РП — Разные повести, переведенные Н. Карамзиным. М., 1816. Ч. 1—2.
С 1 — Сочинения Карамзина. М., 1803.
С 2 — Сочинения Карамзина. 2-е изд. М., 1814.
С 3 — Сочинения Карамзина. 3-е изд. М., 1820.
ВВ — Bibliothèque Britannique
D — Décade
F — Freimüthige
JDM — Journal des dames et des modes
JP — Journal de Paris
M — Minerva
ME — Magasin Encyclopédique
MU — Moniteur Universel
NBR — Nouvelle Bibliothèque des romans
NTM — Der Neue Teutsche Merkur
PJ — Politisches Journal
SN — Spectateur du Nord
ZEW — Zeitung für die elegante Welt

* Настоящая библиография является окончанием «Библиографии переводов Н. М. Карамзина». Начало работы, охватывающее период 1783—1800 гг., см.: XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 319—337.

1. Альцибиад к Периклу. (Из Архенгольцовой Минервы) // 1802. Ч. 1, январь, № 1. С. 9—16. (Пнт 2. Ч. 2. С. 344—353; П. Т. 8. С. 259—265).
Alcibiades an Pericles // М. 1801. Bd 3, September. S. 408—418.
2. [Флакман.] Народный британский памятник // 1802. Ч. 1, январь, № 1. С. 17—19.
Flaxman. Brittisches National-Denkmal // М. 1801. Bd 3, September. S. 377—392. Сокращенный перевод.
3. История французской революции, избранная из латинских писателей // 1802. Ч. 1, январь, № 1. С. 20—37. (Пнт 2. Ч. 1. С. 215—236; П. Т. 7. С. 159—173).
Versuch über die Geschichte der französischen Revolution. Von einer Societät lateinischer klassischer Schriftsteller // М. 1801. Bd 2, April. S. 122—136.
4. [Пижу.] Женские парики / Пер. с фр. // 1802. Ч. 1, январь, № 1. С. 38—40.
Die Frauenzimmer-Perücken / Von dem citoyen J. B. Pujoulx. Geschrieben im Jahre 1801 // М. 1801, Bd 2, May. S. 363—369.
5. О просвещении // 1802. Ч. 1, январь, № 1. С. 41—45.
G. Discours sur les progrès des connaissances en Europe et de l'enseignement public en France / par M. J. Chénier, de l'Institut national // D, an X [1801]. Т. 31, № 1. Р. 24—29. Сокращенный перевод рецензии.
6. Мерсье [Л. С.] Жан-Жак Руссо в Тюльери // 1802. Ч. 1, январь, № 1. С. 45—46. (Пнт 2. Ч. 2. С. 354—356; П. Т. 8. С. 266—267).
7. Трогательное воспоминание. Из Gazette de France, декабря 1801 // 1802. Ч. 1, январь, № 1. С. 47—52. (Пнт 2. Ч. 2. С. 357—363; П. Т. 8. С. 268—272).
Gazette de France. 1801. Decembre.
8. Делиль [Ж.] Меланхолия: Подражание Делилю // 1802. Ч. 1, январь, № 1. С. 53—54. (С. 1. Т. 1. С. 274—276; С. 2. Т. 1. С. 275—277; С. 3. Т. 1. С. 214—215).
Delille J. L'Imagination. Вольный перевод отрывка.
9. Анекдоты о Бонапарте, еще неизвестные. * Из французского журнала // 1802. Ч. 1, январь, № 1. С. 60—63.
10. Нечто о нынешнем Париже. (Из Модного магазина) // 1802. Ч. 1, январь, № 1. С. 63—65.
11. [Бонапарт.] Бонапарте. Изображение состояния французской республики, представленное консулами законодательному совету // 1802. Ч. 1, январь, № 1. С. 84—98.

Le premier consul Bonaparte. Le secrétaire d'état H. B. Maret. Exposé de la situation de la République. Paris, le 1-er frimaire an 10 la République // MU, N 63, 3 frimaire an 10. P. 247—249.

12. [Лемонте П. Е.] Истина, индейская сказка. (Из Décade) // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 1—7). (РП. Ч. 1. С. 213—221; П. Т. 5. С. 143—148).

Lemontey P. E. La Vérité, conte indien // D, an IX [1801]. Т. 30, N 31, 10 thermidor. P. 238—242.

13. Худой отгадчик (Пер. с фр.) // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 8—16. (РП. Ч. 1. С. 222—232; П. Т. 5. С. 149—156).

L'Observateur en défaut. Anecdote // JDM. N 70 (20 fructidor an XI). P. 563—566.

14. Письмо парижских музыкантов к Гайдну // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 16—17.

15. Сулави [Ж. Л.] Лудовик XVI, описанный г-м Сулави. *Перевод из его Mémoires, недавно вышедших в Париже // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 18—28.

Soulavie J. L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI, depuis son mariage jusqu'à sa mort. Paris, 1801. Т. 2, ch. 4. P. 38—58. Сокращенный перевод.

16. Письмо из Парижа. (Из Модного магазина) // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 28—35.

17. [Архенгольц И. В.] Король Цесарь, негр в Америке // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 35—37.

Archenholz J. W. König Cäsar, ein Neger in Amerika // M. 1801. Bd 4, November. S. 193—196.

18. Остров Святой Елены. Письмо английского путешественника к другу его. (Из Moniteur.) // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 38—43. (Пнт 2. Ч. 2. С. 364—371; П. Т. 8. С. 273—278).

Extrait d'une lettre écrite de Sainte-Hélène, par un voyageur allant dans l'Inde sur un vaisseau anglais // MU. N 46, 16 brumaire an 10. P. 181.

19. Бонапарте в пирамиде. (Перевод из Описания египетской экспедиции) // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 44—51. (Пнт 2. Ч. 2. С. 372—380; П. Т. 8. С. 279—286).

Der Krieg der Franzosen in Egypten und Syrien. Ein Fragment // M. 1801. Bd 4, November. S. 215—246. Сокращенный перевод (S. 231—241).

20. Новый монумент Виргилия. Письмо из Мантуи от 22 октября 1801 // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 58—60.

Mantoue, le 22 octobre (30 vendemiaire) // MU. № 84, 24 frimaire an 10. P. 331.

21. Речь депутатов французского Законодательного совета в ответ консулам на обнародованную ими картину республики // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 66—69.

Paris, le 3 frimaire. Une députation du corps-législatif est introduite chez les consuls; le cit. Grégoire porte la parole. . . // MU. № 64, 4 frimaire an 10. P. 251.

22. Объявление от имени первого консула в Законодательном совете. *18 фримера, по случаю утверждения мира с Россией // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 70—71.

Corps-législatif. Présidence de Baraillon. Séance du 18 frimaire // MU. № 19, 19 frimaire an 10. P. 314. Перевод отрывка.

23. Письмо из Генуи от 12 декабря // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 72—74.
24. Письмо из Соединенных Американских областей // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 75—77.
25. Плоды войны и мира для Франции и Великобритании. Из Morning chronicle // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 78—79.
26. Письмо из С. Доминго, французского американского острова // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 79—84.

Extrait de la gazette américaine, intitulée Gazette of the united states, and Daily advolises. Du 17 août 1801 (29 thermidor an 9). Constitution de la colonie française de Saint-Domingue // MU. № 11, 11 vendôse an 10. P. 39—41.

27. Известия и замечания. Корфу, 10 ноября // 1802. Ч. 1, январь, № 2. С. 94—95.

Corfou, 19 novembre (28 brumaire) // MU. № 94, 4 nivôse an 10. P. 375.

28. [Жоффруа Ж. Л.] Новая политика. Из Journal de Paris // 1802. Ч. 1, февраль, № 3. С. 1—7. (Пнт 2. Ч. 3. С. 5—12; П. Т. 9. С. 3—8).

Die neue Politik. Von Geoffroy // M. 1801. Bd 3, August. S. 193—201.

29. Когда он возвратится? Из Décade // 1802. Ч. 1, февраль, № 3. С. 7—13. (РП. Ч. 1. С. 233—240; П. Т. 5. С. 157—162).

V. D. M. Quand reviendra-t-il? // D, an IX [1801]. T. 30, N 33, 30 thermidor. P. 355—360.

30. Дежерандо Ж. М. О диком человеке в Париже // 1802. Ч. 1, февраль, № 3. С. 14—19. (Пнт 2. Ч. 3. С. 13—19; П. Т. 9. С. 9—13).

Rapport fait à l'Institut national, sur l'enfant appelé Le sauvage de l'Aveyron, par le citoyen Degérando. Séance du 22 vendémiaire // MU. № 29, 29 vendémiaire an 10. P. 113—114.

31. Свадебный контракт / Пер. с фр. // 1802. Ч. 1, февраль, № 3. С. 19—29. (РП. Ч. 1. С. 241—253; П. Т. 5. С. 163—172).
32. Вольтер и Лекен // 1802. Ч. 1, февраль, № 3. С. 29—33. (Пнт 2. Ч. 3. С. 20—24; П. Т. 9. С. 14—17).

** n. Voltaire und Lekain. Ein Fragment // M. 1801. Bd 3, August. S. 332—337.

33. Письмо Дона Иоаквино Гарсии, губернатора гишпанских владений на острове С. Доминго, к президенту Соединенных Областей Америки // 1802. Ч. 1, февраль, № 3. С. 33—35.

Schreiben des Don Joaquin Garcia, Gouverneur des Spanischen Antheils von S. Domingo, an den Präsidenten der Vereinigten Staaten in Amerika. M., 1801. Bd 3, August. S. 303—306.

34. О французском епископе, бывшем первым министром в Кохинхине и недавно умершем. Письмо из Кохинхины // 1802. Ч. 1, февраль, № 3. С. 36—40.

Der Bischof von Ardan, Staatsminister in Cochinchina. Fragment eines Briefes aus Cochinchina, geschrieben im Jahre 1800 // M. 1801. Bd 4, December. S. 526—532; Extrait d'une lettre d'un missionnaire de Cochinchine, écrite en 1800. (Publiciste) // MU. № 48, 18 brumaire an 10. P. 189.

35. О славном Гальвани // 1802. Ч. 1, февраль, № 3. С. 40—45. (Пнт 2. Ч. 3. С. 25—31; П. Т. 9. С. 18—22).

Eloge historique de Louis Galvani, par J. L. Alibert, membre de la société de l'école de Médecine. Paris, an X [1801].

36. Новые сочинения госпожи Неккер // 1802. Ч. 1, февраль, № 3. С. 46—49.

V. Nouveaux mélanges, extraits des manuscrits de Mme Necker. 2 vol. // JP, an X [1801]. № 69, 9 frimaire. P. 411—413; № 71, 11 frimaire. P. 422—424.

37. Медор. (Истинное происшествие в 1794 году. Из Journal de Paris) // 1802. Ч. 1, февраль, № 3. С. 49—52.

Médor. Anecdote de 1794 // JP, an X [1801]. № 55, 25 brumaire. P. 327—328.

38. Речь государственного советника Порталиса, которому поручено было от консулов представить на рассмотрение Законодательному совету новый проект гражданского уложения для Франции // 1802. Ч. 1, февраль, № 3. С. 65—77.

Discours prononcé dans la séance du 3 frimaire par le cit. Portalis, orateur du gouvernement, en présentant le projet de la première loi du code civil // MU. N 65, 5 frimaire an 10. P. 255—258.

39. О последних военных действиях в Египте. Сочинение генерала Ренье // 1802. Ч. 1, февраль, № 3. С. 77—87.

40. Письмо из Балтимора // 1802. Ч. 1, февраль, № 3. С. 87—90.

41. [Лемонте П. Е.] Какой день, или Семь женщин, аллегорическая сказка / Пер. с фр. // 1802. Ч. 1, февраль, № 4. С. 1—37. (РП. Ч. 1. С. 254—298; П. Т. 5. С. 173—206).

Lemontey P. E. Quelle journée, ou Les Sept femmes, conte allégorique // Raison, folie, chacun son mot; petit cours de morale mis à la portée des vieux enfans / Par P. E. L. Paris, an IX—1801. P. 48—87.

42. Анекдоты из жизни славного Моцарта // 1802. Ч. 1, февраль, № 4. С. 37—48. (Пнт 2. Ч. 3. С. 32—45; П. Т. 9. С. 23—32).

G. Anecdote sur W. T. Mozart, traduites de l'allemand par Ch. Fr. Cramer. A Paris // D, an X [1801]. T. 31, N 7, 10 frimaire. P. 403—414.

43. [Рейба.] О старости // 1802. Ч. 1, февраль, № 4. С. 48—50. (Пнт 2. Ч. 3. С. 46—49; П. Т. 9. С. 33—35).

Sermons de M. E. S. Reybaz, ministre du Saint-Evangile, ci-devant représentant de la République française, accompagnés d'hymnes. Paris, 1801.

44. Новый род перевода / Пер. с фр. // 1802. Ч. 1, февраль, № 4. С. 51—55. (Пнт 2. Ч. 3. С. 50—56; П. Т. 9. С. 36—40).

B. L. Lettre aux auteurs de la Décade, sur un nouveau genre de traduction // D, an IV [1795]. T. 7, N 55, 10 brumaire. P. 227—231.

45. Оливье [Г. А.] Пасван Оглу // 1802. Ч. 1, февраль, № 4. С. 70—79.

Olivier G. A. Paswan Oglou. M., 1801. Bd 4, Oktober. S. 142—169.

46. Письмо из Константинополя // 1802. Ч. 1, февраль, № 4. С. 79—83.

Über die besonderen Ursachen der jetzigen Zerrüttung des Othomannischen Reichs. Neuere Begebenheiten in den türkischen Ländern // PJ. 1801. St. 10, Oktober. S. 1012—1021.

47. Способ истребить нищету в государстве, предложенный французским консулам // 1802. Ч. 1, февраль, № 4. С. 83—87.

Marc-Antoine Jullien, ex-commissaire exécutif de l'instruction publique. Sur un mode d'extinction de la mendicité // MU. N 91, 1-er nivôse an 10. P. 365. Сокращенный перевод.

48. Фуше [Ж.] Письмо французского министра полиции к Бонапарте // 1802. Ч. 1, февраль, № 4. С. 88—90.

Fouché. Le ministre de la police générale, au premier consul. Paris le 20 nivôse an 10 // MU. N 118, 28 nivôse an 10. P. 472.

49. Жанлис [С. Ф.] Роза, или Палаты и хижина. (Из новых сочинений г-жи Жанлис) // 1802. Ч. 2, март, № 5. С. 3—38. (ПЖ. Ч. 1. С. 1—45; П. Т. 3. С. 3—32).

Genlis S. F. Pamrose, ou Le Palais et la chaumière // NBR, an IX—1801, 3-me année. T. 9. P. 40—99.

50. Сравнение Дидерота с Лафатером. (Из Journal de Paris) // 1802. Ч. 2, март, № 5. С. 39—41. (Пнт 2. Ч. 3. С. 57—59; П. Т. 9. С. 41—43).

R...z. Parallèle de Diderot et Lavater, auteur du Traité de la Physiognomie. 3 vol. . . . Paris // JP, an X—1802. N 107. P. 639—640. Сокращенный перевод.

51. Речь французского министра внутренних дел, произнесенная им в Парижском музыкальном училище, при раздаче награждений // 1802. Ч. 2, март, № 5. С. 41—45. (Пнт 2. Ч. 3. С. 60—65; П. Т. 9. С. 44—47).

Discours prononcé aujourd'hui par le ministre de l'intérieur avant le distribution des prix décernés aux élèves du conservatoire de musique // MU. N 101, 11 nivôse an 10. P. 405.

52. О достоинстве древних и новых / Пер. с нем. // 1802. Ч. 2, март, № 5. С. 45—52. (Пнт 2. Ч. 3. С. 66—73; П. Т. 9. С. 48—53).

Paul Pasquin über die Alten und Neuern, aus dem englischen übersetzt // Neue Litteratur und Völkerkunde. J. 1, 1787, Bd 2, Oktober. S. 422—430.

53. Итальянская консульта в Лионе. (Выписка из журнала сей консулты) // 1802. Ч. 2, март, № 5. С. 59—71.

Procès verbal des opérations de la Consulta extraordinaire de la République cisalpine, à Lyon // D. N 14, 20 pluviôse. P. 315—320. Сокращенный перевод.

54. Конституция итальянской республики // 1802. Ч. 2, март, № 5. С. 71—79.

Constitution de la république italienne // MU. N 131, 11 pluviôse an 10. P. 522—525. Сокращенный перевод.

55. Письмо из Милана // 1802. Ч. 2, март, № 5. С. 79—83.

Milan, le 7 février // MU. N 147, 27 pluviôse an 10. P. 587.

56. Письмо из Землина // 1802. Ч. 2, март, № 5. С. 83—84.

Semlin, le 18 janvier (28 nivôse) // MU. N 143, 23 pluviôse, an 10. P. 571.

57. [Небе А.] Последние дни Лафатеровой жизни / Пер. с нем. // 1802. Ч. 2, март, № 6. С. 95—115. (Пнт 2. Ч. 3. С. 74—99; П. Т. 9. С. 54—71).

Nebe A. Johann Kaspar Lavater. Ueber Ihn und Seine Schriften. Mit Erinnerungen aus meiner Reise in die Schweiz im Sommer 1800 in Beziehung auf Lavater und seine letzten Tage. Leipzig. 1801. Сокращенный перевод.

58. [Сулави Ж. Л.] Мария Антуанетта. (Из новых Mémoires de Soulavie) // 1802. Ч. 2, март, № 6. С. 115—124.

Soulavie J. L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI, depuis son mariage jusqu'à sa mort. Paris, 1801. T. 2, ch. 5. P. 60—74. Сокращенный перевод.

59. Некоторые мысли лучших французских авторов, выбранные из новых сочинений госпожи Неккер. [Бюффон. Дидерот. Томас] // 1802. Ч. 2, март, № 6. С. 125—134. (Пнт 2. Ч. 1. С. 198—207; П. Т. 7. С. 146—153).

Nouveaux mélanges extraits des manuscrits de Mme Necker. Paris, 1801.

60. Парижский лицей // 1802. Ч. 2, март, № 6. С. 134—138.

61. Две шотландские мумии. (Из нового путешествия господина Гарнета. Из Bibliothèque britannique) // 1802. Ч. 2, март,

№ 6. С. 140—146. (Пнт 2. Ч. 3. С. 100—108; П. Т. 9. С. 72—77).

Détails concernant deux momies trouvées près de Glasgow. Tirés du voyage de T. Garnet en Ecosse // BB. 1800. Т. 15. Р. 527—534.

62. Письмо из Парижа // 1802. Ч. 2, март, № 6. С. 167—169.

63. Любопытная нота французского кабинета, напечатанная в Монитере // 1802. Ч. 2, март, № 6. С. 170—175.

Paris, le 26 pluviôse // MU. N 147, 27 pluviôse an 10. Р. 588.

64. Письмо из Парижа. Из Courier de Londres // 1802. Ч. 2, март, № 6. С. 175—179.

65. Египетские происшествия. Письмо английского офицера из лагеря при Александрии от 14 окт. 1801. Письмо из Каира, от 24 окт. 1801. Письмо из Александрии от 27 октября 1801. Другое письмо из Александрии от того же числа // 1802. Ч. 2, март, № 6. С. 179—181, 181—184, 184—187, 187—188.

66. Умножение сил Франции // 1802. Ч. 2, март, № 6. С. 189—191.

67. Известия и замечания. «В Монитере напечатано объявление генерала Туссена Лувертюра по случаю умирения С. Домингского мятежа» // 1802. Ч. 2, март, № 6. С. 196—197.

Au nom de la colonie française de Saint-Domingue. Proclamation. Toussaint Louverture, gouverneur de Saint-Domingue // MU. No 148, 28 pluviôse an 10. Р. 591—593.

68. Известия и замечания. Из Милана от 15 февр. Из Монитера. // 1802. Ч. 2, март, № 6. С. 199—205.

Milan, le 15 février (26 pluviôse). Discours prononcés à l'occasion de l'installation du gouvernement constitutionnel de la République italienne, le 14 février 1802, an 1-er. Proclamation // MU. No 156, 6 ventôse an 10. Р. 623—624. Сокращенный перевод.

69. Сен-Ламбер [Ж. Ф.] Кто щедрее? // 1802. Ч. 2, апрель, № 7. С. 207—218. (РП. Ч. 2. С. 7—20; П. Т. 6. С. 7—16).

Saint-Lambert J. F.

70. [Кератри А.] Удовольствие. Аллегорическая сказка / Пер. с фр. // 1802. Ч. 2, апрель, № 7. С. 218—225. (Пнт 2. Ч. 3. С. 109—117; П. Т. 9. С. 78—83).

Kératry A. H. Le plaisir, conte allégorique // NBR, an IX—1800. 3-me année. Т. 2. Р. 201—209.

71. Объявление о драгоценном элексире, который весьма приятен для вкуса, веселит душу и сердце и вообще производит в людях чудесные действия / Пер. с фр. // 1802. Ч. 2, апрель, № 7. С. 225—231. (Пнт 2. Ч. 3. С. 118—125; П. Т. 9. С. 84—89).

72. Спор о Вольтере // 1802. Ч. 2, апрель, № 7. С. 237—240.

R. Nouvelles littéraires. «Le Journal des Débats et le Mercure sont en grange querelle...» // JP, an IX—1801. N° 339, 9 fructidor. Р. 2040—2042.

73. Маркиза де Шатле // 1802. Ч. 2, апрель, № 7. С. 242—245.
 Portrait de la Marquise du Chatelet, par M-me Dudeffant // JP, an IX—1801. N° 269, 29 prairial. P. 161—162.
74. [Архенгольц И. В.] О силе Англии // 1802. Ч. 2, апрель, № 7. С. 256—263.
 v. A. Ueber die Macht Englands. Von Herausgeber der Minerva // М., 1802. Bd 1, Februar. S. 193—205.
75. О провинциальном начальстве в Оттоманской Империи. (Из нового Оливьерова путешествия) // 1802. Ч. 2, апрель. № 7. С. 264—268.
 Provinzial-Regierung im Ottomanischen Reiche. Aus Olivier's Reisen // М. 1801. Bd 4, December. S. 488—494.
76. Письмо из Парижа // 1802. Ч. 2, апрель, № 7. С. 269—275.
77. Определение консулов от 13 вантоза десятого лета // 1802. Ч. 2, апрель, № 7. С. 276—277.
 Le premier consul Bonaparte. Le secrétaire d'état H. R. Maret. Actes du gouvernement. Arrêté du 13 ventôse an 10 // MU. N° 166, 16 ventôse an 10. P. 664.
78. Любопытные заседания английского парламента // 1802. Ч. 2, апрель, № 7. С. 278—287.
 Parlement impérial. Chambre des communes. Séance du 3 mars (12 ventôse. Extrait du Morning Chronicle et du True Briton) // MU. N° 173, 23 ventôse an 10. P. 691—693.
79. Жанлис [С. Ф.] Все на беду, история эмигранта. Из сочинений госпожи Жанлис // 1802. Ч. 2, апрель, № 8. С. 293—339; Ч. 3, май, № 9. С. 3—35. (ПЖ. Ч. 1. С. 129—225; П. Т. 3. С. 89—153).
 Genlis S. F. Le Malencontreux, ou Mémoires d'un émigré, pour servir à l'histoire de la révolution // NBR, an IX—1801, 3-me année. T. 7. P. 1—144.
80. Бюффон и Руссо. (Из Spectateur du Nord) // 1802. Ч. 2, апрель, № 8. С. 339—343. (Пнт 2. Ч. 3. С. 126—130; П. Т. 9. С. 90—93).
 De Buffon et de Rousseau // SN. 1802. Janvier. P. 60—64.
81. Письмо о консуле Бонапарте // 1802. Ч. 2, апрель, № 8. С. 343—345.
82. [Фокс Ч. Дж.] Речь Фокса на смерть герцога Бедфорда, произнесенная им в Парламенте // 1802. Ч. 2, апрель, № 8. С. 345—350. (Пнт 2. Ч. 1. С. 208—214; П. Т. 7. С. 154—158).
83. Нового роду самоубийство в Англии. Письмо к издателям Парижского журнала // 1802. Ч. 2, апрель, № 8. С. 351—354.
 Aux auteurs du journal // JP, an X—1802. N° 177, 27 ventôse, P. 1065—1066.

84. Письмо из Парижа. (Из Journal de Paris) // 1802. Ч. 2, апрель, № 8. С. 354—356.
Paris. (Extrait du Journal de Paris) // JDM. 1802. N° 16, 12 avril. P. 68—70.
85. Вопросы и ответы. (Из Модного журнала) // 1802. Ч. 2, апрель, № 8. С. 357. (Пнт 2. Ч. 3. С. 131; П. Т. 9. С. 94).
Questions et réponses // JDM. 1802. N° 15, 5 avril. P. 26—27.
86. Письмо из Амьена от 28 марта // 1802. Ч. 2, апрель. № 8. С. 376—378.
Amiens, le 7 germinal // MU. N° 190, 10 germinal an 10. P. 760.
87. Новейшая история и статистические достопамятности Китая. (Из нем. Политического журнала) // 1802. Ч. 2, апрель, № 8. С. 379—383. (Пнт 2. Ч. 3. С. 132—138; П. Т. 9. С. 95—99).
88. Описание Вены / Пер. с фр. // 1802. Ч. 3, май, № 9. С. 35—43.
Tableau de Vienne. (Extrait du Nord littéraire) // D, an IX—1801. T. 28, N° 17, 20 ventôse. P. 473—486. Сокращенный перевод.
89. Обращенный скупец. (Из англ. журнала) // 1802. Ч. 3, май, № 9. С. 44—49. (РП. Ч. 2. С. 21—27; П. Т. 6. С. 17—21).
90. Путешествие в Шпицберген. (Из Philosophical Magazine) // 1802. Ч. 3, май, № 9. С. 49—54. (Пнт 2. Ч. 3. С. 139—144; П. Т. 9. С. 100—103).
Account of a Voyage to Spitsbergen in the year 1780. By S. Bacstrom, M. D. Communicated by the Author // The Philosophical magazine. 1799. Vol. 4, July. P. 139—152.
91. Крамер. Письмо из Парижа // 1802. Ч. 3, май, № 9. С. 65—77.
92. Торжественное восстановление католической религии во Франции // 1802. Ч. 3, май, № 9. С. 77—94.
Corps-législatif. Séance du 15 germinal // MU. N° 196, 16 germinal. P. 783—790; Conseil-d'état. Rapport du citoyen Portalis, conseiller-d'état, chargé de toutes les affaires concernant les cultes, sur les articles organiques de la convention passée à Paris, le 26 messidor an 9 entre le gouvernement français et le pape // MU. N° 197, 17 germinal an 10. P. 791—793; Tribunat. Présidence de Girardin. Séance du 17 germinal // MU. N° 198, 18 germinal. P. 798—800.
93. Известия. Из Палермы от 13 марта // 1802. Ч. 3, май, № 9. С. 100—102.
Sicile. Palerme, le 3 mars (13 ventôse) // MU. N° 203, 23 germinal an 10. P. 821.
94. Путешествие аббата Бартелеми в Италии // 1802. Ч. 3, май, № 10. С. 103—119. (Пнт 2. Ч. 3. С. 148—167; П. Т. 9. С. 106—119).
A. Voyage en Italie de l'abbé Barthélemy <...> A Paris // D, an X—1802. T. 32, N° 15, 30 pluviôse. P. 334—344.

95. *Коцебу А. Ф. Ф.* Воздушные шары // 1802. Ч. 3, май, № 10. С. 119—120. (РП. Ч. 2. С. 28—33; П. Т. 6. С. 22—26).
96. Некоторые любопытные черты характера Людовика XVI и королевы Марии Антуанетты. * Из новой французской книги: *Maximes de Louis XVI etc.* // 1802. Ч. 3, май, № 10. С. 124—133.
97. Письмо одного из французских ученых, бывших в Египте. Из Монптёра // 1802. Ч. 3, май, № 10. С. 134—138. (Пнт 2. Ч. 3. С. 168—174; П. Т. 9. С. 120—124).
 Copie d'une lettre du citoyen S. B., membre de la commission des sciences et arts d'Egypte, au cytoyen Morand, membre du corps-législatif. Marseille, le < . . . > nivôse an 10 // MU. N° 145, 25 pluviôse. P. 581—582.
98. Нечто о Венеции при ее падении // 1802. Ч. 3, май, № 10. С. 147—155.
 —n. Etwas über Venedig bey seinem Fall. // M. 1801. Bd 3, August. S. 202—213.
99. Первое торжественное молебствие французского народа в присутствии консулов и всех властей. (Из *Gazette de France*) // 1802. Ч. 3, май, № 10. С. 155—159.
100. Собрание государственных чинов в Сицилии. Письмо из Палермы от 22 марта // 1802. Ч. 3, май, № 10. С. 159—163.
 Sicile. Palerme, le 12 mars (21 ventôse) // MU. N° 213, 3 floréal an 10. P. 859.
101. Новый план народного учения во Франции, предложенный консулами Законодательному совету // 1802. Ч. 3, май, № 10. С. 163—168.
 Corps-législatif. Présidence de Marcorelle. Séance du 30 germinal // MU. N° 211, 1-er floréal an 10. P. 851—853. Сокращенный перевод.
102. Известия и замечания. Один из секретарей французского посольства в Берлине описывает таким образом бывший при тамошнем дворе праздник на случай выздоровления принца Фердинанда. . . // 1802. Ч. 3, май, № 10. С. 182—183.
 Prusse. Berlin, le 1-er avril (11 germinal) // MU. N° 206, 26 germinal an 10. P. 833.
103. Швейцария // 1802. Ч. 3, май, № 10. С. 177—179.
104. Из Штокгольма от 15 апреля // 1802. Ч. 3, май, № 10. С. 183—184.
 Stockholm, le 25 mars (4 germinal) // MU. N° 206, 26 germinal an 10. P. 833.
105. Париж от 27 апреля // 1802. Ч. 3, май, № 10. С. 187.
 Amnistie pour fait d'émigration // MU. N° 215, 15 floréal an 10. P. 915. Сокращенный перевод.

106. Свидание Туссеня Лувертюра с детьми его. Письмо гражданина Коанона к французскому министру морских сил, из С. Доминго от 1 вантоза // 1802. Ч. 3, май, № 10. С. 188—192.
 Coisson, directeur de l'institution des colonies, au général Decrès, ministre de la marine et des colonies. Au Cap, le 1-er ventôse an 10 // MU. N° 212, 2 floréal an 10. P. 856—857.
107. *Жанлис* [С. Ф.] Вольнодумство и набожность. (Перевод из Новой французской библиотеки) // 1802. Ч. 3, июнь, № 11. С. 193—227; № 12. С. 281—314. (ПЖ. Ч. 1. С. 46—128; П. Т. 3. С. 33—88).
Genlis S. F. L'Apostasie, ou La Dévote // NBR, an IX—1801, 4-me année. Т. 4. P. 1—113.
108. О новых путешественниках. Письмо из Берлина. — 1802, ч. III, июнь № 11, С. 233—235.
109. Новое сочинение Шато-Бриана // 1802. Ч. 3, июнь, № 11. С. 242—244.
Papillart E. Aux rédacteurs du Journal // JP, an X—1802. N° 219, 9 floréal. P. 1339. Контаминация цитат из статьи и собственных суждений Карамзина.
110. [Архенгольц И. В.] О республике Италийнской и политическом равновесии Европы. (Архенгольц, издатель Минервы) // 1802. Ч. 3, июнь, № 11. С. 245—253.
Ueber die italiänische Republik und das politische Gleichgewicht vom England / Vom Hauptmann v. Archenholz. M., 1802. Bd 2, April. S. 1—21.
111. Извлечение из переписки тайных агентов Лудовика XVIII, недавно обнародованных французским правительством // 1802. Ч. 3, июнь, № 11. С. 253—259.
112. Известия. Париж // 1802. Ч. 3, июнь, № 11. С. 259—264.
Corps-législatif. Présidence de Lobjoi. Séance du 16 floréal // MU. № 227, 17 floréal an 10. P. 922. Сокращенный перевод.
113. Письмо из Парижа от 8 мая // 1802. Ч. 3, июнь, № 11. С. 264—266.
 Paris, le 17 floréal // MU. № 228, 18 floréal an 10. P. 927.
114. Париж, от 11 мая // 1802. Ч. 3, июнь, № 11. С. 266—270.
115. Лондон, от 12 мая // 1802. Ч. 3, июнь, № 11. С. 270—280.
Parlement impérial. Chambre des Communes. Séance du 7 mai (17 floréal) // MU. № 244, 4 prairial an 10. P. 1005—1007. Сокращенный перевод.
116. Из Лондона // 1802. Ч. 3, июнь, № 12. С. 348—354.
Parlement impérial. Chambre des communes. Séance du 13 mai (23 floréal). Traité définitif. (Extrait du Sun et du Morning chronicle) // MU. № 252, 12 prairial an 10. P. 1037—1038; № 253, 13 prairial an 10. P. 1041—1042. Сокращенный перевод.

117. Письмо из Парижа // 1802. Ч. 3, июнь, № 12. С. 357—361.
118. [Буэнвиллье.] Топографическое описание царства Поэзии / Пер. с фр. // 1802. Ч. 4, июль, № 13. С. 3—12. (РП. Ч. 2. С. 34—44; П. Т. 6. С. 27—34).

Boinvilliers. Description topographique du royaume de poésie, librement imitée de l'anglais // NBR, an X, 4-me année. T. 9. P. 153—167.

119. История Лафлера, Стернова слуги // 1802. Ч. 4, июль, № 13. С. 12—21. (РП. Ч. 2. С. 50—61; П. Т. 6. С. 39—46).

L. Fin de l'histoire de Lafleur, domestique de Stern (traduite de l'anglais) // D, an X—1802. T. 32, N° 11, 20 nivôse. P. 98—107.

120. Феномен английской литературы // 1802. Ч. 4, июль, № 13. С. 21—25.

Le Valet du fermier, poème champêtre, par Robert Bloomfield; traduit de l'anglais sur la dernière édition // JP, an X—1802. N° 170, 20 ventôse. P. 1023—1025. Сокращенный перевод.

121. Письмо молодого француза из Неаполя // 1802. Ч. 4, июль, № 13. С. 26—35.

**** sch.** Briefe eines Franzosen aus Neapol im Jahre 1801. Siebenter bis zwölfter Brief. (Beschluß) // M. 1802. Bd 2, April. S. 78—136. Контаминация 7-го и 11-го писем.

122. Жизнь Туссеня Лувертюра / Пер. с фр. // 1802. Ч. 4, июль, № 13. С. 57—68; август, № 15. С. 232—240.

Toussaint Louverture. Eine biographische Zeichnung // PJ. 1801 Bd 2, St. 11, November. S. 1102—1107.*

123. [Жанлис С. Ф.] Предубеждения женщины. Анекдот // 1802. Ч. 4, июль, № 14. С. 85—120. (ПЖ. Ч. 1. С. 226—269; П. Т. 3. С. 154—183).

Genlis S. F. Les Préventions d'une femme. Anecdote // NBR, an X—1802, 4-me année. T. 6. P. 81—130.

124. [Арто] Гроб Нарциссы. (Из Парижского журнала) // 1802. Ч. 4, июль, № 14. С. 129—132. (Пнт 2. Ч. 3. С. 183—187; П. Т. 9. С. 131—134).

Artaud E. Le Tombeau de Narcissa // JP, an X—1802. N° 209, 29 germinal. P. 1276.

125. Благоразумный человек. (Из Univ. Chronicle) // 1802. Ч. 4, июль, № 14. С. 132—137.

126. Письмо из Парижа // 1802. Ч. 4, июль, № 14. С. 138—144.

127. Гарве [X.] О напрасных ожиданиях. Сочинение немецкого философа Гарве // 1802. Ч. 4, август, № 15. С. 165—177. (Пнт 2. Ч. 3. С. 188—202; П. Т. 9. С. 135—145).

Garve Ch. Ueber fehlschlagende Erwartungen // Vermischte Aufsätze welche einzeln oder in Zeitschriften erschienen sind. Neu herausgegeben und verbessert von Ch. Garve. Breslau, 1800. Thl. 2. S. 119—140.

128. Шиллер [Ф.] Игра судьбы. Отрывок истинной истории // 1802. Ч. 4, август, № 15. С. 177—193. (РП. Ч. 2. С. 99—118; П. Т. 6. С. 75—88).
 *** [Schiller F.] Spiel des Schicksals, eine Anekdote. (Ein Bruchstück aus einer wahren Geschichte) // NTM. 1789. N° 1, Januar. S. 52—71.
129. Бедный Жак. (Из фр. жур.) // 1802. Ч. 4, август, № 15. С. 193—199. Пнт 2. Ч. 3. С. 203—210; П. Т. 9. С. 146—150).
130. Франк, доктор французской восточной армии. О крокодиле // 1802. Ч. 4, август, № 15. С. 199—201.
 Frank, ex-médecin de l'armée d'Orient. Observations sur le crocodile // SN. 1802, juillet. P. 100—103; MU. N° 283, 13 messidor an 10. P. 1163.
131. Воздушное путешествие // 1802. Ч. 4, август, № 15. С. 202—205.
 Récit du voyage du capitaine Sowden, écrit par lui-même // MU. N° 289, 19 messidor an 10. P. 1187—1188.
132. Письмо из Неаполя // 1802. Ч. 4, август, № 15. С. 206—207.
133. Выбор парламентских членов в Лондоне. (Следующая статья, переведенная из Английских ведомостей. . .) // 1802. Ч. 4, август, № 15. С. 228—232.
134. Жанлис [С. Ф.] Линдана и Вальмир. Сочинение госпожи Жанлис // 1802. Ч. 4, август, № 16. С. 253—280; Ч. 5, сентябрь, № 17. С. 3—27. (ПЖ. Ч. 2. С. 276—341; П. Т. 4. С. 191—234.)
 Genlis S. F. Lindane et Valmire // NBR, an X—1802, 4-me année. T. 12. P. 159—227.
135. Письмо Христофора Колумба к гишпанскому королю, недавно найденное (Из European-Magazine) // 1802, Ч. 4, август, № 16. С. 280—286. (Пнт 2. Ч. 3. С. 360—367; П. Т. 9. С. 262—267).
 Christophe Colomb au roi d'Espagne. Jamaïque, 1503. (Extrait de l'European-Magazine) // MU. N° 300, 30 messidor an 10. P. 1229.
136. О долголетней жизни // 1802. Ч. 4, август, № 16. С. 304—308.
 An Essay of Longevity / By Sir John Sinclair, Bart // The Philosophical magazine. 1802. Vol. 13. P. 164—172. Сокращенный перевод.
137. О Вашингтоне / Пер. с фр. // 1802. Ч. 4, август, № 16. С. 309—310.
138. Письмо из Берна. (Из Монитера) // 1802. Ч. 4, август, № 16. С. 321—323.
 République helvétique. Berne, le 8 juillet (19 messidor) // MU. N° 298, 28 messidor an 10. P. 1224.
139. Письмо из Балтимора // 1802. Ч. 4, август, № 16. С. 323—325.
140. Известия и замечания. . . .Бернарден Сен-Пьер напечатал

в журнале известие. . . // 1802. Ч. 4, август, № 16. С. 331—333.

Lettre du citoyen Bernardin de Saint-Pierre aux rédacteurs de la Décade philosophique // MU. № 301, 1 thermidor an 10. P. 1235—1236. Сокращенный перевод.

141. Письмо о Гипспании, писанное одною молодою англичанкою // 1802. Ч. 5, сентябрь, № 17. С. 47—50. (Пнт 2. Ч. 3. С. 211—215; П. Т. 9. С. 151—154).

Observations sur l'Espagne. Extrait d'un ouvrage anglais nouvellement publié, et intitulé: Juvenile Travellers (les jeunes voyageurs) // JDM. 1802. N 33, 9 août. P. 188—191.

142. Известие о нынешнем состоянии республики Рагузы, писанное гражданином ее. (Из Минервы) // 1802. Ч. 5, сентябрь, № 17. С. 57—67.

—n. Historische Nachricht von der Republik Ragusa und ihrem gegenwärtigen Zustande. Von einem Ragusaner // M. 1802. Bd 3, July. S. 1—19. Сокращенный перевод.

143. Известия и замечания. Париж // 1802. Ч. 5, сентябрь, № 17. С. 69—72.

Intérieur, Paris, le 15 thermidor // MU. N 316, 16 thermidor, an 10. P. 1291.

144. Париж. . . В *Монитере* напечатана страшная выходка <...> против самого английского министерства <...> Вот ее любопытнейшие места // 1802. Ч. 5, сентябрь, № 17. С. 79—80.

Paris, le 19 thermidor // MU. N° 320, 20 thermidor an 10. P. 1307.

145. Принц Генрих Прусский скончался в Рейнсберге <...> [перевод эпитафии] // 1802. Ч. 5, сентябрь, № 17. С. 81—82.

Prusse. Berlin, 12 août (24 thermidor) // MU. № 337, 7 fructidor an 10. P. 1375.

146. [Жанлис С. Ф.] Истинное происшествие. (Из Souvenirs de Félicie) // 1802. Ч. 5, сентябрь, № 18. С. 85—96.

Genlis S. F. Les Souvenirs de Félicie L*** // NBR, an X—1802, 4-me année. T. 6. P. 202—221. Сокращенный перевод.

147. Историческое известие о голландском профессоре Нейвланде, необыкновенном человеке. (Из Mag. Encyclop.) // 1802. Ч. 5, сентябрь, № 18. С. 96—110. (Пнт 2. Ч. 3. С. 216—233; П. Т. 9. С. 155—167).

Notice sur Nieuwland; rédigée d'après un écrit hollandais du célèbre Van Swinden // ME. 1802. T. 1. P. 336—354.

148. История английского министерства с 1788 году. (Из фр. вед.) // 1802. Ч. 5, сентябрь, № 18. С. 130—138.

149. Таблица решений уголовных судов во Франции в течение одного месяца // 1802. Ч. 5, сентябрь, № 18. С. 138—140.

Tabelle der Operationen der französischen Criminal- und Special-Tribunäle im Lauf eines Monats. M., 1802. Bd 2, Juny, S. 557—561.

150. Взятие Серингапатама и смерть славного Типпо-Саиба, описанные очевидцем, английским майором Алланом.* Из англ. журнала // 1802. Ч. 5, сентябрь, № 18. С. 140—146. (Пнт 2. Ч. 3. С. 234—241; П. Т. 9. С. 168—173).

S... . Zur Geschichte der Eroberung von Seringa—patam. Nachricht von des Majors Allan. Unterredung mit den Söhnen des Tippo Saib, und vor der Auffindung seines Leichnams. (Aus Beatson's Uebersicht des Ursprungs und Fortgangs des letzten Kriegs mit Tippo Saib) // M. 1801. Bd 3, September. S. 497—507.

151. Смесь. В Гамбургских ведомостях пишут следующее <...> [о путешествии Крузенштерна] // 1802. Ч. 5, сентябрь, № 18. С. 146—147.

152. Г. Неккер издал новую книгу под титулом: Последние мысли о политическом и хозяйственном состоянии Франции, предложенные французскому народу г-м Неккером // 1802. Ч. 5, сентябрь, № 18. С. 149—150.

Nekker J. Dernières vues de politique et de finance. Paris, 1802.

153. Известия и замечания. Германия <...> Наконец, общий план вознаграждения, который должен решить и навсегда утвердить судьбу немецкой империи, обнародован в Париже... // 1802. Ч. 5, сентябрь, № 18. С. 151—152.

Talleyrand, Ch. Maur. Ministère des relations extérieures. Rapport fait au premier consul, en sénat, par le ministre des relations extérieures. Séance du samedi 3 fructidor // MU. N 334, 4 fructidor an 10. P. 1364.

154. Превращения, или История мошки. Нравоучительная сказка. Перевод из Декады / Пер. с фр. // 1802. Ч. 5, октябрь, № 19. С. 161—169. (РП. Ч. 2. С. 119—128; П. Т. 6. С. 89—96).

Les Métamorphoses. ou L'Histoire d'une puce. Conte moral // D, an X—1802. T. 32, N 18, 30 ventôse. P. 555—561.

155. Волшебный фонарь, или Картина Парижа // 1802. Ч. 5, октябрь, № 19. С. 169—179.

Picard's Kleinstädter. Gegenstück dazu: Les Provinciaux à Paris. Hauptscenen daraus, ein Gemälde von Paris in der Nuß // London und Paris, 1802. St. 3. S. 226—238.

156. О воображении. (Перевод из Journal de Paris) // 1802. Ч. 5, октябрь, № 19. С. 179—183. (Пнт 2. Ч. 3. С. 242—246; П. Т. 9. С. 174—177).

V. Sur l'imagination // JP, an X—1802. N° 326, 26 thermidor. P. 2035—2037.

157. Нынешние арабские сказочники, поэты и мудрецы. Из нового Египетского путешествия гражданина Денона // 1802. Ч. 5, октябрь, № 19. С. 183—186. (Пнт 2. Ч. 3. С. 247—250; П. Т. 9. С. 178—180).

Suite de l'analyse du Voyage dans la Basse et Haute Egypte pendant l'expédition du général Bonaparte; par le citoyen Vivant Denon, membre de l'ancienne académie de peinture, de l'institut du Caire <...> par E. D. Legrand // MU. N° 343, 13 fructidor an 10. P. 1402.

158. Ловля жемчужных раковин на острове Цейлане // 1802. Ч. 5, октябрь, № 19. С. 188—194. (Пнт 2. Ч. 3. С. 251—258; П. Т. 9. С. 181—186).

E. Beschreibung der Perlen-Fischerey im Meerbusen von Manar an der Küste von Ceylon / Von H. I. le Beck. M., 1802. Bd 3, August. S. 291—307.

159. Описание примечания достойной картины французского живописца Жироде. Из Декады // 1802. Ч. 5, октябрь, № 19. С. 195—202.

Tableau de Girodet // D, an X—1802. T. 34, N° 28, 10 messidor. P. 54—59.

160. О ревности / Пер. с фр. // 1802. Ч. 5, октябрь, № 19. С. 202—207. (Пнт 2. Ч. 3. С. 259—264; П. Т. 9. С. 187—190).

De la jalousie // JDM. 1802. N 37, 6 septembre. P. 293—297.

161. [Жанлис С. Ф.] О самоубийстве // 1802. Ч. 5, октябрь, № 19. С. 207—209.

Genlis S. F. Entretiens sur le suicide, ou Courage philosophique, opposé au courage religieux. . . par Guillon // NBR, an X—1802, 4-me année. T. 15. P. 194—197.

162. Удивительное действие воображения. (Из фр. журн.) // 1802. Ч. 5, октябрь, № 19. С. 210—211. (Пнт 2. Ч. 3. С. 265—266; П. Т. 9. С. 191—192).

163. Замечание о громах // 1802. Ч. 5, октябрь, № 19. С. 211. (Пнт 2. Ч. 3. С. 267; П. Т. 9. С. 193).

Extrait d'une lettre adressée à l'auteur de la relation du coup de tonnerre, imprimée dans notre dernier numéro. Signé Balitoro // D, an X—1802. T.34, N 34, 10 fructidor. P. 438—439.

164. Политические отрывки гражданина Эшассерио (одного из лучших политических авторов Франции) // 1802. Ч. 5, октябрь, № 19. С. 212—230.

Politische Fragmente, von Echasseriaux. Ein Nachtrag zu seinem politischen Gemälde von Europa am Ende des achtzehnten Jahrhunderts // M. 1802. Bd 3, July. S. 138—163.

165. О посредстве России и Франции в делах Германии. (Из фр. журн.) // 1802. Ч. 5, октябрь, № 19. С. 231—233.

166. Париж от 10 сентября <...> Талейран, предлагая трактат, заключенный с Портою, сказал. . . // 1802. Ч. 5, октябрь, № 19. С. 238—239.

Rapport fait au premier consul, en sénat, par le ministre des relations extérieures, le 20 fructidor an 10. // MU. N 351, 21 fructidor an 10. P. 1432—1433.

167. *Жанлис* [С. Ф.] Женщина-автор. Сказка госпожи Жанлис // 1802. Ч. 5, октябрь, № 20. С. 245—284; Ч. 6, ноябрь, № 21. С. 3—28. (ПЖ. Ч. 2. С. 1—82; П. Т. 4. С. 3—57).
Genlis S. F. La Femme-auteur // NBR, an X—1802, 4-me année. T. 7. P. 151—250.
168. Чудесное зрение // 1802. Ч. 5, октябрь, № 20. С. 291—294. (Пнт 2. Ч. 3. С. 268—271; П. Т. 9. С. 194—196).
Gazette de France.
169. Новые ремесленные изобретения. Письмо из Милана // 1802. Ч. 5, октябрь, № 20. С. 294—295.
170. Примечания достойный опыт земледелия // 1802. Ч. 5, октябрь, № 20. С. 295—296. (Пнт 2. Ч. 3. С. 272—273; П. Т. 9. С. 197—198).
Merkwürdige Ackerbau-Experimente // M. 1802, Bd 2, Juny. S. 561—562.
171. Последние политические мысли, предложенные Неккером французскому народу // 1802. Ч. 5, октябрь, № 20. С. 301—319.
Dernières vues de politique et de finance offertes à la nation française par M. Nekker. Un vol. A Paris // D. 1802. T. 34, N 34, 10 fructidor. P. 470—483.
172. Известия и замечания. Швейцария. Берн, 14 сентября // 1802. Ч. 5, октябрь, № 20. С. 322—323.
173. Базель от 18 сентября. Базель от 21 сентября // 1802. Ч. 5, октябрь, № 20. С. 323—324.
174. Известия и замечания. Путешествие мадридского двора в Барселону. . . // 1802. Ч. 5, октябрь, № 20. С. 329—330.
Extrait d'une lettre particulière de Barcelone, du 18 août (30 thermidor) // MU. N 362, 2-me jour complémentaire de l'an 10. P. 1475.
175. Некоторые примечания гражданина Мишо для истории французской революции // 1802. Ч. 6, ноябрь, № 21. С. 28—38. (Пнт 2. Ч. 3. С. 275—287; П. Т. 9. С. 200—208).
176. О нежности. (Из фр. журн.) // 1802. Ч. 6, ноябрь, № 21. С. 42—47. (Пнт 2. Ч. 3. С. 288—293; П. Т. 9. С. 209—213).
De la délicatesse // JDM. 1802. N 40, 1 octobre. P. 1—6.
177. Китайская мудрость. Перевод из *Gazette de France* // 1802. Ч. 6, ноябрь, № 21. С. 47—50. (Пнт 2. Ч. 3. С. 294—298; П. Т. 9. С. 214—216).
178. Несколько слов о новой французской конституции. (Из нем. журн.) // 1802. Ч. 6, ноябрь, № 21. С. 52—62.
179. С. Маринская республика. Письмо одного немецкого путешественника в 1801 году // 1802. Ч. 6, ноябрь, № 21. С. 63—69.
*** r **. Die Republick S. Marino im J. 1800. Von einem Reisenden // M. 1802. Bd 3, September. S. 553—560.*

180. Известия и замечания. Швейцария <...> Бонапарте <...> к осьмнадцати кантонам гельветической республики. В Сен-Клу, 8 вандемьера, первого надесять лета // 1802. Ч. 6, ноябрь, № 21. С. 75—78.

Bonaparte, premier consul de la République française, président de la république italienne, aux dix-huit cantons de la République helvétique. A Saint-Cloud, le 8 vendemiaire an 11 // MU. N 10, 10 vendemiaire an 11. P. 36.

181. [Кератри А.] Необходимость знать первые арифметические правила до женитьбы / Пер. с фр. // 1802. Ч. 6, ноябрь, № 22. С. 87—100. (РП. Ч. 2. С. 129—144; П. Т. 6. С. 97—109).

Kératry A. H. La Nécessité de savoir les premières règles d'arithmétique, avant de songer à se marier. Anecdote // NBR, an IX—1801, 3-me année. T. 5. P. 186—208.

182. Критическая история бедности. (Из амер. журн.) // 1802. Ч. 6, ноябрь, № 22. С. 100—108. (Пнт 2. Ч. 3. С. 322—330; П. Т. 9. С. 234—240).

Histoire critique de la pauvreté. (Extrait du Pert-Folio, journal américain) // MU. N 355, 25 fructidor an 10. P. 1450.

183. [Гердер И. Г.] Разговор о невидимо-видимом обществе. Сочинение Гердера / Пер. с нем. // 1802. Ч. 6, ноябрь, № 22. С. 116—128. (Пнт 2. Ч. 3. С. 307—321; П. Т. 9. С. 223—233).

Herder J. G. Briefe zur Beförderung der Humanität (1793—1797). Br. 26.

184. Египетские вечера // 1802. Ч. 6, ноябрь, № 22. С. 129—131.

Soirées égyptiennes // JDM. 1802. N 42, 11 octobre. P. 66—70.

185. Несколько слов о лаконизме. (Из фр. журн.) // 1802. Ч. 6, ноябрь, № 22. С. 132—133. (Пнт 2. Ч. 3. С. 331—332; П. Т. 9. С. 241—242).

Un mot sur le laconisme // D, an IV—1796. T. 9, N 71, 20 germinal. P. 102—103.

186. Истинный смысл народного согласия на вечное консульство Наполеона Бонапарте. (Сочинение Камиля Жордана. . .) // 1802. Ч. 6, ноябрь, № 22. С. 139—153; Ноябрь, № 23. С. 230—244.

Jordan C. Vrai sens du vote national sur le consulat à vie (1802).

187. Письмо из Лондона о Питте // 1802. Ч. 6, ноябрь, № 22. С. 153—155.

188. Известия и замечания. Швейцария <...> Швицкий сейм, управляемый Редингом, написал следующее письмо к Бонапарте. . . // 1802. Ч. 6, ноябрь, № 22. С. 157—160.

189. Фьесе [Ж.] Ревность // 1802. Ч. 6, декабрь, № 23. С. 171—206. (РП. Ч. 2. С. 145—186; П. Т. 6. С. 110—139).

190. Всегдашний маскарад. Письмо из Оффенбаха. (Переведено из одного немецкого журнала) // 1802. Ч. 6, декабрь, № 23. С. 216—221. (Пнт 2. Ч. 3. С. 333—340; П. Т. 9. С. 243—248).
191. Катулов сельский дом на полуострове Сермионе. Письмо французского офицера Энени // 1802. Ч. 6, декабрь, № 23. С. 222—225. (Пнт 2. Ч. 3. С. 341—345; П. Т. 9. С. 249—252).
Hénin. Catuls Landhaus in der Halbinsel Sermione. Eine Entdeckung. M., 1802. Bd 2, Juny. S. 537—545.
192. О магнетизме. Письмо из Кадене, французского городка // 1802. Ч. 6, декабрь, № 23. С. 225—227.
193. Письмо одного француза из Алжира // 1802. Ч. 6, декабрь, № 23. С. 257—260.
194. Колодез истины. Невымышленная повесть, переведенная с немецкого // 1802. Ч. 6, декабрь, № 24. С. 261—289. (РП. Ч. 2. С. 187—219; П. Т. 6. С. 140—163).
195. Нынешний вкус. (Из Парижского журнала) // 1802. Ч. 6, декабрь, № 24. С. 308—309.
Paris // JDM. 1802. N 47, 15 novembre. P. 202.
196. Дневные записки молодой женщины. (Из Парижского журн.) // 1802. Ч. 6, декабрь, № 24. С. 310—314. (Пнт 2. Ч. 3. С. 346—352; П. Т. 9. С. 253—257).
Le Journal // JDM. 1802. N 47, 15 novembre. P. 203—208.
197. Общества в Америке. (Перевод с манускрипта) // 1802. Ч. 6, декабрь, № 24. С. 315—318. (Пнт 2. Ч. 3. С. 355—359; П. Т. 9. С. 259—261).
Zeit der Gesellschaften in Amerika. (Bruchstück aus einem ungedruckten Werke über den Amerikanischen Freistaat) // ZEW. 1801. N 27, 3. März. Sp. 214—215.
198. Китайские газеты // 1802. Ч. 6, декабрь, № 24. С. 318—319. (Пнт 2. Ч. 3. С. 353—354; П. Т. 9. С. 258).
199. О выгодах торговли по Черному морю для Франции и России. Сочинение поляка Малекевского. . . // 1802. Ч. 6, декабрь, № 24. С. 326—330.
Ueber den Handel auf dem Schwarzen Meer / Von P. Malekewsky. M., 1802. Bd 4, Oktober. S. 93—100.
200. Париж < . . . > речь Амьенского мера // 1802. Ч. 6, декабрь, № 24. С. 336—337.
201. Анекдот из нового собрания материалов для описания французской революции // 1802. Ч. 6, декабрь, № 24. С. 348—350.
202. Дзетанг, или Храм предков. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 7, январь, № 1. С. 31—33.

203. Римская роскошь в четвертом веке. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 7, январь, № 1. С. 33—39.
Die elegante Welt zu Rom im vierten Jahrhundert // ZEW. 1801. N 112, 17. Sept. Sp. 897—901.
204. Описание гишпанского театра // 1803. Ч. 7, январь, № 1. С. 39—42.
205. Новая шашечная игра // 1803. Ч. 7, январь, № 1. С. 42—43.
Nouveau jeu d'échecs ou le Jeu de la guerre, invention du c. François Giacometti <...> A Gênes. ... // D, an X. T. 31, N 2, 20 vendémiaire. P. 106—107.
206. Генерал Лефевр. (Из нового собрания геройских дел французской армии) // 1803. Ч. 7, январь, № 1. С. 43—45.
207. О деле Карнатского Набаба, которым должен ныне заняться английский парламент. (Из фр. журн.) // 1803. Ч. 7, январь, № 1. С. 48—50.
V. Le Nabab du Carnate // JP, an X—1802. N 282, 12 messidor. P. 1757.
208. О политической системе Англии и Франции (Из Morning Chronicle) // 1803. Ч. 7, январь, № 1. С. 50—54.
209. О восточном и западном народе // 1803. Ч. 7, январь, № 1. С. 54—60.
** r **. Die morgenländische und abendländische Nation. M., 1802. Bd 4, November. S. 193—205.
210. Открытие английского парламента. Заседание Верхнего парламента 23 ноября. Заседание Нижнего парламента. Заседание 8 декабря // 1803. Ч. 7, январь, № 1. С. 60—74.
Parlement impérial. Chambre des Pairs. Séance du 23 novembre. (Extrait du Morning-Chronicle) // MU. N 70, 10 frimaire an 11. P. 280—281.
211. Известия. Париж. (Из Лондонского журн.) // 1803. Ч. 7, январь, № 1. С. 80—82.
212. Сегюр [Ж. А.] О привычке // 1803. Ч. 7, январь, № 2. С. 85—91.
Ségure J. A. le cadet. Sur l'habitude // SN. 1802. Novembre, N 11. P. 196—202.
213. Английское великодушие. (Из фр. журн.) // 1803. Ч. 7, январь, № 2. С. 92—96.
214. Кометы / Пер. с нем. // 1803. Ч. 7, январь, № 2. С. 96—99.
215. Отцы Овернейские во Франции // 1803. Ч. 7, январь, № 2. С. 133—136.
216. О Дельфине, новом романе госпожи Сталь // 1803. Ч. 7, январь, № 2. С. 136—140.
Villeterque A. L. Delphine, par M-me de Staël—Holstein // JP, an XI—1802. N 92, 2 nivôse (23 décembre). P. 574—577.

217. Письмо из Парижа // 1803. Ч. 7, январь, № 2. С. 156 — 158.
218. Известия. Париж // 1803. Ч. 7, январь, № 2. С. 163—164.
Stuttgart, le 12 décembre (21 frimaire) // MU. N 92, 2 nivôse an 11 (23 décembre). P. 367.
219. В новейших заседаниях английского парламента не было ничего отменно важного. . . // 1803. Ч. 7, январь, № 2. С. 166—167.
Parlement impérial. Chambre des communes. Séances du 18 décembre (27 frimaire). Abus dans la marine. (Extrait du Sun.) // MU. N 97, 7 nivôse an 11 (28 décembre 1802). P. 389.
220. Письмо из Парижа. От 6 генваря 1803. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 7, февраль, № 3. С. 169—175.
221. О врагах стихотворства — новое сочинение Лагарпа, переведенное из французского журнала // 1803. Ч. 7, февраль, № 3. С. 175—180.
Laharpe J. P. Des paradoxes de Fontenelle, Lamoth et Trublet, etc., en littérature et poésie, considérés comme les premiers abus de l'esprit philosophique dans de dix—huitième siècle. (Extrait du Mercure de France) // SN. 1802, novembre. P. 186—195.
222. Удивительный пешеход в Англии // 1803. Ч. 7, февраль, № 3. С. 180—183.
Ein merkwürdiger Fußgänger in England. (London, 24. Nov. 1801) // ZEW. 1801. N 150, 15. Decemder. Sp. 1207—1210.
223. Взор на нынешний Рим. Письмо из Рима от 12 мая, 1802 / Пер. с нем. // 1803. Ч. 7, февраль, № 3. С. 183—186.
Fluchtiger Blick auf das jetzige Rom. (Aus dem Briefe eines Reisen—den. Rom im May 1801) // ZEW. 1801. N 88, 23. July. Sp. 705—708.
224. О камнях, падающих с неба. (Из Монитера) // 1803. Ч. 7, февраль, № 3. С. 187—190.
Sur les pierres tombées des aires. Frédéric Butenschoen, professeur d'histoire à l'école centrale du Haut-Rhin // MU. N 92, 2 nivôse an 10. P. 372.
225. Непроницаемое полотно, новое изобретение во Франции // 1803. Ч. 7, февраль, № 3. С. 191—192.
Paris, le 18 ventôse // MU. N 169, 19 ventôse an 10. P. 675.
226. Происшествия в Сен-Доминго. . . // 1803. Ч. 7, февраль, № 3. С. 234—236.
Le général Toussaint Louverture au général Bonaparte // Abeille du Nord. 1803. Vol. 1, N 12, 11 février. P. 229—233.
227. Франция < . . . > Монже < . . . > успел < . . . > вручить консулу труды французских математиков, физиков и проч. Речь, им произнесенная, достойна замечания. Вот она // 1803. Ч. 7, февраль, № 3. С. 239—241.

228. Письмо из Берна // 1803. Ч. 7, февраль, № 3. С. 246—247.
229. *Жанлис* [С. Ф.] Трогательная добродетель женщины // 1803. Ч. 7, февраль, № 4. С. 249—257.

Genlis S. F. Suite des Souvenirs de Félicie L*** // NBR, an XI—1802, 5-me année. T. 2. P. 196—216. Перевод отрывка.

230. Описание Соломонова трона. (Оно переведено с персидского и взято из Азиатского Магазина, издаваемого в Германии...) // 1803. Ч. 7, февраль, № 4. С. 257—259.
231. Импровизаторы. (Перевод из замечаний одного французского путешественника, еще не изданных в свет) // 1803. Ч. 7, февраль, № 4. С. 259—264.

A. D. Des Improvisateurs // D, an XI—1802. T. 35, N 7, 10 frimaire. P. 427—430.

232. О кофе. (Перевод из нового восточного путешествия) // 1803. Ч. 7, февраль, № 4. С. 264—267.

Nouvel article sur le café // JDM. 1801. N 38, 14 septembre. P. 327—331; Zur Geschichte des Caffee // M. 1802. Bd 4, December. S. 543—552.

233. [Лабом] Героическая любовь супруги. Истинный анекдот. (Из фр. журн.) // 1803. Ч. 7, февраль, № 4. С. 290—297.

Labauume. L'héroïsme conjugal, ou Le Géolier comme il y en a peu. Anecdote véritable // NBR, an X—1802, 4-me année. T. 16. P. 91—101.

234. Описание царства англичан на берегах Гангеса / Пер. с англ. // 1803. Ч. 7, февраль, № 4. С. 298—305.

235. Обзорение прошедшего года. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 7, февраль, № 4. С. 305—313.

Historisch-politische Uebersicht des Jahrs 1802 // PJ. 1803. Bd 1. St. 1. S. 3—19.

236. *Себастиани Орас.* Донесение консулу Бонапарте полковника Себастиани, бывшего в Египте и Сирии // 1803. Ч. 7, февраль, № 4. С. 314—323.

Sebastiani Horace. Rapport fait au premier consul, par le colonel Sebastiani // MU. N 130, 10 pluviôse an 11. P. 523—526.

237. Парижские известия. После *Монитера* самый вернейший и любопытнейший журнал есть Bulletin de Paris, издаваемый весьма близким к консулу человеком. Выписываем из него следующую статью, весьма достойную примечания // 1803. Ч. 7, февраль, № 4. С. 325—327.

238. Новая Спарта // 1803. Ч. 8, март, № 5. С. 24—33.

239. Завещание арифметика. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 8, март, № 5. С. 36—39.

240. Смесь. В новой физиологической книге молодого доктора Биша <...> заметили мы следующее место. . . // 1803. Ч. 8, март, № 5. С. 44—46.

Recherches physiologiques sur la vie et la mort par Xavier Bichat, médecin de l'Hôtel—Dieu, professeur d'anatomie. . . // Bulletin de Paris, an XI. N° 52, 2 pluviôse. P. 565—571.

241. Лондонские известия от 15 февраля. Следующее извлечение из лондонского журнала the Sun дает понятие о разных нынешних партиях в Англии // 1803. Ч. 8, март, № 5. С. 72—74.

242. Парижские известия <...> Лагарп <...> оставил такое завещание. . . // 1803. Ч. 8, март, № 5. С. 77—79.

243. В Париже ходит из рук в руки тайная консульская история. Мы выпишем из нее одно место. . . // 1803. Ч. 8, март, № 5. С. 83—85.

244. Разные известия. Из Мадрита пишут следующее от 22 января // 1803. Ч. 8, март, № 5. С. 86—87.

Espagne. Madrid, le 22 janvier (2 pluviôse) // MU. № 142, 22 pluviôse an 11 (11 (février 1803).

245. Похвала кокетству. (Из Декады) // 1803. Ч. 8, март, № 6. С. 107—114.

J.-B. S. Eloge de la coquetterie // D, an XI—1803. Т. 36, N 14, 20 pluviôse. P. 298—302.

246. Лажье. Лавры / Пер. с фр. // 1803. Ч. 8, март, № 6. С. 135—139.

247. [Сюар Ж. Б.] Речь, произнесенная на погребении Сен-Ламбера гражданином Сюаром, секретарем второго класса в Институте // 1803. Ч. 8, март, № 6. С. 141—142.

Discours prononcé aux funérailles du cit. Saint-Lambert, par le cit. Suard, secrétaire perpétuel de la seconde classe de l'institut national // MU. N 147, 27 pluviôse an 11. P. 594.

248. [Фонтан Л.] Речь, произнесенная Фонтаном на погребении Лагарпа // 1803. Ч. 8, март, № 6. С. 143—145.

Discours prononcé par le cit. Fontanes, devant l'institut, aux funérailles de M. de la Harpe // MU. N 147, 27 pluviôse an 11. P. 594.

249. Алойс Рединг, славный патриот Швейцарский. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 8, март, № 6. С. 146—154.

250. Первый консул Бонапарте. Секретарь Маре. Изображение состояния французской республики, представленное консулами Законодательному корпусу при нынешнем его открытии // 1803. Ч. 8, март, № 6. С. 154—167.

Le premier consul, signé Bonaparte. Le secrétaire d'état, signé H. B. Maret. Exposé de la situation de la République. Paris, le 2 ventôse an 11 // MU. № 154, 4 ventôse an 11 (23 février 1803). P. 627—629.

251. Лафонтен [А. Г. Ю.] Гулькем, повесть. (Сочинение немецкого автора Августа Лафонтена) // 1803. Ч. 8, апрель, № 7.

С. 173—192. (РП. Ч. 2. С. 220—243; П. Т. 6. С. 164—180).

Lafontaine A. H. J. Hulkem und Hassan.

252. Письмо одного иностранца к издателям Парижского журнала // 1803. Ч. 8, апрель, № 7. С. 212—214.

Lettre d'un étranger nouvellement arrivé à Paris. Thésée Sunger, suisse du 14-me canton // JDM, an XI—1803. N 37, 15 ventôse. P. 267—269.

253. Швейцарские апологи. (Из фр. журн.) // 1803. Ч. 8, апрель, № 7. С. 214—216.

〈Содерж.:〉 1. Лев, змея и сатана (с. 214); 2. Гордая сосна (с. 215); 3. Мысли зверей о свободе (с. 215—216).

254. Новая любопытная теория натуралиста Ламарка. (Из фр. журн.) // 1803. Ч. 8, апрель, № 7. С. 219—224.

255. *Сиес*. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 8, апрель, № 7. С. 231—234.

Sieyes Br. Eine Skizze // ZEW. 1803. N 23, 22. Februar. Sp. 177—180.

256. Речь государственного советника Порталиса при сообщении французскому законодательному корпусу нового гражданского брачного устава // 1803. Ч. 8, апрель, № 7. С. 243—256.

Portalis. Corps législatif. Présidence de Delattre. Séance du ventôse // MU. N 167, 17 ventôse an 11. P. 679—685.

257. *Жанлис* [С. Ф.] Галатея, или Статуя через сутки по своем оживлении. Новая комедия госпожи Жанлис, переведенная из ее журнала // 1803. Ч. 8, апрель, № 8. С. 257—297. (ПЖ. Ч. 2. С. 224—275; П. Т. 4. С. 152—190).

Genlis S. F. Pygmalion et Galatée, ou La Statue animée depuis vingt-quatre heures. Comédie en un acte // NBR, anX—1802, 4-me année. T. 16. P. 3—90.

258. *Шатобриан* [Ф. Р.] О Сен-Ламберте и Лагарпе // 1803. Ч. 8, апрель, № 8. С. 301—304.

Chateaubriand F. R.

259. Погребение Клопштоково. Письмо из Гамбурга от 22 марта 1803 // 1803. Ч. 8, апрель, № 8. С. 315—316.

Beg. Klopstocks // ZEW. 1803. № 39, 31. März. Sp. 303—304; Hambourg, le 23 mars // MU. № 193, 13 germinal an 11. P. 869.

260. Действие тонкого воздуха в вышней атмосфере. Письмо Гарнерена к издателю Берлинских ведомостей. Берлин, 2 апреля 1803 // 1803. Ч. 8, апрель, № 8. С. 326—327.

261. Любопытные заседания английского парламента // 1803. Ч. 8, апрель, № 8. С. 330—342.

Chambre des Paires. Séance du 11 mars. Chambre des communes. Séance du 11 mars // Abeille du Nord. 1803. Vol. 1, № 25, 29 mars. P. 482—488.

262. История слез. Письмо к одному английскому журналисту // 1803. Ч. 9, май, № 9. С. 18—22.

Prospekt eines originellen Werkes: Geschichte des Weinens. (Aus dem Englischen). An den Drucker de St. James Chronicle // ZEW. 1802. № 147, 9. Dezember. Sp. 1176—1178.

263. Жанлис [С. Ф.] Письмо госпожи Жанлис из Швейцарии // 1803. Ч. 9, май, № 9. С. 22—24.

Genlis S. F. Suite des Souvenirs de Félicie L ***. De Berne <...> de Lausanne, de Genève // NBR, an XI—1803, 5-me année. T. 7. P. 151—155.

264. Об учтивости и хорошем тоне. (Из фр. журн.) // 1803. Ч. 9, май, № 9. С. 24—30.

265. [Жанлис С. Ф.] Кладбище в Цуге, горном кантоне Швейцарии. (Из Souvenirs de Félicie) // 1802. Ч. 9, май, № 9. С. 31—34.

Genlis S. F. Suite des Souvenirs de Félicie L ***. De Zug, ce dimanche // NBR, an XI—1803, 5-me année. T. 9. P. 182—188.

266. [Мюссе-Патэ В. Д.] Недовольный. (Перевод из Декады) // 1803. Ч. 9, май, № 9. С. 35—42. (РП. Ч. 2. С. 244—252; П. Т. 6. С. 181—187).

Musset-Pathay V. D. Le mécontent // D. 1802. T. 35, N 6, 30 brumaire. P. 355—361.

267. О долгах Великобритании. (Из англ. журн.) // 1803. Ч. 9, май, № 9. С. 49—51.

268. Георг Томас, солдат в Англии и царь в Индии. (Письмо из Индостана от 20 августа 1802) // 1803. Ч. 9, май, № 9. С. 51—55.

George Thomas. Auszug eines Briefes aus Lucknow in Bengalen vom 20-sten August 1802 // M., 1803. Bd 1, Februar. S. 298—303.

269. Хитрости лондонских журналистов. (Статья, взятая из Аргуса, английского журнала <...>) // 1803. Ч. 9, май, № 9. С. 56—60.

270. Тайный орден азиатских братьев. (История Богемана <...> сделалась гласною в Штокгольме. Правительство обнародовало следующее известие о сем деле) // 1803. Ч. 9, май, № 9. С. 66—68.

Suède. Stockholm, le 1-er avril (11 germinal) // MU. № 213, 3 floreal an 11 (23 avril 1803). P. 949.

271. Тяжба ума с красотою. (Из фр. журн.) // 1803. Ч. 9, май, № 10. С. 111—116. (РП. Ч. 2. С. 253—258; П. Т. 6. С. 188—192).

272. О предрассудках в отношении к гражданскому обществу и

политике. Письмо к философисту. Из франц. журнала // 1803. Ч. 9, май, № 10. С. 130—137.

Ueber die Vorurtheyle. Ein Schreiben an einen Philosophen // PJ. 1803. Bd 1, St. 4, April. S. 313—320.

273. Джефферсон, президент Соединенных Областей Американских. (Из нем. журнала) // 1803. Ч. 9, май, № 10. С. 137—140.

Sr. Thomas Jefferson // ZEW. 1801. N 138, 17. November, Sp. 1113—1115.

274. О нынешней войне французов в Сен-Доминго. (Из новой английской книги: The crisis of the Sugar-Colonies) // 1803. Ч. 9, май, № 10. С. 141—144.

275. [Архенгольц И. В.] Архенгольц о Клопштоке // 1803. Ч. 9, июнь, № 11. С. 171—186.

Klopstock. Vom Hauptmann von Archenholz // M. 1803. Bd 2, April. S. 97—132.

276. Забавные шотландские графы. Письмо одного путешественника. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 9, июнь, № 11. С. 190—192.

Des Schauspielers Quin Schilderung des Schottischen Adels // F. 1803. I, № 75. S. 297—298.

277. Итальянские вулканы, или Огнедышущие горы. (Переведено из Трудов Парижского института) // 1803. Ч. 9, июнь, № 11. С. 192—197.

278. Записки одной молодой немецкой дамы, живущей ныне в Париже // 1803. Ч. 9, июнь, № 11. С. 199—206.

279. О нынешнем состоянии Греции и степени ее гражданского просвещения // 1803. Ч. 9, июнь, № 11. С. 214—218.

** b **. Zur Geschichte des neuesten politischen und Kultur—Zustandes von Griechenland. M., 1803. Bd 1, April. S. 21—27. Перевод отрывка.

280. Важный самозванец во Франции. (Из фр. журн.) // 1803. Ч. 9, июнь, № 11. С. 219—226.

281. Жанлис [С. Ф.] Меланхолия и воображение. Повесть госпожи Жанлис // 1803. Ч. 9, июнь, № 12. С. 244—279; Ч. 10, июль, № 13. С. 3—37. (ПЖ. Ч. 2. С. 83—170; П. Т. 4. С. 58—116).

Genlis S. F. Les Fleurs funéraires, ou La Mélancolie et l'imagination // NBR, an XI—1802, 5-me année. T. 1. P. 87—218.

282. О госпоже Бонапарте. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 9, июнь, № 12. С. 279—282.

283. Новые письма Жан-Жака Руссо. (Из фр. журн.) // 1803. Ч. 9, июнь, № 12. С. 283—291.

Correspondance originale et inédite de J. J. Rousseau avec m-me de Franqueville et M. Dupeyrou. Trois vol. A. Paris. . . Сообщение об

издании см.: D, an XI—1803. Т. 38, N 33, 30 thermidor. P. 362—364;
JDM, an XI. N 61, 5 thermidor.

284. День консула Бонапарте. (Из записок одной немецкой дамы, живущей в Париже) // 1803. Ч. 9, июнь, № 12. С. 307—309.
285. Известия и замечания // 1803. Ч. 9, июнь, № 12. С. 314—320.
286. Славный и великий Орден дураков. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 10, июль, № 13. С. 58—60.

Von dem ehemaligen Narren-Orden in der Stadt Cleve // ZEW. 1803. № 54, 5. May. Sp. 427—429.

287. Важность Мальты для Англии. (Сочинение англичанина Георга Орра, изданное им в феврале 1803) // 1803. Ч. 10, июль, № 13. С. 63—71.

** b **. Die Wichtigkeit von Malta für England. Von George Orr, Esq. M., 1803. Bd 1, May. S. 193—210.

288. Свидание Софии Шарлотты, королевы Прусской, и матери ее с Петром Великим // 1803. Ч. 10, июль, № 14. С. 85—93.
289. О небесной физике. (Пер. из фр. журн.) // 1803. Ч. 10, июль, № 14. С. 93—101.
290. *Турнер* [С.] Торжественное шествие молодого и старого Тибетского ламы. (Из нового Турнерова путешествия) // 1803. Ч. 10, июль, № 14. С. 102—105.

Feierlicher Zug des jungen und alten Lama von Tibet. *Aus Samuel Turner's Gesandtschaftsreise an den Hof des Teshoo-Lama durch Bootan und einen Theil von Tibet // ZEW. № 101, 22. August. Sp. 809—812.

291. Кондорсет [*Кондорсе Ж. А. Н.*] Разговор Диогена с Аристиппом о лесте // 1803. Ч. 10, июль, № 14. С. 114—121.

Condorcet J. A. N. Dialogue entre Diogène et Aristippe.

292. Письма Екатерины Великой к Циммерману // 1803. Ч. 10, июль, № 14. С. 142—145.

Zimmermanns Verhältnisse mit der Kaiserin Katharina II und mit dem Herrn Weikard. Nebst einer Anzahl Originalbriefe der Kaiserin. . . Bremen, 1803.

293. Шутки парижских журналистов на счет английских министров // 1803. Ч. 10, июль, № 14. С. 148—151.
294. [*Жанлис С. Ф.*] Свидание госпожи Жанлис с Вольтером // 1803. Ч. 10, август, № 15. С. 161—173. (ПЖ. Ч. 2. С. 209—223; П. Т. 4. С. 142—151).

*Genlis S. F. Suite des Souvenirs de Félicie L***. De Genève // NBR, an XI—1803, 5-me année. Т. 8. P. 178—194.*

295. Письмо из Лангедока / Пер. с нем. // 1803. Ч. 10, август, № 15. С. 198—203.
296. О силе Франции и России // 1803. Ч. 10, август, № 15. С. 213—215.

***. Die Staatskräfte Frankreichs und Russlands // M. 1803. Bd 2, Juny. S. 377—430; Bd 3, July. S. 8—29; September. S. 418—450. Сокращенный перевод.

297. Бонапарте единственный. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 10, август, № 15. С. 216—218.

Bonaparte der Einzige // PJ. 1803. Bd 1, St. 6, Junius. S. 587—589.

298. Речь консула Бонапарте, читанная им в Тайном совете. *Она переведена из Лондонских ведомостей. . . // 1803. Ч. 10, август, № 15. С. 218—227.

299. Письмо из Парижа о генерале Моро. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 10, август, № 16. С. 243—250.

300. *Жанлис* [С. Ф.] Смесь < . . . > «Вот происшествие совершенно истинное» (говорит г-жа Жанлис в *Souvenirs de Félicie*) // 1803. Ч. 10, август, № 16. С. 253—254.

*Genlis S. F. Suite des Souvenirs de Félicie L**** // NBR, an XI—1803, 5-me année. T. 12. P. 173—174.

301. [*Жанлис С. Ф.*] Смесь < . . . > «Следующий анекдот перевели мы также из *Souvenirs de Félicie*. Господин Шан. . .» // 1803. Ч. 10, август, № 16. С. 254.

*Genlis S. F. Suite des Souvenirs de Félicie L**** // NBR, an XI—1803, 5-me année. T. 12. P. 178—179.

302. Искусство делать жен верными. (Из нем. журн.) // 1803. Август, № 16. С. 255—258.

Die Kunst, die Weiber treu zu machen // F. 1803. I, № 51. S. 201—203.

303. [*Био Ж. Б.*] О благотворном действии наук для Франции во время революционной войны. (Переведено из нового сочинения гражданина Биота: *Essai sur l'histoire générale des sciences pendant la révolution*) // 1803. Ч. 10, август, № 16. С. 258—264.

Essai sur l'histoire générale des sciences pendant la révolution française / Par J. B. Biot, associé de l'Institut National de France et membre de la société philomatique de Paris. Paris, an XI—1803. P. 47—54.

304. Советы приятельнице. (Из новых английских писем госпожи Риверсдаль. . .) // 1803. Ч. 10, август, № 16. С. 264—271.

Conseil d'une amie. (Tiré des lettres de Miss Riversdale) // BB. 1803. T. 23. P. 226—233.

305. Письмо одного англичанина из Квебека // 1803. Ч. 10, август, № 16. С. 272—276.

***. Fragment eines Schreibens aus Quebeck vom 9-ten August 1801. Von einem Engländer. M., 1801. Bd 4, December. S. 500—505.

306. [*Архенгольц И. В.*] О нынешней войне / Пер. с нем. // 1803. Ч. 10, август, № 16. С. 293—301.

v. A [rchenholz] Historische Betrachtungen über den gegenwärtigen Krieg. Von dem Herausgeber der Minerva // M. 1803. Bd 3, July. S. 156—177. Сокращенный перевод.

307. Известия и замечания. Заседание, в котором парламент изъявил согласие на меры, взятые министрами, было любопытно для наблюдателей . . . // 1803. Ч. 10, август, № 16. С. 302—307.
308. *Snitger*. Гамбургский анекдот. (Из Декады) // 1803. Ч. 11, сентябрь, № 17. С. 3—20. (РП. Ч. 2. С. 259—278; П. Т. 6. С. 193—207).
- Snitger L.* Anecdote Hambourgeoise // D, an XI—1803. Т. 38, N 29, 20 messidor. P. 104—115.
309. Забавы в Гаване, первом городе гишпанского острова Кубы. (Из нового описания гишпанских колоний в Америке) // 1803. Ч. 11, сентябрь, № 17. С. 20—23.
- Vergnügungen in der Havana. * Aus der Neuern Reise durch die spanischen Kolonien in Südamerika. A. d. Spanischen übersetzt und mit Anmerk begleitet von Christian August Fischer // ZEW. 1801. N 107, 5. September. Sp. 857—860.
310. Письмо из Парижа. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 11, сентябрь, № 17. С. 23—27.
- Schreiben aus Paris // F. 1803. II, N 130. S. 517—518.
311. Лекарство от любви. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 11, сентябрь, № 17. С. 27—31.
- Mittel gegen die Liebe // ZEW. 1802, № 116, 28. September. Sp. 925—927.
312. Письмо индейского царя Окоама из Англии к первому его министру Еану о Лондонской церкви Св. Павла. (Из англ. журн.) // 1803. Ч. 11, сентябрь, № 17. С. 31—33.
- Brief des indianischen Königs Okoam während seiner Anwesenheit zu London, an seinen ersten Minister Pean, über die St. Pauls Kirche in London // ZEW. 1802. № 50, 27 April. Sp.
313. Письмо одного американского натуралиста о рыбе, неразлучной с насекомым. (Из амер. журн.) // 1803. Ч. 11, сентябрь, № 17. С. 34—35.
314. Смесь «В одном английском журнале пишут следующее: „Давнишний спор об истине оссиановых поэм должен скоро решиться. . .“» // 1803. Ч. 11, сентябрь, № 17. С. 36—37.
315. [Джефферсон Т.] Смесь. Вот письмо славного Джефферсона, президента Американских Соединенных Областей, к ученому французу Ласепеду, из Вашингтона от 24 февраля 1803. . . // 1803. Ч. 11, сентябрь, № 17. С. 39—41.

Jefferson Tomas. Lettre de M. Jefferson, président des Etats Unis, au C. Lacépède, membre de l'Institut. Washington, 24 février 1803 // ME. 1803. Т. 1. P. 254—257.

316. Речь швейцарского ландмана д'Аффри при открытии сейма // 1803. Ч. 11, сентябрь, № 17. С. 60—68.

République helvétique. Fribourg, le 7 juillet (18 messidor) // MU. № 305, 5 thermidor an 11 (24 juillet 1803). P. 1361—1362.

317. *Фьеве [Ж.]* О войне между Англиею и Франциею. (Из фр. журн.) // 1803. Ч. 11, сентябрь, № 17. С. 69—75.

318. О свободе азиатских женщин. Сочинение индейца Мирзы-Талеба-Хана. Из Британской библиотеки // 1803. Ч. 11, сентябрь, № 18. С. 85—100.

La liberté des femmes asiatiques, par Mirza-Abu-Taleb-Khan // ВВ. 1803. Т. 23. P. 208—226. Сокращенный перевод.

319. Мегалантропогенезия // 1803. Ч. 11, сентябрь, № 18. С. 100—105.

Essai sur la Mégalanthropogénésie, ou l'Art de faire des enfants d'esprit, qui deviennent de grands hommes // D, an X—1801. Т. 31, N 9, 30 frimaire. P. 549—550.

320. Письмо из Парижа. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 11, сентябрь, № 18. С. 106—113.

321. Отрывок тайной истории консульства. (Из Лондонских ведомостей) // 1803. Ч. 11, сентябрь, № 18. С. 146—153.

322. *Карно*. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 11, сентябрь, № 18. С. 153—155.

323. Известие об островах Канарских, или счастливых, взятое из новой книги гражданина Бори о древней Атлантиде. (Из фр. журн.) // 1803. Ч. 11, октябрь, № 19. С. 179—189.

«Essais sur les îles Fortunées de l'antique Atlantide». Tel est le titre modeste d'un ouvrage intéressant et très instructif que vient de publier M. Bory de Saint-Vincent, officier français // MU. 1803. № 309, 9 thermidor. P. 1379—1380.

324. *Жанлис [С. Ф.]* Белая магия, или Полезный шарлатан // 1803. Ч. 11, октябрь, № 19. С. 190—201. (ПЖ. Ч. 2. С. 171—185; П. Т. 4. С. 117—126).

Genlis S. F. Suite des Souvenirs de Félicie L *** // NBR, an XI—1803, 5-me année. Т. 14. P. 197—213.

325. Доктор в маскарade. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 11, октябрь, № 20. С. 271—274.

326. Девизы / Пер. с фр. // 1803. Ч. 11, октябрь, № 20. С. 276—277.

Les Devises // JDM, an XI—1803. N 23, 25 nivôse. P. 187—188.

327. Женитьба старика. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 11, октябрь, № 20. С. 278—279.

Gottscheds zweite Heyrath // F. 1803. N 163. S. 650.

328. Письмо одного молодого француза из Монреаля. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 11, октябрь, № 20. С. 279—283.

Auszug eines Schreibens aus Mont-Real, vom 8-ten July 1803 // M. 1803. Bd 4, Oktober. S. 182—188.

329. Как судили о женщинах древние и новые авторы? / Пер. с фр. // 1803. Ч. 11, октябрь, № 20. С. 283—287.

330. Гороховый дождь, или Горох лунный. (Из фр. журн.) // 1803. Ч. 11, октябрь, № 20. С. 287—289.

331. *Reichardt* [Г. А.] Описание консульского воинского парада / Пер. с нем. // 1803. Ч. 11, октябрь, № 20. С. 292—295.

Beschreibung einer grossen Militärparade in Paris. (Aus Reichardts interessanten Briefen aus Paris, die bald in zwei Theylen erscheinen werden) // ZEW. 1803. N 119, 4. Oktober. Sp. 943—946.

332. [Архенгольц И. В.] О высадке. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 11, октябрь, № 20. С. 296—308.

Archenholz J. W. Ueber die vorhabene Landung der Franzosen in England. Vom Herausgeber der Minerva. Geschrieben am 31-ten August 1803 // M. 1803. Bd 3, September. S. 385—410. Сокращенный перевод.

333. О несчастном состоянии Сен-Домингской колонии. Письмо из Парижа. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 11, октябрь, № 20. С. 308—311.

Examen de l'esclavage // F. 1803. 1, N 72. S. 287.

334. Письмо из Булони. (Оно переведено из Парижского журнала. . .) // 1803. Ч. 11, октябрь, № 20. С. 311—313.】

Auszug eines Schreibens aus Boulogne von 21-ten thermidor (8-ten August 1803). Eine sonderbare Anekdote enthaltend // M. 1803. Bd 3, September. S. 543—547.

335. Письмо из Алепа от 17 мессидора 11 республиканского лета. (Из Монитера) // 1803. Ч. 11, октябрь, № 20. С. 314—317.

Syrie. Alep, le 17 messidor an 11 // MU. N 6, 6 vendemiaire an 12 (29 septembre 1803). P. 21.

336. [Эро де Сешель Ж. М.] О характере. (Из фр. журн.) // 1803. Ч. 12, ноябрь, № 21—22. С. 3—8.

Hérault de Séchelles J. M. Du caractère // SN. 1801. Août. P. {175—178.

337. Письмо из Лиссабона. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 12, ноябрь, № 21—22. С. 8—11.

Die Portugiesinnen. (Aus den Briefen der Mad. Domeyer in London) // ZEW. N 122, 11. Oktober. Sp. 967—969.

338. Турнир, или Рыцарские игры / Пер. с англ.; Герольд // 1803. Ч. 12, ноябрь, № 21—22. С. 12—20.

L. Le Tournoi / Traduit de l'anglais de T. Chatterton; Un Hérault // D, an XII—1803. T. 39, N 1. P. 44—49.

339. О человеке во всех землях и климатах. (Из фр. журн.) // 1803. Ч. 12, ноябрь, № 21—22. С. 20—25.

340. Ипохондрия. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 12, ноябрь, № 21—22. С. 26—29.
341. Английская промышленность. Письмо из Лондона. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 12. Ноябрь, № 21—22. С. 33—36.
342. Карета бывшего министра Калоня. Истинное происшествие. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 12. Ноябрь, № 21—22. С. 36—47.
343. [Жанлис С. Ф.] Знакомство госпожи Жанлис с Жан-Жаком Руссо // 1803. Ч. 12, ноябрь, № 21—22. С. 59—70. (ПЖ. Ч. 1. С. 270; П. Т. 3. С. 184—193).

*Genlis S. F. Souvenirs de Félicie L ***.* Paris, an XII. P. 289—308.

344. Жанлис [С. Ф.] Любезный король // 1803. Ч. 12, ноябрь, № 21—22. С. 70—88. (ПЖ. Ч. 2. С. 186—208; П. Т. 4. С. 127—141).
345. О твердости нынешнего консульского правления во Франции. (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 12, ноябрь, № 21—22. С. 104—108.

Ueber die Beständigkeit der gegenwärtigen französischen Staats-Verfassung und Bonapartes Regierung // PJ. 1803. Bd 2, St. 11, November. S. 1037—1041. Сокращенный перевод.

346. Что выгоднее для Европы в нынешнюю войну: падение Франции или Англии? (Из нем. журн.) // 1803. Ч. 12, ноябрь, № 21—22. С. 108—122.

K. W. Was würde vortheilhafter für Europa und besonders für Deutschland seyn, wenn England, oder wenn Frankreich in dem jetzigen Kriege die Macht des andern gänzlich vernichten sollte? Geschrieben den 23-sten July 1803. (Eingesandt) // M., 1803. Bd 4, Oktober. S. 46—70.

347. О мнимом предложении консула Бонапарте, будто бы сделанном через Берлинский двор Лудовику XVIII. (Писано одним знаменитым человеком в Париже и взято из Архенгольцовой Минервы) // 1803. Ч. 12, ноябрь, № 21—22. С. 122—126.

Staatsschrift, bekannt gemacht vom Grafen von Artois in London, am 22-sten July 1803 // M. 1803. Bd 3, August. S. 366—371.

348. Демосфен. Девятая Демосфенова Филиппика // 1803. Ч. 12, декабрь, № 23—24. С. 142—166.
349. [Жанлис С. Ф.] Мысли госпожи Жанлис о старости // 1803. Ч. 12, декабрь, № 23—24. С. 234—237.
350. Можно вылечить от страха. (Из фр. журн.) // 1803. Ч. 12, декабрь, № 23—24. С. 255—260.

- Affri 316
 Archenholz J. W. (1743—1812) 1?, 17, 74, 110, 275, 306, 332
 Artaud E. 124
 Artois 347
- Balitoro 163**
 Barthélemy J. J. (1716—1795) 94
 Bernardin de Saint-Pierre (1737—1814) 140
 Bichat M. F. X. (1771—1802) 240
 Biot J. P. (1774—1862) 303
 Boinvilliers-Desjardins J. E. J. F. (1764—1830) 118
 Bonaparte N. (1769—1821) 11, 77, 180, 250, 298
 Bory de St. Vincent J. B. M. (1780—1846) 323
 Butenschoen F. 224
- Chateaubriand F. R. (1768—1848) 109, 258
 Chatterton T. (1752—1770) 338
 Chénier M. J. (1764—1811) 5
 Coisson 106
 Colomb Ch. (1451—1506) 135
 Condorcet J. A. N. (1744—1794) 291
- Dégérando J. M. (1772—1842) 30
 Delille J. (1738—1813) 8
 Demosphenus (384—322 до н. э.) 348
 Domeyer 337
 Denon D. V. (1747—1825) 157
 Dudeffant M. 1697—1780 73
- Echasseriaux J. (1741—1802) 164
- Fiévée J. (1767—1839) 189, 317
 Flaxman D. (1755—1826) 2
 Fontanes L. (1757—1821) 248
 Fouché J. (1763—1820) 48
 Fox C. J. (1749—1806) 82
 Frank J. (1745—1821) 130
- Garcia J. 33**
 Garnerin A. J. (1769—1823) 260
 Garnet T. (?—1802) 61
 Garve Ch. (1742—1798) 127
 Genlis C. S. F. D. (1746—1830) 49, 79, 107, 123, 134, 161, 167, 229, 257, 263, 265, 281, 294, 300, 301, 324, 343, 344, 349
 Geoffroy J. L. (1743—1814) 28
- Hénin de Cuvilliers E. F. (1755—1841) 191
 Hérault de Séchelles J. M. (1760—1794) 336
 Herder J. G. (1744—1803) 183
- Jefferson T. (1743—1826) 315
 Jordan C. (1771—1821) 186
 Jullien M. A. 47
- Kératry A. H. (1769—1859) 70, 181
 Kotzebue A. F. (1761—1819) 95
- Labaume 233**
 Lafontaine A. H. J. (1758—1831) 251
 Lagier 246
 Laharpe J. F. (1739—1803) 221, 242
 Lemontey P. E. (1762—1826) 12, 41
 Louverture T. 67, 226
- Malekewsky P. 199**
 Mercier L. S. (1740—1814) 6
 Michaud 175
 Mongez 227
 Musset-Pathay V. D. (1761—1832) 266
- Nebe A. 57
 Nekker J. (1732—1804) 152, 171
 Nekker S. C. (1739—1794) 36, 59
- Olivier G. A. (1756—1814) 45, 75
 Orr G. 287
- Papillart E. 109**
 Pasquin P. 52
 Picard L. B. (1769—1828) 155
 Portalis J. E. M. (1745—1807) 38, 256
 Pujoulx J. V. P. (1762—1821) 4
- Regnier C. A. (1736—1814) 39**
 Reichardt H. A. (1751—1828) 331
 Reybaz M. E. S. 43
 Riversdale 304
 Rousseau J. J. (1712—1778) 283
- Saint-Lambert J. F. (1716—1803) 69
 Schiller F. 128
 Sebastiani F. H. B. (1772—1851) 236
 Ségure J. A. (1756—1803) 212
 Snitger 308
 Soulavie J. L. G. (1752—1813) 15, 58
 Sowden 131
 Suard J. B. (1733—1817) 247
 Sunger T. 252
- Talleyrand—Périgord Ch. M. (1754—1838) 153, 166**
 Turner S. (1768—1847) 290
- Van Swinden 147
 Villeterque A. L. 216
- Zimmermann E. A. W. (1743—1815) 292**

УКАЗАТЕЛЬ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

Abeille du. Nord 226, 261

Argus 269

Asiatisches Magazin (Weimar, 1802—?) 230

Bibliothèque Britannique (Genève, 1796—1815) 61, 303, 317

Bulletin de Paris 237, 240

Courrier de Londres 64

La Décade Philosophique, littéraire et politique (Paris, 10 floréal an 2—21 sept. 1807) 5, 12, 29, 42, 44, 53, 88, 94, 119, 154, 159, 163, 171, 185, 205, 231, 245, 266, 308, 319, 338

European-Magazine 135

Freimüthige, oder Berlinische Zeitung für gebildete, unbefangene Leser (Berlin, 1803—1840) 276, 302, 310, 327, 333

Gazette de France (Paris, 19 déc. 1797—24 août 1848) 7, 99, 168, 177

Journal de Paris (Paris, 1777—1811) 36, 37, 46, 50, 72, 73, 83, 84, 109, 120, 124, 156, 207, 216

Journal des dames et des modes (Franc. a. M., juin 1797—1838) 13, 84, 85, 141, 160, 176, 184, 196, 205, 232, 252, 283, 325

London und Paris (Weimar, 1798—1810) 155

Magasin encyclopédique, ou Journal des sciences, des lettres et des arts (Paris, 1795—1816) 147, 314

Mercure de France (Paris, 1724—1820) 221

Minerva. Ein Journal historischen und politischen Inhalts (Hamburg, 1792—1812) 1, 2, 3, 4, 17, 19, 28, 32, 33, 34, 45, 74, 75, 98, 110, 121, 142, 149, 150, 158, 164, 170, 179, 191, 199, 209, 232, 268, 275, 279, 287, 296, 305, 306, 328, 332, 334, 346, 347

Moniteur universel (Paris, 6 mai 1789—1865) 11, 18, 20, 21, 22, 26, 27, 30, 34, 38, 47, 48, 51, 54, 55, 56, 63, 67, 68, 77, 78, 86, 92, 93, 97, 100, 101, 102, 104, 105, 106, 112, 113, 115, 116, 130, 131, 135, 138, 140, 143, 145, 153, 157, 166, 174, 180, 182, 210, 218, 219, 224, 225, 227, 236, 244, 247, 248, 250, 256, 259, 270, 316, 323, 335

Morning Chronicle 25, 78, 116, 208

Neue Litteratur und Völkerkunde 52

Der Neue Teutsche Merkur (Weimar, 1773—1810) 128

Nouvelle Bibliothèque des romans (Paris, 1801) 49, 70, 79, 107, 118, 123, 134, 146, 161, 167, 181, 189, 229, 233, 257, 263, 265, 281, 295, 300, 301, 324

The Philosophical Magazin (London) 90, 136

Politisches Journal 46, 87, 122, 235, 272, 297, 345

Le Spectateur du Nord, journal politique, littéraire et moral (Hambourg, 1797—1802) 80, 212, 221, 336

The Sun 241

The Universal Chronicle 125

Zeitung für die elegante Welt (Leipzig, 1801—1859) 197, 203, 222, 223, 255, 259, 262, 273, 286, 290, 309, 311, 312, 331, 337

И. А. ГОНЧАРОВ И Н. М. КАРАМЗИН
(К вопросу о некоторых традициях)

Сближение имен И. А. Гончарова и Н. М. Карамзина кажется весьма естественным по многим причинам, однако до сих пор этот вопрос не ставился, не выявлены хотя бы приблизительно те принципы, в соответствии с которыми следует приступать к его исследованию. Известно лишь несколько отрывочных высказываний на данную тему. Наиболее замечательное из них принадлежит Р. В. Иванову-Разумнику: «Познакомившись с дядей Адуевым, вы невольно вспоминаете, что когда-то встречались с ним <...> Действительно, они существовали еще за пятьдесят лет до появления „Обыкновенной истории“ и являлись тогда под именем Леонида и Эраста, „чувствительного“ и „холодного“ — из рассказа такого названия Карамзина <...> Вспомните <...> мещанскую философию Леонида, который „стоял на том, что благоразумному человеку надобно в жизни заниматься делом“, который сыпал сентенциями совершенно во вкусе дяди-Адуева, в роде „служба есть у нас вернейший путь к уважению, а чины ходячая монета“ и т. п., который, наконец, женился совершенно, как дядя-Адуев».¹

Р. В. Иванову-Разумнику нельзя отказать в наблюдательности. Отождествляя позицию героя с позицией автора и потому явно ошибаясь в главном своем выводе — о «мещанстве» Гончарова, критик тем не менее прав в принципиальном сближении гончаровского романа с «чувствительным и холодным» Карамзина. Не случайно эта параллель будет впоследствии повторена в работах А. Г. Цейтлина² и Ю. В. Манна.³ В «Обыкновенной истории» карамзинский фон весьма ощутим. В письме Марьи Горбатовой, явно воспитанной на Карамзине, к Петру Ивановичу Адуеву легко отыскать не только романтические, но и доромантические штампы, имевшие хождение в русской провинции 30-х гг. XIX в.: «Кто та милая подруга, украсившая собою путь вашего бытия, назовите мне ее; я буду ее любить, как родную сестру, и в мечтах соединять образ ее с вашим, буду молиться <...> Сашенька <...> прижмет к груди обожаемого дядю, — а я, я в то время буду лить слезы, вспоминая счастливое время <...> может быть, вы уже забыли нас, и где вам помнить бедную страдальцу, которая удалилась от света и льет слезы» и т. п. Недаром В. Сечкарев увидел в этом письме пародию на стиль «Николая Карамзина, наиболее яркого представителя русского сентиментализма».⁴

¹ *Иванов-Разумник* [Р. В.]. История русской общественной мысли. СПб., 1907. Т. 1. С. 175.

² *Цейтлин* А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950.

³ *Манн* Ю. В. Философия и поэтика «натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. М., 1969.

⁴ *Setchkarev* V. Ivan Goncharov: His life and his works. Würzburg., 1974. P. 68.

В. Шкловский также упоминал о связи творчества Гончарова и Карамзина, имея в виду прежде всего «Записки русского путешественника» и «Фрегат „Паллада“»: «Имени Карамзина Гончаров не забывал никогда <...> Гончаров — человек, для которого Карамзин долго оставался живым литератором <...> О Карамзине нам напоминает описание природы с повторами и обращениями к читателю, ссылка на забытого Геснера (в описании Ликейских островов) и больше всего — внутренняя полемика с книгой знаменитого зачинателя русской прозы».⁵

Знакомство будущего романиста с произведениями Карамзина началось еще в раннем детстве. Этот факт отмечен в его автобиографиях, причем в одной из них имя Карамзина упоминается дважды. В период пребывания в пансионе священника Ф. С. Троицкого Гончаров читает исторические книги Карамзина, знакомится и с его поэзией, которая, судя по всему, не произвела на него большого впечатления. Нет сомнения и в том, что в это же время мальчик, буквально зачитывавшийся путешествиями (им были прочитаны книги Д. Кука, С. П. Крашенинникова и т. д.), не прошел мимо «Записок русского путешественника». Более глубокое осмысление творчества Карамзина происходит уже в Московском университете. Именно теперь Гончаров осознает, чем же прежде всего ему близок и дорог автор «Бедной Лизы». В автобиографии 1858 г. он акцентирует весьма важный момент: «Юношеское сердце искало между писателями симпатии и отдавалось тогда Карамзину по горячим его следам, может быть, не как историку, особенно потому, что кафедру истории занимал тогда Карамзин, и не как поэту, потому что Карамзин не был художник, но как гуманнейшему из писателей».⁶ Очевидно, что Гончаров выделил для себя карамзинскую прозу и публицистику. Значение этого признания трудно переоценить. В письме к А. Н. Пыпину от 10 мая 1874 г. романист вновь касается данной темы: «Про себя я могу сказать, что развитием моим и моего дарования я обязан прежде всего влиянию Карамзина, которого тогда еще только *начинали переставать* читать, но я и сверстники мои успели еще попасть под этот *конец*, но, конечно, с появлением Пушкина скоро отрезвлялись от манерности и сентиментальности французской школы (я говорю об искусстве), которой Карамзин был представителем. Но тем не менее моральное влияние Карамзина было огромно и благотворительно на все юношество» (VIII, 421).

Можно понять, о каком *моральном* влиянии говорит Гончаров. Карамзин дал гончаровскому поколению русских людей понятие о ценности человеческой личности, индивидуальности, о чувстве человеческого достоинства... Условно говоря, «западническое»

⁵ Шкловский В. Заметки о прозе русских классиков. М., 1955. С. 224—225.

⁶ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 222. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской).

отношение Гончарова к проблеме ценности человеческой личности, отстаивание самостоятельности и самоценности личности перед лицом более общих категорий (государство и т. д.), столь характерно выразившееся в статье «Нарушение воли», восходит именно к карамзинскому благотворному гуманистическому влиянию. Вернее, может быть, будет заметить, что Карамзин *первым* открыл Гончарову глаза на проблему самоценности человеческого «я». Впоследствии на это первое впечатление накладывались другие — вплоть до книги Д. Милля «О свободе», в защиту которой Гончаров выступил как цензор. Проблема настолько объемна, а следы «морального» влияния столь трудноуловимы, что в настоящей статье мы считаем возможным лишь упомянуть об этом вопросе в целом, главное внимание уделив частным его аспектам.

Если в «Обыкновенной истории» стиль Карамзина пародируется, то в «Обрыве», в истории любви Райского и Наташи, мы обнаруживаем переключку с историей «бедной Лизы», к которой Гончаров — как художник, испытывавший на протяжении всей своей творческой жизни пристальный интерес к женской теме, к теме любви, — проявил, несомненно, интерес. Райский, «воротясь домой после обеда в артистическом кругу», «нашел у себя на столе записку, в которой было сказано: „Навести меня, милый Борис: я умираю! . . . Твоя Наташа“» (V, 112).

Напомним, что в гончаровском романе в виде многих параллелей даны самые различные типы любви, сопоставляя которые писатель решает для себя важнейшие вопросы человеческой жизни, — не только частной, но и общественной. Нашлось место и для описания любви «по Карамзину». Все это не покажется странным, если учесть, что метод подобных ассоциативных параллелей вообще свойствен Гончарову. В романе «Обломов» Штольц в поисках «нормы любви» перебирает в памяти типы любовных отношений, сложившиеся в различные эпохи: «Он с улыбкой, то краснея, то нахмурившись, глядел на бесконечную вереницу героев и героинь любви: на донкихотов в стальных перчатках, на дам их мыслей, с пятидесятилетней взаимною верностью в разлуке; на пастушков с румяными лицами и простодушными глазами навывкате и на их Хлой с барашками. Являлись перед ним напудренные маркизы, в кружевах, с мерцающими умом глазами и с развратной улыбкой; потом застрелившиеся, повесившиеся и удавившиеся Вертеры; далее увядшие девы, с вечными слезами любви, с монастырем (этот тип представлен в образе Марьи Горбатовой с явным пародийным оттенком. — В. М.) < . . . > все, все!» (IV, 454).

При этом следует учесть и различия между карамзинским и гончаровским подходами к воплощению образа «бедной Лизы». Как поясняет в статье «Лучше поздно, чем никогда» сам Гончаров, кроткую, хрупкую Наташу «надломила и свела в могилу не одна обманутая любовь, но вообще суровое дыхание жизни» (VIII, 103). Характер Наташи задуман, как видим, с определенной коррективой по отношению к карамзинской героине: «Это райская птица,

которая и могла только жить в своем раю, под тропическим небом, под солнцем, без зим, без ветров, без хищных когтей» (VIII, 103).

Близка Гончарову и мысль, высказанная Карамзиным в статье «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени»: «Я послал бы всех роскошных людей на несколько времени в деревню, быть свидетелями трудных сельских работ и видеть, чего стоит каждый рубль крестьянину. . .»⁷ Разумеется, мысль эта слишком общая, однако похоже, что в «Обрыве» проявляются именно карамзинская ее постановка и стилистическая интерпретация. Райский упрекает Софью Беловодову: «Осмотрите около себя: около вас шелк, бархат, бронза, фарфор. Вы не знаете, как и откуда является готовый обед < . . . > А думаете ли вы иногда, откуда это все берется и кем доставляется вам? < . . . > А если бы вы знали, что там, в зной, жнет беременная баба < . . . > а ребятишек бросила дома < . . . > А муж ее бьется тут же, в бороздах на пашне, или тянется с обозом в трескучий мороз, чтоб добыть хлеба, буквально хлеба — утолить голод с семьей и, между прочим, внести в контору пять или десять рублей, которые потом приносят вам на подносе. . . Вы этого не знаете. . .» (V, 34—35).

Но дело даже не в конкретных параллелях, которые в конце концов могут оказаться и достаточно случайными. Дело, скорее, в специфике «гуманитета» обоих писателей. Думается, что те нравственные ценности, которые утверждал в течение всей своей жизни Карамзин как писатель и гражданин («человеческое достоинство, плод культуры, просвещенного самоуважения и внутренней свободы»),⁸ были созвучны либеральным мировоззренческим установкам Гончарова. Именно поэтому романист постоянно подчеркивает «гуманность» Карамзина. Для него она была явлением не только вчерашнего, но и сегодняшнего дня России, социальным инструментом, позволявшим решать проблемы современной русской жизни. Просветительство Гончарова по своим характерным особенностям чрезвычайно близко просветительству Карамзина.

23 ноября 1866 г. в газете А. А. Краевского «Голос» за подписью «Любитель литературы» появилась заметка Гончарова по поводу предстоявшего празднования юбилея Карамзина. В заметке Гончаров дал лаконичную, но весьма выразительную оценку деятельности писателя и историка, подчеркивая общенародное значение его юбилея.

Отметим, что не любящий необязательных сравнений романист посчитал возможным на этот раз сравнить юбилей Ломоносова с юбилеем Карамзина. Очевидно, он преодолевал определенный стереотип восприятия фигуры Карамзина — особенно со стороны тех кругов, которые считали, что юбилей получает «тенденциозно

⁷ Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 91.

⁸ Лотман Ю. М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Лит. учеба. 1988. № 4. С. 93.

охранительный характер».⁹ Гончаров не одобряет «известную публике программу торжества» и напоминает в этой связи о том, как прошел недавний юбилей тоже высоко им чтимого Ломоносова: «Скажут, что Карамзин не Ломоносов, он не начинатель великого дела просвещения в России <...> Так; но кому же, после Ломоносова, принадлежит большая доля деятельности в совершении подвига, начатого Ломоносовым, как не Карамзину, проводнику знания, возвышенных идей, благородных, нравственных, гуманных начал в массу общества, ближайшему, непосредственно действовавшему еще на живущие поколения двигателю просвещения?» (VIII, 207—208). Перед нами не набор эпитетов, а, как всегда у Гончарова, четко выверенная оценка. Называя Карамзина «проводником знания» и акцентируя его гуманизм, автор заметки подчеркивает и патриотизм, народность писателя и историка Карамзина. Отсюда и новый, весьма важный оттенок мысли: «На празднике в память Карамзину должна присутствовать вся наша наличная литература <...> значение и характер праздника требовали бы, чтоб большинство писателей, начиная с старейших до новейших, публично принесли каждый свою лепту в память нашего просветителя. Казалось бы справедливым, чтоб и на этом вечере, как на празднике Ломоносова, все присутствующие в городе литераторы столпились единодушно, забыв разность литературных эпох, направлений и оттенков. . .» (VIII, 208). В данном случае Гончаров выдвигает типично либералистское требование единства нации, наиболее выразительно сформулированное в его очерке «Литературный вечер», где старик Чешнев говорит: «...русский народ исполняет <...> свою великую и национальную и человеческую задачу и <...> в ней ровно и дружно работают все силы великого народа, от царя до пахаря и солдата! <...> Барин, мужик, купец — все идут на одну общую работу, на одно дело, на один труд, несут миллионы и копейки <...> Перед вами уже не графы, князья, военные или статские, не мещане или мужики — одна великая, будто из несокрушимой меди вылитая статуя — Россия!» (VII, 106). Юбилей Карамзина представлялся Гончарову удобным для подобного единения в силу не только масштаба фигуры Карамзина, но, и, главное, сугубо патриотического характера его деятельности на благо России. В статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» Карамзин писал: «Во всех обширных странах российских надобно питать любовь к отечеству и чувство народное <...> Мне кажется, что я вижу, как народная гордость и славолюбие возрастают в России с новыми поколениями!»¹⁰ «Проводник знания» и патриот, издатель «Вестника Европы» и в то же время автор «Истории государства Российского», Карамзин представлялся Гончарову фигурой, идеально примиряющей современные противоречия русской жизни, —

⁹ Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. 4-е изд. СПб., 1908. С. 187.

¹⁰ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 112—113.

в частности споры западников и славянофилов, которые писатель в конечном итоге считал не столь существенными, противопоставляя им идею «общей работы» единой России. В статье «Лучше поздно, чем никогда» он писал: «Все это, конечно, минует в будущем, хотя, может быть, и не очень близком» (VII, 116).

Либералу Гончарову, для которого требование единства нации ради «общего дела» отнюдь не означало подавление личностного начала, весьма импонировала позиция Карамзина, увидевшего, например, в деятельности Петра I существенные противоречия: «Петр осуществил необходимую государственную реформу, но превысил полномочия государственной власти, вторгшись в сферу частной жизни, в область личного достоинства отдельного человека».¹¹

Не настаивая на факте непосредственного, буквального влияния на Гончарова Карамзина-художника (вспомним слова романиста о том, что «Карамзин не был художник»), отметим все же и определенную близость их эстетических установок, выраставшую из близости мировоззренческой. Карамзин предвосхитил ведущие мотивы произведений Гончарова. «Сердечный» тип человеческого поведения, воплощенный в «чувствительном» Карамзина, явился как бы ответом писателя на проблемы, поставленные Просвещением, актуальные и для послекарамзинской эпохи. У Гончарова проблема разлада между «умом и сердцем» станет не только проблемой выбора между «чувствительным» и «холодным» (хотя этот пласт несомненно тоже наличествует в произведениях писателя), но и проблемой соотносительности в русской жизни борющихся социальных сущностей старого (патриархального) и нового (буржуазно-цивилизаторского). Карамзинский мотив «чувствительного» и «холодного» социально инструментирован уже в «Обыкновенной истории», а затем — в еще большей степени — в «Обломове».

И Карамзин, и Гончаров исходят из противопоставления двух очевидных крайностей в проявлениях «сердечного» и «головного» типов, видя свою задачу в поисках меры и должного синтеза. Оба они испытали определенное разочарование в рационализме, — и оба все-таки продолжали верить в целительную силу просветительства. Отсюда тяготение к диалектическому разрешению указанной дилеммы. При этом следует иметь в виду еще одно важное обстоятельство: культ «меры» унаследован обоими авторами от эстетики и философии античности, в которой и Карамзин, и Гончаров прекрасно ориентировались и на которую делали постоянные «отсылки» в своем творчестве (общность их пристрастий в этом плане — особый разговор). «Требование меры в <...> поведении <...> стало одной из основных нормативных установок античной этики. . .»¹² Поиск «меры обусловил в известной степени стремле-

¹¹ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 93.

¹² Гусейнов А. А., Иррилиц Г. Краткая история этики. М., 1987. С. 27. В «Никомаховой этике» Аристотель так определяет добродетель: «Нравствен-

ние обоих писателей к диалогичному построению конфликта («чувствительный» — «холодный», Мелодор — Филалет, Обломов — Штольц и т. д.). Уяснение же «меры» является одной из составляющих более общего процесса: соотношения и Карамзиным, и Гончаровым — как просветителями — «природы» и «цивилизации» в их размышлениях о путях исторического прогресса человечества. И здесь Гончаров воспринимает через Карамзина определенные традиции, восходящие к Ж. Ж. Руссо и другим мыслителям эпохи Просвещения.

Не случайно большую роль и у того и у другого играют одни и те же категории, лежащие в основе «терминологического комплекса» Просвещения, в частности категории «страсти» и «покоя». Тема страсти — «это великая тема, с блеском развитая Бруно, пробивавшаяся сквозь рационалистическую мудрость Спинозы, заполнившая творчество Руссо. . .»¹³

В работе «Об уме» Гельвеций писал: «Все же страсти, в которых следует видеть зародыш бесчисленных заблуждений, служат двигателями просвещения. Если же они и сбивают нас с пути, зато только они одни дают нам необходимую для движения вперед силу. Только они могут освободить нас от того бездействия и лени, которые всегда готовы овладеть всеми способностями нашей души».¹⁴ Ему вторит Карамзин в «Рыцаре нашего времени»: «Страсти, страсти! Как вы ни жестоки, как ни пагубны для нашего спокойствия, но без вас жизнь наша есть пресная вода».¹⁵ У Гончарова эта тема разработана глубже и подробнее, чем у Карамзина, — он учитывает уже и бесценный опыт «Старосветских помещиков» Н. В. Гоголя. Вот как описывает он нравы обломовцев: «Тишина и невозмутимое спокойствие царствуют в нравах людей в том краю. Ни грабежей, ни убийств, никаких страшных случайностей не было там; ни сильные страсти, ни отважные предприятия не волновали их» (IV, 106). Здесь в зерне дана вся концепция «страсти», пронизывающая роман Гончарова. С одной стороны, страсти — это грабежи, убийства, страшные случайности, или, по словам Гельвеция, «зародыш бесчисленных заблуждений». Но с другой — в духе философии Шефтсбери и Д. Бруно — это героический энтузиазм, «отважные предприятия». Философы Просвещения видели и понимали огромное значение идеала «страстного» («героического») человека для своего времени. Понимал это и Карамзин, ориентировавшийся и на ту линию английского просветительства, которая представлена именами Шефтсбери, Попа, Юнга, Томсона.¹⁶ Гончаров по-своему развивал идеал «страстной»

ная добродетель < . . . > состоит в обладании серединой и < . . . > между двумя видами порочности, один из которых — от избытка, а другой — от недостатка» (*Аристотель*. Собр. соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 87).

¹³ Гусейнов А. А., Ирраитц Г. Указ. соч. С. 390.

¹⁴ Гельвеций. Собр. соч.: В 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 159—160.

¹⁵ Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 758.

¹⁶ См.: Шефтсбери. Эстетические опыты. М., 1975. С. 520—512.

личности в образе Штольца, противопоставляя ему носителя философии «покая», «созерцания» — Илью Обломова.

Позиция Гончарова — позиция «меры» между «страстью» и «покоем». Образно говоря, это идеал страсти, направленной в спокойное русло. Разными путями приходят герои к одной и той же мысли. «Давать страсти законный исход, — думает Обломов, — указать порядок течения, как реке, для блага целого края, — это общечеловеческая задача. . .» Об идеале «меры» рассуждает и Штольц: «Он говорил, что „нормальное назначение человека — прожить четыре времени года, то есть четыре возраста, без скачков и донести сосуд жизни до последнего края, не пролив ни одной капли напрасно, и что ровное горение огня лучше бурных пожаров. . .“» (IV, 167). Сходство рассуждений Обломова и Штольца обусловлено идеалом самого автора романа. Обратим внимание на то, что их размышления весьма близко воспроизводят сказанное Карамзиным в эссе «О счастливейшем времени жизни»: «Дни цветущей юности и пылких наслаждений! Не могу жалеть о вас. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню счастья: его не было в сей бурной стремительности чувств к беспрестанным наслаждениям, которые бывают мукою <. . .> не в летах кипения страстей, а в полном действии ума, в мирных трудах его, в тихих удовольствиях жизни единообразной, успокоенной, хотел бы я сказать солнцу: остановись!»¹⁷ Идеал «меры», «плавных переходов» в развитии жизни в значительной мере объединяет Карамзина и Гончарова, который в этом-то идеале, возможно, и усмотрел одну из граней «гуманности» Карамзина.

Обоих писателей объединяет и подход к проблеме прогресса человеческого общества. Карамзин, как позднее и Гончаров, не мог не испытывать определенных сомнений в просветительских установках. В письме Мелодора к Филалету просвещение не случайно названо «острым кинжалом в руках убийцы». Но все же автор остается на позициях исторического оптимизма: «. . . Бог, конечно, обратит все к цели общего блага».¹⁸ Этот же пафос пронизывает неопубликованное письмо Гончарова к А. Ф. Кони от 19 августа 1880 г.: «Можно было бы пасть подавленным этою скорбью, без веры в будущность человечества <. . .> Я верю <. . .> что мир цивилизованный не может погибнуть. . .»¹⁹ В «Необыкновенной истории» подобное же утверждение подкреплено, как и у Карамзина, ссылкой на провидение: «Я <. . .> удивляюсь тому, как при временных возмущениях могут сомневаться в светлой и чистой будущности человечества! Это значит — не верить в Провидение!» (VII, 404).

Этим объясняется и сходное отношение Карамзина и Гончарова к философии Руссо, идеи которого сыграли значительную роль в творчестве обоих художников. Им оказался близок прежде всего

¹⁷ Карамзин Н. М. Сочинения. СПб., 1835. Т. 8. С. 137—138.

¹⁸ Карамзин Н. М. Избранные сочинения и письма. Т. 1. С. 155.

¹⁹ ИРЛИ, 4904, 256, 67.

Руссо-гуманист, Руссо — художник и философ, исследующий «жизнь сердца». В значительной мере их творчество развивается в русле именно этой руссоистской традиции.²⁰

В то же время Карамзин в своем рассуждении «Нечто о науках, искусствах и просвещении» выступает против одного из важнейших тезисов французского философа, поставившего под сомнение пользу наук, искусств и пр. Как уже говорилось, несмотря на противоречивость прогресса, Карамзин признает не только его закономерную неизбежность, но и благотворность. То же самое можно сказать и о Гончарове. Автор «Фрегата „Паллада“» видит выход из противоречий современного общества не в понятном движении «назад к природе», а в «очеловечении» тех задач, которые стоят перед обществом, в «очеловечении» тех средств, с помощью которых эти задачи решаются. Весьма характерно его позиция выразилась в споре с книгой Г. Геденштра «Отрывки о Сибири» (СПб., 1830). Во «Фрегате „Паллада“» Гончаров пишет: «Автор берет пороки образованного общества, как будто неотъемлемую принадлежность просвещения, как будто и самое просвещение имеет недостатки: тщеславие, корысть, тонкий обман и т. п. Кажется, смешно и уверять, что эти пороки только обличают в человеческом обществе еще недостаток просвещения» (III, 398).

У лаконичного и весьма сдержанного Гончарова нет случайных высказываний, а тем более выступлений на ту или иную тему. Его статья о Карамзине в «Голосе», разумеется, не может восприниматься как «юбилейная» — особенно если учесть известную нелюбовь романиста ко всякого рода юбилейной суете. Она была призвана прежде всего решить практические задачи. Кроме того, в ней дана лаконичная, по емкая оценка всей деятельности Карамзина, который дорог не только русскому обществу в целом, но и лично Гончарову. Карамзин-гуманист оказался писателю, пожалуй, ближе других русских классиков XVIII в. Как человеку и художнику ему весьма импонировали «здравый смысл» и мудрость И. А. Крылова, которого он часто цитирует. Не случайно размышлял романист об истоках реалистического направления в творчестве Д. И. Фонвизина (в романе «Обломов» нетрудно разглядеть мотивы фонвизинского «Недоросля»). И все-таки именно гуманистический пафос творчества Карамзина, с его отстаиванием человеческой личности, оказал наиболее глубокое влияние на Гончарова. Влияние других авторов XVIII в. ощущается в частности, карамзинское — в главном и общем: «... Развитием моим и моего дарования я обязан прежде всего влиянию Карамзина...» (VIII, 329).

²⁰ См.: Мельник В. И. Философские мотивы в романе И. А. Гончарова «Обломов»: К вопросу о соотношении «социального» и «нравственного» // Рус. литература. 1982. № 3. С. 81—99.

О СОЗДАНИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ XVIII ВЕКА

Организационные усилия нескольких поколений советских ученых-специалистов в области XVIII века увенчались успехом — летом 1988 г. родилось Советское общество по изучению XVIII века. Целью Общества являются углубление и координация исследований по XVIII веку, охватывающих все стороны его культурного наследия (историю, литературу, философию, идеологию, религию, языки, искусство, право). Общество создано на базе двух уже известных структур АН СССР — Совета по истории мировой культуры АН СССР (Комиссия по культуре Просвещения) и Национального комитета историков Советского Союза.

Общество призвано расширять связи, контакты и встречи между специалистами по XVIII веку в различных областях гуманитарного знания, оказывать помощь в проведении различных мероприятий (коллоквиумов, выставок), посвященных изучению XVIII века или увековечиванию великих имен и великих творений этой эпохи, способствовать всеми силами координации с Международным обществом по изучению XVIII века. Вопрос о принятии Советского общества в Международное общество по изучению XVIII века будет рассматриваться на заседании Исполкома Международного общества в июле 1989 г. в Париже, а затем окончательно решен VIII Конгрессом по Просвещению в Бристоле в мае 1991 г.

Вступить в Советское общество по изучению XVIII века может каждый специалист, предоставивший о себе сведения в Бюро Общества и передавший свои публикации по XVIII веку в фонд Библиотеки Советского общества по изучению XVIII века. Общество проводит ежегодные конференции, в которых могут принять участие все специалисты, даже если они не принадлежат к Обществу. Осенью 1988 г. в Москве была проведена первая конференция Общества по теме «Социокультурные утопии эпохи Просвещения». Следующая конференция — «Просвещение в контексте национальных культур» — состоялась в Москве осенью 1989 г. Материалы этих и последующих конференций будут последовательно публиковаться Комиссией по культуре Просвещения Совета по истории мировой культуры АН СССР. Помимо упомянутых предполагаемых публикаций, лицо Советского Общества по изучению XVIII века будет, разумеется, определять и периодический сборник Пушкинского Дома АН СССР «XVIII век», имеющий давнюю традицию и прочную репутацию.

Резиденция Общества и его Библиотеки: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19. Время деятельности Общества не ограничено.

Ученый секретарь Советского общества
по изучению XVIII века

к. и. н. С. Я. Карп

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аблесимов А. О. 51
 Абрамович С. Л. 134
 Аввакум, протопоп 10, 224, 227, 228, 231
 Август, имп. 4
 Аврамов М. П. 139
 Адриан, патриарх 11
 Аксаков С. Т. 132, 206
 Акундинов Т. 10
 Александр I, имп. 12, 97, 105, 124, 126, 129, 130, 213, 215—217, 219, 220, 288
 Александр II, имп. 12
 Александр III, имп. 12
 Александр Македонский 135
 Алексеев М. П. 5, 93, 125
 Алексеев П. Т. 18
 Алексей Михайлович, царь 8, 22
 Алкивиад 250
 Аллан 264
 Алпатов М. А. 90—92
 Алябьев А. В. 91
 Амосов А. А. 221
 Анакреон 190—197, 202
 Андерсон В. 140
 Андрей, священник 231
 Анна Иоанновна, имп. 140, 164, 209, 214
 Анохин Ф. Л. 136
 Аполлодор 135, 137
 Апулей 140
 Арапов П. 212, 213
 Арзуманова М. А. 63, 66
 Аристипп 276
 Аристотель 136, 289, 290
 Аристофан 29, 36, 37
 Д'Арно Бакюляр де Ф.-Т.-М. 92
 Д'Арсит К. 219
 Арто Э. 261, 282
 Архенгольц И. В. 251, 257, 260, 275, 277, 278, 280, 281
 Афанасий Миславский 24
 Афанасьев М. 221
 Д'Аффри 279, 282
 Баггесен Й. 62, 63
 Баженовы 247
 Базедов Й. Б. 68
 Байрон Д. Г. 207
 Бакерахт А. Г. 100
 Бакмейстер Г. Л. X. 93, 97, 98, 102
 Бакунин А. М. 210
 Бальзак О. 12
 Бантыш-Каменский Д. Н. 164
 Барклай Д. 140
 Барсов А. К. 136
 Бартеlemi Ж. Ж. 258, 282
 Барц П. 99, 100
 Батый, хан 210, 211
 Батюшков К. Н. 214
 Бахерахт 100
 Бегунов Ю. К. 140
 Бедфорд Ф. Р. 257
 Безбородко А. А. 98, 206
 Беккер Г. 62
 Белинский В. Г. 61, 166, 209
 Бенитцкий А. П. 124
 Берков П. Н. 17, 25, 28, 42, 46, 91, 93, 161
 Бернгарди А. 91
 Бернулли Ж. 97, 98
 Бехерахт А. Г. 100
 Бецкой, И. И. 98
 Бибииков А. И. 206
 Бибииков И. А. 78
 Билински М. Я. 79, 226
 Био Ж.-Б. 277, 282
 Биржакова Е. Э. 178
 Биша М. Ф. К. 272, 282
 Блудовы-Панины 159
 Блэр Х. 64
 Богданович И. Ф. 128, 166—168
 Богеман 274
 Боголец, инок 6
 Богучарский В. 171
 Бодоний 192
 Болотов А. Т. 205
 Бонапарт см. Наполеон Бонапарт
 Бонар Ф. 100
 Бори Ж. Ж. М. 279, 282
 Борис Годунов, царь 6, 7
 Браун Э. 22

Брегман А. А. 127
 Бриммер А. Ф. 77
 Бруно Д. 290
 Брюс Я. А. 124
 Буало Н. 29, 60
 Будье де Вильмер П.-Ж. 104, 109, 120
 Буланин Д. М. 17
 Буэнавилье Ж.-Ф. 261, 282
 Быкова Т. А. 135
 Бюффон Ж.-Л.-Л. 166, 255, 257

Вавила 9
 Валерий Максим 136, 138
 Варений Б. 141
 Варнава, архиепископ 232
 Василий III, вел. кн. 6
 Васильчиков А. С. 217
 Васильчиков И. В. 173
 Вацура В. Э. 126, 133
 Вашингтон Д. 68, 262
 Введенский А. И. 177
 Венгеров С. А. 228
 Вергилий 139, 251
 Вернадский Г. В. 99
 Веселитский В. В. 25
 Вигель Ф. Ф. 206
 Вилие Я. В. 129
 Вильямс 207
 Виноградов В. В. 18
 Виноградов И. В. 191
 Винский Г. В. 215
 Владимир Святославич, князь 15
 Владимиров П. В. 139
 Войнова Л. А. 178
 Волков А. Г. 212, 213, 214
 Волков 162
 Вольтер Ф.-М.-А. 30, 106, 111, 160, 252, 256, 276
 Вольф 99, 100
 Воынский А. П. 164
 Воронцов А. Р. 125, 128, 132, 133
 Воронцов М. С. 125
 Воронцова Е. Р. см. Дашкова Е. Р.
 Воронцовы 128, 215
 Вульферт А. В. 95, 99
 Вульферты 101
 Вяземский А. А. 98
 Вяземский П. А. 25, 124, 126, 131
 Вязмитинова А. Н. 213

Гайды Ф. И. 251
 Галлер А. 62
 Галлер С. 62
 Гальвани Л. 253, 282
 Гао (Goa) 115
 Гарве Х. 261, 282
 Гарнерень А.-Ж. 273, 282
 Гарне Т. 255, 256, 282
 Гарсия Ж. 253, 282
 Гаспар Ж. 122

Гатри У. 106, 107, 122
 Гегель Ф. 87
 Геденштр Г. 292
 Гейне Х. Г. 107
 Гельбиг Г. фон 91
 Гельвеций К. А. 126, 290
 Гендель Г. Ф. 112
 Геннади Г. Н. 161
 Генрих, принц Прусский 263
 Генслер К.-Ф. 213
 Георгий, священник 230—232
 Гердер И. Г. 267
 Герцен А. И. 123, 170, 178
 Гершкович А. А. 50
 Геснер С. 195, 285
 Гете И. В. 12, 207
 Гиббон Э. 109
 Гиллельсон М. И. 124, 126, 133
 Гинзбург Л. Я. 80
 Гиппарх, афинский тиран 196
 Гиппократ 136
 Глинка Ф. Н. 208
 Гоголь Н. В. 12, 53, 290
 Голенищев-Кутузов И. Е. 78
 Голиков И. Н. 14
 Голинпед 115
 Голицын А. Н. 209
 Голицын Д. М. 24, 136
 Головин Ф. А. 163
 Гольберг Л. 34
 Гольштен П. см. Хольстен П.
 Гом 121
 Гомер 135, 137, 201
 Гончаров И. А. 284—292
 Горацій 207
 Городецкий Б. П. 126
 Горский А. В. 136
 Горшков А. И. 52, 56
 Гофман Т. А. 209
 Гравина Д. В. 104, 122
 Гравинн 122
 Гравинна, лорд 122
 Градова Б. А. 136
 Грей Т. 167
 Грибоедов А. С. 208
 Григорович Н. 206
 Грот Я. К. 208—210, 212
 Гуковский Г. А. 27, 28, 35, 165, 191, 220
 Гумбольт А. 68
 Гумбольт В. 68
 Гуревич М. М. 135
 Гусейнов А. А. 289, 290
 Давыдов С. И. 210, 213
 Даль В. И. 17
 Данила О. 77
 Данилов М. В. 80, 206
 Дасье А. 194
 Дашкова Е. Р. 12, 128, 124, 206, 215
 Дау А. 105

- Дежерандо Ж.-М. 252, 282
 Делиль Ж. 250, 282
 Демокрит 114
 Демосфен 281, 282
 Денон Д.-В. 264, 265, 282
 Державин Г. Р. 127, 128, 130, 131, 191—193, 202, 207—212, 214
 Дефо Д. 68
 Джефферсон Т. 275, 278, 282
 Джонс Г. 28
 Дибич Г. Э. 219
 Дидо 192
 Дидро Д. 30, 215, 254, 255
 Диккенс Ч. 13
 Димитрий Ростовский 11
 Диоген 276
 Дмитриев И. И. 66, 67, 96, 124, 128, 206, 211
 Дмитриев М. А. 66, 67, 72
 Дмитриевский Н. А. 211, 212
 Дмитриев-Мамонов А. М. 218
 Дмитрий Донской 4
 Добрынин Г. 206
 Долгова С. Р. 192
 Долгоруков И. М. 206
 Долгорукой И. М. 72
 Дора Ж. 195
 Достоевский Ф. М. 12, 16, 60
 Драйден Д. 111
 Дрейдж К. Л. 191
 Дробова Н. П. 162
 Дюбокаж М.-А. 106, 109
 Дюбуа-Фонтанель Ж.-Г. 122
 Дюканж В. 212

 Еан 278
 Евгений (Болховитинов Е. А.) 164, 211
 Евгений Булгарис 192, 202
 Еврипид 29
 Евфимий Чудовский 20, 25
 Екатерина I, имп. 206
 Екатерина II, имп. 11, 12, 30, 87, 95, 116, 124, 125, 130, 161, 164, 165, 170, 172, 175, 176, 202, 214—220, 276
 Елагин И. П. 45
 Елизавета, королева Англии 114
 Елизавета Алексеевна, имп. 213
 Елизавета Петровна, имп. 87, 139, 176, 214
 Ельчанинов Б. Е. 45
 Епифаний, старец 224
 Ермолов А. П. 218
 Ефремов П. А. 161

 Жанлис С.-Ф. 249, 254, 257, 260, 261—263, 265, 266, 271, 273—277, 279, 281, 282
 Жданов М. 221—230, 233, 234, 243, 245, 246, 248
 Жданов И. М. 246, 247
 Живов В. М. 11, 139, 141
 Жироде А.-Л. 265
 Жихарев С. П. 211, 212
 Жордан К. 267
 Жоффруа Ж.-Л. 252, 282
 Жозефина Бонапарт 275
 Жуи В. 212
 Жуковский В. А. 126, 208, 214

 Заболоцкий В. П. 224
 Заборов П. Р. 90
 Завадовский П. В. 129, 217
 Загряжская Н. К. 125
 Западов В. А. 83, 128
 Заудер Г. 68
 Злов П. В. 213
 Зорин А. Л. 161
 Зорич С. Г. 217
 Зубов П. А. 218, 220, 128

 Иван IV (Грозный), царь 5, 6, 7
 Иван Алексеевич, царь 9
 Иванов Ф. Ф. 72
 Иванов-Разумник Р. В. 284
 Игнатий Брянчанинов 16
 Иезуитова Р. В. 214
 Иеремия, патриарх 7, 8
 Измайлов А. Е. 214
 Измайлов В. В. 72, 203, 204
 Ильинский И. 136
 Иоаким, патриарх 20
 Иов, патриарх 7, 8
 Иона, митрополит 8
 Ионин Г. Н. 191
 Иосиф II 217
 Иосиф Туробойский 22
 Ирвинг В. 209
 Ирина, царица (Годунова) 6, 7
 Иррлиц Г. 289, 290
 Исаев Н. И. 207
 Исаченко А. В. 141

 Калита Иван 4
 Калони Ш.-А. (Калонь) 281
 Калонь см. Калони Ш.-А.
 Каменев Г. П. 203
 Кампе И. Г. 68—71
 Кантемир А. Д. 17, 24, 25, 30, 136
 Канунова Ф. З. 204
 Капитон 9
 Капнист В. В. 124, 168, 192, 193, 202
 Каразин В. Н. 129
 Карамзин Н. М. 31, 48, 59—64, 66, 68—71, 73, 125, 129, 132—134, 166—168, 191, 203, 204, 220, 249, 260, 284—292
 Каратыгин А. В. 213
 Карл XII, шведский король 14, 140
 Карно Л. 279

- Карташев А. В. 11
 Кастер Ж. 215
 Катулл 268
 Качевский М. Т. 208
 Кашин Н. И. 163, 206
 Квинт Курций Руф 135—137
 Кебет 136—138
 Кейли Г. 99—101
 Кейли Джон 99, 100
 Кейли Джордж 100, 101
 Кеймз, лорд Хоум 92, 104—107, 109, 113, 115, 116, 121, 122
 Кекропс 113
 Кератри А.-Г. 256, 267, 282
 Келдыш Ю. В. 203, 205
 Киприан, митрополит 4
 Кир, персидский царь 23, 29
 Кириллов И. К. 227
 Клейн Х.-Ф. 74
 Клейст Э. 67
 Клепиков С. А. 140, 174, 222
 Клопшток Ф. Г. 273, 275
 Клосс Б. М. 136
 Княжнин Я. Б. 28, 31, 51
 Князьков С. А. 226
 Коанон 260, 282
 Кобеко Д. Ф. 67
 Козловский П. И. 78
 Козловский Ф. А. 45
 Козодавлев О. П. 128
 Кокорев А. В. 191
 Кокин И. 245, 246
 Колесников П. А. 221
 Колумб Х. 113, 262, 282
 Комаров А. И. 66
 Комаров М. 74
 Кондорсе Ж.-А.-Н. 276, 282
 Кони А. Ф. 291
 Кононко Е. Н. 193
 Консерт Т. 93
 Константин, византийский имп. 4, 6
 Копиловский И. Ф. 136, 163
 Корецкий В. И. 136
 Корб И. Г. 206
 Корнелий Непот 136—138
 Корнель П. 43, 115
 Корнилович-Зубашева О. Е. 215
 Костюшко Т. 68
 Котен 29
 Кочеткова Н. Д. 53, 56, 100, 168, 177, 205
 Кочубей В. П. 173
 Коцебу А. Ф. 259, 282
 Краевский А. А. 287
 Крамер 258
 Кранаус 113
 Краснопольский Н. С. 213
 Крашенинников С. П. 285
 Крижанич Ю. 22
 Кропоткин М. 23, 24
 Кросс А. Г. 93, 94, 96, 99, 100
 Крузенштерн И. Ф. 264
 Крылов И. А. 28, 31, 48, 53, 56, 57—59, 71, 292
 Крэмп 99
 Кук Д. 285
 Куканов А. М. 123
 Кукушкина М. В. 140
 Кулаковский Ю. А. 135
 Кулешов В. И. 17
 Куль 100
 Куник А. А. 36
 Куприанов И. 26
 Куракин Б. И. 226
 Курбатов А. А. 222—230, 234, 244, 245, 247
 Курбский А. М. 5
 Курбский С. Ф. 224
 Кутайсов И. П. 218
 Кутателадзе И. Н. 191
 Кутина Л. Л. 178
 Кушелев А. 229, 235, 244, 246
 Кушелев И. А. 234, 244
 Кюхельбекер В. К. 207, 208
 Лабом 271
 Лаволе 271, 282
 Лагарп Ж.-Ф. 270, 272, 273, 282
 Лагарп Ф. Ц. 130
 Лажье 272, 282
 Лазарь 224
 Ламарк Ж.-Б. 273
 Ланской А. Д. 175, 177, 217, 218, 220
 Ларионов М. 163
 Ласепед К. 278
 Лафатер И.-К. 62, 254, 255
 Лафонтен А.-Г.-Ю. 272, 273, 282
 Лафонтен Ж. 121, 166, 167
 Лебедев П. И. 161, 162
 Левин Ю. Д. 67, 90
 Лежен А.-А.-К. 252
 Лемонте П. Е. 251, 253, 282
 Лепехин И. И. 227
 Лесажа А.-Р. 83, 86
 Лесков Н. С. 220
 Лефевр Ф.-Ж. 269
 Лефорт Ф. 14
 Лжедмитрий I 7, 10
 Ливанова Т. 203, 205
 Ливий Тит 136—139
 Липсий Юст 138, 139
 Лисицын А. В. 213
 Лихачев Д. С. 18
 Лобода А. М. 135
 Локк Д. 68, 107
 Ломоносов М. В. 28, 30, 33—35, 42, 49, 209, 287, 288
 Лотман Ю. М. 69, 86, 125, 129, 131, 132, 287, 289
 Лубкин А. 167
 Луве де Кувре Ж.-Б. 56
 Лувертюр Т. 256, 260, 261, 270, 282

Лукиан 55, 140, 141, 142
 Лукин В. И. 30, 45—47
 Лукичева З. В. 49
 Лукьянов В. В. 216
 Львов Н. А. 190—198, 200—202
 Львов П. Ю. 203, 204
 Львова М. А. 193
 Людер И. 99
 Людовик XIV 14
 Людовик XVI 251, 255, 259
 Людовик XVIII 260, 281

Майков В. И. 159—162
 Майков Л. Н. 136
 Макаров П. И. 71
 Максим Московский 11
 Максимович И. 24
 Малекевский П. 268, 282
 Малышев В. И. 221
 Мамонов В. Д. 12
 Манн Ю. В. 284
 Мардарий Хоников 18
 Маре А.-Б. 251, 257, 272
 Мария Антуанетта 255, 259
 Мартынов И. И. 63, 64, 191
 Марченко Н. А. 69
 Масанов И. Ф. 66, 67
 Масса И. 5
 Массон К. 215
 Матвеев А. А. 136, 142, 226
 Матвеев А. С. 224
 Матинский М. 48
 Мейендорф И., протоиерей 4
 Мейер Г. 100
 Мейер Н. 100
 Мейснер А. Г. 64
 Мелетинский Е. Н. 85
 Мельник В. И. 292
 Менаж 29
 Ментенон де 14
 Меншиков А. Д. 223, 229, 235
 Мерсье Л. С. 250, 282
 Метастазии П. 210
 Мечникова Е. 83
 Мещанинов Д. 174
 Миллер К. В. 74
 Милль Д. 286
 Мильтон Д. 113, 207
 Мирабо Л.-Г. 127, 128
 Миранда де, Ф. 96, 103
 Мирза-Талек-Хан 279
 Михаил Павлович, вел. кн. 212
 Михайловский Н. К. 136
 Мишо 266, 282
 Мичурин С. 234, 244, 246
 Модзалевский Л. Б. 28
 Моисеева Г. Н. 83, 84
 Мольер Ж.-Б. 29, 32, 35, 58, 212
 Мольтке А. Г. 62, 63
 Монже 270, 282
 Мономах Владимир 4

Монтескье Ш. 178
 Монье А. 28
 Мордовцев Д. Л. 28
 Моро Ж.-В. 277
 Моцарт В.-А. 253, 254
 Музалевский В. И. 205
 Муравьев И. М. 214
 Муравьев М. Н. 71, 191, 202, 204
 Муравьев-Апостол И. М. 214
 Мюссе-Патэ В. Д. 274, 282

Назарьев 75, 76
 Назарьев Александр 76, 77
 Назарьев А. 78, 79
 Назарьев А. П. 75, 76
 Назарьев И. П. 76
 Назарьев М. 77
 Назарьев П. 76
 Назарьев П. И. 77
 Назарьев П. Н. 76
 Назарьевы 75
 Наполеон Бонапарт 250, 251, 257, 267, 270—272, 276, 277, 281, 282
 Нартов А. А. 98
 Нарышкин А. Л. 212
 Небе А. 255, 282
 Невоструев К. И. 136
 Нейланд 263
 Неккер Ж. 264, 266, 282
 Неккер С.-К. 253, 255, 282
 Некрасов И. С. 17
 Некрасов Н. А. 12
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 72
 Нелидов В. И. 211
 Немировский И. В. 123
 Неплюев И. И. 226
 Нессельроде К. В. 213
 Неустроев А. Н. 91
 Никитенко А. В. 208, 209
 Никифор, священник 228, 230—233, 244
 Николаев С. И. 24, 137, 140
 Николай I, имп. 12, 126, 171, 173, 208, 212
 Николай II, имп. 11
 Николев Н. П. 51
 Никон, патриарх 8, 9, 10
 Никонов В. Я. 207
 Никулина Н. И. 192
 Новиков Н. И. 49—53, 55, 56, 69, 107
 Новосильцев Н. Ш. 131

Овидий 136—139
 Озеров Д. 77
 Оленин А. Н. 202
 Оливье Г.-А. 254, 257, 282
 Олин В. Н. 207, 209, 210, 212, 214
 Олсуфьев А. В. 98
 Орас С. 271
 Орлов А. Г. 217

- Орлов А. С. 164, 219
 Орлов В. 220
 Орлов Г. Г. 98, 216, 220
 Орлов П. А. 63, 66
 Орловы 98, 217
 Опп Г. 276, 282
 Осипов Н. П. 191
 Остервальд Т. И. 98

 Павел I, имп. 98, 104, 124, 169—172, 173, 175, 176, 205, 216, 218
 Павленко Н. И. 223
 Павлов-Сильванский Н. П. 128, 223
 Палиссо Ж.-М. 30
 Панин Н. И. 98, 100, 162, 169, 171, 172, 176, 177
 Панин П. И. 161, 162, 169—178
 Панины 161, 170
 Панченко А. М. 5, 8, 17, 18, 21, 22, 24, 27, 142, 163, 164
 Папроцкий Б. 22
 Пасван Оглу 254
 Паскевич И. Ф. 208
 Пастухов 100
 Пастухов И. 99
 Пастуховы 99, 100
 Паузе И. Г. 135, 140, 142
 Пекарский П. П. 23, 25, 137, 140, 162, 226
 Перетц В. Н. 136
 Перикл 250
 Пергоминские Иона и Василий 11
 Песталоцци И. Х. 68
 Петр I, Великий, имп. 3—5, 9, 11—16, 23, 25, 35, 111, 135—137, 140, 141, 162, 163, 180, 206, 223, 226, 234, 276, 289
 Петр III, имп. 216
 Петр, священник 231
 Петрарка Ф. 195
 Петров А. А. 69
 Печерин Ф. 69
 Пигарев К. В. 170—173, 177, 178
 Пижу Ж.-В.-П. 250, 282
 Пикар Л.-Б. 212, 264, 282
 Питт В., младший 267
 Писарев Д. И. 13
 Пискарев Н. 18
 Плавт 113
 Платонов С. Ф. 140, 215
 Плетнев П. А. 209
 Пнин И. П. 128, 131
 Победоносцев П. В. 64
 Погодин Н. М. 22
 Погорельский Ф. 229, 235, 244
 Подшивалов В. С. 64, 66, 67, 68, 69
 Полевой Н. А. 126
 Поликарпов Ф. 22
 Политковский Г. Г. 213
 Покровский Н. 23
 Поп А. 290

 Порошин С. 205
 Порталис Ж.-Е. 253, 258, 273, 282
 Потемкин Г. А. 217, 218
 Привалова Е. П. 69
 Прокофьев Н. И. 226, 227
 Протасьева Т. Н. 136
 Прохоров Е. П. 52
 Прытков Н. В. 131
 Птоломей 23
 Пугачев В. В. 130
 Пугачев Е. И. 161
 Пузыревская 171
 Пушкин А. С. 13, 14, 16, 123—128, 131—134, 207, 208, 220, 285
 Пфейль И. Г. Б. 121
 Пыпин А. Н. 99, 285, 288

 Раабен Л. Н. 205
 Радищев А. Н. 58, 59, 91, 92, 123—134
 Радищев П. Н. 129
 Раевский В. Ф. 127
 Раич С. Е. 208
 Рак В. Д. 88, 90—92, 109, 113, 115, 121
 Расин Ж.-Б. 34
 Рассел У. 103
 Рединг А. 267, 272
 Рейба М.-Е.-С. 254, 282
 Рейхарт Г. А. 280, 282
 Релье К. А. 253, 282
 Реньяр Ж.-Ф. 35
 Решни В. А. 76, 77
 Риверсдаль 277, 282
 Римский-Корсаков И. Н. 217, 220
 Ритчик Ю. И. 50
 Ричардсон Д., старший 108
 Ришелье А.-Э. 115
 Робертсон У. 107
 Робеспьер М. 127
 Робинсон А. Н. 48
 Ровинский Д. А. 52
 Роговиков Н. С. 100
 Роговиков П. С. 100
 Роговиков 100
 Роговикова Е. И. см. Фонвизина Е. И.
 Рогожин В. Н. 68
 Роджерсон Д. 98
 Рожкова Т. И. 88, 90—92, 104, 116
 Розенберг К. 29, 34
 Роллен Ш. 43
 Романовы 8, 9
 Роменская Т. А. 88, 89, 104
 Роуз П. 100
 Румянцев П. А. 217
 Румянцев С. П. 130
 Руссо Ж.-Ж. 30, 58, 63, 68, 73, 250, 257, 275, 281, 282, 290—292
 Рылеев К. Ф. 207
 Рюльер К.-Р. 215

- Савинов Г. 234
 Савушкина Н. И. 51
 Сазонова Л. И. 25, 49
 Сакулин П. Н. 83
 Салтыков Н. И. 215, 218
 Самойлов В. М. 213
 Самойлова С. В. 213
 Самсонова О. П. 207
 Сандерс Д. 192
 Сандунова Е. С. 213
 Сатерланд 98
 Светлов Л. Б. 170
 Свечин И. И. 78
 Свинъин П. П. 208
 Свифт И. 106
 Себастиани Ф.-Г.-Б. 271, 282
 Северина А. Г. 96
 Сегюр Ж.-А. 269, 282
 Седерберг Г. 206
 Селешников С. И. 177
 Семевский В. И. 127, 128, 130, 171
 Семенников В. П. 126, 128
 Семенов П. 224
 Сенека 136—138
 Сенковский О. И. 141
 Сенников Г. И. 88, 90—92, 104, 116
 Сен-Ламбер Ж.-Ф. 256, 272, 273, 282
 Сен-Пьер Б. 262, 263, 282
 Серман И. З. 34, 53
 Сечихин И. М. 33
 Сечкарев В. 284
 Сивков К. В. 226
 Сидорова Л. П. 21
 Слес Б. 273
 Симеон Полоцкий 10, 17—25
 Симон Кохановский 138—140
 Симони П. К. 19
 Сиповский В. В. 74, 81, 83
 Скоропадский И. И. 25
 Скрынников Р. Г. 6
 Скюдери М. 29
 Смирнов Д. 69
 Смирнов Н. 91, 92
 Смоль 100
 Снитгер Л. 278, 282
 Соболевский А. И. 24, 136
 Соколов Я. Я. 213
 Сократ 29, 36, 37
 Соловьев Д. 223
 Соловьев С. М. 223
 Солодовников Е. 99
 Сомов В. А. 215
 София Шарлотта, прусская королева 276
 Софронова Л. А. 50
 Сохацкий П. А. 68
 Сперанский М. М. 124, 132
 Спиноза Б. 290
 Спонтини Г. 212
 Сталь Ж. 269
 Стенник Ю. В. 26, 170
 Степанов В. П. 207
 Степанов Н. Л. 53
 Стерн Л. 61, 65, 261
 Стефан Вонифатьев 8
 Стефан Рязанский 163
 Стефан Яворский 10, 11, 163
 Стричек А. 28
 Строганов П. А. 130
 Стрыйковский М. 24
 Струйский П. Е. 191
 Суворов А. В. 218
 Сулави Ж.-Л. 251, 255, 282
 Сумароков А. П. 28—47, 49, 51, 55, 59, 160, 161, 165, 166
 Сумароков В. В. 192, 193, 194, 196, 200, 201, 202
 Сумароков П. П. 114, 121, 165
 Сухомлинов М. И. 209
 Сушкова М. В. 204
 Сюар Ж.-Б. 272, 282
 Талейран Ш.-М. 264, 265, 282
 Тальман П. 33
 Тамира, скифская царица 23
 Танеев 173
 Татаришцев А. Г. 91, 92
 Твардовский 140
 Теплов Г. Н. 37—42, 164
 Теренций 43, 113
 Типшо-Саиб 264
 Тихомиров А. 69
 Тихонравов Н. С. 136
 Толстой Л. Н. 12
 Толстой М. А. 78
 Толстой П. А. 226
 Тома А.-Л. 103, 105, 195, 255
 Томас Г. 274
 Томсон Д. 290
 Тредиаковский В. К. 25, 26, 29—46, 140, 142, 164, 165, 219
 Трескин В. И. 13
 Троицкий Ф. С. 285
 Тронская М. Л. 61
 Трусова З. Н. 91
 Тук У. 93, 96, 99
 Ту-ЛиЧэнь 206
 Туманов М. 128
 Тургенев А. И. 126, 131
 Тургенев Н. И. 124, 131, 132
 Тургеневы 124
 Турнер С. 276, 282
 Тучков С. И. 124
 Уваров С. С. 124
 Успенский Б. А. 5, 11, 19, 25, 26, 69, 139
 Утков В. Г. 91
 Ушатов П. Ф. 224
 Федор Борисович Годунов 7

Федор Иоаннович, царь 6, 7
 Федосеева Е. П. 127
 Фенелон Ф. 40, 164, 219
 Феофан Прокопович 3, 10, 139, 142, 163
 Фердинанд, прусский принц 259
 Филарет, патриарх 8, 10
 Филдинг Г. 104—106, 122
 Фишер 111
 Флакман Д. 250, 282
 Флетчер Д. 7
 Флоровский Г. 3, 13
 Фокс Ч. Д. 257, 282
 Фонвизин Д. И. 28, 31, 45, 53, 100, 170—172, 175—179, 220, 292
 Фонвизин М. А. 170
 Фонвизина Е. И. (Роговикова) 100
 Фонвизины 100
 Фонтан Л. 272, 282
 Фотий, патриарх 140
 Фозл Д. 96
 Франк Ж. 262, 282
 Фредерикс 98, 102
 Фрезе К. 102
 Фрерон Э. К. 30
 Фридрих II, король прусский 219
 Фризе (Фриз) Г. Х. 88—92, 102, 109—116, 119, 120
 Фролов И. 75
 Фролов Э. Д. 135, 137
 Фронтин Секст Юлий 135
 Фуше Ж. 254, 282
 Фьеве Ж. 267, 279, 282
 Хауэл 96
 Хворостинин И. А. 10
 Хемницер И. И. 168, 202
 Хенуэй Дж. 93, 94, 99
 Хольстен П. (Гольштен П.) 88, 93, 95—109, 112—114
 Хрипунов И. А. 224, 225, 227, 229, 243, 245, 246, 248
 Хрипунова М. В. 224, 245
 Цезарь, Гай Юлий 135, 136, 251
 Цейтлин А. Г. 284
 Циммерман Е. А. В. 276, 282
 Цицерон 136
 Чеймберс У. 106
 Чернов И. А. 20
 Черторыжский А. 131
 Чехов А. П. 220
 Чистович И. 139
 Чулков М. Д. 53, 79
 Шамшин Г. 229, 247
 Шаталов С. Е. 54
 Шатле Э. де 257
 Шатобриан Ф. Р. 260, 273, 282
 Шафиров П. 140

Шаховской А. А. 211, 212
 Шаховской Я. П. 205
 Шванвиц П. 77
 Шекспир В. 67, 112, 114
 Шенк Д. 191
 Шенье М.-Ж. 250, 282
 Шереметев Б. П. 223, 226
 Шефцбери А. 290
 Шиллер Ф. 68, 262, 282
 Шишков А. С. 69, 131, 132
 Шкловский В. Б. 74, 82, 83, 285
 Шлыков М. 69
 Шмаков А. А. 91
 Шнор И. К. 74
 Шолье Г.-А. 195
 Шредер Х. 28
 Штелин Я. Я. 98
 Штилле К. 65
 Шувалов И. И. 209
 Шувалов П. И. 42
 Шумахер И.-Д. 26
 Шумигорский Е. С. 169—171, 173—175

Щеголев П. Е. 171
 Щекатов А. 224

Эдвард I 106
 Эзон 46, 135—138, 163
 Эйдельман Н. Я. 178
 Эйкин Д. 105
 Эйкин А. Л. 105
 Элиан Сладкоязычный 194
 Эмин Н. Ф. 191
 Эмин Ф. А. 28, 30, 79
 Энея де Кувье Е.-Ф. 268, 282
 Эпиктет 136—138
 Эро де Сесель Ж.-М. 280, 282
 Эссен Х. фон 99
 Эшассерио Ж. 265, 282

Юлий Флор 135
 Юнг Э. 56, 67, 290

Яковлева И. Г. 95
 Якушкин В. Я. 123
 Якушкина В. Г. 60
 Яценко Г. 64
 Яценков Г. М. 209
 Яхонтов И. 19, 21

Affri см. Д'Аффри
 Aikin A. L. см. Эйкин А. Л.
 Alibert J. L. 253
 Allan см. Аллан
 Archenholz I. W. см. Архенгольд И. В.
 Artaud E. см. Арто Э.
 Artois 281, 282

Bacheracht A. G. см. Бахерахт А. Г.
 Bacmeister H. L. C. см. Бакмейстер
 Г. Л. X.
 Bacstrom S. 258
 Balitoto S. 265
 Baraillon 252
 Barts (Barz) см. Барц
 Batalden S. K. 202
 Baur G. 68
 Beattie J. 103
 Bergk T. 197
 Bernoulli J. см. Бернулли Ж.
 Bichat X. см. Биша К.
 Bieñkowski T. 139
 Biot J.-B. см. Био Ж.-Б.
 Black J. 94
 Bloomfield R. 261
 Bocage du M.-A. см. Дюбокаж М.-А.
 Bodonius J. B. 192.
 Boinvilliers J.-F. см. Буэнвилле
 Ж.-Ф.
 Bonaparte см. Наполеон Бонапарт
 Bory M. см. Бори М.
 Boudier de Villermert P.-J. см.
 Будье де Вильмер П.-Ж.
 Buffon J. L. L. см. Бюффон
 Ж.-Л.-Л.
 Butenschoen F. 270, 282

 Campe J. H. см. Кампе И. Г.
 Carver J. 103
 Castera J. см. Кастер Ж.
 Cayley G. см. Кейли Г.
 Cayley J. см. Кейли Дж.
 Chambers W. см. Чеймберс У.
 Chateaubrand F.-R. см. Шатобриан
 Ф. Р.
 Chatelet E. du см. Шатле Э. де
 Chatterton T. 280, 282
 Chénier M.-J. см. Шенье М.-Ж.
 Churchill W. A. 222
 Communicated M. D. 258
 Condorcet J.-A.-N. см. Кондорсе Ж.-
 А.-Н.
 Coole см. Куль
 Cramer C. F. 254
 Cramp см. Крэмп
 Cremp см. Крэмп
 Cross A. G. см. Кросс А. Г.
 Crusius O. 197

 Dacier A. см. Дасье А.
 Day A. 105
 Decrès 260
 Degérando J.-M. см. Дежерандо
 Ж.-М.
 Delille J. см. Делиль Ж.
 Denon D.-V. см. Денон Д.-В.
 Diderot D. см. Дидро Д.
 Domeyer M. 280, 282
 Drage C. L. см. Дрейдж К. Л.

Du Bocage M.-A. см. Дюбокаж М.-А.
 Dubois-Fontanelle J.-G. см. Дюбуа-
 Фонтанель Ж.-Г.
 Dudeffant M. 257, 282
 Dupeyrou M. 275

 Echasseriaux J. см. Эшассерио Ж.
 Essen H. von см. Эссен Х. фон

 Fielding G. см. Филдинг Г.
 Fiévée J. см. Фьебе Ж.
 Fischer C. A. 278
 Flaxman см. Флакман
 Fontanes L. см. Фонтан Л.
 Fontenelle B. 270
 Fouché J. см. Фуше Ж.
 Frank J. см. Франк Ж.
 Franqueville, de 275
 Frautschi R. 122
 Frese F. P. 102
 Freind 104, 122

 Galvani L. см. Гальвани Л.
 Garcia J. см. Гарсиа Ж.
 Garnerin A.-J. см. Гарнерень А.-Ж.
 Garnet T. см. Гарне Т.
 Garve C. см. Гарве Х.
 Gaspar J. см. Гаспар Ж.
 Genlis S.-F. см. Жанлис С.-Ф.
 Geoffroy J.-L. см. Жоффруа Ж.-Л.
 Giacometti F. 269
 Girardin 258
 Girodet см. Жироде
 Goedeke K. 68
 Graesse J. G. Th. 142
 Gravina J. W. см. Гравина Д. В.
 Gray J. 107
 Gravines, de 104
 Grégoire 252
 Grot J. C. 93
 Guthrie W. см. Гатри У.

 Hanway J. см. Хенуэй Дж.
 Hao см. Гао
 Hénin de Cuvilliers E.-F. см. Эненъ
 де Кувье Е.-Ф.
 Hérault de Séchelles J.-M. см. Эро
 де Сешель Ж.-М.
 Herder J. G. см. Гердер И. Г.
 Heyne G. G. см. Гейне Х. Г.
 Hoffmann S. F. W. 142
 Holzen 97
 Home см. Гом
 Horace S. см. Орас С.
 Howel см. Хауэл

 Jefferson Th. см. Джефферсон Т.
 Jordan C. см. Жордан К.
 Jullien M.-A. 254, 282

 Kaimes см. Кеймс

Kames H. 117—120
Kely G. см. Кейли Г.
Kely J. см. Кейли Д.
Kératry A. см. Кератри А.-Г.
Klopstoks F. H. см. Клопшток Ф. Г.
Kotzebue A. F. F. см. Коцебу А.
Ф. Ф.

Lacépède C. см. Ласепед К.
Laharpe J.-F. см. Лагарп Ж.-Ф.
Lamoth 270
Lafleur см. Лафлер
Lafontaine A.-H.-J. см. Лафонтен
А.-Г.-Ю.

Lagier см. Лажье
Lavater J.-K. см. Лафатер И.-К.
Legrand E.-D. 265
Lekain H.-L.-C. см. Лекен А.-Л.-К.
Lemontey P.-E. см. Лемонте П.-Е.
Leyser J. 68
Lois XVI см. Людовик XVI
Louverture T. см. Лувертюр Т.

Malekewsky P. см. Малекевский П.
Manar 265
Mango Capao 115
Maret H.-B. см. Маре А.-Б.
Martin A. 122
Masson Ch. см. Массон К.
Mercier L. S. см. Мерсье Л. С.
Meyer см. Мейер
Michaud см. Мишо
Mikulski T. 22, 139
Mirza-Abu-Taleb-Khan см. Мирза-
Талеб-Хан
Mongez G. см. Монже Г.
Mozart W. см. Моцарт В.-А.
Musset-Pathay V. D. см. Мюссе-
Патё В. Д.
Mylne V. G. 122

Nebe A. см. Небе А.
Nekker J. см. Неккер Ж.
Nekker S.-K. см. Неккер С.-К.
Nicolai F. 117
Nieuwland см. Нейвланд

Olivier G.-A. см. Оливье Г.-А.
Orr G. см. Опп Г.

Papillart E. 260, 282
Pasquin P. 255, 282
Paswan Oglou см. Пасван Оглу
Paus I. W.
Peau см. Еан
Pfeil I. G. B. см. Пфейл И. Г. В.
Pijoux J.-V.-P. см. Пижу Ж.-В.-П.
Portalis J.-E.-M. см. Порталис Ж.-Е.
Present Time 107

Regnier C. A. см. Ренье К. А.
Reichardts H. A. см. Рейхарт Г. А.

Reimers H. von 99
Reybaz M.-E.-S. см. Рейба М.-Е.-С.
Riversdale см. Риверсдалъ
Rogerwikoff см. Роговиков
Rose P. см. Роуз П.
Rosenberg K. см. Розенберг К.
Rulhiere C.-C. см. Рюльер К.-К.
Russell W. см. Рассел У.

Saint-Lambert J.-F. см. Сен-Лам-
бер Ж.-Ф.
Saint Pierre B. см. Сен-Пьер Б.
Sapho 194
Sauder G. см. Заудер Г.
Schenk D. см. Шенк Д.
Schiller F. см. Шиллер Ф.
Schroeder H. см. Шредер Х.
Sebastiani F.-H.-B. см. Себастиани
Ф.-Г.-Б.

Seemann K. D. 227
Ségure J.-A. см. Сегюр Ж.-А.
Setchkarev V. см. Сечкарев В.
Sieyes B. см. Сьес Б.
Signé Balitoto 265
Sinclair J. 262
Smalley см. Смоль
Smalley C. 100
Snitger L. см. Снитгер Л.
Solodoffnikoff E. см. Солодовников Е.
Solodownikov E. см. Солодовников Е.
Soulavie J.-L. см. Сулави Ж.-Л.
Sowden 262, 282
Staël-Holstein J. см. Сталь Ж.
Storch H. 93
Strycek A. см. Стричек А.
Strykowski M. см. Стрыйковский М.
Suard J.-B. см. Сюар Ж.-Б.
Sungur T. 273, 282
Sutherland см. Сатерланд
Swinden V. 263

Taileyrand Ch.-M. см. Талейран
Ш.-М.
Thomas A.-L. см. Тома А.-Л.
Thomas G. см. Томас Г.
Tippo Saib см. Типпо-Сайб
Tooke W. см. Тук У.
Travellers J. 263
Trublet 270

Vallis, von 115
Van Swinden 263, 282
Villetterque A.-L. 269, 282

Weikard 276
Winter E. 142
Wolf см. Вольф
Wulfert A. W. см. Вульферт А. В.
Wulfert C. 99

Zimmermann E. A. W. см. Циммер-
ман Е. А. В.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Статьи

А. М. Панченко. Церковная реформа и культура Петровской эпохи	3
С. И. Николаев. «Зоя в российских градах». (От Симеона Полоцкого до А. Кантемира)	17
Ю. В. Стенник. Роль комедии в полемике 1750—1760-х годов . . .	28
Е. Д. Кукушкина. О драматургическом компоненте в прозе XVIII века	48
Н. Д. Кочеткова. Проблема «ложной чувствительности» в литературе русского сентиментализма	61
Т. Е. Автухович. Анонимный роман «Несчастный Никанор». (Эпизод из истории формирования жанра)	73
В. Д. Рак. Петер Хольстен, библиотекарь британской фактории, и цикл «Краткие исторические известия» в тобольском журнале	88
И. В. Немировский. Статья А. С. Пушкина «Александр Радищев» и общественная борьба 1801—1802 годов	123

Материалы и сообщения

С. И. Николаев. «Повесть о Лукиановом осле» в кругу переводных античных памятников Петровской эпохи	135
К. Ю. Лаппо-Данилевский. Неизвестное стихотворное посвящение В. И. Майкова	159
Н. П. Морозова. Русский писатель XVIII века в биографических преданиях	162
Г. А. Лихоткин. К вопросу об атрибуции и датировке «Рассуждения о непременных государственных законах»	169
С. Р. Долгова, К. Ю. Лаппо-Данилевский. Работа Н. А. Львова по подготовке второго издания переводов из Анакреона	190
М. В. Вознесенский. Народная музыкальная культура в русской сентиментальной повести	203
Е. Д. Кукушкина. Четыре записки Г. Р. Державина к В. Н. Олину	207
Г. Н. Моисеева. Две стихотворные сатиры конца XVIII—начала XIX века	214
Ю. К. Бегунов. Новонайденное «Путешествие» по Русскому Северу начала XVIII века («Диурналы» и письма Матвея Жданова)	221
О. Б. Афанова. Библиография переводов Н. М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802—1803 гг.). (Окончание)	249
В. И. Мельник. И. А. Гончаров и Н. М. Карамзин. (К вопросу о некоторых традициях)	284
О создании Советского общества по изучению XVIII века	293
Указатель имен	294